

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
СОГЛАСИЯ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

по итогам IX международного научного форума

Москва
2024

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

К90

Издаётся по решению Учёного совета Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (ответственный редактор);

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Гуцалов А. А., кандидат философских наук, руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Еремеева А. Н., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Рецензенты:

Кринко Е. Ф., доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Южного научного центра РАН;

Лучинский Ю. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета.

К90

Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия :

сб. науч. ст. по итогам IX междунар. науч. форума/ отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, А. Н. Еремеева.— Москва: Институт Наследия, 2024.— 482с.— DOI: 10.34685/НИ.2024.51.35.003.— ISBN 978-5-86443-475-8.

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов и сообщений Девятого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», состоявшегося 21–24 сентября 2023г.

В опубликованных статьях рассмотрены проблемы культурного наследия народов России в аспекте укрепления российской государственности, основные вопросы теории и практики сохранения культурного наследия, специфические черты этнических культур Северного Кавказа и механизмы межнационального взаимодействия, художественная жизнь в контексте диалога культур, научно-образовательные традиции и педагогические традиции Юга России. Особое внимание уделяется анализу опыта актуализации и репрезентации культурного наследия Северного Кавказа в современном обществе.

Сборник подготовлен в рамках государственного задания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-475-8

DOI: 10.34685/НИ.2024.51.35.003

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать на сайте Института Наследия — www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»

ISBN 978-5-86443-475-8

9 785864 434758

© Коллектив авторов, 2024

© Южный филиал

Института Наследия, 2024

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL
AND NATURAL HERITAGE

SOUTHERN BRANCH

**CULTURAL HERITAGE
OF THE NORTH CAUCASUS AS A RESOURCE
OF INTERETHNIC CONCORD**

**Proceedings
of the 9-th International Scientific Forum**

Moscow
2024

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

K90

Editorial Board:

Irina I. Gorlova, Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Prof., Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, (Editor-in-Chief);

Timofey V. Kovalenko, Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Deputy Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Aleksandr A. Gutsalov, Cand. Sci. (History of Philosophy), Herd, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Anna N. Ereemeeva, Dr. Sci. (National History), Prof., Chef Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

Reviewers:

Krinko E. E., Dr. Sci. (National History), Prof., Deputy Director for Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

Yuri V. Luchinsky, Dr. Sci. (Journalism), Prof., Head, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University.

K90

Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya (The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Interethnic Concord) : Proceedings of the 9-th International Scientific Forum / Ed.-in-Chief I. I. Gorlova; Editorial Board : T. V. Kovalenko, A. A. Gutsalov, A. N. Ereemeeva. — Moscow : Institut Naslediya, 2024. — 482 p. — DOI : 10.34685/HI.2024.51.35.003. — ISBN 978-5-86443-475-8.

The book includes materials based on the reports and messages of the 9-th International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Inter-Ethnic Concord”, held on September 21–24, 2023.

The published articles examine the problems of the cultural heritage of the peoples of Russia in the context of strengthening Russian statehood, the main issues of the theory and practice of preserving cultural heritage, specific features of the ethnic cultures of the North Caucasus and mechanisms of interethnic interaction, artistic life in the context of a dialogue of cultures, scientific and educational traditions and pedagogical dynasties of the South of Russia. Particular attention is paid to the analysis of the experience of updating and representing the cultural heritage of the North Caucasus in modern society.

The book was prepared within the framework of the state task of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-475-8

DOI: 10.34685/HI.2024.51.35.003

ISBN 978-5-86443-475-8

© By Composite authors, 2024

© Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Горлова, Т. В. Коваленко

Культурное наследие в системе приоритетов
государственной политики (Вместо предисловия) 16

РАЗДЕЛ 1

Культурное наследие и гражданская идентичность

И. И. Горлова, Н. А. Костина

Качественные индикаторы оценки результатов
государственных программ культурного
развития регионов Юга России 24

А. А. Гуцалов

Теоретические основы общенациональной политики:
этнос — нация — идентичность 36

А. Л. Зорин

О некоторых практиках формирования общероссийской
гражданской идентичности молодёжи на Северном Кавказе 60

Л. Р. Барахоева

Гражданская идентичность молодёжи
Республики Ингушетия в контексте государственной
политики: опыт эмпирического исследования 66

А. М. Сиюхова

Культурная жизнь полиэтничных регионов России и Германии
и практики формирования социокультурной идентичности
(на примере городов Майкоп и Баутцен) 90

А. Ф. Григорьев

Традиционные ценности как основа сохранения
русской идентичности: аналитический обзор 100

РАЗДЕЛ 2

Сохранение культурного наследия: проблемы, поиски, решения

С. А. Рагуленко

Культурное наследие горной Дигории
как ресурс развития этнотуризма 107

А. Н. Еремеева

Потенциал советского архитектурного модернизма:
практики освоения 115

В. А. Иванов, В. Р. Щербакова

Симферополь в годы Великой Отечественной войны:
память и памятники 128

С. Н. Ктиторов, А. Л. Пелих

Парк «Городская роща» в Армавире: история развития
и динамика социально-культурных функций 143

А. А. Сланов

Архитектурные памятники Южной Осетии:
проблемы современной реставрации 153

РАЗДЕЛ 3

Художественная жизнь страны и регионов в контексте диалога культур

Е. С. Лаптев

Виды и жанры искусства в контексте концепции
витальных циклов 160

А. С. Коренной

Культурные индустрии в современной России:
общее и особенное 166

А. Б. Голобородько, Т. Л. Астраханцева Модная индустрия и народное искусство: современные тенденции и противоречия	174
П. О. Гонсалес Этнокультурная самобытность в ювелирном искусстве современной России	190
К. В. Полюшкина Коммуникативная функция жанра в контексте поликультурного компонента музыкальной дидактики	198
Му Синьюй Любовная лирика в эстрадных песнях современного Китая: многообразие художественных образов	209
Чан Жуй Снежный пейзаж в российской и китайской живописи: специфика художественного выражения	215

РАЗДЕЛ 4

Этнические культуры Юга России: история и современность

Ф. О. Мамчуева Карачаево-балкарские охотничьи песни в системе национального фольклора	229
Н. В. Галимова Графическое искусство Кабардино-Балкарии: культурно-исторический аспект	244
М. Х. Хаджиева Одежда карачаево-балкарского народа в период депортации (1943–1957): традиционное мировоззрение и символика	252
Ф. Н. Хуако Этнонациональная ментальность в черкесской литературе: опыт осмысления	263
А. М. Канкошев Практики репрезентации «инонационального героя» в черкесской литературе	271

П. К. Чекалов

Абазинская литература 1948–1959 годов
(Реконструкция по данным национальной прессы) 279

А. Х. Дзыба

Нематериальная культура абазин
в контексте художественной жизни страны и региона 301

Л. И. Цекова

Народный танец «Кошара» в культуре абазин:
традиция и современные формы бытования 308

РАЗДЕЛ 5

Межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры

Р. З. Сагов

Этногенетические связи и аналогии древних культур
Кавказа и Средиземноморья 317

В. Г. Кукуян (Тер-Даниэл)

Взаимодействие религиозных конфессий в современной России
как ресурс гармонизации социальной системы 325

Н. Г. Соловьёва

Православные традиции как фактор формирования
этнокультурной специфики казачества
(на примере Карачаево-Черкесии) 334

А. А. Байрамкулова

Государство и мусульманское духовенство Карачая в первые
десятилетия советской власти: история взаимоотношений 344

Б. А. Синанов, Л. Т. Соловьёва

Грузины Северного Кавказа: сохранение религиозных
традиций 352

Г. А. Гриченко

Православная культурная традиция и советское общество
второй половины XX века (Культурологическая рефлексия
мультимедийной выставки «Летопись Кубанской митрополии»)
..... 372

РАЗДЕЛ 6

Год педагога и наставника в России: образовательные традиции как культурное наследие

Г. В. Бакуменко

Функции научной школы в культуре научной коммуникации
как самоорганизующемся сегменте социальной реальности 378

Н. В. Ламосова

Традиции научно-педагогической школы
Санкт-Петербургского (Ленинградского) горного института
в деятельности его выпускников М. М. Фёдорова
и С. К. Филиппова 393

Л. М. Гарсаев, А. Х. Муцураев

Образовательные и воспитательные традиции династии
педагогов Магомадовых 406

Е. М. Багаева

Первый учитель маршала Жукова (Роль С. Н. Ремизова
в формировании личности будущего полководца) 412

М. А. Сущенко

Особенности формирования глобальных компетенций
российских студентов в рамках преподавания истории 418

РАЗДЕЛ 7

Современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации

Е. Ю. Третьякова

Пушкинская традиция как классика
отечественной образованности 425

Е. К. Барановская

Муниципальный музей как актор формирования
культурной самоидентификации местного сообщества 436

Н. Б. Зиновьева, Е. Г. Саркисова

Проблема иностранных заимствований и сохранение
духовных ценностей современного российского общества 443

К. Р. Коровяков

Консолидирующий потенциал песен
Великой Отечественной войны в современной России 455

А. А. Михайлова

Казачьи традиции в системе научно-творческих приоритетов
кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской
государственной консерватории имени Л. В. Собинова 463

С. Н. Орлов

Цифровая среда как социальный феномен
и её культурологический потенциал 470

CONTENTS

Irina I. Gorlova and Timofey V. Kovalenko
Cultural Heritage in the System of Priorities of State Policy
(Instead of a Foreword) 16

SECTION 1 Cultural Heritage and Civic Identity

Irina I. Gorlova and Natalia A. Kostina
Qualitative Indicators of Assessing the Results of State Programs
of Cultural Development of Regions of the South of Russia 24

Alexander A. Gutsalov
Theoretical Foundations of National Policy:
Ethnos — Nation — Identity 36

Alexander L. Zorin
On Some Practices of Forming the All-Russian Civic Identity
of Youth in the North Caucasus 60

Lyudmila R. Barakhoeva
Civic Identity of the Youth of the Republic of Ingushetia in the
Context of State Policy: Experience of Empirical Research 66

Aminet M. Siyukhova
Cultural Life of Multi-Ethnic Regions of Russia
and Germany and Practices of Forming Socio-Cultural Identity
(On the Example of the Cities of Bautzen and Maikop) 90

Anatoly F. Grigoriev
Traditional Values as an Existential Basis
for Preserving Russian Identity: A Cultural Review 100

SECTION 2

Preservation of Cultural Heritage: Problems, Searches, Solutions

Sergey A. Ragulenko

Cultural Heritage of gornaya Digoria as a Resource
for the Development of Ethnotourism 107

Anna N. Eremeeva

The Potential of Soviet Architectural Modernism:
The Practices of Mastering 115

Vyacheslav A. Ivanov and Valentina R. Shcherbakova

Simferopol during the Great Patriotic War:
Memory and Monuments 128

Sergey N. Ktitorov and Alexey L. Pelikh

Park “City Grove” in Armavir: History of Development
and Dynamics of Socio-Cultural Functions 143

Alan A. Slanov

Architectural Monuments of South Ossetia:
Problems of Modern Restoration 153

SECTION 3

Artistic Life of the Country and Regions in the Context of Dialogue of Cultures

Yelisey S. Laptev

Types and Genres of Art in the Context
of the Concept of Vital Cycles 160

Alexander S. Korennoy

Cultural Industries in Modern Russia: General and Specific 166

Alexander B. Goloborodko and Tatyana L. Astrakhantseva

Fashion Industry and Folk Art: Modern Trends and Contradictions 174

Polina O. Gonzalez

Ethnocultural Identity in Jewelry Art of Modern Russia 190

Katarina V. Polyushkina

Communicative Function of the Genre in the Context
of the Multicultural Component of Musical Didactics 198

Mu Xinyu

Love Lyrics in Pop Songs of Modern China:
Diversity of Artistic Images 209

Chang Zhui

Snow Landscape in Russian and Chinese Painting:
Specificity of Artistic Expression 215

SECTION 4

Ethnic Cultures of the South of Russia: History and Modernity

Fatima O. Mamchueva

Karachay-Balkar Hunting Songs
in the System of National Folklore 229

Nailya V. Galimova

Graphic Art of Kabardino-Balkaria: Cultural and Historical Aspect 244

Madina Kh. Khadzhieva

Clothing of the Karachay-Balkar People during the Deportation
Period (1943–1957): Traditional Worldview and Symbolism 252

Fatimet N. Khuako

Ethnonational Mentality in Circassian Literature:
An Experience of Understanding 263

Arsen M. Kankoshev

Practices of Representing the “Foreign Hero”
in Circassian Literature 271

Petr K. Chekalov

Abazin Literature 1948–1959
(Reconstruction Based on National Press Data) 279

Aishat H. Dzyba

Intangible Culture of the Abaza
in the Context of the Artistic Life of the Country and Region 301

Leila I. Tsekova

Folk Dance “Koshara” in the Culture of the Abaza:
Tradition and Modern Forms of Existence 308

SECTION 5

Interethnic Interaction: Language, Society, Cultures

Ruslan Z. Sagov

Ethnogenetic Connections and Analogies of Ancient Cultures
of the Caucasus and the Mediterranean 317

Vardan G. Kukuyan (Ter-Daniel)

Interaction of Religious Confessions in Modern Russia
as a Resource for Harmonization of the Social System 325

Natalia G. Solovieva

Orthodox Traditions as a Factor in the Formation
of the Ethnocultural Specificity of the Cossacks
(On the Example of Karachay-Cherkessia) 334

Aminat A. Bayramkulova

The State and Muslim Clergy of Karachay
in the First Decades of Soviet Power: History of Relationships 344

Boris A. Sinanov and Lyubov T. Solovieva

Georgians of the North Caucasus:
Preservation of Religious Traditions 352

Georgy A. Grichenko

Orthodox Cultural Tradition and Soviet Society
of the Second Half of the 20th Century (Cultural Reflection of the
Multimedia Exhibition “Chronicle of the Kuban Metropolitanate”) 372

SECTION 6

Year of the Teacher and Mentor in Russia: Educational Traditions as Cultural Heritage

Gennady V. Bakumenko

Functions of the Scientific School in the Culture of Scientific
Communication as a Self-Organizing Segment of Social Reality 378

Natalia V. Lamosova

Traditions of the Scientific and Pedagogical School of the
St. Petersburg (Leningrad) Mining Institute in the Activities
of its Graduates Mikhail M. Fedorov and Stanislav K. Filippov 393

<i>Leychiy M. Garsayev and Alkhazur H. Mutsurayev</i> Educational and Upbringing Traditions of the Magomadov Dynasty of Teachers	406
<i>Yelena M. Bagayeva</i> The First Teacher of Marshal Zhukov (The Role of Sergey N. Remizov in the Formation of the Personality of the Future Commander)	412
<i>Maxim A. Sushchenko</i> Features of the Formation of Global Competencies of Russian Students in the Context of Teaching History	418

SECTION 7
Modern Society and Cultural Heritage:
Experience of Actualization and Representation

<i>Elena Yu. Tretyakova</i> Pushkin Tradition as a Classic of Domestic Education	425
<i>Evgeniya K. Baranovskaya</i> Municipal Museum as an Actor in the Formation of Cultural Self-Identification of the Local Community	436
<i>Nonna B. Zinovieva and Elena G. Sarkisova</i> The Problem of Foreign Borrowings and the Preservation of Spiritual Values in Modern Russian Society	443
<i>Kirill R. Korovyakov</i> The Consolidating Potential of Songs of the Great Patriotic War in Modern Russia	455
<i>Alevtina A. Mikhailova</i> Cossack Traditions in the System of Scientific and Creative Priorities of the Department of Folk Singing and Ethnomusicology of the L. V. Sobinov Saratov State Conservatory	463
<i>Sergey N. Orlov</i> Digital Environment as a Social Phenomenon and its Cultural Potential	470

И. И. Горлова, Т. В. Коваленко***

Культурное наследие в системе приоритетов государственной политики (Вместо предисловия)

Представлен обзор проблематики докладов и сообщений Девятого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», который состоялся 21–24 сентября 2023 г. Рассмотрены вопросы сохранения культурного наследия народов Северного Кавказа, его использования как ресурса межнационального согласия, создания единого культурного пространства, налаживания межкультурного диалога на международном и региональном уровнях.

Ключевые слова: международный научный форум, Северный Кавказ, культура, культурное наследие, государственная политика, межнациональное согласие, диалог культур, единое социокультурное пространство.

Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» уже по традиции собрался в девятый раз в санатории «Жемчужина моря» 21–24 сентября 2023 г. Являясь наиболее масштабным научно-организационным проектом Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, форум неизменно привлекает внимание регионального научного сообщества. Дискуссионная площадка форума с каждым годом расширяет свои границы, а научная проблематика открывает путь к новым граням анализа современного состояния наук о культуре, искусстве, наследии, образовании. Форум был впервые проведён в 2015 г., объединив представителей научно-образовательных учреждений, органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций Юга России для обсуждения актуальных вопросов развития культуры и сохранения культурного наследия [1]. Проект получил организационную поддержку Министерства культуры Российской Федерации, Федерального агентства по делам национальностей и был включён в перечень официальных ме-

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, ii.gorlova@gmail.com.

** КОВАЛЕНКО Тимофей Викторович, кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, timofey.kovalenko@gmail.com.

роприятий по реализации Стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Научная программа Девятого международного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» традиционно отразила приоритеты государственной политики. Президент Российской Федерации специальным указом объявил 2022–2031 гг. Десятилетием науки и технологий, официальная программа мероприятий которого включает комплекс инициатив, проектов и событий. Все они направлены на усиление роли науки и технологий в решении важнейших задач развития общества и страны. Ежегодное проведение нашего форума, таким образом, направлено на решение основных стратегических задач Десятилетия, среди которых:

- привлечение талантливой молодёжи в сферу исследований и разработок;
- содействие вовлечению исследователей в решение важнейших задач развития общества и страны;
- повышение доступности информации о достижениях и перспективах российской науки для граждан России.

В этом контексте конструктивное взаимодействие и углубление регионального и институционального сотрудничества может рассматриваться как способ достижения заявленных результатов. Именно эту миссию с гордостью несёт наш форум.

В знак «высочайшей общественной значимости профессии учителя» 2023 г. — год 200-летия со дня рождения одного из основателей российской педагогики К. Д. Ушинского — посвящён в нашей стране педагогам и наставникам. В президентском указе подчёркнуто, что миссия Года педагога и наставника — «признание особого статуса педагогических работников, в том числе исполняющих наставническую деятельность». В современной России на протяжении ряда лет последовательно принимаются меры по укреплению авторитета и статуса учителей, педагогов, наставников. Год педагога и наставника — это логичное продолжение мероприятий, направленных на модернизацию материальной и организационной структуры общего, профессионального и высшего образования, на сохранение и актуализацию лучших традиций отечественной педагогики.

Проведение Года педагога и наставника стало одним из тематических ориентиров при формировании научной программы. В рамках форума состоялась специальная сессия «Научно-педагогические школы

и развитие социогуманитарного знания». Её участники обсудили актуальные аспекты совершенствования и поднятия престижа научно-педагогической деятельности, обратив особое внимание на вопросы, связанные с сохранением и трансляцией наследия научно-педагогических школ Юга России в области социальных и гуманитарных наук, историей учительных и преподавательских династий.

В структуре научных мероприятий форума своё важное место заняла научная конференция, посвящённая декоративно-прикладному искусству и художественным промыслам. Она была проведена уже три раза, в 2023 г. под заголовком «Традиционная культура и народное искусство России в контексте современных глобализационных процессов». Проведение этих конференций имеет весьма высокую результативность. Зафиксированный в 2023 г. прогресс нормотворческой деятельности в области законодательства о народных художественных промыслах, мы вполне можем относить и на свой счёт. Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2023 № 35 в Основы государственной культурной политики внесены важные изменения. Так, задачи государственной культурной политики в области культурного наследия народов Российской Федерации дополнены разделом такого содержания — «сохранение народных художественных промыслов как основы этнокультурной самобытности и источника творческого потенциала народов Российской Федерации». О необходимости таких законодательных дополнений было указано в резолюциях всероссийских конференций «Сохранение национальных духовно-эстетических традиций и народные художественные промыслы России» (2021) и «Традиционная художественная культура народов России в контексте цивилизационной идентичности» (2022).

Вопросам развития народной художественной культуры всегда уделялось большое внимание. Наряду с другими мерами государственной поддержки, в 2023 г. запущена новая грантовая программа для реализации творческих проектов в сфере народного искусства, предусматривающая выделение ежегодного финансирования до 100 млн руб. (распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.01.2023 № 76). Среди участников нашей конференции не только специалисты-исследователи, но и художники, народные мастера, участники креативных производств в сфере народных промыслов.

Другие мероприятия научной программы форума были посвящены обсуждению вопросов, связанных с сохранением материального

наследия, проблемных аспектов культурной политики и художественной жизни, культурно-языковых взаимодействий. Это круглые столы:

- Недвижимое культурное наследие как ресурс регулируемого развития территорий;
- Художественная жизнь в поликультурном обществе;
- Взаимодействие народов — взаимодействие языков и национальных литератур.

Базовую основу всех вопросов, предложенных к обсуждению, составляют идеи культурного разнообразия и равноправия (столь актуальные для поликультурного и полиэтничного Юга России), но наряду с этим — и представления о необходимости поддержки единого культурного пространства нашей страны, формирования и укрепления государственной гражданской идентичности. Эти весьма актуальные проблемы составляют содержание и текущей научно-исследовательской работы Южного филиала Института Наследия в рамках выполнения государственного задания по темам, завершённым в 2023 г. — «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России» и «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

Они же находят своё отражение и в практиках реализации государственной культурной политики на современном этапе. Так, 11 сентября 2023 г. в рамках мероприятий Восточного экономического форума под председательством Президента Российской Федерации состоялось совещание, посвящённое развитию музейных и культурно-образовательных комплексов. В настоящее время создаются четыре кластера во Владивостоке, Кемерове, Калининграде и Севастополе общей площадью более 600 тыс. кв. м. В этом году завершилось строительство образовательной части во Владивостоке на острове Русский. Она включает в себя филиалы Московской государственной академии хореографии и Центральной музыкальной школы, а также необходимую материально-бытовую и жилую инфраструктуру. Продолжается строительство музейного и театрально-образовательного комплекса на сопке Орлиное Гнездо — самой высокой точке исторической части Владивостока. Там появятся филиалы Мариинского театра, Третьяковской галереи и Российского государственного института сценических искусств.

Министр культуры Российской Федерации О. Б. Любимова доложила, что к концу 2023 г. в Калининграде откроется филиал Государ-

ственной Третьяковской галереи, несколько концертных залов, большой детский центр. В Кемерове — филиал Русского музея и также Третьяковской галереи. В целом в настоящее время из 46 объектов всех четырёх комплексов уже введены в эксплуатацию 29 объектов.

Уникальные комплексы включают в себя современные концертные залы, театральные, музыкальные, хореографические школы, выставочные пространства и театры, а также комфортное жильё для преподавателей и артистов. Этот проект — яркая характеристика современной культурной политики, охватывающей все направления искусства, все сферы художественной жизни, создающий новые возможности для зрителя, для развития регионов нашей большой страны. Подчёркивая своеобразие и самобытность каждого «культурного гнезда» — Калининграда, Севастополя, Кемерова и Владивостока, создаётся каркас горизонтальных связей на основе общероссийских достижений, имеющих федеральное значение институтов культурной жизни.

Отдельно стоит прокомментировать содержание круглого стола «Сохранение религиозного наследия народов России в контексте проблем национальной безопасности».

Религиозный фактор имеет первостепенное значение для стабильного развития многоконфессионального российского государства. Религия играет значительную роль в обеспечении стабильного развития российского общества. В последнее время отношения между институтами власти и религиозными структурами всё больше становятся элементом общественно-политического дискурса в стране. Но невзирая на свою стабильность, религиозная ситуация в Российской Федерации не столь однозначна, а многие вопросы до сих пор не решены.

Для обсуждения участникам круглого стола были предложены следующие вопросы:

- религия в системе государства и права: правовые основы положения религиозных объединений, правовые вопросы сохранения религиозного наследия;
- традиционные религии и их взаимодействие в формировании и укреплении общенационального самосознания;
- религия в контексте культуры;
- религиозный туризм как ресурс регионального развития и перспективное направление социокультурной деятельности;
- современная религиозная ситуация и проблемы сохранения религиозного наследия народов России;

— религии в эпоху цифровизации: актуальные вызовы.

Все мероприятия форума проходили параллельно, это дало возможность высказаться всем желающим, эффективно построить дискуссии и неспешно подвести итоги. Программа мероприятий и тезисы докладов форума были опубликованы отдельным изданием [11]. В нём были представлены тезисы докладов 317 участников научного форума из Российской Федерации, Республики Абхазия, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Болгария, Республики Ботсвана, Республики Индия, Китайской Народной Республики, Республики Молдова, Республики Узбекистан и Республики Южная Осетия.

* * *

Предлагаемый читателю сборник статей содержит доклады участников Девятого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», исправленные, дополненные, переработанные специально для настоящего издания.

Его разделы отражают грани проблематики научного диалога, состоявшегося 21–24 сентября 2023 г.:

- культурное наследие и гражданская идентичность;
- сохранение культурного наследия: проблемы, поиски, решения;
- художественная жизнь страны и регионов в контексте диалога культур;
- этнические культуры Юга России: история и современность;
- межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры;
- год педагога и наставника в России: образовательные традиции как культурное наследие;
- современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации.

Ежегодные встречи представителей научной общественности в рамках международного форума вносят значительный вклад в формирование единого культурного пространства, изучение проблем диалога культур, исследование перспектив использования культурного наследия как ресурса устойчивого развития региона, научно-методическое обеспечение государственной политики в сфере культуры, сохранение наследия.

Мы надеемся, что результаты форума, настоящее издание его материалов, преемственное с содержанием предыдущих сборников (см.: [2]

[3] [4] [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11]), послужат осмыслению важнейших проблем культуры южного региона, укреплению добрососедских отношений между народами, продолжению традиций дружбы и взаимопонимания, которыми всегда славился Северный Кавказ.

Литература

1. Коваленко Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149–153.
2. Крюков А. В. Научные издания Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. 2016. № 1. С. 121–124.
3. Еремеева А. Н., Крюков А. В. История и культура Юга России в изданиях Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. 2022. № 4. С. 15–27. DOI: 10.36343/SB.2022.32.4.001.
4. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. М.; Краснодар : Принт сервис групп, 2015. 624 с.
5. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. Краснодар : Родные традиции, 2017. 429 с.
6. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. Краснодар : Экоинвест, 2018. 746 с.
7. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. Н. Еремеева, А. В. Крюков, Н. А. Костина. Краснодар : Ин-т Наследия, 2019. 438 с. DOI : 10.34685/НИ.2019.98.73.001.
8. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. М. : Ин-т Наследия, 2021. 426 с. DOI : 10.34685/НИ.2021.87.21.003.
9. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. науч. ст. по итогам VI междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. М. : Ин-т Наследия, 2021. 376 с. DOI : 10.34685/НИ.2021.95.54.020.

10. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VIII междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, А. А. Гуцалов, Н. А. Костина, Е. Г. Саркисова. М. : Институт Наследия, 2023. 372 с. DOI : 10.34685/NI.2023.31.10.001.
11. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов IX междунар. науч. форума / ред.-сост. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, Е. Г. Саркисова. М. : Институт Наследия, 2023. 246 с. DOI : 10.34685/NI.2023.45.85.006.

Irina I. GORLOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Prof., Director,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, ii.gorlova@gmail.com.

Timofey V. KOVALENKO,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Deputy Director,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, timofey.kovalenko@gmail.com.

**Cultural Heritage in the System of Priorities of State Policy
(Instead of a Foreword)**

A review of the problems of reports and communications of the Fief International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Concord”, which took place on September 21–24, 2023, is presented. Issues of preserving the cultural heritage of the peoples of the North Caucasus, its use as a resource of interethnic consent, and creating a unified cultural space are considered establishing intercultural dialogue at the international and regional levels.

Keywords: *international scientific forum, North Caucasus, culture, cultural heritage, state policy, interethnic harmony, dialogue of cultures, a single sociocultural space.*

РАЗДЕЛ 1

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

И. И. Горлова, Н. А. Костина***

Качественные индикаторы оценки результатов государственных программ культурного развития регионов Юга России***

В статье рассмотрена проблема качественных индикаторов оценки результатов государственных программ культурного развития регионов. Объектом исследования является совокупность государственных программ культурного развития регионов Юга

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, ii.gorlova@gmail.com.

** КОСТИНА Наталья Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, kostnat72@mail.ru.

*** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования», номер государственной регистрации: 124012800529–8.

России и Северного Кавказа. Авторы акцентируют внимание на перспективе совершенствования контроля качества реализации региональных программ развития культуры путём внедрения нового комплекса качественных индикаторов оценки результативности деятельности региональных учреждений культуры. Методология исследования базируется на институционально-культурологическом подходе к изучению и методическому обеспечению региональной культурной политики, в рамках которого осуществлено обобщение целевых индикаторов государственных программ культурного развития отдельных регионов Юга России и Северного Кавказа (Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Астраханской областей, республик Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии — Алании, Дагестана), а также предложен оригинальный комплекс исключительно региональных качественных индикаторов развития. Подобный комплекс качественных показателей в их соотношении позволит наблюдать долю участия федерального центра, региональной власти и каждого муниципалитета в достижении на конкретной территории (регион в целом или отдельный муниципалитет) запланированного социального эффекта или в обеспеченности процесса достижения социального эффекта.

Ключевые слова: региональная культура, государственная культурная политика, стратегическое планирование, программа культурного развития, учреждения культуры, целевой индикатор, медиаактивность, позитивные практики, управление в сфере культуры, культурные практики.

Законодательное закрепление форм и методов государственного стратегического планирования в Российской Федерации [1] позволило унифицировать подходы к планированию социокультурного развития её регионов. Культурная политика в совокупности стратегических документов определяется одним из важнейших направлений социально-экономического развития [2]. При этом основные проблемы и перспективные вызовы развитию российского общества предопределили наиболее приоритетные направления государственной культурной политики [3], что в свою очередь оказало влияние на основные направления современной региональной культурной политики [4].

Актуальность обращения к проблематике качественных индикаторов оценки результатов государственных программ культурного развития регионов обусловлена тем, что существующие программы культурного развития регионов, рассчитанные в основном на завершающееся десятилетие (до 2024 г.), требуют оценки как достигнутых в рамках этих программ показателей, так и самой системы оценки. Она, как известно, базируется на наблюдении ежегодных изменений целевых индикаторов, позволяющих осуществлять ежегодный мониторинг степени достижения запланированных количественных показателей. Сроки реализации региональных программ культурного развития завершаются, что дикту-

ет необходимость подведения предварительных итогов: выяснения результативности региональных программ культурного развития, анализа темпов их реализации, а также оценки достаточности и эффективности заложенных в них целевых индикаторов.

В совокупности государственных программ культурного развития регионов Юга России и Северного Кавказа (объект исследования) рассмотрим перспективу их совершенствования путём внедрения качественных индикаторов оценки результативности деятельности региональных учреждений культуры (предмет исследования).

Методической научно-практической целью данной статьи является предложение по совершенствованию мониторинга эффективности деятельности организаций культуры регионов с помощью потенциала качественных индикаторов оценки результативности деятельности, а научно-познавательной — проблематизация перспективных направлений совершенствования технологий управления качеством в сфере культуры.

Методология проведённого исследования базируется на институционально-культурологическом подходе к изучению и методическому обеспечению региональной культурной политики (см.: [5] [6] [7] [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [15] [16]), в рамках которого осуществлено обобщение целевых индикаторов государственных программ культурного развития отдельных регионов Юга России и Северного Кавказа (Краснодарского и Ставропольского краёв, Ростовской и Астраханской областей, республик Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии — Алании, Дагестана). Предпринятое обобщение позволило обозначить проблему качественных критериев оценки результативности деятельности учреждений культуры, что и обусловило обращение к анализу распространённых в практике управления качеством методик для экспликации их потенциала в практику регионального управления в сфере культуры.

Сразу же необходимо отметить, что несмотря на то, что философия всеобщего управления качеством (TQM) предполагает практически любой объект оценки, дискуссии о специфике оцениваемых объектов продолжаются [17]. Широкое применение методов управления качеством практически во всех областях жизнедеятельности общества (на потребительском рынке (см.: [18] [19]), в управлении развитием региона [20] и системе образования [21] и т. д.) опирается не только на зарубежных теоретиков [22]. Объединяющей производством, потреблением и управлением идеей философии качества является конвергентность ка-

чества управления в качество жизни. Сфера культуры непосредственно участвует в обеспечении качества жизни посредством широкого спектра услуг, ориентированных на культурные потребности человека. Однако существует и принципиальная проблема применения стандартных методов контроля и управления качеством в сфере культуры, состоящая в специфике культурного продукта, наивысшая ценность которого определяется не стандартами качества, а его уникальностью и соответствием с вырабатываемыми обществом эстетическими идеалами, не поддающимися количественным измерениям. Соответственно, необходимо учитывать, что уникальность культурных продуктов, к которым можно отнести как артефакты (например, произведения искусства, художественного творчества, объекты культурного наследия), так и события (например, концертные, выставочные и пр. мероприятия, включая календарные официальные и народные праздники, юбилеи и т. д.), не может быть учтена стандартными методами контроля и управления качеством.

Детальный анализ и обобщение целевых индикаторов государственных программ культурного развития отдельных регионов Юга России и Северного Кавказа позволил выделить следующие группы применяемых индикаторов:

- фиксирующие количество и годовой прирост числа учреждений культуры в регионе;
- фиксирующие количество мероприятий, проводимых силами учреждений культуры и/или при их непосредственном участии, о концертах, праздниках, выставках, экспонируемых музейных предметах, книговыдачах из библиотечных фондов и т. д.;
- фиксирующие данные об обслуживаемом контингенте (общая посещаемость проводимых мероприятий, число участников клубных и кружковых образований, вовлечённых в них детей, молодёжи, лиц пожилого возраста и лиц с ограниченными возможностями жизнедеятельности);
- фиксирующие достаточность финансового обеспечения учреждений культуры, развитие материальной базы, её состояние и темпы обновления, включая показатели, касающиеся заработной платы работников культуры, её динамики в соотношении со средней заработной платой по региону;
- фиксирующие кадровое обеспечение учреждений культуры (доля работников, имеющих профильное образование, переобучившихся на курсах повышения квалификации);

- фиксирующие темпы информатизации учреждений культуры (данные по компьютерному парку, наличию современного программного обеспечения, доле учреждений, имеющих доступ в Интернет и обеспеченных возможностью выхода во внешние информационные ресурсы);
- фиксирующие степень удовлетворённости населения качеством предоставления государственных услуг в сфере культуры.

Все проанализированные региональные программы культурного развития ориентированы на реализацию государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры», утверждённой постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317 в редакции постановлений Правительства РФ от 29.03.2019 № 374 и от 31.03.2020 № 392, рассчитанной на реализацию в два этапа: этап I: 2013–2021 гг., этап II: 2022–2030 гг. Мониторинг качества госпрограммы осуществляет Счётная палата Российской Федерации. Структура и состав программы в течение 2021 г. приведены в соответствии с требованиями Методических рекомендаций по разработке и реализации государственных программ РФ, утверждённых приказом Минэкономразвития России от 17 августа 2021 г. № 500, и Положения о системе управления государственными программами РФ, утверждённого постановлением Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации».

Нетрудно усмотреть, что помимо финансового аудита в качестве основных инструментов совершенствования системы государственного управления в сфере культуры Счётная палата использует методы установления соответствия программных документов документам стратегического планирования и типологии (классификации) полученных результатов (индикаторов). Мониторинг целей, задач и значений целевых показателей (индикаторов) документов стратегического планирования за 2021 г. выявил 25 существенных несоответствий: 25 формулировок целей, задач и значений целевых показателей (индикаторов) документов стратегического планирования не нашли отражения или отражены не в полной мере в госпрограмме, что и было представлено в Министерство культуры для доработки актуальной редакции Основ государственной культурной политики, по завершении которой внесены изменения в Стратегию государственной культурной политики на период до 2030 г., включая систему показателей [23, с. 3].

В частности, в рамках мониторинга государственной программы в 2021 г. 11 показателей на уровне госпрограммы и 20 показателей подпрограмм Счётной палатой была проведена оценка состава показателей программы и её структурных элементов: показатели были отнесены к *непосредственным* результатам, *конечным* результатам или итоговым эффектам, а также к *иным результатам* (см. табл. 1).

Таблица 1

**Показатели (индикаторы) государственной программы
Российской Федерации «Развитие культуры»
за отчётный период 2021 г.**

Параметры оценки	Количество показателей в отчётном году	Доля в общем объёме показателей отчётного года
1	2	3
Показатели (индикаторы), всего из них:	31	100,0 %
<i>непосредственные</i> результаты	10	32,3 %
<i>конечные</i> результаты или итоговые эффекты	18	58,0 %
<i>иные результаты</i>	3	9,7 %

К показателям, характеризующим *иные результаты* (результаты самого низкого уровня, по мнению Счётной палаты), относятся, например, «Доля объектов культурного наследия федерального значения, определённых в перечне отдельных объектов культурного наследия федерального значения, полномочия по государственной охране которых осуществляются Минкультуры России, утвержденном распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2009 г. № 759-р, включенных в ЕГРОКН, сведения о границах территорий, а также о зонах охраны которых внесены в Единый государственный реестр недвижимости, в общем количестве объектов культурного наследия, определённых Перечнем», «Количество музыкантов, включенных в кадровый резерв национального молодёжного симфонического оркестра (нарастающим итогом)», «Объём средств на культуру из внебюджетных источников».

К индикаторам государственной программы, характеризующим *непосредственные* результаты, в частности, были отнесены следующие индикаторы: «Количество объектов культурного наследия, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, находящихся в удовлетворительном состоянии», «Количество созданных (реконструированных) и капитально отремонтированных объектов организаций культуры (нарастающим итогом)», «Количество организаций культуры, получивших современное оборудование (нарастающим итогом)», «Количество поддержанных творческих инициатив и проектов (нарастающим итогом)», «Доля зданий учреждений культуры, находящихся в удовлетворительном состоянии, в общем количестве зданий данных учреждений», «Количество специалистов сферы культуры, повысивших квалификацию на базе Центров непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры (нарастающим итогом)».

Показатели, характеризующие *конечные* результаты или итоговые эффекты (т. е. высокоуровневые показатели), составляют 58,0 % общего числа. К таким индикаторам относятся все показатели посещаемости культурных мероприятий, а также показатель «Количество граждан, принимающих участие в добровольческой деятельности», поскольку они непосредственно характеризуют достижение национальных целей развития, определённых Указом № 474. Также к высокоуровневым показателям отнесены индикаторы, включённые в основные стратегические документы и указы Президента России, характеризующие результаты проводимой государственной политики в отрасли: «Отношение средней заработной платы работников учреждений культуры к среднемесячной начисленной заработной плате наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячному доходу от трудовой деятельности) по субъекту Российской Федерации», «Доля фильмов российского производства в общем объёме проката на территории Российской Федерации», «Уровень обеспеченности учреждениями культурно-досугового типа».

Такое соотношение показателей (индикаторов) позволило Счётной палате принять аргументированное решение о присвоении госпрограмме «среднего уровня» эффективности.

Соотношение показателей (индикаторов) государственной программы за период 2019–2021 гг. позволяет наблюдать динамику реализации госпрограммы (см. *табл. 2*).

Таблица 2

**Показатели (индикаторы) государственной программы
Российской Федерации «Развитие культуры»
за отчётный период 2019–2021 гг.**

Параметры оценки	Количество показателей в отчётном году	Доля в общем объёме показателей отчётного года
1	2	3
Общее кол-во показателей (индикаторов), по которым осуществлялся мониторинг в отчётном году; из них:	31	100,0 %
с положительной динамикой	18	58,0 %
без существенной динамики	11	35,5 %
с отрицательной динамикой	2	6,5 %

С учётом ряда замечаний и детального анализа целевых показателей госпрограммы, по которым в уточнённом годовом отчёте о ходе её реализации, в сводном годовом докладе установлены факты несоответствия опубликованным данным на сайте Росстата, а также информации об объёмах дебиторской задолженности по расчётам по авансовым платежам, объёмах расходов и уровня ввода объектов в рамках выполнения Федеральной адресной инвестиционной программы на 2021 г., соблюдения главным администратором средств федерального бюджета, сводного годового доклада о ходе реализации и об оценке эффективности госпрограмм и предложений Минкультуры России, принято решение, что реализация по отдельным направлениям (отраслям) сферы культуры в рамках госпрограммы в целом соотносится со Стратегией государственной культурной политики на период до 2030 г. и поддерживается Счётной палатой.

Обратим внимание, что количественный анализ в рамках качественной типологии индикаторов с распределением их по уровням (непосредственные, конечные и иные результаты — см. *табл. 1*) позволяет оценить качество достигнутых результатов государственной программы: 58,0 % от общего числа — это показатели реализованных мероприятий, обеспечивших итоговый социальный эффект (повышение качества жизни населения России); 32,3 % — это показатели реализованных меро-

приятый, обеспечивающих процесс достижения итогового социального эффекта, т. е. вложения в средства повышения качества жизни населения; а 9,7% от общего объёма показателей указывают на результаты, требующие планирования и реализации дополнительных мероприятий для обеспечения процесса достижения социального эффекта (по мнению Счётной палаты — результаты самого низкого уровня).

Соотношение же затрат госбюджета по госпрограмме с качественным анализом её количественных показателей позволяет утверждать, что 58,0% средств затрачено на достижение социального эффекта, 32,3% — на обеспечение средств достижения социального эффекта в текущее время и краткосрочной перспективе и 9,7% от общего объёма расходов обеспечивают результаты самого низкого уровня, не гарантирующие сами по себе достижения социального эффекта.

Соотношение показателей, таким образом, позволяет их качественно оценить: доля каждой из групп показателей в их совокупном объёме является качественным индикатором оценки результатов госпрограммы, позволяющим судить об эффективности бюджетных затрат.

Качественная оценка динамики количественных показателей госпрограммы за определённый период (см. таблицу 2 за период 2019–2021 гг.) позволяет определить перспективное направление развития долгосрочного эффекта: положительная динамика (количественный прирост) указывает на прирост факторов достижения социального эффекта или средств их достижения; отсутствие существенных изменений указывает на сохранение текущей ситуации; а отрицательная динамика — на ухудшение ситуации по отдельным направлениям.

Подобным же образом анализируются качественные индикаторы оценки результатов государственных программ культурного развития регионов с учётом трёх уровней бюджетирования: федеральный, региональный и местный (муниципальный). На региональном и муниципальном уровнях за счёт соответствующего бюджета и привлечения внебюджетных средств возможна и необходима реализация мероприятий, усиливающих запланированный на федеральном уровне социальный эффект, отвечающий интересам региона / муниципалитета, или же ориентированных исключительно на местную специфику. Учитывая предполагаемый эффект иерархической метамодели коммуникации [25], грамотное бюджетирование региональных государственных программ культурного развития на основе контроля качества их реализации при помощи заложенных в федеральных нормативах индикаторов позволяет

предложить комплекс исключительно региональных качественных индикаторов культурного развития региона в зависимости от источника финансирования. По примеру иерархической типологии уровней показателей (табл. 1) и динамики количественных показателей (табл. 2) культурная политика каждого региона может характеризоваться соотношением результатов федерального, регионального и муниципального участия в финансировании мероприятий, заложенных в региональные программы развития культуры. Подобный комплекс качественных показателей в их соотношении позволит наблюдать долю участия федерального центра, региональной власти и каждого муниципалитета в достижении на конкретной территории (регион в целом или отдельный муниципалитет) запланированного социального эффекта, в обеспеченности процесса достижения социального эффекта или в иных расходах (результаты самого низкого уровня).

Высказанное предложение требует проработки с учётом специфики конкретного региона, что представляется перспективной целью дальнейших исследований.

Литература

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Принят Государственной думой 20.06.2014; одобрен Советом Федерации 25.06.2014 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26. Ч. 1. Ст. 3378.
2. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52. Ч. 1. Ст. 7753.
3. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 11. Ст. 1552.
4. *Мирзоев Г. М.* Основные направления современной региональной культурной политики // Молодой учёный. 2016. № 1. С. 848–853.
5. Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры : [Приложение к распоряжению Министерства культуры Российской Федерации от 02.08.2017 № Р-965] // Электронный фонд правовых

- и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/456084648> (дата обращения: 19.08.2023).
6. *Галинская И. Л.* Культурная политика в эпоху глобализации // *Культурология*. 2010. № 2. С. 9–13.
 7. *Шлыкова О. В.* Культурная политика региона в контексте глобализации и информатизации общества. М. : [Б. и.], 2020. 366 с.
 8. *Астафьева О. Н.* Модели и дискурсы современной культурной политики: культурологическое осмысление // *Культурное наследие — от прошлого к будущему : програм. и тез. докл. V рос. культурологического конгресса с международным участием (Санкт-Петербург, 8–10 нояб. 2021 г.)*. М. ; СПб.: Институт Наследия, 2022. С. 303–328.
 9. *Беляева Е. Е.* Культурная интеграция как основная стратегия культурной политики Европейского союза. М. : Прометей, 2012. 98 с.
 10. *Драпеко Е. Г.* Векторы культурного развития современной России // *Глобальный конфликт и контуры мирового порядка : XX междунар. Лихачёвские научные чтения (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2022 г.)*. СПб. : СПбГУП, 2022. С. 75–77.
 11. *Лузан В. С.* К проблеме концептуальных оснований культурной политики // *Социодинамика*. 2014. № 10. С. 135–158. DOI : 10.7256/2306-0158.2014.10.1342.
 12. *Горлова И. И.* Методологические аспекты региональной культурной политики в контексте социокультурного развития современного российского общества // *Культурное наследие — от прошлого к будущему : програм. и тез. докл. V рос. культурологического конгресса с международным участием (Санкт-Петербург, 8–10 нояб. 2021 г.)*. М. ; СПб. : Институт Наследия, 2022. С. 337–351.
 13. Региональная культурная политика: методология, институты, практики. (Ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин. М. : Институт Наследия, 2019. 206 с.
 14. *Никонорова Е. В.* Устойчивое развитие культурного и человеческого капитала: роль библиотек и её оценка // *Библиотековедение*. 2017. Т. 66. № 1. С. 19–28. DOI : 10.25281/0869-608X-2017-66-1-19-28.
 15. Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, О. И. Бычкова и др. М. : Институт Наследия, 2020. 114 с.
 16. *Горлова И. И., Зорин А. Л.* Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 2. С. 5–9.

17. Лapidус В. А., Касторская Л. В. Качество и экспоненциальный век // Стандарты и качество. 2020. № 10. С. 78–83.
18. Управление развитием потребительского рынка на муниципальном уровне / В. А. Мирончук, А. Л. Золкин, О. В. Сараджева и др. Краснодар : Новация, 2023. 173 с.
19. Управление качеством в отраслях экономики и сфере услуг / В. В. Филатов, В. Ю. Мишаков, Н. В. Артемьев и др. Курск : Университетская книга, 2023. 702 с.
20. Белобрагин В. Я., Антонов В. С. Бережливый регион как концепт устойчивого территориального развития // Стандарты и качество. 2022. № 11. С. 44–48.
21. Сериков В. В., Леонтьев А. В., Закиева Р. Р. Подходы к измерению компетентности специалиста и оценка его сформированности // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1. С. 29–35.
22. Ильин И. А. Спасение в качестве // Русский Колокол. Журнал волевой идеи. 1928. № 3. С. 3–7.
23. Развитие культуры. ГП — 11 // Счётная палата Российской Федерации : [сайт]. URL : <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d20/rlocp5o8esakwfyup295ry01tho0yh81.pdf> (дата обращения: 19.07.2023).

Irina I. GORLOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Prof., Director,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, ii.gorlova@gmail.com.

Natalya A. KOSTINA,

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Studies,
Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, kostnat72@mail.ru.

**Qualitative Indicators of Assessing the Results of State Programs
of Cultural Development of Regions of the South of Russia**

The paper examines the problem of qualitative indicators for assessing the results of state programs for the cultural development of regions. The object of the study is a set of state programs for the cultural development of the South Russian and North Caucasus regions. The authors focus on the prospect of improving the quality control of

the implementation of regional cultural development programs by introducing a new set of qualitative indicators for assessing the performance of regional cultural institutions.

The research methodology based on an institutional-cultural approach to the study and methodological support of regional cultural policy. Within the framework of its a generalization of target indicators of state cultural development programs of individual regions of the South of Russia and the North Caucasus (Krasnodar and Stavropol territories, Rostov and Astrakhan regions, republics of Karachay-Cherkessia, Kabardino-Balkaria, North Ossetia — Alania, Dagestan) was carried out. There is proposing also an original set of exclusively regional qualitative development indicators. Such a set of qualitative indicators in their correlation will make it possible to observe the share of participation of the federal center, regional authorities and each municipality in achieving the planned social effect in a specific territory (region as a whole or individual municipality) or in ensuring the process of achieving social effect.

Keywords: *regional culture, state cultural policy, strategic planning, cultural development program, cultural institutions, target indicator, media activity, positive practices, cultural management, cultural practices.*

А. А. Гуцалов*

Теоретические основы общенациональной политики: ЭТНОС — НАЦИЯ — ИДЕНТИЧНОСТЬ**

Целью данного исследования является рассмотрение основных научных подходов к раскрытию понятий *этнос, нация, этническая и национальная идентичности* и выявление их значения для государственной политики. Представлен теоретический анализ понятий *этнос, нация* в историческом ракурсе. Освещены концепции С. М. Широкогорова, Ю. В. Бромлея, сторонников примордиализма (Л. Н. Гумилёва, К. Гирца, У. Коннора, Р. Гамбино, П. ван ден Берге), конструктивизма (Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, С. Хантингтона, В. А. Тишкова), инструментализма (Н. Глейзера, Д. Монихэна, С. Корнела, Д. Хартмана, Ф. Янга, О. Пэттерсона, М. Хэтчера). Предложены авторские

* ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник — руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, gutsalov_alex@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

понятия *нации, национальной идентичности, политики национальной идентичности*. Рассмотрена проблема государствообразующего (титульного) народа. Сделан ряд выводов, имеющих значение для осуществления политики национальной идентичности в современной России.

Ключевые слова: С. М. Широкогоров, Э. Шилз, Ю. В. Бромлей, Э. Гуссерль, примордиализм, конструктивизм, инструментализм, Э. Смит, К. Гирц, А. П. Садохин, Б. Як, государствообразующий народ, этнос, нация.

Термин «этнос» представляет собой кальку греческого слова *ἔθνος*. Оно заключает в себе смыслы и однокоренных греческих слов *ἔθ* и *ἔθνος*. *ἔθνος* и суть один из терминов, означающий *народ*. *ἔθ* фиксирует некоторое территориальное пространственное положение, сельскую (не городскую, для фиксации которой употребляется другой термин — *πόλις*) населённую местность. *ἔθος* означает нравы, обычаи, мораль. В целом этот термин оказался очень удачным для смысловой фиксации основополагающих черт любого этноса — народ как социальная общность с определённым территориальным положением, самообеспечением (на что указывает характер территории — сельская местность) и общими традициями, обычаями, нравами и моральными ценностями.

В научный оборот на русском языке этот термин ввёл основатель русской школы этнологии С. М. Широкогоров (1887–1939). Он начал развивать свою теорию в работе «Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» [29]. Впервые она была опубликована в Китае, в котором он оказался в 1922 г., приехав в командировку и будучи вынужден остаться там. Он неоднократно возвращался к этой теме в исследовании социальной организации тунгусского народа в 1929 г. [37], в анализе урало-алтайской гипотезы в 1931 г. [33], в кратком изложении проблемы этноса в 1932 г. [34], в фундаментальном труде о психоментальном комплексе тунгусов в 1935 г. [36], в статье 1937 г. на французском языке, вышедшей в журнале «L'Ethnographie. Nouvelle ser» [35], о месте теории этноса в системе науки антропологии.

Определение им этого понятия включало следующие характеристики: общий язык, признание единого происхождения (общая история и генеалогия), общий комплекс обычаев и укладов, ценностей и традиций, отличный от других этнических групп. Такой подход закреплял факт многообразия этносов. Как справедливо писал А. Г. Дугин, «выражение “общечеловеческий этнос” лишено смысла, так как ему нечему противопоставить себя» [10, с. 9]. Кроме того, характеристика признания общего происхождения говорит о том, что этнос — система открытая,

в него можно войти [10, с. 10] и из него можно выйти. Вход и выход как раз и осуществляется в процессе самоидентификации личности, который происходит непрерывно.

Широкогоров одним из главных принципов исследования этноса считал системность. Это означало изучение культуры во всей её целостности, учитывая духовные и материальные, социальные и психологические аспекты: «Материальная культура, социальная организация и психоментальный комплекс образуют сбалансированную систему, каждый элемент которой тесно прилажен к другому и взятые все вместе взаимодействуют между собой» (см.: [36] [17]). Он различал биологическую и культурную адаптацию этноса, но при этом проводил идею синтеза, или комплекса, биологических, социально-культурных, социально-психологических компонентов, которые, собственно, и образуют единый этнос.

К сожалению, немногочисленные ссылки на труды Широкогорова в советской этнологии (прежде всего, в текстах Л. Н. Гумилёва, Ю. В. Бромлея и др.) долгое время не давали адекватного представления о взглядах этого учёного. Серьёзный интерес к его наследию проявился лишь в 1980–1990-е гг. Первая публикация о его жизни и деятельности вышла в СССР в 1989 г. [18, с. 25–27], а в 2003 г. была опубликована работа, где впервые для русскоязычных читателей представлена попытка полноценного раскрытия научного значения его идей [17].

Несмотря на довольно долгое время изучения проблемы этноса и этничности (сущности этноса, то есть того, что делает некоторую социальную общность этносом), единства в научной среде нет ни в определениях понятия *этнос*, ни в вопросе его генеалогии.

Современными авторами часто предлагается следующая типология всего многообразия концепций этничности и этноса: примордиализм; инструментализм; конструктивизм [19].

Примордиализм обычно разделяется на два направления: социобиологическое и эволюционно-историческое.

В рамках первого развивается идея сведения этноса к социобиологическому субстрату, к нечто изначально заданному природой, которая и распределила человеческое сообщество по различным расовым и этническим квартирам. В данном подходе этносы представляются в качестве природной формы социобиологической самоорганизации людей. Утверждается, что они существовали всегда, с появлением человека. Представителями этой точки зрения выступают американские

учёные К. Гирц, У. Коннор, Р. Гамбино, П. ван ден Берге, советский этнолог Л. Н. Гумилёв и др.

Считается, что сам термин (*примордиальные связи*) был введён в научный оборот американцем Э. Шилзом (1911–1995) в середине XX в. (1957). Этот термин употреблялся им для характеристики только внутрисемейных отношений. Термины *примордиальная сфера*, *примордиальность* задолго до Шилза активно использовались Гуссерлем в характеристике отношения поэтико-ноэматиической структуры сознания к содержательно пустому полюсу центрирования *моего я*. В связи с этим была введена примордиальная редукция как операция по выходу в исключительно солипсическую (без и вне другого (-их) я) сферу, сферу *моего собственного*. Это выделение солипсического из, по сути, интерсубъективного сознания приводит нас к фиксации чистого я, лишённого содержания, но оно наделяет любое содержание и любой акт моего сознания идентификационным маркером как части некоего целого. Благодаря примордиальной редукции мы этот полюс я как центр идентификации и фиксируем. Оттенки смысла термина *примордиальность*, заданные в феноменологии, потом переключались в область социологии и этнологии. И теперь примордиальность трактуется в приложении к этническому, родовому, семейному субстратам как одним из предельных базовых уровней функционирования общественного сознания.

Л. Н. Гумилёвым (1912–1992) этносы рассматривались как различные биологические сообщества в рамках вида *Homo Sapiens*. Этнические образования у людей и «прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных» [6, с. 13] представлялись им равноправными. Он квалифицировал этнос как «явление природы» [9, с. 178]. Несмотря на свою устойчивость, этносы могут «возникать и исчезать в историческом времени» [8, с. 113]. По его мнению, социокультурные факторы, такие как язык, обычаи, культура, идеологические представления, не всегда являются фундаментальными в определении и самоопределении этноса (иногда они играют такую роль, иногда — нет). По той причине, что этнические образования являются повсеместным явлением, Гумилёв считал, что в их основе лежат не социокультурные факторы, а биологические (физические), являющиеся «искомой величиной» [7]. Но это вовсе не означает, что социокультурные составляющие перестают иметь значение в гумилёвской теории этноса. Напротив, их участие делает понятие «этническая принадлежность» «релятивным» [7].

«Называя себя тем или другим этническим именем, индивидуум учитывает место, время и собеседника, отнюдь не давая себе в этом отчета. Так, карел из Калининской области в своей деревне называет себя карелом, а прибыв в Ленинград — русским, и это без тени лжи. Просто в деревне противопоставление русских карелам имеет значение, а в городе не имеет, так как различия в быте и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Сложнее с татарами. Религиозное различие углубило этнографическое несходство их с русскими, и для того, чтобы казанский татарин объявил себя русским, ему нужно попасть в Западную Европу или Китай. Там, на фоне совершенно иной культуры, он назовет себя русским, прибавив, что, собственно говоря, он татарин. А в Новой Гвинее он же назовёт себя европейцем, что будет правильно относительно папуасов, и пояснит, что он не из племени голландцев или англичан, а из другого, и этим вполне удовлетворит своего собеседника» [7]. Приводя эти факты, Гумилёв подчёркивает: «этническая принадлежность <...> не есть продукт самого сознания <...>, отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, биологическую, лежащую на грани физиологии, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности» [7].

Данное наблюдение важно не игнорировать, поскольку тем самым этничности придается смысл, который коренным образом соотносится с психофизической природой человека и является более устойчивым и мощным, нежели идентичности, формируемые полностью или отчасти искусственно (политические нации, религиозные, идеологические, политические общности и т. д.). Это означает, что не имеющие эту коренную связь с психофизической природой человека политические нации и общегражданские объединения являются более уязвимыми и требуют большего внимания со стороны общества и государства по их поддержке. Служащие реализации этой цели многочисленные государственные программы являются оправданными и необходимыми.

Противоположную Гумилёву социокультурную концепцию развивал советский этнограф Ю. В. Бромлей (1921–1990). Он определял этнос в качестве «исторически сложившейся на определённой территории устойчивой межпоколенной совокупности людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [4, с. 57–58].

Социально-исторический подход Бромлей к теории этноса имеет черты как конструктивизма, так и инструментализма, в зависимости от исторических условий формирования и укрепления конкретного этноса (или, беря шире, «этнической общности»). В его концепции неизменно подчёркивается социальная, культурная природа этноса. Поэтому вместо понятия «этнос» он часто употребляет термин «этносоциальная общность», подчёркивая тем самым, что этнос находится в более объёмном социальном образовании с присущей ему культурой, языком, религиозной или атеистической верой, экономикой и прочим.

Бромлей проводил различие между «собственно этнической общностью (этникосом)» и «этносоциальным организмом», формируемым благодаря «синтезу» «собственно этнических и социально-потестарных (политических) общностей» [4, с. 383–384]. Этносоциальные общности имеют свою типологию: «племя (для первобытнообщинной формации), народность (для рабовладельческой и феодальной формаций), нация (для капиталистической и социалистической формаций); при этом последовательное проведение формационного принципа типологии этносоциальной общности предполагает разделение народностей на рабовладельческие и феодальные, а наций — на капиталистические и социалистические» [4, с. 384]. Бромлей относил советский народ к особому типу «новой социальной и интернациональной общности» [4, с. 390].

Есть и другой подход к типологизации внутри самого примордиализма. Английский социолог Э. Смит (1939–2016) утверждал, что примордиализм бывает нескольких видов: эссенциалистский, родовой, «примордиализм Гирца». Первый утверждает этнос в качестве неизменной формы существования человеческого общества вплоть до современного этапа. При этом и все новейшие нации имеют связь с древними этносами. Второй подчёркивал непрерывность родовой связи, которая фиксируется в этнических символах. Третий назван именем автора «символической антропологии» американского учёного К. Гирца (1926–2006), утверждавшего значимость веры в общей связи исторических форм этноса. Концепция перпетуального перенниализма самого Э. Смита показывает, что этнос является не органической, а исторической субстанцией, меняющейся с течением истории в зависимости от социальных, экономических, политических условий.

Конструктивизм в его классическом виде представлен за рубежом именами Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума. Основные

представители данного подхода на Западе — Д. Белл, Д. Мойнихэн, Н. Глейзер, Г. Вулл, в России — В. А. Тишков, М. Н. Губогло, Г. С. Денисова и др.

В основе этой концепции лежит убеждение в том, что нации не являются органической социальной общностью, представляя из себя искусственную конструкцию, которая осознанно создаётся политическими элитами для решения вопросов укрепления своей власти и для соответствующей этой цели организации общества. Английский философ Э. Геллнер (1925–1995) полагал, что «нации возникли практически на «пустом месте» как следствие рациональной потребности государств организовать, упорядочить, мобилизовать и объединить своё население с целью эффективного управления им в процессе достижения конкретных материальных целей» [10, с. 102]. Более того, нации вкупе с государством он считал «случайностью, а не всеобщей необходимостью» [5, с. 34]. Он писал: «Нации как естественный, данный от Бога способ классификации людей, как изначально уготованный им, хотя долго не осознаваемый политический удел — это миф. ... Нации не даны нам от природы, они не являются политической версией теории биологических видов» [5, с. 114]. Используя понятия немецкого социолога Ф. Тённиса (1855–1936) *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*, предложенные в сочинении «Общность и общество» [24, с. 9–10] и противопоставляемые по своему смыслу как искусственно формируемое общество и естественно сложившаяся общность (община), Геллнер заявлял, что первое понятие ложно наделяется свойствами второго. В этом же ключе развивается британским политологом Б. Андерсоном (1936–2015) идея *воображаемой общины*. С. Хантингтон считал, что «идентичности в общем и целом представляют собой конструкты. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим, кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению» [26, с. 51].

Конструктивисты утверждали искусственность любой нации, которая создаётся в угоду интересам политических, социально-экономических элит. Базовый тезис Э. Геллнера (учителя своего оппонента Э. Смита) гласил, что не нации создают национализм, а национализм создаёт нации там, где их до этого не существовало [15, с. 257].

Думается, они не учитывали того факта, что сами культурные традиции заново не изобретаются, а рекомбинируются, что нация не может возникать из полного небытия, а появляется лишь на какой-то исторической основе определённого (-ных) народа (-ов).

Радикализм конструктивистской позиции, проявляющийся в утверждении, что между этносом и нацией нет общих черт, что нация является исключительно продуктом технологий правящего класса, был смягчён в этносимволическом подходе Э. Смита. По его мнению, этнический фактор принимает участие в формировании феномена нации. Это происходит символическим путём. «Символическое присутствие этноса в нации» подчёркивает важные аспекты в деле созидания и укрепления общенационального пространства. Оно показывает, что этническое продолжает оказывать влияние на нацию разными путями, в том числе и бессознательными, символическими. Это ставит ограничения искусственным действиям правящей власти в нациестроительстве. В ответ на аргумент о выдуманности наций и этносов Смит утверждал, что культурную основу формирования наций невозможно выдумать. Для настоящего и будущего нации (или этноса) необходимо иметь общее предшествующее развитие, общие культурные традиции, языковую общность (или хотя бы близость), разделяемые большинством культурные символы или, говоря словами другого известного американского политолога Бернарда Яка, «общее наследие культурных символов и нарративов» (см.: [38, р. 4] [15, с. 256]).

Як писал и о межпоколенной связи, общности поколений как необходимым основании любой нации. Мы можем к этому добавить, что там, где она разрывается, — а это происходит при попытках создать искусственные народы и нации, — они становятся крайне нестабильными, словно повисшими в воздухе. Необходим ряд поколений для придания им хотя бы некоторой устойчивости.

Советский и российский историк, этнолог, социолог В. А. Тишков пишет: «Этничность, пребывая в «спящем» состоянии, “вызывается” к жизни и используется в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии и для достижения гедонистических устремлений» [25, с. 6]. К этому можно добавить следующее: неустойчивость идентификационной структуры наблюдается в периоды социально-исторических изменений, кризисов. Тогда на первый план выдвигаются более прочные идентичности, к числу которых относятся этнос, род, семья, этнорегиональные сообщества (кавказцы, сибиряки, уральцы, кубанцы, дончане, поволжцы и т. д.). В устойчивой социальной системе попытки изменения базисной идентичности и формирование иной идентификационной системы личности

приводит к появлению различных маргинальных сообществ со своей философией, ценностями и предпочтениями.

Это означает, что этнический фактор при любом подходе игнорировать нельзя, его следует учитывать. Для этого важно принимать во внимание этносоциальную специфику каждого региона с компактным проживанием той или иной этнической группы для целей более успешной политики общегражданского единства.

Инструментализм исходит из понимания, что в основе формирования этносов и наций лежат, прежде всего, практические, экономические, политические интересы. Субъект при этом отождествляет себя с той коллективной формой, которая предоставляет ему больше возможностей и дает больше свободы. Этноты в такой концепции формируются социально-политической элитой. Стало быть, этноты могут возникать, распадаться, вновь образовываться. Они существовали не всегда и формируются только при определённых условиях.

Инструменталисты сосредотачивают внимание при изучении этноса на его роли в культуре и истории, полагая, что многие люди принимают этническую идентичность только ради достижения конкретных целей, будучи вовлечены в какой-то социальный процесс на данном историческом этапе. В России многие люди идентифицируют себя русскими, этнически принадлежат к разным этническим общностям, то же происходит в Индии, во Франции, США и т. д. Это как раз то, что английский социолог Дж. Мейсон вкладывал в понятие ситуационной этничности, когда люди в зависимости от ситуации декларируют разную этническую принадлежность [40]. Кроме того, сами этноты становятся инструментами достижения конкретных политических, социально-экономических и культурных целей. Если они способствуют их достижению, то становятся такими инструментами, если нет, то игнорируются.

Данное направление представлено в научной среде работами таких учёных, как Н. Глейзер, Д. Мойнихэн, С. Корнел, Д. Хартман, Ф. Янг, О. Пэттерсон, М. Хэтчер и др. Впервые этот подход был сформулирован в вышедшей в 1975 г. коллективной монографии под редакцией американских социологов Н. Глейзера (1923–2019) и Д. Мойнихэна (1927–2003) “Ethnicity: Theory and Experience” [31]. Эти учёные подчёркивали: «В отличие от классовых форм социальной идентификации и конфликтов, которые, конечно, продолжают существовать, мы были удивлены сохранением и заметностью этнических форм социальной идентификации

и конфликтов» [30, р. 7]¹. Именно этот вскрывшийся факт и заставил посмотреть на этническую данность как на ещё один инструмент в деле достижения конкретных политических и иных целей в системе социального управления.

Споры между конструктивистами, инструменталистами и примордиалистами происходят из-за смешения предметов обсуждения. Представитель каждого направления старается универсализировать свою теорию, придать ей всеобъемлющий характер, значимый для всех наций и этносов, что как раз является ошибочной предпосылкой. При признании факта, что есть разные типы наций и этносов: искусственно созданные, появившиеся в ответ на внешний социальный запрос и на сложившиеся социально-экономические условия, и естественные, то есть постепенно сформировавшиеся на устойчивой этнокультурной основе, жизнь которых мы можем проследить в отдалённой исторической ретроспективе, — мы можем найти достаточные основания для обоснованности всех подходов, но только для определённых сообществ, не для всех.

Есть и другое положение, выдвинутое Н. В. Омелаенко, считающей возможным признать значимыми все данные подходы в приложении к разным этапам развития социума. Она предлагает применять теорию примордиализма, особенно культурного примордиализма, для рассмотрения *этногенеза*. Для анализа феномена *нация* будет эффективен конструктивистский подход, так как, по её мнению, все нации были созданы искусственно для решения прагматических задач. Инструментализм может быть эффективно применён при изучении этносов в так называемых сложных сообществах в период перехода от национального государства к гражданскому обществу [14, с. 97]. Этому мнению вторит и А. Г. Дугин, считая, что «инструментализм эффективен и адекватен для изучения этнических явлений в высокодифференцированных обществах, где он действительно сплошь и рядом служит реализации конкретных социальных задач вполне рационального свойства» [11, с. 111]. Сами примордиализм, конструктивизм и инструментализм становятся инструментами в реализации исследовательских и управленческих задач.

¹ As against class-based forms of social identification and conflict — which of course continue to exist — we have been surprised by the persistence and salience of ethnic-based forms of social identification and conflict [38, p. 7].

В 1913 г. И. В. Сталин (1879–1953) дал определение нации, которое волею судеб стало в СССР чуть ли не официальным и основным в научном и общественном дискурсах вплоть до распада страны: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [20, с. 296]. Позже понятие нации было связано с развитием индустриальной эпохи с выделением в ней двух типов: капиталистического и социалистического миров. Это мнение разделяли почти все советские учёные, было общепринятым и имело место и в постсоветское время. Советский и российский социолог А. Г. Здравомыслов (1928–2009) писал: «Современная наука исходит из того, что нации — в отличие от этнических групп — представляют собой результат перехода от аграрной к индустриальной культуре» [12, с. 118]. Нация приходит на смену этносу в виде определяющих конкретные исторические периоды фундаментальных и наиболее общих форм человеческой общности.

С нашей точки зрения, неверно считать, что нация приходит на смену этносу. Этноты сохраняют своё существование и в государственно-национальном образовании, и при развитом гражданском обществе. Национацией становится этнос, общественное устройство которого приняло политическую форму государства. Некий титульный этнос может стать государствообразующей нацией при полиэтничном составе населения страны, но при последующем вовлечении в государственные (общенациональные) дела более объёмного социального организма, включающего в себя разные этнические, языковые, религиозные, профессиональные, иные социальные общности. Объединение этих разных групп происходит на основе единой, разделяемой большинством духовно-нравственной ценностной системы, языка титульного этноса и иных общих культурных, финансово-экономических, политических, правовых маркеров. Если этого не происходит и сохраняется доминирование ведущего этноса, то нация не может быть единой и устойчивой.

Лежащее в основе инструменталистских и конструктивистских концепций противопоставление нации и этносов, с нашей точки зрения, должно быть смягчено. Любая нация изначально должна рассматриваться как надэтническое формирование, не *вне-* и не *поли-*, а именно *надэтническое*, не сводящееся к простой сумме этносов, но и не находящееся вне этнических влияний, а формирующее общее поле для гармоничного взаимодействия разных этносов и не только их. Это поле

формируется на основе установок, которые начинают разделяться всеми, но которые первоначально могут и не быть характерными для конкретных этнических, религиозных и прочих культур. Это значимо даже для моноэтнического общества, в котором этнос обретает черты нации. Но нация может формироваться и не на этнической, а на политической, религиозной, территориальной, историко-культурной, языковой и иных основах.

Нация задаёт основы для гармонизации и нормализации отношений не только между этносами, но и между другими идентичностями (гендерными, профессиональными, возрастными, институциональными, корпоративными, культурными, языковыми, конфессиональными, региональными, классовыми, расовыми и проч.). Понятия *нация* и *этнос* не могут противопоставляться друг другу именно по причине своей содержательной несоизмеримости. Только когда в самом этносе возникает претензия стать нацией, наделённым своим независимым государством, может идти речь об их антагонизме. В гармоничных государствах этносы выступают одним из многочисленных элементов общенационального единства.

Попытки создать нацию на основе некоего избранного народа и навязывания (привития) его культуры и мировидения всем остальным народам в истории предпринимались неоднократно. При жёстком диктате другим этническим общностям так созданная нация постепенно теряла свою силу, распадалась или растворялась в покорённых народах (как это, например, случилось с культурой великих моголов на территории Индии).

При сбалансированном подходе культура избранного этноса претерпевает многочисленные трансформации. Тогда историко-культурное богатство титульного этноса становится общим и открытым полем взаимодействия многих культур, постепенно входя в иные этнические культуры как их составная часть и впитывая в себя их культурное достоинство и особенности. В таком процессе ведущий этнос как бы приносит в жертву общему межкультурному гармоничному взаимодействию, становясь, по сути, надэтническим общенациональным образованием. При этом межэтническое согласие обеспечивается посильным вкладом каждого этноса в обогащение и дальнейшую трансформацию избранного этноса, его административной, правовой, социально-экономической систем, языка и культуры. Это то, что происходит в данное историческое время с русским народом в многонациональной России.

Это важно учитывать при позиционировании избранного титульного этноса в качестве государствообразующей основы для нациестроительства и сопутствующем продвижении его ценностей, языка, культуры для всех остальных народов. Определяющая установка: либо становитесь нами, либо вы не сможете жить с нами на своей территории, — неизбежно приводит к повышению градуса межэтнической напряжённости и неустойчивости всего общества. Такой подход, к сожалению, был задействован в ряде стран постсоветского пространства, сопровождаясь жёсткими предписаниями (вроде ограничения вплоть до запрета русского языка в официальном делопроизводстве, в СМИ), признанием негражданами лиц, рождённых после вхождения республики в СССР и принадлежащих к нетитульным этническим меньшинствам. Данная стратегия привела страны к агрессивному национализму и даже скатыванию в нацистскую идеологию, порождая основы для затяжных межэтнических противостояний (подобно курдам и туркам в Турции, баскам и каталонцам в Испании, русским и украинцам в нынешней Украине, русским и — эстонцам в Эстонии, латышам в Латвии, литовцам в Литве).

Мы выделяем два пути формирования нации на основе избранного (государствообразующего, системообразующего, титульного) этноса.

Первый путь — принесение в жертву этнической ограниченности ведущего этноса ради гармонии общего полиэтнического пространства, превращения себя из этноса в общегражданскую и, по сути, полиэтничную и даже надэтническую общность, в которой этнос-нация играет государствообразующую и системообразующую роль. Нация в таком свете становится общим культурным феноменом, в котором обретают своё достойное место все народы, языковые и конфессиональные сообщества.

Второй путь сопряжён с реализацией противоположного сценария: принесение в жертву всех иных этнических культур интересам избранного народа (например, украинизация всей сферы языка, истории и культуры на Украине, казахизация — в Казахстане, эстонизация — в Эстонии, латышезация — в Латвии, литвонизация — в Литве и т. д.). Первый путь занимает продолжительное время: десятилетия и века. Но он в своём естественном ходе развития создаёт крепкие нации, выдерживающие проверку на прочность. Второй путь реализует себя быстро, но с очевидной перспективой скорого распада созданной таким образом общности. Формирование устойчивой нации — длительный процесс. Чешский историк М. Хрох (Грох) верно отметил: «Нация, без-

условно, является не вечной категорией, а продуктом долгого и сложного процесса исторического развития ...» [27, с. 122].

Некоторые современные авторы выделяют два типа нации: политическую и этнонацию с одним языком, этнизированной (национализированной) культурой и историей (см., например, работы П. В. Терешковец [22] [23]). В то же время российские учёные В. М. Семенов (1938–2017) и В. Г. Бабаков справедливо фиксировали попытки «отождествить (или подменить) национальное этническим, национальные общности этническими, национальное сознание этническим самосознанием» [1, с. 22]. Бабаков считает в этой ситуации «крайне актуальной разработку новых стратегий в культурной политике, как на государственном, так и на локальном уровнях» [2, с. 2].

Советский и российский философ Ю. М. Бородай (1934–2006) исходил из принципиального различия нации и этноса [3, с. 315]. Он вслед за Ф. Тённисом и Э. Геллнером различает понятия *Gemeinschaft* (общность, община) и *Gesellschaft* (общество). Первое понятие включает в себя смысл *естественной общности*, а второе — *искусственной*, сконструированной разными экономическими, политическими, идеологическими, религиозными способами. Второму смыслу соответствует понятие *нация*.

Мы предлагаем такое определение: *нация* суть политическая общность, исторически сложившаяся на определённой территории на основе общей истории, культуры и спорта, образования, языка, духовно-нравственных ценностей, традиций, норм, идеалов, правовой и социальной системы, экономики и финансов, армии и флота, обладающей институционализированным суверенным государством и развитым национальным самосознанием.

Русский народ считается самым крупным разделённым народом из-за распада Российской империи, а позже и СССР. Но он как единый народ не представляет собой единую нацию. Следует согласиться с наблюдением казахстанского учёного М. С.-А. Шайкемелева, что определение нации, данное Сталиным в 1913 г., по сути, является определением этноса [28, с. 33], поскольку оно не включало в себя отсылку к единому государству.

Процесс формирования нации на полиэтничной территории занимает длительное время и также долго сохраняет свою этническую или полиэтничную определённость. Нация как надэтническое образование может быть одновременно и сугубо этничным, то есть представлять собой этнонацию. В качестве примеров можно привести японскую на-

цию в Японии, армянскую — в Армении, чеченскую — в современной моноэтнической Чеченской Республике в составе Российской Федерации, обладающей, как и все национальные регионы федеративной России, своей государственностью (стало быть, чеченский народ обладает статусом нации на территории своей республики). Поэтому руководитель Чеченской Республики Р. А. Кадыров верно говорит о себе как о «русском чеченской национальности».

В ситуации этнонации иные этнические образования не являются равноправными, как бы при этом ни декларировалось равноправие народов. Практика признания народов титульными на определённых территориях или системообразующими, государствообразующими на территории всей страны, с нашей точки зрения, может служить источником межэтнической напряжённости, если оставаться в парадигме этничности ведущих этносов.

Этнос в своём становлении этнонацией в полиэтничном обществе неизбежно должен терять свою этничность и постепенно превращаться в надэтническую платформу для сообщества равноправных народов. Иначе межэтническая напряжённость неизбежна. Мы с этим сталкиваемся всякий раз, когда в ряде СМИ русский народ пытаются выставить только как один из народов России, у которого должна быть *своя* национальная республика, подобно чеченцам, ингушам, адыгам, калмыкам и прочим. При чрезмерной этнизации этноса, играющего роль нациеобразующего фактора, неизбежно возрастание градуса конфликтной напряжённости.

Все народы России имеют равные права. Все коренные народы должны быть признаны титульными и государствообразующими народами России, если мы остаёмся в концепции этничности данных этносов. Но роль русского народа, признанного нынешней Конституцией Российской Федерации государствообразующим, должна быть осознана иначе. Это этнос, который в силу исторических обстоятельств давно превзошёл свои узкие этнические рамки и стал, по сути, многонациональным народом, полиэтничной и надэтнической историко-культурной общностью. Но это, подчеркнём, сложилось исторически длительно и естественно. Когда же эту практику пытаются искусственно перенести на молодые государства и форсировать события, их граждане сталкиваются со множеством проблем.

Шайкемелев, рассматривая вопросы о строительстве нации на основе одного этноса, схематично представил соотношение этносов и нации так: в начале формирования нации этнический момент будет

доминировать, в середине пути будет находиться в равных пропорциях, а в зрелом состоянии «этническая идентичность будет уступать национальной идентичности» [28, с. 36]. На этом основании выстраивается и политика оправдания неравного положения этносов в молодом этнонациональном казахстанском государстве: оно является временным и впоследствии будет нивелировано. Если народ страны может потерпеть несколько веков процесса формирования единой надэтнической нации, то логика Шайкемелева оправдана. Но зачем же приносить в жертву несколько столетий жизни людей, если можно попытаться выстроить механизм нациестроительства на иных надэтнических основах с самого начала?

Российский культуролог А. П. Садохин выделяет следующие основные типы этнической идентичности в социуме:

1. Нормальная, или позитивная, идентичность с высокой степенью толерантности и открытости к межэтническому взаимодействию.
2. Этноцентричная идентичность с замкнутостью, обособленностью, этноизоляционизмом, определяемым совокупностью общепринятых в данном сообществе религиозных, культурных, морально-этнических норм и предписаний.
3. Этнодоминирующая идентичность, ставящая принадлежность к этносу во главу угла, при этом все остальные идентичности надстраиваются над ней. Здесь характерно признание доминирующего значения интереса народа над интересом личности.
4. Этнический фанатизм с агрессивным отношением к другим этносам и сознанием тотального доминирования целей, интересов, ценностей данного этноса.
5. Этническая индифферентность с равнодушием к этничности и ко всему, связанному с ней.
6. Этнический нигилизм с отрицанием этничности.
7. Амбивалентная этничность с признанием двух и более этничностей в качестве собственного идентификационного маркера. Человек может считать себя и русским, и чеченцем, и черкесом, если в роду у него были представители данных народов или если он себя идентифицирует с ними [19, с. 134–135].

Эти типы рассматриваются и по другому принципу. За точку отсчёта берётся «нормальный тип» идентичности, а другие рассматриваются в зависимости от характера их отклонений от нормы. Тогда эти типы можно различить на нормальную, гипер- и гипоиентичности. В России распад Советского Союза вызвал к жизни гипоиентичность русского

народа, тогда как во всех постсоветских республиках становление новых государств сопровождалось развитием гиперидентичностей титульных народов с той или иной степенью отклонения от нормы. Процесс движения маятника из стороны в сторону происходит с определённой периодичностью в зависимости от исторических условий. Вполне возможно, период значительного усиления этнического фактора в странах постсоветского мира в ближайшие десятилетия сменится аналогичным снижением его роли в социальных процессах и общественном сознании. Подобно тому как это уже случилось в России, где динамика процесса общенационального самосознания устойчиво ведёт от гипо- к гиперидентичности ведущего русского этноса.

Однако эти подходы, выстроенные на идее сущностно и генетически обусловленного отношения между этносом и нацией, основаны на неявном допущении преобладающей значимости в нациестроительстве этнического фактора. Но кроме него есть множество иных не менее важных факторов, позволяющих некоей общности обзавестись своим государством и конструировать на его основе нацию. Эти факторы охватывают все стороны социальной жизни, включая финансы, экономику, технологическое развитие, территориальные и региональные особенности, обороноспособность, культуру, язык, социально-психологический настрой и проч.

В России проблема этничности вышла на первый план на рубеже XX–XXI вв. на фоне обострения проблемы общего единства в рамках одного государства, что ускорило процессы формирования новой архитектуры отношений между народами страны, выработки федеративных подходов к выстраиванию власти, системы национальных республик, автономных краёв, областей в рамках единой страны.

В настоящее время эта проблематика постепенно перестаёт доминировать в российском научном и общественно-политическом дискурсах. На первый план в исследовательском внимании выходят региональные диспропорции в социально-экономическом и культурном развитии. Конечно, этнический элемент может подпитывать эти проблемные зоны в национальных республиках с более или менее моноэтническим населением (Чечня, Ингушетия, Тыва и др.). Но он уже не является определяющим. Центр проблемной тяжести переходит в иную плоскость.

Не может быть подлинного единства в стране, где наблюдаются значительные различия в региональном развитии, в уровне оплаты труда, пенсионном обеспечении, социальных выплатах, состоянии социальной, культурной инфраструктуры, отчего жители одного региона вынуждены

уезжать в другие регионы. В отстающих регионах это не может не приводить к усилению центробежных и этноцентричных тенденций (зачем нужен такой центр, который не способствует развитию региона?), что, естественно, приводит к ослаблению общенациональной составляющей в сознании людей. Если мы живём в одной стране, то почему в стране так отличаются условия для жизни в разных регионах? Такой вопрос всё чаще фиксируется на площадках всех социальных сетей и в опросах граждан.

Проблема идентичности в России своеобразно, но всё же точно сформулирована в 2004 г. С. Хантингтоном: «С окончанием “холодной войны” лишилась национальной идентичности Россия: малая часть общества осталась приверженной коммунистической идеологии, некоторые отождествили себя с Европой, другие пытаются определиться через культурные элементы — православие и панславизм, третьи, исходя из географического местоположения страны, рассуждают о России как об евразийской державе» [26, с. 67]. Этот пассаж заставляет нас задуматься о специфике общероссийской идентичности, которую мы хотим выстроить во всех регионах страны, включая и полиэтничные регионы с титульными народами. Политика идентичностей, безусловно, будет скорректирована выбором определяющего подхода. Здесь важно исходить не из теоретических выкладок, сделанных западными учёными на основе опыта своих стран, а из российских реалий.

В научном дискурсе до сих пор нет единого определения понятий *этнический* и *национальный*. Например, в казахстанском научном сообществе широко распространено их отождествление. С нашей точки зрения, они должны различаться. *Этническое* относится к истории, культуре, обычаям и традициям, языку определённого этноса, вне зависимости от его статуса в стране проживания и от наделённости им своим государством. Понятие *национальный* коррелирует с термином *нация* и относится к истории, культуре, традициям и обычаям именно всей, как правило, полиэтничной и поликонфессиональной нации, а не конкретного этноса. Нация в отличие от этноса в качестве определяющего признака обладает государственно институционализированной территорией, то есть имеет своё политическое суверенное государство. В большинстве своём нации полиэтничны или даже представляют собой единое гражданское общество без акцента на этническое происхождение (большинство стран Латинской Америки и Европы). В случае выраженного этнического субстрата нации мы можем употреблять термин *этнонациональный*, что означает отношение к этносу-нации. Этот термин

можно употреблять и в случаях очевидной стратегии государства на строительство нации на основе моноэтничного субстрата (например, все должны стать казахами, мыслить как казахи, говорить на казахском языке, разделять ценности казахского народа, даже будучи представителями иных этносов, если они хотят жить в Казахстане).

В научной литературе не существует устойчивого определения понятия *национальная идентичность*. Мы понимаем под ним социально продуцируемое осознание индивидуумом своей принадлежности к государственно институционализированной нации. Нация, как было уже сказано, суть политическая общность, исторически сложившаяся на определённой территории на основе общей истории, культуры и спорта, образования, языка, духовно-нравственных ценностей, традиций, норм, идеалов, правовой и социальной системы, экономики и финансов, армии и флота, обладающей институционализированным суверенным государством и развитым национальным самосознанием.

Среди основных факторов формирования общенациональной идентичности выделяют, как правило, региональный, религиозный, этнический. Сквозь их призму оцениваются определяющие тенденции в идентификации населения в свете распространённой плюралистической идеологической и мировоззренческой социальной модели [13, с. 398–408]. При таком подходе эти факторы априори принимаются за нечто сформированное. Однако они сами являются объектами формирования и укрепления, причём не сами по себе в отрыве от общенационального целого, а как его неотъемлемые части. Поэтому региональная, религиозная, этническая идентичности не могут быть самостоятельными составляющими общенационального целого. Они предполагают его.

Кроме того, мы ещё раз подчёркиваем, что эти факторы недостаточны для экспликации такого объёмного феномена, как общенациональная идентичность. Развиваемый нами подход подразумевает значительное расширение основополагающих факторов, включая в них все без исключения направления осуществления государственной социальной, финансово-экономической, технологической, военно-оборонительной, культурной, образовательной, просветительской, медицинской, спортивной, идеологической, политической, международной, социальной деятельности, гражданской активности населения и сопряжённых с ними типов идентичности. Мы полагаем, что их неправомерная недооценка является одной из причин слабости предпринимаемых усилий по укреплению общенационального единства.

Эти факторы являются взаимодополняющими, они действуют как единое целое. Такой комплексный подход к проблеме позволит выработать целостную многопрофильную систему развития, укрепления и поддержки единого национального самосознания. Более того, именно включение самых разнообразных факторов в эту общую систему позволит уменьшить остроту таких чувствительных феноменов, как этническое, религиозное и региональное сознание.

Мы выделяем основные факторы, влияющие на формирование национальной идентичности: историческая территория, язык, культура и спорт, религия, мифы и историческая память, экономика и финансы, обороноспособность, правовая система, социальная сфера, образование и просвещение.

Важно принимать во внимание и психологическую сторону вопроса. Е. А. Подольская выделяла три компонента национальной идентичности:

- когнитивный, имеющий рациональную природу и включающий в себя обусловленные представления человека о встроенности его в государство и взаимосвязях с ним;
- аффективный, формирующийся на основе ощущений, эмоций, чувств (например, чувство гордости за свой народ и страну, свою родину и её историю), которые испытывает человек по отношению к государству;
- поведенческо-регулятивный, воспитывающий готовность к совершению поступков, вытекающих из ценностей государства, с которым человек себя ассоциирует (см.: [16] [21, с. 30–31]).

На их основе формируются устойчивые паттерны связи человека со своей нацией, обладающей суверенным государством, обеспечивающей его соответствующими правами и обязанностями.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Этническое самосознание сохраняет свою значимость в политике идентичности. Для успешной политики общегражданского единения нужно принимать во внимание этносоциальную специфику каждого региона с компактным проживанием тех или иных этнических групп.

2. Не только недооценка, но и переоценка этнического фактора может способствовать ослаблению общенационального единства. Поэтому необходим комплексный подход к формированию нации, опираю-

щийся на многочисленные факторы: историческая территория, язык, культура и спорт, образование, религия, мифы и историческая память, экономика и финансы, обороноспособность, социальная сфера и медицина, правовая система, гражданские права и обязанности.

3. Ни один народ не желает утратить собственную этнокультурную идентичность. Насильственное стирание культурных различий даже между близкими друг к другу по крови и менталитету народами и потеря одним из них идентичности в силу идеологических или политических причин могут привести к конфликтам.

4. Теоретические подходы примордиализма, конструктивизма и инструментализма могут стать эффективными инструментами в достижении исследовательских и управленческих целей при соответствующем различении предметных сфер.

5. Гармоничная нация (как «нация наций») является не вне-, не поли-, а именно надэтническим формированием, не сводящимся к простой сумме этносов, но и не находящимся вне этнических влияний, а формирующим общее поле для их гармоничного взаимодействия. Нация задаёт основы для гармонизации и нормализации отношений не только между этносами, но и между всеми другими общностями (гендерными, профессиональными, возрастными, институциональными, культурными, языковыми, конфессиональными, региональными, политическими и проч.).

6. Предлагается определение понятия *нация* — это политическая общность, исторически сложившаяся на определённой территории на основе общей истории, культуры и спорта, образования, языка, духовно-нравственных ценностей, традиций, норм, идеалов, правовой и социальной системы, экономики и финансов, вооружённых сил, обладающей институционализированным суверенным государством и развитым национальным самосознанием.

7. Мы определяем политику идентичности как системные усилия общества и государственных органов исполнительной, законодательной власти по формированию и укреплению общенационального самосознания, скрепляющего общество узами единства, сплочённости, сотрудничества, взаимоподдержки, добрососедских отношений между всеми социальными группами населения, включая этнические и субэтнические, религиозные, духовные, языковые, профессиональные, гендерные, возрастные, территориальные, региональные и прочие сообщества.

Литература

1. *Бабаков В. Г., Семенов В. М.* Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). М. : Ин-т философии РАН, 1996. 70 с.
2. *Бабаков В. Г.* Социально-культурные аспекты этнических кризисов в условиях модернизации : 17.00.08 : дисс. ... д-ра филос. наук. М., 1994. 51 с.
3. *Бородай Ю. М.* Эротика — смерть — табу: трагедия человеческого сознания. М. : Гнозис, 1996. 413 с.
4. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.
5. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердниковой и М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
6. *Гумилёв Л. Н.* География этноса в исторический период. Л. : Наука, 1990. 279 с.
7. *Гумилёв Л. Н.* О термине «этнос». Доложено на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г. // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Л. : Географическое общество СССР, 1967. С. 3–17.
8. *Гумилёв Л. Н.* По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос) // Вестник Ленинградского университета. 1965. 18. Вып. 3. С. 112–120.
9. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М. : Айрис-пресс, 2003. 560 с.
10. *Дугин А. Г.* Этносоциология. М. : Академический проект, 2011. 639 с.
11. *Дугин А. Г.* Этносоциология. М. : Академический проект, 2020. 844 с.
12. *Здравомыслов А. Г.* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М. : Аспект-пресс, 1996. 286 с.
13. *Колбачаева Ж. Е.* Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6. С. 398–408.
14. *Омелаенко Н. В.* Теоретические парадигмы этничности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 2. С. 95–98.
15. *Паин Э. А., Пресняков С. А.* Энтони Смит (1939–2016) и его научное завещание. Некролог // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 255–260.
16. *Подольская Е. А.* Ценностные ориентации и проблема активности личности. Харьков : Основа, 1991. 162 с.
17. *Ревуненкова Е. В., Решетов А. М.* Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119.

18. *Решетов А. М.* Сергей Михайлович Широкогоров. Его жизнь и труды (К 100-летию со дня рождения) // Полевые исследования ГМЭ народов СССР 1985–1987 гг. : тез. докл. науч. сессии. Л. : [Б. и.], 1989. С. 25–27.
19. *Садохин А. П.* Этнология. М. : Гардарика, 2001. 254 с.
20. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. М. : Госполитиздат, 1951. Т. 2. С. 290–367.
21. *Старостенко К. В.* Формирование национальной идентичности современного Казахстана: основные направления и проблемы // Межкультурный диалог и вызовы современности: дружба и инаковость в своём и родном : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конфер. (Орел, 19–21 апреля 2019 г.). Орел : Модуль-К, 2019. С. 30–36.
22. *Терешкович П. В.* Нация // Новейший философский словарь: энциклопедия. Минск : В. М. Скаун, 1998. С. 896.
23. *Терешкович П. В.* Этническая история Беларуси XIX — начала XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы. Минск : Белорусский гос. ун-т, 2004. 223 с.
24. *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002. 451 с.
25. *Тишков В. А.* О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 3–22.
26. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
27. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 121–145.
28. *Шайкемелев М. С.* Казахская идентичность. Алматы : Ин-т филос., политол. и религиовед. КН МОН РК, 2013. 272 с.
29. *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного факультета Дальневосточного университета. 1923. Т. XVIII. Вып. 1. С. 1–134.
30. *Glazer N., Moynihan Danial P.* Introduction // Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge ; Mass : Harvard University Press, 1975. P. 1–26.
31. *Ethnicity: Theory and Experience / edit. N. Glazer, P. Moynihan Danial.* Cambridge ; Mass : Harvard University Press, 1975. 531 p.
32. *Mason D.* Race and Ethnicity in modern Britain. Oxford : Oxford University Press, 1995. 176 p.
33. *Shirokogoroff S. M.* Ethnological and Linguistical Aspects of the Ural-Altai Hypothesis. Peiping, : The Commercial Press, Ltd, 1931. 198 p.

34. *Shirokogoroff S. M.* Ethnos. An Outline of Theory. Peiping : Catholic University Press, 1934. 73 p.
35. *Shirokogoroff S. M.* La Theorie de Ethnos et sa place dans le systeme de sciences anthropologiques // L'Ethnographie. Nouvelle ser. 1936. № 32. P. 85–115.
36. *Shirokogoroff S. M.* Psychomental Complex of the Tungus. London : Kegan Paul, Trench & Co, LTD, 1935. 469 p.
37. *Shirokogoroff S. M.* Social Organization of the Northern Tungus, with Introductory Chapters concerning Geographical Distribution and History of these Groups. Shanghai : Commercial Press, 1929. 427 p.
38. *Yack B.* Nationalism and the Moral Psychology of Community. Chicago : University of Chicago Press, 2012. 344 p.

Alexander A. GUTSALOV,

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Head,
Department for Complex Problems of Cultural Studies, Southern Branch,
Likhachev Russian Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia, gutsalov_alex@mail.ru.

Theoretical Foundations of National Policy: Ethnos — Nation — Identity

The purpose of this paper is considering the main scientific approaches to the disclosure of the concepts of ethnicity, nation, ethnic and national identity and identifying their significance for the national policy of the state. A theoretical analysis of the concepts of ethnicity and nation in a historical perspective presented. The concepts by S. M. Shirokogorov, Y. V. Bromley, supporters of primordialism (L. N. Gumilev, K. Girtz, W. Connor, R. Gambino, P. van den Berge), constructivism (E. Gellner, B. Anderson, E. Hobsbawm, S. Huntington, V. A. Tishkov), instrumentalism (N. Glazer, D. Monihan, S. Cornela, D. Hartman, F. Young, O. Patterson, M. Hatcher) highlighted. The author's concepts of nation, national identity, and national identity policy are proposed. The problem of the state-forming (titular) people is considered. A number of conclusions have drawn that are important for the implementation of national identity policy in modern Russia.

Keywords: *Sergey M. Shirokogorov, Edward Shiels, Julian V. Bromley, Edmund Husserl, primordialism, constructivism, instrumentalism, Anthony Smith, Clifford Geertz, Alexander P. Sadokhin, Bernard Yak, the state-forming people, ethnos, nation.*

А. Л. Зорин*

О некоторых практиках формирования общероссийской гражданской идентичности молодёжи на Северном Кавказе**

В статье анализируются некоторые виды практик, которые используются властями Северо-Кавказского федерального округа для эффективной работы по формированию общероссийской гражданской идентичности. Даётся оценка состоянию межэтнических отношений в начале 2020-х гг. в республиках Северного Кавказа, выявляются новые «болевы́е точки» и причины некоторого усиления этничности в связи с внутри- и внешнеполитическими событиями. Особое внимание обращается на необходимость усиление работы с молодёжью, которая в силу социального положения и психологической неустойчивости становится объектом манипуляций со стороны различного рода сепаратистских, конфессиональных и этноклановых групп. Делается вывод, что для формирования гражданской идентичности и активной жизненной позиции молодого поколения нужны не одноразовые акции и проекты, а целый комплекс мероприятий общероссийского и регионального уровня, охватывающий все виды социальных практик: от политических и экономических до культурно-идеологических и символических, которые основываются на традиционных духовно-нравственных ценностях и коллективном историческом опыте народов России.

Ключевые слова: молодёжь, Северный Кавказ, ценности, идентичность, этническая идентичность, общероссийская гражданская идентичность, политико-экономические, социокультурные и символические практики.

После распада в 1991 г. СССР ушла в прошлое советская идентичность, а на первое место вышла идентичность этническая, которая стала играть ведущую роль в национальных республиках Северного Кавказа. Гипертрофированная этничность, издавна присущая народам данного региона и подогреваемая внешними враждебными силами, породила

* ЗОРИН Александр Львович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, azor115@rambler.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

острые конфликты политического и социокультурного характера, которые вылились в конечном счёте в «чеченские войны», грозившие территориальной целостности России и потребовавшие от федерального центра огромных усилий для их купирования. В результате к концу 2010-х гг. состояние межэтнических отношений на Северном Кавказе в значительной мере стабилизировалось, что дало основание для некоторых политиков и экспертов утверждать, будто регион уже в полной мере интегрирован в российскую жизнь и перестал быть конфликтогенным. Однако события, связанные с пандемией Covid-19, внесением поправок в Конституцию Российской Федерации, а также с началом СВО, поставили под сомнение данное утверждение и потребовали признания того, что находящийся в ареале цивилизационных разломов и зоне повышенной социальной турбулентности «Северный Кавказ так до сих пор по-настоящему не интегрировался в общероссийское социокультурное пространство» [1, с. 18]. И одним из наиболее эффективных способов его интеграции является формирование у жителей данного региона гражданской идентичности, что предполагает осознание ими своей принадлежности к российскому государству, единому многонациональному народу России, ответственности за судьбу родной страны, приверженности проверенным многовековым опытом традиционным ценностям российского общества, неукоснительного соблюдения законов и собственных обязанностей.

Поскольку Россия — многонациональное государство, то в основе самоидентификации её граждан должен быть не просто «паритет» гражданского и этнонационального сознания, а их «синтез», включающий в себя неповторимый исторический опыт выживания и уникального социокультурного творчества каждого из народов, входящих в состав Российской Федерации. При этом особое внимание следует обратить на молодёжь, которая составляет значительную часть населения Северо-Кавказского региона, оставаясь в то же время наименее социально защищённым слоем общества, в наибольшей мере страдающим от безработицы, неурадиц повседневной жизни, подверженным влиянию идеологии экстремистских организаций, различного рода сепаратистских, конфессиональных и этноклановых групп. Как показывают проведённые исследования, существенное влияние на мировоззрение молодёжи национальных республик Северного Кавказа оказывает непосредственная среда общения, а также блогосфера и социальные сети, в которых молодые люди проводят значительную часть времени. Неслучайно пред-

ставления о государстве и гражданственности, о правах и обязанностях, о социальной ответственности формируются именно здесь. Через социальные сети провокаторы подбивают молодёжь на антиправительственные акции, акты неповиновения и разного рода экстремистские действия, призывают осуществлять диверсии на транспорте, поджоги военкоматов, передачу противнику данных, способных нанести существенный ущерб вооружённым силам России. Всё это требует поведения активной и целенаправленной молодёжной политики со стороны федеральных и региональных властей.

Деятельность властных структур в настоящее время определяется «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [4], в которую Указом Президента России в декабре 2018 г. были внесены соответствующие изменения. Опираясь на этот документ, региональные власти разработали собственные программы по формированию общероссийской гражданской идентичности в руководимых ими субъектах. Однако, как показывает опыт, провозглашённые доктринальные нормы и определения не всегда совпадают с реальными нормами и практиками повседневной жизни, а бывают случаи, что и противоречат им. В этой связи очень важны реализуемые на местах практики, которые способствуют вовлечению молодёжи в социально-политические процессы, происходящие в стране, и формируют её гражданское самосознание, готовность к активной деятельности на благо Родины и патриотический настрой, создают такие формы общения и взаимодействия, которые сплачивают российский многонациональный народ, делая его единой политической нацией, способной к отражению внутренних и внешних угроз, которые определяются современной геополитической ситуацией в мире [5]. Касается это и проблем, связанных с идентичностью. Чтобы преодолеть конкуренцию идентичностей, которая до сих пор является отличительной чертой Северо-Кавказского региона, и «найти общие основания для самоидентификации людей со всей страной, — отмечают Э. А. Паин и С. Ю. Федюнин, — вряд ли можно найти лучшее основание, чем гражданская идентичность в её связи с гражданскими же практиками» [3, с. 151].

Именно практики, направленные на формирование у молодого поколения высоких гражданских качеств, активной жизненной позиции, любви к большой и малой родине, готовности защищать своё отечество, составляют основу воспитательной работы, проводимой региональными и муниципальными властями республик Северного Кавказа за послед-

ние три года. Как показал мониторинг, проведённый сотрудниками Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия, молодёжь данного региона целенаправленно вовлекается в активное участие в разного рода мероприятиях, направленных на приобщение к историческому и культурному прошлому родной страны. В Дагестане, например, ежегодно проводятся республиканские акции по темам «Герой в моей семье», «Города-герои», комплекс конкурсных мероприятий «Наследие Великой Победы», республиканский конкурс на лучший школьный музей боевой славы, уроки мужества, кинопоказы лучших художественных и документальных фильмов, в которых пропагандируются образцы героического поведения в годы Великой Отечественной войны и на театре военных действий СВО.

В марте 2022 г. Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан организовало круглый стол, посвящённый вопросам формирования общероссийской гражданской идентичности среди молодых людей призывного возраста. Важным моментом в деятельности Правительства Чечни стало Распоряжение «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2022–2025 гг. в Чеченской Республике Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [2], в котором выделен специальный блок, предполагающий «укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации» [2]. Проведённые в соответствии с Планом мероприятия, в которые, как правило, вовлекались представители молодого поколения, приурочивались к значимым историческим событиям, ставшим затем основой государственных праздников и памятных дат, были направлены на пропаганду идей патриотизма, единства и дружбы народов, межнационального (межэтнического) согласия, а также на повышение интереса к изучению истории и культуры народов, входящих в состав России.

В сентябре каждого года в рамках реализации проекта военно-патриотической квест-игры «Путь к победе!» в Чечне среди учащихся 5–11 классов проводятся пешие походы, одной из целей которых является воспитание у подрастающего поколения чувства гражданственности и социальной активности, приобщение его к духовно-нравственным и патриотическим ценностям. В Ингушетии на протяжении ряда лет успешно осуществляется патриотический проект политической партии «Единая Россия» «Парта героя». Он нацелен на создание условий для формирования у школьников уважительного отношения к истории Оте-

чества, героическому прошлому и настоящему нашей страны, героям боевых действий и доблестного труда во благо Родины на примере героических образов ветеранов Великой Отечественной войны, участников боевых действий СВО и ветеранов труда.

В заключение следует отметить, что тематика проводимых в Северо-Кавказских республиках мероприятий (практик) по формированию общегражданской идентичности предстаёт весьма разнообразной. И всё же в ней можно обозначить некоторые тренды. Во всех субъектах СКФО на протяжении последних трёх лет проводились мероприятия, связанные с общероссийскими праздниками (День России, День народного единства, День защитника Отечества, День Конституции, День Государственного Флага РФ), везде при активном участии молодёжи проходили патриотические акции, приуроченные к празднованию очередной годовщины Победы в Великой Отечественной войне, а также освобождению Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков. В связи с проведением Специальной военной операции во всех субъектах СКФО проходили акции в поддержку российских военнослужащих, участвующих в демилитаризации и денацификации Украины. Традиционно имели место мероприятия, связанные с популяризацией внутреннего туризма, привлечением интереса подрастающего поколения к объектам культурного наследия народов Северо-Кавказского региона. Наиболее значимым из них в последние годы стал молодёжный Форум «Машук», проходивший ежегодно в Пятигорске. Благодаря Всероссийскому конкурсу, направленному на выявление лучших региональных практик поддержки волонтёрского движения, последнее получило новый импульс для своего развития.

В настоящее время участниками волонтёрского движения в СКФО являются более 400 тысяч человек; при этом в их число входят волонтёры Победы, волонтёры-экологи, волонтёры культуры, волонтёры чрезвычайных ситуаций, волонтёры-медики. Они показали свою гражданскую зрелость и социальную ответственность в период разгула пандемии в 2020–2021 гг., а также свой патриотизм и героизм на полях сражений в рамках СВО.

В целом переход от мирной жизни к борьбе за русский мир ещё больше гальванизировал вопрос о гражданской идентичности молодёжи, о её готовности встать на защиту России, о её активности в различных областях общественной жизни. При этом важно понимать, что для формирования гражданской идентичности и активной жизненной позиции

молодого поколения нужны не одноразовые акции и проекты, а целый комплекс мероприятий общероссийского и регионального уровня, охватывающий всё многообразие социальных практик: от политических и экономических до культурно-идеологических и символических, которые основываются на традиционных духовно-нравственных ценностях и коллективном историческом опыте народов России.

Литература

1. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В.* Портфель идентичностей молодёжи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 18–27.
2. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2022–2025 гг. в Чеченской Республике Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Глава Чеченской Республики : [сайт]. URL : <https://chechnya.gov.ru/wp-content/uploads/documents/65-r-3.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).
3. *Паин Э. А., Федюнин С. Ю.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М. : Мысль, 2017. 266 с.
4. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Президент России : [сайт]. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 24.01.2024).
5. *Скопинцева Т. Ю.* Культурное наследие регионов России и проблемы формирования гражданской культуры молодёжи // Наследие веков. 2019. № 3. С. 13–28. DOI :10.36343/SB.2019.19.3.001.

Alexander I. ZORIN,

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Leading Researcher,
Department for the Heritage Studies and Expert Activities,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, azor115@rambler.ru.

On Some Practices of Forming the All-Russian Civic Identity of Youth in the North Caucasus

The paper analyzes some types of practices that used by the authorities of the North Caucasus Federal District for effective work on the formation of an All-Russian civic identity. The assessment of the state of interethnic relations in the early 20s of the

XXI century in the republics of the North Caucasus given, new “pain points” and the reasons for some strengthening of ethnicity in connection with domestic and foreign policy events are identified. Special attention paid to the need to strengthen work with young people, who, due to their social status and psychological instability, become the object of manipulation by various separatist, confessional and ethno-clan groups. The article concluded that in order to form a civic identity and an active lifestyle of the younger generation, not one-time actions and projects needed, but a whole range of events at the national and regional levels. These events should include all types of social practices: from political and economic to cultural, ideological and symbolic. They should base on traditional spiritual and moral values and the collective historical experience of the peoples of Russia.

Keywords: youth, North Caucasus, values, identity, ethnic identity, all-Russian civic identity, political, economic, socio-cultural and symbolic practices.

*Л. Р. Барахоева**

Гражданская идентичность молодёжи Республики Ингушетия в контексте государственной политики: опыт эмпирического исследования

Уровень сформированности гражданской идентичности определяет степень консолидации гражданского общества и перспективы его развития, в связи с чем формирование гражданской идентичности находится в центре внимания государственных структур и является одним из приоритетных направлений государственной национальной политики и политики безопасности Российской Федерации. Полиэтничность и поликонфессиональность России, отсутствие общей государственной идеологии, сложность современной геополитической ситуации, которая может быть использована деструктивными силами для размывания общероссийской идентичности народов Северного Кавказа и распространения идеологии экстремизма и терроризма, особо актуализируют исследование данного вопроса.

Целью исследования является обоснование направлений и форм целенаправленного воздействия на молодёжь Республики Ингушетия для повышения уровня сформированности гражданской идентичности. Эмпирическая основа исследования: социологический опрос, проводившийся в апреле и мае 2023 г. в форме массового стихийного (сплошного) опроса молодёжи Республики Ингушетия, обучающейся в различных учебных заведениях региона. В опросе приняли участие 3013 чел., из них 2637 — моло-

* БАРАХОЕВА Людмила Руслановна, кандидат экономических наук, заведующий отделом социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия, lirout@mail.ru.

дѣжь в возрасте 14–18 лет, в том числе 1080 чел. (40,96 %) — мужского пола и 1557 чел. (59,04 %) — женского пола. Методологическую базу исследования составляют социокультурный, структурный, системный подходы, а также методы логического анализа.

Представлены основные результаты исследования, характеризующие представления молодѣжь о своих социальных ролях, её отношение к отдельным социальным группам, коммуникативные установки, уровень сформированности гражданской идентичности молодѣжь, а также позволяющие выявить проблемные зоны в формировании гражданской идентичности молодѣжь в современных социокультурных и социально-экономических условиях и определить приоритетные направления по повышению её уровня. Результаты исследования могут быть использованы в подготовке рекомендаций для сотрудников, занимающихся воспитательной и образовательной деятельностью, для повышения эффективности их работы, направленной на формирование гражданской идентичности молодѣжь, а также могут быть востребованы научным сообществом для дальнейшего изучения исследуемого феномена соответствующими государственными структурами при разработке или модернизации образовательной и молодѣжьной политики региона.

Ключевые слова: гражданская идентичность, общероссийская гражданская идентичность, этническая идентичность, патриотизм, толерантность, молодѣжь, социально-экономическое развитие региона, социокультурная среда, Республика Ингушетия.

Формирование и укрепление гражданской идентичности — один из ключевых факторов социальной стабильности, гражданского мира и сплочѣнности общества. В ряде нормативно-правовых актов Российской Федерации, в частности, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года и в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирование гражданской идентичности выделено в качестве одной из основных целей государственной политики Российской Федерации.

В настоящем исследовании под формированием гражданской идентичности понимается сложный процесс формирования гражданской ответственности, чувства патриотизма и гордости за страну, ценностного отношения к моральным и правовым нормам, государственно-му языку, истории, культурному наследию и достижениям государства.

С целью исследования формирования гражданской идентичности молодѣжь автором в апреле — мае 2023 г. был проведѣн социологический опрос молодѣжь Республики Ингушетия в форме онлайн-анкетирования. Выбор молодѣжь в качестве объекта исследования связан с тем, что именно в этом возрасте наиболее интенсивно формируются различные виды идентичностей.

Опросник включал перечневые, табличные и открытые вопросы, специально подобранные для решения поставленных задач: оценить сформированность когнитивного, аксиологического, эмоционально-оценочного и деятельностного компонентов гражданской идентичности, представления молодёжи о патриотизме и о формировании её политических взглядов, о восприятии себя в социуме и др. Был использован широкий спектр методик, но в данном исследовании представлены результаты диагностики по некоторым из них, в частности, «Мой выбор» И. В. Кожанова [6, с. 427–428], «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой [9, с. 46–50], «Типы гражданской идентичности» Р. В. Борисова [3, с. 95, 96], «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой [9, с. 140–146], а также адаптированному варианту методики «Размышляем о жизненном опыте» Н. Е. Щурковой [6, с. 428–430].

Республика Ингушетия является одним из самых молодых регионов России: на 1 января 2023 г. доля молодёжи в структуре населения региона составила 39,12 % (203 085 чел. в возрасте от 14 до 35 лет), в том числе 9,04 % в возрасте от 14 до 18 лет (46 950 чел.). Социологический опрос прошли 3013 чел., из них 2637 — учащиеся старших классов школ.

После тщательного анализа были отобраны 2192 анкеты, из них 856 заполнены респондентами мужского пола, 1336 — респондентами женского пола. Из 2192 респондентов в сельской местности обучаются 62,5 %, в городе — 24,1 %, не указали место обучения — 13,4 %. Распределение респондентов по возрасту: 1042 чел. в возрасте 14 лет, 600 чел. — 15 лет, 329 чел. — 16 лет, 221 чел. — 17–18 лет.

Отметим, что задача репрезентации выборки не ставилась, а потому распространить результаты исследования для характеристики всей генеральной совокупности (молодёжи Республики Ингушетия в возрасте от 14 до 35 лет) не представляется возможным, тем не менее анализ данных позволил оценить общую картину по выборке, выявить тревожные маркеры и направления для целенаправленной работы.

Диагностика молодёжи Республики Ингушетия в возрасте от 14 до 18 лет по методике И. В. Кожанова «Мой выбор», позволяющей оценить сформированность ценностно-ориентировочного компонента гражданской идентичности, показала, что у 71,53 % участников опроса наблюдается высокий уровень, а у 28,47 % — средний уровень сформированности данного компонента гражданской идентичности (табл. 1).

Анализ ответов на отдельные вопросы показал, что:

- 78,93 % опрошенных проявляют интерес и делятся знаниями об истории своего народа, заботятся о сохранении его исторических памятников;
- 75,45 % — интересуются традициями родного народа, изучают их и прививают остальным;
- 64,69 % — проявляют интерес к истории России, гордятся историческим прошлым страны, рассказывают об этом другим;
- 89,42 % — относятся с любовью к своим родителям, выражают благодарность и ценят родителей за заботу, считают, что родители делают для них всё возможное;
- 45,58 % — заявили, что ни при каких условиях не покинут РФ, 24,05 % респондентов допускают свой отъезд из страны, 30,38 % — затруднились с ответом;
- 81,7 % респондентов считают, что качественное образование является залогом хорошей работы;
- 84,58 % — проявляют сочувствие и оказывают помощь слабым, больным и беспомощным.

Таблица 1

**Результаты диагностики
по методике «Мой выбор», чел. (%)**

Уровень	Всего	Пол респондента		Возраст респондента, лет			
		муж.	жен.	14	15	16	17–18
Средний	624 (28,47)	280 (32,71)	344 (25,75)	280 (26,87)	182 (30,33)	99 (30,09)	63 (28,51)
Высокий	1568 (71,53)	576 (67,29)	992 (74,25)	762 (73,13)	418 (69,67)	230 (69,91)	158 (71,49)

Материалы нашего исследования по данной методике позволили выявить ряд тревожных симптомов:

- 13,78 % респондентов допускают, что, в случае отсутствия последствий, могут преступить закон;
- 23,08 % опрошенных считают, что для обеспечения порядка и безопасности в стране допустимо нарушать закон;
- 47,95 % опрошенных считают допустимым вести себя в соответствии со своими культурными традициями, даже если они нарушают нормы местного населения.

Результаты диагностики по методике «Типы гражданской идентичности» Р. В. Борисова показали следующее:

- выраженная позитивная гражданская идентичность отмечена у 1388 чел., или 63,32 % опрошенных. По данной шкале среднее значение по выборке составило 16,04 балла. Позитивная гражданская идентичность трактуется как сильная привязанность к стране, ощущение гордости за свою принадлежность к ней, уважение её культурных традиций, разделение её ценностей и др.;
- выраженная гиперпозитивная гражданская идентичность отмечена у 378 чел., или у 17,24 % опрошенных. По данной шкале средний балл составил 11,1. Гиперпозитивная гражданская идентичность трактуется как чрезмерная приверженность к своей стране, нации, культуре, что может принять негативную окраску — привести к конфликтам в отношениях с другими нациями. Респондентов данной группы необходимо обучать толерантности, терпимости к другим нациям, межкультурному взаимодействию и прививать им гражданские ценности;
- выраженная негативная гражданская идентичность отмечена у 110 чел. или 5,02 % опрошенных. Средний балл по данной шкале составил 5,86. Негативная гражданская идентичность определяется как неприятие своей страны, её истории и культуры и может выражаться в проявлении неуважения, несоблюдении правил и законов общества и др. Работа с респондентами данной группы должна вестись в рамках следующих направлений: во-первых, это повышение образовательного уровня, в частности, доведение информации о культуре, обычаях и традициях страны, выдающихся личностях, внёсших существенный вклад в развитие общества; во-вторых, это развенчание стереотипов и предрассудков касательно истории, достижений, культурных традиций страны; в-третьих, это работа по развитию межкультурного взаимодействия в тех или иных формах (ярмарки, форумы, конкурсы и пр.); в-четвертых, это профилактика национализма и ксенофобии, а именно разработка и внедрение различного рода программ, направленных на противодействие этим негативным явлениям; в-пятых, это решение социальных проблем, таких как хроническая безработица, социальное неравенство и пр.

Анализ ответов на отдельные вопросы данной методики показал следующее:

- 45,39 % опрошенных считают, что национальные интересы страны стоят выше личных интересов, категорически не согласны с этим утверждением 10,22 % опрошенных;
- стыд за россиян испытывает каждый пятый респондент, 37 % опрошенных в категоричной форме ответили, что никакого стыда за россиян не испытывают;
- 50,96 % опрошенных полагают, что для защиты государственных интересов оправданы любые средства, в том числе военные, категорически не согласны с ними 6,48 % опрошенных;
- 34,85 % опрошенных считают, что Россия имеет право решать свои проблемы и задачи за счёт других народов мира, поскольку играет особую роль в мировой истории, обладает большими размерами и мощью, категорически не согласны с ними 16,2 % опрошенных;
- чувствуют неполноценность и ущербность из-за того, что являются гражданами России 14,87 % опрошенных, 55,75 % опрошенных полностью отрицают подобные чувства;
- 37,13 % опрошенных считают своих сограждан намного более культурными и образованными в сравнении с представителями других стран, 13,73 % опрошенных категорически не согласны с ними;
- 80,93 % гордятся тем, что являются гражданами России, но при этом относятся с уважением к гражданам других стран мира, 2,6 % опрошенных подобных чувств не испытывают;
- 79,92 % опрошенных считают, что все граждане страны представляют собой единую и неделимую российскую нацию, 3,56 % опрошенных категорически не согласны с ними.

Результаты диагностики по методике «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой показывают, что общий уровень толерантности по всей совокупности респондентов изменяется в диапазоне от 47 до 119 баллов. Лишь у трёх респондентов общая сумма баллов выше 115, что может указывать на размывание границ толерантности, обусловленное психологически незрелым поведением, склонностью к попустительству, либо на то, что респондент намеренно даёт ответы, которые считает социально приемлемыми или желательными.

Подавляющее большинство опрошенных (92,02 %) имеют средний уровень толерантности. Высокий уровень толерантности наблюдается у 7,34% опрошенных, только 0,64% всей совокупности респондентов имеют низкий уровень толерантности (табл. 2).

Среднее значение по шкале «общий уровень толерантности» составило 86,28 балла.

Анализ результатов диагностики по данной методике в разрезе выделенных групп респондентов позволил сделать следующие выводы:

- в группе респондентов женского пола доля лиц с высоким уровнем толерантности больше, чем в группе респондентов мужского пола;
- с увеличением возраста респондентов доля лиц со средним уровнем толерантности снижается и увеличивается доля лиц с высоким уровнем толерантности, хотя чёткой динамики не отмечено из-за скачкообразных изменений показателей.

У 74,82% респондентов наблюдается средний уровень этнической толерантности, у 22,63% — высокий уровень этнической толерантности, у 2,55% — низкий. В среднем по совокупности уровень этнической толерантности составил 28,07 балла, что соответствует среднему уровню.

Таблица 2

Процентное распределение респондентов по уровню толерантности

Уровень	Всего	Пол респондента		Возраст респондента, лет			
		муж.	жен.	14	15	16	17–18
Уровень толерантности							
Низкий	0,64	0,82	0,52	0,86	0,33	0,30	0,90
Средний	92,02	94,16	90,64	91,55	93,83	91,49	90,05
Высокий	7,34	5,02	8,83	7,58	5,83	8,21	9,05
Этническая толерантность							
Низкий	2,55	3,39	2,02	2,40	3,00	1,52	3,62
Средний	74,82	77,34	73,20	75,91	73,17	74,16	75,11
Высокий	22,63	19,28	24,78	21,69	23,83	24,32	21,27

Окончание табл. 2

Уровень	Всего	Пол респондента		Возраст респондента, лет			
		муж.	жен.	14	15	16	17–18
Социальная толерантность							
Низкий	4,15	4,44	3,97	4,41	3,83	5,17	2,26
Средний	92,20	92,29	92,14	91,36	93,17	91,79	94,12
Высокий	3,65	3,27	3,89	4,22	3,00	3,04	3,62
Толерантность как черта личности							
Низкий	2,46	2,92	2,17	2,40	2,33	3,34	1,81
Средний	74,18	75,47	73,43	74,66	75,00	75,08	68,78
Высокий	23,36	21,61	24,40	22,94	22,67	21,58	29,41

Обратим внимание на ответы по отдельным утверждениям, включённым в этот блок:

- 61,49 % опрошенных не согласны с тем, что нормально считать свой народ лучше других народов;
- не согласились с утверждением о том, что к некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться, 67,02 % опрошенных;
- 76,96 % опрошенных не считают, что к кавказцам будут относиться лучше, если они изменят своё поведение;
- представителей других национальностей готовы видеть среди своих друзей 66,38 % опрошенных, однако лишь 52,55 % готовы видеть их в качестве членов своей семьи;
- 29,64 % убеждены в том, что в браках между людьми разных национальностей проблем больше, чем в браках между людьми одной национальности.

Исследование отношения молодёжи к различным социальным группам и её установок по отношению к некоторым социальным процессам показало следующее: из всей совокупности опрошенных только у 3,65 % высокий уровень социальной толерантности, а подавляющая масса респондентов (92,2 %) имеет средний уровень социальной толерантности, а у 4,15 % респондентов наблюдается низкий уровень социальной толерантности. Среднее значение по шкале «социальная толерантность» составило 29,66 баллов.

Результаты опроса в рамках данного блока выявили следующее:

- 79,69 % опрошенных не разделяют мнение о том, что нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах;
- 62,13 % респондентов не согласны с утверждением о необходимости изоляции всех психически больных людей;
- 44,79 % опрошенных считают, что у местного населения проблем не меньше, чем у беженцев, а потому последним надо помогать не больше, чем всем остальным, категорически не согласны с ними 29,61 % опрошенных;
- 65,28 % респондентов считают, что для наведения порядка в стране необходима «сильная рука», каждый пятый категорически с ними не согласен;
- 60,58 % респондентов считают, что местные жители и приезжие должны иметь одинаковые права, 20,21 % респондентов категорически не согласны с ними;
- 66,33 % респондентов разделяют мнение о том, что любые религиозные течения имеют право на существование, не согласны с этим мнением 18,94 % респондентов.

Отношение человека к миру во многом определяется его личностными чертами, убеждениями и установками. Исследование данных категорий в рамках данной методики было проведено с помощью блока вопросов, характеризующих уровень толерантности как черты личности. Материалы исследования показали, что:

- у 23,31 % наблюдается высокий уровень, у 74,22 % респондентов — средний уровень, а у 2,46 % — низкий уровень толерантности как черты личности. Таким образом, можно сделать вывод, что этот тип толерантности, который некоторые исследователи называют общечеловеческой толерантностью, является более сформированным. Среднее значение по шкале «толерантность как черта личности» составило 28,55 баллов;
- 70,35 % опрошенных хотят стать более терпимыми по отношению к другим людям, 18,2 % — категорически нет.

В разрезе всех видов толерантности у респондентов женского пола больше доля лиц, имеющих высокий уровень толерантности. В разрезе групп респондентов по возрастам сложно сделать однозначные выводы, но можно отметить, что чем старше группа респондентов, тем больше в ней доля респондентов с высоким уровнем толерантности (выбивается из динамики группа респондентов в возрасте 15 лет).

Анализ результатов исследования типов этнической идентичности по методике Г. У. Солдатовой и С. В. Рыжовой показал следующее (табл. 3):

- повышенный уровень этнонигилизма отмечен у 8,21 % респондентов, у 4,15 % — он на высоком уровне;
- повышенный уровень этнической индифферентности отмечен у 19,16 % респондентов, а у 6,34 % — высокий уровень;
- у 31,52 % и 50,82 % опрошенных наблюдается, соответственно, повышенный и высокий уровень нормальной этнической идентичности;
- у 10,26 % опрошенных повышенный уровень этноэгоизма, у 5,52 % — высокий;
- у 11,54 % респондентов — повышенный уровень этноизоляционизма, у 4,7 % — высокий;
- повышенный уровень этнофанатизма наблюдается у 20,48 % респондентов, а высокий — у 7,39 % респондентов.

Таблица 3

**Процентное распределение респондентов по степеням
выраженности типов этнической идентичности**

Степень выраженности	Типы этнической идентичности					
	этнонигилизм	этническая индифферентность	нормальная этническая идентичность	этноэгоизм	этноизоляционизм	этнофанатизм
Тенденция отсутствует	12,64	0,55	0,32	5,02	5,16	1,28
Низкий показатель	34,63	4,06	0,46	21,44	19,62	7,30
Пониженный показатель	21,62	24,77	2,10	32,44	31,89	25,00
Средний показатель	18,75	45,12	14,78	25,32	27,10	38,55
Повышенный показатель	8,21	19,16	31,52	10,26	11,54	20,48
Высокий показатель	4,15	6,34	50,82	5,52	4,70	7,39

Анализ ответов на отдельные вопросы в рамках данной методики показал следующее:

- отрицательно относятся к межнациональным бракам 22,44 % опрошенных, поскольку видят в них один из факторов, разрушающих народ, 28,15 % — категорически не согласны с этим, 24 % — затруднились с ответом на данный вопрос;
- 27,14 % опрошенных ставят права нации выше прав человека, 19,94 % респондентов категорически не согласны с ними, затруднились с ответом 33,35 % респондентов;
- 21,67 % опрошенных часто испытывают чувство стыда за представителей своей национальности, 38,14 % — полностью отрицают подобные чувства, 23,95 % — затруднились с ответом;
- 42,33 % респондентов считают, что для защиты интересов своего народа хороши любые средства, 10,95 % — категорически не согласны с ними, а 33,35 % — затруднились с ответом;
- превосходство своего народа над другими нередко чувствует каждый третий респондент, категорически не согласны с ними 22,76 %, а 26,46 % — в чём-то согласны, в чём-то нет;
- необходимость в сохранении чистоты нации видят 69,98 % опрошенных, 11,82 % — не видят такой необходимости, в том числе категорически её отрицают 5,25 % опрошенных, 18,2 % — в чём-то видят такую необходимость, в чём-то нет;
- 18,16 % респондентов видят во взаимодействии с представителями других наций источник проблем, не согласны с ними 59,35 % респондентов, 22,49 % респондентов в чём-то согласны, в чём-то нет;
- 18,84 % респондентов поддерживают идею о том, что их народ имеет право решать свои проблемы за счёт других народов, 57,81 % опрошенных с ними не согласны, в том числе 33,9 % — категорически не согласны, 23,36 % — затруднились с ответом;
- 30,71 % респондентов убеждены в том, что их народ более одаренный и развитый по сравнению с другими народами, 37,92 % респондентов не согласны с ними, 31,39 % респондентов в чём-то согласны, в чём-то нет;
- 18,65 % респондентов считают, что на их национальной территории должно существовать ограничение на проживание

представителей иных национальностей, не согласны с ними 59,99 % респондентов (в том числе категорически не согласны 39,69 %), в чём-то согласны, в чём-то нет 21,35 % респондентов;

- 69,93 % респондентов ответили, что всегда находят возможность мирно договориться в межнациональном споре, 9,62 % — не всегда находят такую возможность, 20,44 % — иногда находят такую возможность, иногда нет;
- 35,95 % респондентов считают, что необходимо «очищение» культуры их народа от влияния иных культур, не видят в этом необходимости 33,58 %, затруднились с выбором однозначного ответа 30,47 %;
- 30,93 % респондентов считают, что все права пользования природными и социальными ресурсами на их земле должны принадлежать только их народу, 43,31 % респондентов не согласны с ними, 26,64 % респондентов затруднились с выбором однозначного ответа;
- 26,05 % опрошенных никогда не относились серьёзно к межнациональным проблемам, 47,26 % — серьёзно воспринимают подобные проблемы, 26,64 % — затруднились дать однозначный ответ на этот вопрос;
- 71,95 % респондентов считают, что их народ не лучше или не хуже другого, 9,31 % респондентов не согласны с ними, в том числе категорически не согласны 5,52 % респондентов, 18,75 % участников исследования в чём-то согласны, в чём-то нет.

Тестирование по методике Н. Е. Щурковой «Размышляем о жизненном опыте» позволило сделать следующие выводы:

- явное проявление себя как представителя определённого этноса отмечается у 80,25 % опрошенных, слабое — у 18,98 %, у оставшихся 0,78 % респондентов оно отсутствует;
- высокую гражданскую активность на уровне РФ проявляет каждый пятый участник опроса, 68 % — проявляют среднюю гражданскую активность, 10,5 % — низкую;
- высокая культура поведения наблюдается у 84,4 % респондентов, средняя — у 15 %, низкая — 0,6 %;
- признаки национализма и этноэгоизма отмечены у 13,18 % респондентов.

Таким образом, диагностика по данной методике показала, что в структуре деятельностного компонента идентичности наиболее сформированы общечеловеческая и этническая составляющие идентичности.

Анализ ответов на отдельные вопросы по данной методике показал, что:

- 72,17 % участников опроса придерживаются здорового образа жизни, под которым понимают сочетание таких факторов, как правильное питание, отсутствие вредных привычек, регулярные занятия физкультурой или спортом;
- 20,26 % — считают, что их образ жизни можно назвать здоровым, так как присутствует один из перечисленных выше факторов;
- 7,57 % — не придерживаются здорового образа жизни и считают, что это не для них;
- 75,36 % участников опроса разговаривают на родном языке всегда, когда уверены, что их поймут; 18,11 % — используют родной язык только тогда, когда с ними заговорят на нём; 6,52 % — не знают родного языка;
- 74,68 % участников опроса отметили необходимость и важность для себя приобщения к обычаям и традициям своего народа; 12,68 % — ответили, что оно продолжается недолго; 12,64 % — ответили, что приобщение к традициям и обычаям своего народа им не свойственно либо происходит под внешним принуждением.

В целом анализ результатов социологического исследования позволил сделать вывод о том, что в основном наблюдается средний уровень сформированности всех компонентов гражданской идентичности, очень мала доля респондентов с высоким уровнем сформированности гражданской идентичности, что во многом объясняется разрывом между ресурсным потенциалом страны и реальным качеством жизни её населения, а также региональными проблемами, в частности, низким уровнем социально-экономического развития. В научной среде неоднократно поднимался вопрос о влиянии социально-экономических и социокультурных условий на уровень сформированности гражданской идентичности, в этой связи автором был проведён анализ социально-экономического развития региона в динамике за 2010–2021 гг. (табл. 4).

Таблица 4

**Показатели социально-экономического
развития Республики Ингушетия за 2010–2021 гг.¹**

Показатели	Годы							
	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах), в процентах к предыдущему году	117,4	114,5	100,6	102,0	88,9	102,2	81,4	87,6
Индекс промышленного производства, в процентах к предыдущему году	н. д.	102,0	101,0	110,4	111,0	109,2	97,9	102,6
Индексы производства продукции сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий; в сопоставимых ценах), в % к предыдущему году	101,5	104,1	112,8	87,6	111,5	101,3	98,0	125,5
Индекс физического объема оборота розничной торговли (в сопоставимых ценах), в % к предыдущему году	106,0	93,1	95,2	99,8	107,7	100,1	98,9	104,8
Реальные денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	111,3	87,9	100,0	99,3	100,9	101,7	99,7	101,5
Реальная начисленная заработная плата работников организаций, в % к предыдущему году	107,8	85,1	99,3	98,5	108,1	104,9	104,3	98,2

¹ Составлено автором по данным издания «Регионы России. Социально-экономические показатели» [10].

Окончание табл. 4

Показатели	Годы							
	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	9630	15 191	15 739	15 801	16 163	16 614	16 877	18 139
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	12 855	21 481	22 488	22 750	25 367	27 410	29 648	31 362
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения региона, %	22,1	29,9	29,3	29,6	30,4	30,5	30,0	29,3
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	3228	7485	8118	8940	9360	9787	9421	10 468
Уровень безработицы, %	49,7	30,5	30,2	26,4	26,3	26,4	29,8	30,9
Общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)	27,1	18,5	16,3	16,3	16,3	16,4	16,3	16,4
Общий коэффициент смертности (число умерших на 1000 человек населения)	4,5	3,3	3,3	3,2	3,1	3	3,8	4,2

Валовой региональный продукт в номинальном выражении увеличился в 3,65 раза и составил 72 708,6 млн руб., что объясняется эффектом низкой базы и инфляцией (рис. 1).

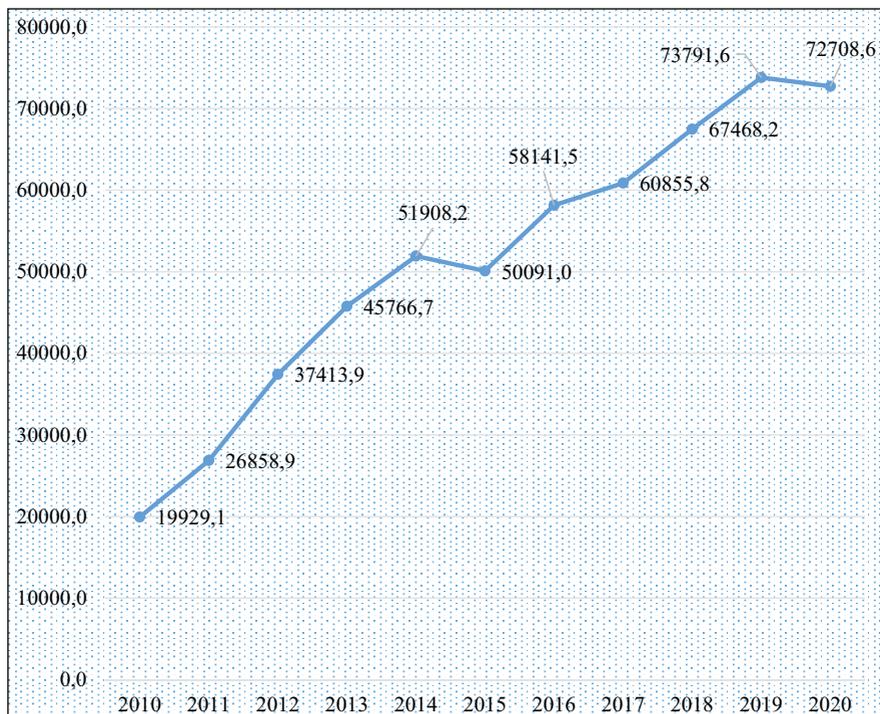

Рис. 1. *Динамика валового регионального продукта Республики Ингушетия за 2010–2020 гг, млн руб.*

В динамике индекса физического объёма валового регионального продукта Республики Ингушетия отчётливо прослеживается в том числе и влияние кризисов (рис. 2).

Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., валютный кризис в 2014–2015 гг. повлекли за собой ухудшение экономической ситуации в стране, снижение платёжеспособного спроса населения и хозяйствующих субъектов, сокращение инвестиций, что отразилось и на ВРП. В 2021 г. по размеру ВРП на душу населения регион находится на последнем, 85-м месте.

Прирост населения Республики Ингушетия за период с 2010 по 2021 гг. составил 109 тыс. чел., что объясняется высокой рождаемостью и низкой смертностью.

Несмотря на то, что общий коэффициент рождаемости за исследуемый период снизился на 10,7 и составил 16,4, по данному показателю

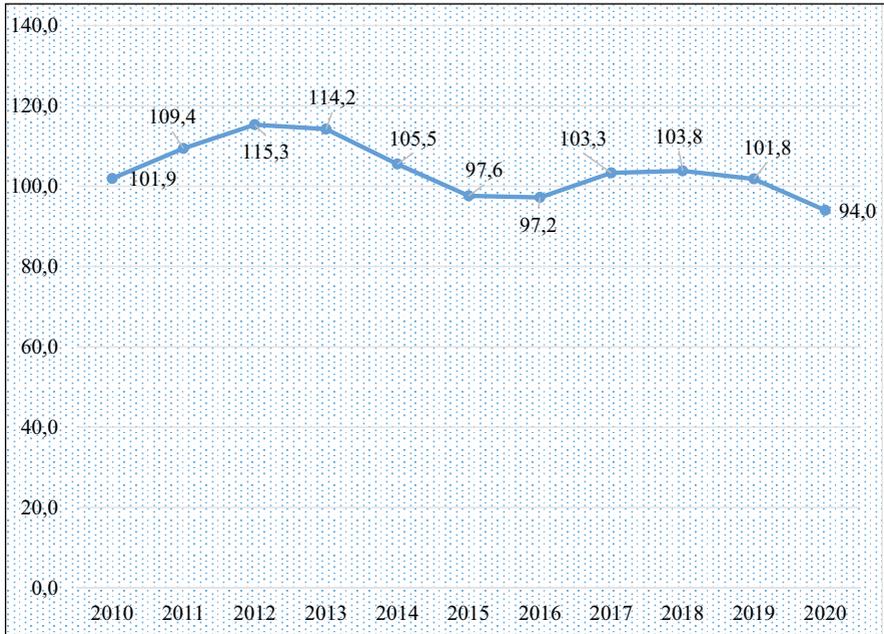

Рис. 2. Динамика индекса физического объема валового регионального продукта Республики Ингушетия (в постоянных ценах), в процентах к предыдущему году

регион находится на третьем месте по стране, уступая лишь Чеченской Республике (2 место) и Республике Тыва (1 место). Общий коэффициент смертности снизился на 0,3 и составил 4,2 — это самый низкий показатель по стране (самый высокий показатель смертности в Республике Мордовия — 6,8). За исследуемый период ожидаемая продолжительность жизни в Республике Ингушетия выросла с 74,71 до 80,52 лет, в среднем по стране — с 68,94 до 70,06. По данному показателю регион находится на первом месте по стране, однако последние два года наблюдается его снижение.

За период 2010–2021 гг. среднедушевые денежные доходы населения увеличились в 1,88 раза и составили 18 139 руб., за тот же период произошло сокращение реальных денежных доходов населения на 9,8 п. п.

В общей численности населения региона на 7,2 п. п. увеличилась доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в 2021 г. она составила 29,3 %, то есть почти треть населения живет за чертой бедности.

В 2021 г. по производству продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий регион занимает 67 место. Несмотря на благоприятный для развития сельского хозяйства климат, избыточность трудовых ресурсов, наличие чернозёмных плодородных почв, большая часть продуктов питания в регион ввозится из других регионов.

Удручающим фактом является и то, что по ряду показателей регион хронически находится на последнем месте в стране: уровень безработицы, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, среднедушевые денежные доходы населения, потребительские расходы в среднем на душу населения и т. д.

Средний возраст безработного в регионе составляет 32,8 года. Наиболее высокие уровни безработицы наблюдается в возрастных группах 15–19 лет (52,7 %) и 20–29 лет (52,3 %). В структуре безработных по уровню образования наибольшие доли занимают безработные со средним профессиональным образованием (44,9 %) и высшим образованием (35,5).

Одной из острых проблем экономики региона является неформальная (теневая) занятость. Следует отметить, что в регионах СКФО уровень неформальной занятости выше, чем в других регионах страны, что объясняется высокой долей сельского хозяйства, низким уровнем промышленного развития и преобладанием малого бизнеса. За период с 2012–2021 гг. среднегодовая численность занятых в Республике Ингушетия увеличилась до 184,1 тыс. чел., или на 74,34 %, а теневая занятость увеличилась до 97 тыс. чел., или в 2,16 раза. В 2021 г. наибольшая доля неформально занятых наблюдалась в Республике Ингушетия (52,7 %), Чеченской Республике (50 %), Республике Дагестан (49,1 %) и Кабардино-Балкарской Республике (48 %). В среднем по СКФО доля неформально занятых в общей доле занятых составила 44 %, что в 2 с лишним раза превышает средний уровень по стране (20,3 %) [10]. В 2022 г. уровень неформальной занятости в Республике Ингушетия был самым высоким по стране и составил 54 %. Второе место по уровню неформальной занятости занимала Республика Дагестан (51 %), третье место — Кабардино-Балкарская Республика (48 %).

По доле неформально занятых лидируют следующие отрасли: торговля и ремонт авто- и мототранспорта (29 %), сельское и лесное хозяйство, охота, ловля и разведение рыбы (16 %), отрасль транспортировки и хранения (11 %).

Причинами высокого уровня неформальной занятости являются: низкий уровень социально-экономического развития, высокая доля населения за чертой бедности, высокий уровень безработицы. В свою очередь, неформальная занятость ведёт к снижению прозрачности бизнеса, потере инвестиционной привлекательности, снижению собственных доходов бюджета Республики Ингушетия, а следовательно, к дополнительной нагрузке на бюджет, снижению уровня социальной обеспеченности населения региона, низкой собираемости платежей ресурсоснабжающими организациями, что влечёт в конечном итоге разрушение их материально-технической базы. Таким образом, неформальная занятость наносит серьёзный ущерб как экономике региона, так и в целом экономике страны.

В 2021 г. в структуре потребительских расходов домашних хозяйств наибольший удельный вес занимают расходы на продукты питания и безалкогольные напитки (46,8%), однако их доля снизилась на 14 п. п. по сравнению с 2010 г. Расходы на предметы домашнего обихода, бытовую технику и уход за домом увеличились по сравнению с 2010 г. на 8,1 п. п. и составили 14,9% всех расходов. Расходы на жилищно-коммунальные услуги и топливо составили 11,9%, что на 4,6 п. п. больше, чем в 2010 г. На отдых и культурные мероприятия средств расходуется меньше, чем в любом другом регионе страны (0,5%). Так, по численности зрителей театров регион находится на 82 месте, по числу посещений музеев на 41 месте. По количеству экземпляров книг в библиотечном фонде на 1000 чел. населения регион находится на 85 месте: 1288 шт., что ниже уровня 2010 г. в 2,32 раза. Численность пользователей библиотек за тот же период сократилось в 2 раза. По выпуску газет на 1000 чел. населения регион также занимает последнее место (10 экземпляров, что в 4,6 раза меньше, чем в 2010 г.).

Численность стадионов с трибунами на 1500 мест не изменилась (4 ед.), в то время как численность населения увеличилась на 109 тыс. чел. Количество плоскостных спортивных сооружений увеличилось на 64 ед. и составило 208 ед., спортивных залов — на 72 ед. и составило 163 ед., плавательных бассейнов — на 8 ед. (в 2010 г. не было ни одного). В то время как, согласно Приказу Министерства спорта РФ от 24 февраля 2021 г. № 108 «О рекомендованных нормативах и нормах обеспеченности населения объектами спортивной инфраструктуры», стадионов должно быть минимум 5, плоскостных спортсооружений — 572, спортивных залов — 307, плавательных бассейнов — 26.

В регионе недостаточно дошкольных учреждений и школ. За период с 2010 по 2021 г. валовой коэффициент охвата дошкольным образованием увеличился с 7,3 % до 44,8 %, однако по данному показателю регион занимает предпоследнее место. Регион занимает 83 место в стране по обеспеченности детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми: на 1000 детей приходится 450 мест.

В 2021/2022 учебном году удельный вес обучающихся во вторую и третью смены в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования, составил 25,3 %, что на 14,7 п. п. больше чем в 2010/2011 учебном году.

По количеству студентов на 1000 чел. населения (141 студент) регион занимает 72 место в стране. Численность аспирантов в 2021 г. всего лишь 37 человек, что ниже уровня 2010 г. в 2,8 раза.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что исследуемый регион хронически находится в числе аутсайдеров по ряду показателей социально-экономического развития. Социально-экономическая и социокультурная ситуация в регионе оказывают сильное влияние на самую уязвимую часть общества — молодёжь. Нехватка или отсутствие высших и средних профессиональных учебных учреждений по ряду направлений также ведёт к оттоку интеллектуально развитой молодёжи. Высокий уровень молодёжной безработицы, низкий уровень доходов вызывают у молодёжи неуверенность в завтрашнем дне, а отсюда и её желание уехать из региона или даже страны в поисках работы. В то же время верно и то, что состояние общества, уровень и качество его жизни во многом зависят от того, насколько граждане ощущают свою общность и ответственность за будущее региона и страны.

Социокультурная среда формирует современное общество, его ценностные представления. Незрелость социокультурной среды, недостаточное количество культурно-просветительских, культурно-досуговых, спортивных мероприятий ведёт к тому, что молодёжь уходит в виртуальную реальность, копирует образ жизни, манеры, привычки, взгляды, транслируемые через Интернет, телевидение и прочие средства связи. Помимо очевидной пользы виртуальная реальность как «воспитатель» культуры и духовности несёт и риски, например, такие как раскрепощённость социального поведения, манипулирование ин-

формацией и т. п. Так, в традиционном кавказском обществе важным столпом является почитание и уважение старших, однако в настоящее время в виртуальной реальности наблюдается негативное явление — анонимность в социальных сетях приводит к допустимости агрессии и грубости. Среди прочих негативных факторов — стереотипность мышления, некритическое восприятие действительности, следование доминирующим мнениям.

Исследование молодёжи региона показало, что у неё существует восхищение прошлым, нигилизм по отношению к настоящему, отсутствие или слабое представление образа будущего.

Подводя итоги исследования, отметим, что, учитывая сложившиеся социокультурные и социально-экономические условия в регионе, формирование гражданской идентичности молодёжи требует слаженной комплексной работы государственных органов, средств массовой информации, воспитательных и образовательных учреждений. Источниками патриотического воспитания при этом выступают история региона, народов, проживающих в нём, родной язык, национальная культура. При этом непосредственное участие в формировании правильных духовно-нравственных ориентиров, чувства патриотизма, гражданской идентичности должны принимать родители, поэтому необходимо повышать их образовательный уровень.

Необходимо понимать, что патриотизм и уровень сформированности гражданской идентичности зависят от того, имеются ли у молодёжи возможности для реализации себя, раскрытия своего потенциала, от открытого и прозрачного диалога между властью и обществом, существования социальных лифтов, от повышения включённости молодёжи в социокультурные институты и т. п. В этой связи необходимо формирование позитивного имиджа региона с целью повышения его привлекательности для молодёжи, сохранив при этом этнокультурную самобытность региона и уникальные традиции.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что очень мала доля респондентов с высоким уровнем сформированности гражданской идентичности, что на наш взгляд, во многом объясняется региональными проблемами, в частности, низким уровнем социально-экономического развития региона: жителям депрессивных регионов затруднительно ощущать себя полноправными гражданами, не имея тех же возможностей, что и жители более успешных регионов страны. В этой связи работа по формированию гражданской идентичности должна

включать и программу по развитию регионов и сглаживанию дифференциации между ними.

Формирование гражданской идентичности должно осуществляться с учётом современных тенденций: быть не только содержательным процессом, но и интересным, доступным для понимания, опираться на опыт и чувства молодёжи, быть направленным на формирование духовно-нравственных ценностей, развитие у молодёжи критического мышления, личной ответственности и гражданского самосознания.

В заключение отметим, что это первое столь масштабное исследование молодёжи Республики Ингушетия, касающееся вопросов формирования гражданской идентичности, поэтому собранные эмпирические данные являются уникальным материалом, отражающим ценностные установки молодёжи, её представления о своих социальных ролях и отношении к различным социальным группам, а также позволяющим выявить тревожные симптомы, требующие внимания. Дальнейшее исследование данной темы планируется по следующим перспективным направлениям: анализ медиаконтента, социальных сетей и социальных пабликов, пользующихся популярностью у молодёжи; исследование влияния социального самочувствия молодёжи на уровень сформированности общероссийской и этнической гражданской идентичностей; анализ структуры «портфеля идентичностей» молодёжи Республики Ингушетия.

Литература

1. *Авдеев Е. А., Воробьев С. М.* Общероссийская гражданская идентичность молодёжи Северного Кавказа: основные вызовы и риски конфликтности // ПОЛИТЭКС. 2021. № 1. С. 69–86.
2. *Беспалова Т. М.* Актуальность изучения сформированности гражданской идентичности личности в контексте подрывов традиционных устоев современного российского общества // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 10. С. 227–231.
3. *Борисов Р. В.* Гражданская идентичность в терминах психодиагностики // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 95–99.
4. *Бугайчук Т. В.* Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления // Социально-политические исследования. 2022. № 1. — С. 70–80.

5. Бугайчук Т. В. Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1. С. 5–22. DOI : 10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22.
6. Кожанов И. В. Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования : 13.00.01 : дисс. ... д-ра педагог. наук. Уфа, 2018. 463 с.
7. Невеличко Л. Г., Воротилкина И. М. Гражданская идентичность молодёжи: теоретические и практические аспекты исследования // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 1. С. 107–116. DOI : 10.22394/1818-4049-2022-98-1-107-116.
8. Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 24.02.2021 № 108 «О рекомендованных нормативах и нормах обеспеченности населения объектами спортивной инфраструктуры» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400561152/> (дата обращения: 10.05.2023).
9. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М. : Смысл, 2008. 172 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : стат. сб. / Росстат. М. : [Б. и.], 2022. 1122 с.
11. Численность занятых в неформальном секторе по типу занятости по субъектам Российской Федерации в 2021 г. // Информация по субъектам Российской Федерации. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). М. : Росстат, 2022. 151 с.
12. Чухин С. Г., Чухина Е. В. Сущность, структура и критерии сформированности гражданской идентичности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2022. № 1. С. 39–44. DOI : 10.25198/1814-6457-233-39.

Lyudmila R. BARAKHOEVA,

Cand. Sci. (Economic Sciences), Head, Department for Social and Political Research, Ch. Akhriev Ingush Scientific Research Institute, Magas, Russia, lirout@mail.ru

Civic Identity of the Youth of the Republic of Ingushetia in the Context of State Policy: Experience of Empirical Research

The level of formation of civil identity determines the degree of consolidation of civil society and the prospects for its development, and therefore, the formation of civil identity is in the focus of attention of government agencies and is one of the priority areas of state national policy and security policy of the Russian Federation. The multi-ethnicity and multi-confessional nature of Russia, the lack of a common state ideology, the complexity of the modern geopolitical situation, which can be used by destructive forces to erode the all-Russian identity of the peoples of the North Caucasus and spread the ideology of extremism and terrorism, make the study of this issue especially relevant.

The purpose of the study is to substantiate the directions and forms of targeted influence on the youth of the Republic of Ingushetia to increase the level of formation of civic identity. The empirical basis of the study: a sociological survey conducted in April–May 2023 in the form of the mass spontaneous (continuous) survey of young people of the Republic of Ingushetia studying in various educational institutions in the region. The 3013 people took part in the survey, of which 2637 were young people aged 14–18 years, including 1080 people (40,96 %) — male and 1557 people (59,04 %) — female.

The methodological basis of the study consists of sociocultural, structural, systemic approaches, as well as methods of logical analysis. The main results of the study presented. They characterized young people's ideas about their social roles, their attitude towards certain social groups, communicative attitudes, the level of formation of youth's civic identity, and make it possible to identify problem areas in the formation of youth's civic identity in modern sociocultural and socio-economic conditions.

The results of the study can be used in preparing recommendations for employees involved in educational activities to improve the effectiveness of their work aimed at forming the civic identity of young people and may also be in demand by the scientific community and the relevant government structures for further study and for the educational and youth regional policy.

Keywords: *civil identity, all-Russian civil identity, ethnic identity, patriotism, tolerance, youth, socio-economic development of the region, socio-cultural environment, Republic of Ingushetia.*

А. М. Суюхова*

Культурная жизнь полиэтничных регионов России и Германии и практики формирования социокультурной идентичности (на примере городов Майкоп и Баутцен)**

В статье проводится сравнительный анализ культурной жизни современных периферийных полиэтничных городов Германии и России — Баутцена и Майкопа — с целью определить основные формы культурных практик, способствующих поддержанию национальной и этнокультурной идентичности. Сравнение проводится по следующим направлениям: отношение к культурному и природному наследию, количественные и качественные показатели проводимых культурных мероприятий, образование в сфере культуры и искусства, деятельность общественных организаций по поддержке организаций культуры и культурных проектов, патронаж культуры этнических меньшинств, информатизация и цифровизация городской жизни, спортивные достижения. Основным выводом является тезис о том, что, несмотря на видимые отличия культурной жизни сравниваемых городов, культурная жизнь городов Баутцен и Майкоп обеспечивает жителям комфортные условия проживания, учитывает культурные потребности разных слоёв населения по этническому, половозрастному и профессиональному признакам, способствует гармоничному сочетанию в комплексе их идентичностей национальных и этнолокальных элементов.

Ключевые слова: культурные практики, полиэтничные регионы, имидж города, этнокультурная идентичность, Германия, Россия, Баутцен, Майкоп.

Каждый город мира имеет собственный имидж, состоящий из таких элементов, как архитектурный облик, социально-экономическая организация, историческая память, особенности социальных взаимодействий его жителей и пр., что в совокупности образует культурный

* СИУХОВА Аминет Магаметовна, доктор культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, amins_i@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530-4.

ландшафт места, где комфортно или некомфортно находиться конкретным людям. Во многом имидж города зависит от проводимой властями культурной политики, направленной на развитие многообразных сфер, образующих индивидуальность города как сложной социокультурной системы. Города, как люди, негласно соревнуются между собой за первенство по привлекательности для местных жителей и гостей, вследствие чего на обывательском уровне они могут подвергаться сравнению. В научном дискурсе также правомерно сравнивать различные аспекты городской жизни с целью обнаружения опыта выстраивания позитивного культурного имиджа, который может быть использован в других городах.

Цель нашей статьи — выявить общее и особенное в реализации культурной политики при сравнении двух периферийных городов России и Германии, по массовому признанию, имеющих привлекательный имидж и отвечающих качествам поддержания комплексной идентичности — национальной и локально этнической. Город Баутцен (Германия, Саксония) и Майкоп (Россия, Адыгея) находятся в достаточном отдалении от центральных регионов своих стран, по своим территориальным и демографическим характеристикам они схожи по отношению к общей территории и числу населения своего государства. По последним данным, в Баутцене проживает 42 тысячи, а в Майкопе 110 тысяч человек. Ещё один аспект, связывающий характеристики городов, — их полиэтничная структура. Баутцен является центром компактного проживания лужицких сербов на территории Германии, Майкоп — административный центр Республики Адыгея, где титульной нацией являются адыги. В обоих городах и сербы, и адыги не составляют большинства, а живут совместно с титульными этносами государства — немцами и русскими. По данным переписи населения 2010 г., в Майкопе адыгейцы составляют 18,19 %, лужицких сербов в Баутцене примерно столько же [3]. Несмотря на свои небольшие размеры и удалённость от центра, оба города имеют развитую инфраструктуру, богатое историческое и природное наследие.

Алгоритм определения эффективности реализации культурной политики нами был определён ранее при фокусном рассмотрении культурной жизни Баутцена [4], который основывался на теоретических положениях Р. П. Трофимовой [5]. При сравнении качества культурной жизни городов важно рассмотреть такие вопросы, как отношение к историческому культурному наследию, культурные мероприятия и охват участников, художественная жизнь, образование в сфере искусства, культура этнических меньшинств, информатизация, спорт.

Культурное наследие. Оба города сформировались в разные периоды истории, чему способствовали несхожие причины. Баутцен возник в средневековье (первое упоминание в источниках — 1002 г.) на месте разработки медных рудников в результате налаживания промышленного производства меди [6]. Майкоп упоминается с середины XIX в. как военное укрепление российской царской армии во время длительной кавказской войны [2]. При этом оба города обладают богатым культурным и природным наследием. Живописные предгорные ландшафты подчёркивают их архитектурное своеобразие и особое очарование.

Баутцен — город средневековых башен, многие из которых во время Второй мировой войны были разрушены. После воссоединения ГДР и ФРГ в 1990 г. правительством Германии были выделены немалые средства на восстановление исторического культурного ландшафта.

Майкоп имеет в своём архитектурном арсенале добротные эстетически выразительные здания постройки рубежа XIX–XX вв., а также общественные строения культурного назначения второй половины XX в. — Национальный музей и Адыгейская государственная филармония, — преломляющие эстетику древних кавказских артефактов — дольменов.

В каждом городе имеются богатые музейные коллекции археологических находок, раскрывающих древнюю историю этих земель. Администрации регионов, к которым относятся Баутцен и Майкоп, стараются сохранить имеющееся культурное и природное достояние, выделяя на это немалые финансовые средства.

Культурные мероприятия. Города Майкоп и Баутцен, несмотря на своё периферийное расположение, имеют развитую инфраструктуру культурных учреждений (см. табл. 1).

Таблица 1

**Количественное сравнение организаций культуры
в Майкопе и Баутцене**

Учреждения культуры	Майкоп	Баутцен
Драматический театр	2	2
Музыкальный театр	1	–
Музеи	2	2
Библиотеки	2	2
Симфонический оркестр	1	–

Окончание табл. 1

Учреждения культуры	Майкоп	Баутцен
Музыкально-хореографические ансамбли	3	2
Оркестр народных инструментов	1	1
Духовой оркестр	1	1
Самодетельные художественные коллективы	более 20	более 20
Художественные галереи	1	3

Однако, основываясь на материалах городских порталов, возникает впечатление, что в немецком городе культурная жизнь чуть более разнообразна и интенсивна. Новости городского сайта Баутцена в основном содержат информацию о почти ежедневно проводимых культурных мероприятиях — выставках живописных работ, спектаклях, фестивалях, концертах, клубных мероприятиях по интересам для различных категорий населения (пожилых, молодёжи, детей), экскурсий и пр. Майкопский сайт уделяет культурной жизни города меньше внимания. В большей степени новостная информация касается деятельности правительства и главы республики по развитию социально-экономической инфраструктуры региона — строительству дорог, газификации, открытию новых учреждений социальной направленности — больниц, школ. Культурные события, происходящие в Майкопе, также освещаются на страницах сайта. Анонсируются и комментируются открытия музейных экспозиций, выставок художников, организации фестивалей, проведение конкурсов среди молодёжи по разным видам творчества и пр.

Следует признать, что если в Баутцене культурные мероприятия проходят почти ежедневно и о них выкладывается на сайте иллюстрированная информация, то в Майкопе подобная информация появляется гораздо реже (см. табл. 2).

Таблица 2

Количественное сравнение новостных материалов о культурных мероприятиях на интернет-площадках Майкопа и Баутцена

Лента событий на портале VK, Майкоп (01.09 — 30.09.2022)	Лента событий на сайте, Баутцен (01.09 — 30.09.2022)
Всего новостей — 165	Всего новостей — 300
Из них, касающиеся культурных мероприятий — 29	Из них, касающиеся культурных мероприятий — более 200

Важным отличием художественной жизни Баутцена является поддержка организаций культуры и искусства со стороны общественных организаций. У каждого творческого коллектива или планового культурного мероприятия есть сопровождение от организации друзей (Друзья Баутценской музыкальной школы, Друзья Сербско-немецкого народного театра и т. д.). Эти организации оказывают разнообразную поддержку коллективам и проектам — финансовую, организационную, информационную. В Майкопе такая практика — редкость (главные «друзья» всех культурных организаций и проектов — Министерство культуры Республики Адыгея либо Фонд президентских грантов Российской Федерации).

Образование в сфере искусства. Оба сравниваемые города имеют учреждения, в которых жители разных возрастов обучаются музыке, хореографии, живописи и пр. (см. табл. 3).

Таблица 3

Количественное сравнение образовательных учреждений в сфере культуры и искусств

Образовательные учреждения в сфере культуры и искусства	Майкоп	Баутцен
Музыкальные школы	4	1
Художественные школы	1	1
Хореографические студии	5	3
Колледж искусств	1	–
Институт искусств	1	–

При этом можно говорить о разном подходе к обучению в этих организациях. В немецком городе музыкальные школы и художественные студии — это прежде всего досуговые учреждения, где обучающиеся реализуют свои эстетические потребности в формате хобби. Образовательные программы не имеют стандартов и ориентируются на индивидуальные эстетические потребности ученика. В Майкопе, как и во всей России, подобные учреждения входят в систему ДПО (дополнительное профессиональное образование), обучение осуществляется на основе государственных стандартов и ориентируется на достижение высоких результатов, в дальнейшем способствующих получению профессии в данном направлении. Естественным образом, результатив-

ность большинства майкопских обучающихся в сфере искусства выше, чем в Баутцене. В списке известных личностей Баутцена нет ни одного деятеля искусств (в основном — это политические деятели), Майкоп же дал искусству несколько значительных персон, имеющих авторитет в стране — писатель Евгений Шварц, актриса Лия Ахеджакова, оперные вокалистки Марина Шагуч и Маргарита Мамсирова, художники Абдулах Берсиров и Феликс Петуваш и др.

Культура этнических меньшинств. В данном отношении и Баутцен, и Майкоп демонстрируют высокий уровень поддержки автохтонных этносообществ. В Баутцене работают школа и университет, где обучение осуществляется на серболужицком языке, действует Сербский научно-исследовательский институт, ведущий изыскания в сфере серболужицкой культуры и языка. Эффективно работают художественные коллективы — Сербский народный театр и Сербский ансамбль народного танца. Ведётся теле- и радиовещание на серболужицком языке, выпускается газета и журнал. В Майкопе работает начальная школа, в которой обучение ведётся на адыгейском языке. При Адыгейском государственном университете функционирует национальный факультет, где изучают адыгскую литературу и филологию. Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева ведёт научную работу по анализу адыгской истории и культуры. Работают Адыгейский драматический театр, представляющий спектакли на адыгейском языке, два филармонических коллектива («Нальмэс» и «Исламей»), исполняющих национальную музыку и танцы. Также действуют множество детских хореографических коллективов адыгских народных танцев. На телевидении и радио ведутся передачи на адыгейском языке, выпускаются печатные периодические издания — газета и журнал. В обоих городах регулярно проводятся фестивали национальной культуры и искусства.

Информатизация. В планах развития территорий современных государств вопрос цифровизации стоит на одном из первых мест, так как без этого невозможно ускорение социально-экономического развития. По охвату регионов Интернетом сегодня произошло выравнивание, многие ранее отстающие в этом плане страны (в том числе — и Россия) догнали по показателям ведущие страны. При этом использование цифровых технологий в повседневной практике граждан в России даже превышает показатели некоторых развитых стран. Наиболее наглядно это можно рассмотреть на примере взаимодействия

россиян с бюрократическими структурами государственной власти. Для получения необходимой справки по поводу, например, регистрации по месту жительства, либо получения санкционированных государством выплат, достаточно подать онлайн-заявку на портале Госуслуг. Документы будут готовы строго в обозначенный срок. В Германии же, по свидетельству блогеров-эмигрантов, за каждой справкой необходимо ходить лично по инстанциям, и иногда на это уходит больше месяца.

Другая сторона информатизации — организация цифровой информированности населения о важных событиях, происходящих в мире и в своём населённом пункте. Для этого в муниципальных образованиях организуется работа сайтов, где житель города и приезжий может найти всю необходимую информацию для нормальной жизни в этом месте. Следует заметить, что городской сайт во многом формирует определённый имидж города. По эстетическому оформлению, понятности навигации, акценту на определённую по содержанию информацию у посетителя сайта формируется оценочное суждение об облике города, уровню его дружелюбности к жителям и гостям и пр.

Городские сайты и Майкопа и Баутцена выполнены профессионально, имеют чёткую структуру, освещают важные сферы городской жизни. Однако следует отметить бóльшую эстетичность немецкого городского портала за счёт широкого использования фото высокого качества. Также сайт Баутцена отличается быстрой обновляемостью информации, что нельзя сказать о сайте Майкопа. Можно подвергать критике работу ведущих рубрик майкопского сайта и рекомендовать использовать опыт других, более успешных команд.

При этом нужно учитывать, что есть особенность в представлении городов в цифровой среде в социальных сетях. Майкоп имеет свой аккаунт на каналах Telegram, «ВКонтакте», где информация обновляется ежедневно и неплохо иллюстрируется фото- и видеоматериалами. Баутцен также имеет каналы в Telegram и в YouTube, но информация там обновляется 2–3 раза в год.

Очевидно, что есть культурные различия между жителями Баутцена и Майкопа в способах коммуникации — в Германии народ более обстоятельный, педантичный, поэтому быстрым способам связи не доверяет, а предпочитает получать информацию на солидных цифровых площадках; в России люди мобильны, коммуницируют часто на ходу, поэтому информация в социальных сетях на мобильных устройствах

им более близка. При этом сайт города остаётся его главной визиткой для отечественных иногородних посетителей и иностранцев, поэтому для поддержания позитивного имиджа Майкопа сайтом необходимо заниматься более тщательно.

Спорт. В городских условиях спорт имеет весьма важное значение в качестве поддержания физической формы населения при ограничении физического труда в большинстве городских профессий. В этом отношении Майкоп и Баутцен показывают высокий уровень развития. В обоих городах есть современные спортивные сооружения (стадионы, бассейны, спортивные площадки и пр.), работают множество секций, клубов и спортивных школ. При этом в России и Германии к занятиям спортом относятся несколько по-иному. В Германии главная функция спорта для населения — утилитарно-досуговая: люди занимаются, чтобы занять свободное время, поддержать здоровье, расширить круг общения и пр. Немецкие спортсмены имеют высокие спортивные достижения, но, как правило, их подготовка осуществляется в больших столичных городах. Нам не удалось найти имена выдающихся спортсменов — выходцев из Баутцена. В России же досуговая функция спорта является второстепенной, и даже в таких небольших городах, как Майкоп, ведётся профессиональная подготовка спортсменов с нацеленностью на чемпионство в престижных турнирах. Высшей целью является победа в Олимпийских играх. В городе действуют детские спортивные школы Олимпийского резерва по многим видам спорта, работает институт физической культуры при Адыгейском государственном университете. Майкоп дал России огромное число выдающихся спортсменов — чемпионов мира, Европы, Олимпийских игр. Именно поэтому Майкоп по праву может именоваться городом спортивной славы [1].

Заключение. Мы познакомились с основными направлениями культурной жизни двух замечательных городов. Основным выводом может служить тезис о том, что культура городов, с одной стороны, отвечает характеристикам культурного менталитета своего населения, с другой стороны, поддерживает сложный комплекс идентичностей его жителей. При этом в культурном развитии остаются точки роста, в которых может быть учтён позитивный опыт сравниваемых городов. В Майкопе необходимо развивать общественную инициативу по содействию деятельности культурных организаций, а также скорректировать работу городского сайта с тем, чтобы он представлял город

в самом привлекательном свете. А баутценцам следует задуматься, почему в детских конкурсах по музыкальному исполнительству и спортивным состязаниях чаще всего побеждают ученики педагогов и тренеров, эмигрировавших из России в период перестройки и кризисные 1990-е гг., воспитанных на необходимости преодоления трудностей и неизбежности жёсткой критики во время обучения. При всех проблемах социального развития культурная жизнь городов Баутцен и Майкоп обеспечивает жителям комфортные условия проживания, учитывает культурные потребности разных слоёв населения по этническому, половозрастному и профессиональному признакам, тем самым способствуя гармоничному сочетанию в комплексе их идентичностей национальных и этнолокальных элементов.

Литература

1. Знаменитые спортсмены Республики Адыгея // Национальная библиотека Республики Адыгея. URL : <http://nb-ra.ru/media/userfiles/> (дата обращения: 20.01.2023).
2. *Мазурик В. К.* Неизвестный Майкоп. Исторические очерки в двух книгах. Книга первая. На реке Белой, при выходе её из гор. Майкоп: Изд-во ООО «Аякс», 2006. 189 с.
3. *Нижник Н. С.* Славянский анклав лужицких сербов: опыт сохранения статуса национального меньшинства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 35–42.
4. *Сиюхова А. М.* Реализация культурной политики европейского союза в периферийных городах восточной Германии (на примере города Баутцен) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14. № 3. С. 151–163.
5. *Трофимова Р. П.* Алгоритмы культурной политики российской цивилизации // Власть. 2016. № 5. С. 20–26.
6. Bautzen — Geschichte entdecken. DIE Stadtverfuhrer // Bautzen : [сайт]. URL : https://www.bautzen.de/fileadmin/media/info_tourismus/bautzen-geschichte-entdecken.pdf/ (Accessed Date: 13.05.2022).

Aminet M. SIYUKHOVA,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Assoc. Prof.,
Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage
and Expert Activities, Southern Branch, Likhachev Russian Research
Institute for Cultural and Natural Heritage, Prof.,
Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy,
Maikop State Technological University, Maykop,
Republic of Adygea, Russia, aminsi@mail.ru

**Cultural Life of Multi-Ethnic Regions of Russia and Germany
and Practices of Forming Socio-Cultural Identity
(On the Example of the Cities of Maikop and Bautzen)**

In the paper, we conduct a comparative analysis of the cultural life of modern peripheral multiethnic cities in Germany and Russia — Bautzen and Maykop. The purpose of the study is to identify the main forms of cultural practices that contribute to the maintenance of national and ethno-cultural identity. We carried out the comparison in the following areas: attitude to cultural and natural heritage, quantitative and qualitative indicators of cultural events, education in the field of culture and art, activities of public organizations to support cultural organizations and cultural projects, patronage of ethnic minority culture, informatization and digitalization of urban life, sports achievements. The main conclusion is the thesis that despite the visible differences in the cultural life of the compared cities, the cultural life of the cities of Bautzen and Maikop provides residents with comfortable living conditions, takes into account the cultural needs of different segments of the population according to ethnic, gender, age and professional characteristics, promotes a harmonious combination of national and ethno-local elements in their complex of identities.

Keywords: cultural practices, multiethnic regions, city image, ethnocultural identity, Germany, Russia, Bautzen, Maykop.

А. Ф. Григорьев*

Традиционные ценности как основа сохранения российской идентичности: аналитический обзор

Статья посвящена проблеме сохранения традиционных ценностей как основы сохранения российской идентичности. В результате обзора научных статей, опубликованных в журнале «KANT» за последние три года, выявлено, что цивилизационный кризис охватывает изменения не только во власти, экономике, религии и науке, но и в нравственности и социальной сфере общества. При этом проблематика сохранения традиционных ценностей для российского общества стала экзистенциально значимой, вопросом сохранения идентичности и ментальной сущности, в связи с чем она приобрела особую научную остроту и значимость.

Ключевые слова: сохранение традиционных ценностей, российская идентичность, ментальная сущность, морально-нравственные основания, формирование социокультурного фона, поликультурное и многонациональное российское общество.

Общество всегда нуждалось во внутренних скрепах и ценностях, обеспечивающих выживание, развитие и самоидентификацию. Очевидно, что есть вечные ценности, постоянные для любой культуры, которые сопровождают человеческое общество на протяжении всего исторического развития. Отчасти модифицируясь в своём содержании, они связаны с такими онтологическими определениями человека, как свобода, которая реализуется в творчестве, и равенство, выраженное в идее справедливости (Н. А. Бердяев, М. К. Мамардашвили). Кроме того, «в человеке постоянным элементом является дух, и с ним связаны ценности, которые предоставляют человеку свободу от природы (доброта, любовь, раскаяние, почитание)» [12, с. 189].

Н. А. Углинская, П. П. Смольяков и Г. А. Печников, исследуя ценности современного российского общества, показали, что культура современного общества лишается системообразующего центра и в культуре подобного типа не учитываются ценности человека, при этом ценность свободы вырождается в индивидуализацию, а ценность равенства — в нормативную ценность, в отождествление. В ситуации распространения одинаковых ценностей на разные культуры возникает

* ГРИГОРЬЕВ Анатолий Фёдорович, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой музыки и социально-художественного образования Ставропольского государственного педагогического института, главный редактор журнала «KANT», Ставрополь, Россия, grig.26rus@gmail.com.

проблема сохранения своеобразия российского общества и культуры. Отмечено, что российское общество само по себе должно являться ценностью, для чего необходимо, чтобы ценности, исходящие от государства, находились в гармонии с ценностями общества [12, с. 188].

Актуализируя проблематику сохранения традиционных гуманистических ценностей в эпоху информационного общества, М. В. Макаренко говорит об изменениях человека, культуры, ценностных ориентаций нынешнего поколения, морально-нравственных основаниях формирования социокультурного фона. Автором справедливо отмечено, что «главные категории этики претерпевают глобальные трансформации...», и высказано предположение «о необходимости признания значения традиционных морально-нравственных столпов развития личности, в частности значение *прощения* как одного из маркеров нравственного воспитания человека для возможного сохранения индивидуальной самости, поскольку именно в процессе коммуникации человек способен открыть свою *истинную* природу, или сущность, благодаря возможности совершить моральный выбор между прощением или непощением...» [5, с. 127], добром и злом, чистотой и пороком.

О. Е. Макеева в размышлениях об общих тенденциях в христианстве и космизме и принципиальных расхождениях религии и философии, имеющих одну духовную основу, заметила, что «человек, духовные достоинства которого способны изменить мир, является центром преобразования действительности...» [6, с. 133]. Автором акцентировано внимание на сущности человека, предназначение которого проявляется в развитии своей созидательной и преобразующей силе, философском осмыслении миссии человека как преобразователя действительности с опорой на христианские основы и роль духовных ценностей в этом всеобъемлющем процессе [6, с. 135]. Для ментальной особенности русского человека (и, рассматривая шире, россиянина) характерна сущность созидателя, преобразователя действительности с опорой на традиционные духовные ценности.

Важнейшей моральной характеристикой и социальной ценностью человека с момента зарождения человеческого общества, приобретая особую значимость в поликультурном и многонациональном российском сообществе, является толерантность. Как духовная категория и явление, проявляющаяся в различных формах и сферах жизни общества, толерантность определяет характер общения в человеческом поведении и приобретает особую значимость в формировании общегражданской

идентичности. В статье М. А. Мехдиевой справедливо отмечается, что «проявления толерантности в любой ситуации или обстоятельствах... при урегулировании психологических аспектов внутригрупповых конфликтов напрямую связаны с социальной политикой, проводимой государством, его решениями по обеспечению прав и обязанностей каждого гражданина» [8, с. 91]. Именно «в результате общего согласия, взаимного уважения и ожидания справедливости в каждом случае это формирует у людей общую принципиальную позицию, тенденцию и направление» [8, с. 93], позволяющие принимать оптимальные решения и действия в интересах всего общества и в том числе по защите своего отечества. Что сегодня со всей очевидностью проявляется в операции СВО, где граждане многонациональной, многоконфессиональной России плечом к плечу стали на защиту государственности и суверенитета своей Родины.

Важнейшим аспектом в формировании и воспитании человека являются, безусловно, вопросы традиционных семейных ценностей, при этом конституционно закреплено понятие семьи как союза мужчины и женщины.

С. В. Новикова, Л. С. Постоляко и Ф. В. Балеевских рассматривают типы современной российской семьи с учётом особенностей менталитета, культурных и религиозных традиций народов нашей страны, анализируется содержание норм Основного Закона, а также иных законодательных актов Российской Федерации. В результате проведённого анализа выявлена двойственность соответствующего культурного кода правосознания [9, с. 154].

В первой четверти XXI в. резко актуализировалась проблематика личной самоидентификации, а именно, содержание её ценностных идентификаций. И. Ю. Фроленкова задаётся целью выявить аксиологические основания для укрепления идентичности. В процессе актуализации проблемы самоидентификации, вопроса формирования идентичности в условиях социальной нестабильности предпринимается попытка анализа феномена коллективной идентичности как потребности сообщества в самоотожествлении социальных групп. В результате выявлено, что структура идентичности видоизменяется, начиная от индивидуальной самоидентификации и заканчивая цивилизационной. За счёт факторов, способствующих укреплению коллективной идентичности: культурное наследие, язык, память, может обогащаться ценностно-смысловое ядро культуры в условиях неустойчивости нравственных устоев общества [13, с. 177].

Рассматривая проблемы формирования общероссийской идентичности жителей Северного Кавказа, Г. Д. Гриценко справедливо заметила, что «идентичность не дается при рождении, она формируется моделями и образами поведения, которые закрепляются государством, транслируют средства массовой информации, реализуются в образовательной и культурной среде и осуществляются общественными организациями...» [3, с. 65]. В ходе анализа и обобщения результатов исследования автор отмечает, что «самыми важными структурами укрепления общероссийской идентичности на Северном Кавказе являются органы федеральной власти, от политики которых зависит степень консолидации и укрепления общности интересов как жителей Северного Кавказа, так и России в целом», поскольку именно органы центральной власти определяют информационную политику, ретранслятором которой выступают СМИ, и образовательную политику, реализуемую представителями системы образования, и именно от их деятельности зависит уровень патриотизма, являющегося основой гражданского самосознания, общероссийской идентичности [3, с. 67]. На основе экспертного опроса автором определены наиболее значимые структуры и акторы становления общероссийской идентичности: органы федеральной власти, СМИ, институты образования и культуры, общественные организации [3, с. 67]. В статье А. В. Пятовой рассмотрено влияние информационной среды на формирование этнокультурной идентичности молодежи многонационального Северного Кавказа, проанализированы возможные пути формирования, сформированы предложения и определены направления практической работы с молодежью в условиях информационного общества [10, с. 162–167]. Справедливо отмечается, что в условиях современной полиэтничной России происходит поиск особой формы федеративного устройства, производятся попытки выбрать оптимальное направление политического, экономического, социально-культурного взаимодействия и развития, даже психологического сосуществования и соразвития более чем ста пятидесяти этнических сообществ [10, с. 163]. В условиях современной России автор предлагает концептуальное переосмысление сложившихся представлений о социальном развитии этноса и динамики межэтнических взаимодействий, которые должны быть положены в основу разработки программы оптимизации управления межэтническими процессами в России, а также выработать концепцию и разработать целостную программу этнонациональной идеологии [10, с. 167].

Статья Т. Ф. Масловой и М. В. Смагиной посвящена проблеме Русского мира, связанной, по мысли авторов, с решением задач социальной консолидации и институционального обеспечения его развития в российских условиях. Авторы представляют актуализацию Русского мира в качестве организационного процесса и направления работы образовательных организаций разного уровня. На основе анализа результатов эмпирических исследований, в том числе местного характера, обозначена модель сопровождения актуализации Русского мира, включающая систему поддержки, обеспечения и мониторинга [7, с. 298].

В условиях современного развития информационного пространства актуализируется проблема защиты и развития традиционной ментальности личности. Статья А. В. Жукова и Ю. В. Гавриловой посвящена актуальной проблеме сохранения традиционной ментальности, обусловленной тем, что «в современном информационном пространстве разворачиваются информационно-сетевые войны, в ходе которых реализуются принципы противоборства “своих” и “чужих”» [4, с. 149]. Нельзя не согласиться с тем, что «действенный способ уничтожения противника в информационном пространстве — влияние на его ментальность через навязывание специфической информации, восприятие и усвоение которой, разрушает традиционную ментальность. Далее, на руинах прежней системы ценностей, идеалов, установок конструируется новый ментальный комплекс» [4, с. 156]. Система комплексного воздействия на личность через информационные технологии и основанные на них психологические практики направлены на разрушение менталитета, на ослабление воли личности и способность сопротивляться и, в конечном итоге, на нанесение ущерба системе управления государством. Авторы отмечают, что «в интернет-среде сформировано и функционирует поколение новых акторов, отличающихся от прежних, авторским характером, креативностью, стремлением заново моделировать смыслы и ментальные комплексы... При этом информационно-сетевые технологии, негативно влияющие на традиционную ментальность личности, могут быть использованы и в позитивном ключе, сохраняя ментальные структуры, либо обновляя их, но в русле формирования патриотизма и любви к Родине» [4, с. 155].

Таким образом, обзорный анализ научных публикаций показал, что проблема сохранения традиционных ценностей в условиях глобализации, цифровизации во всех сферах жизнедеятельности человека, трансформации культурных ценностей, приобрела ещё большую остроту. Безусловно, она приобретает особую значимость в процессе

противостояния России глобальному Западу, в отстаивании своих экономических, политических и гуманитарных суверенных прав по пути социально-экономического развития и становится *экзистенциальной основой сохранения российской идентичности*.

Литература

1. Григорьева М. А. Влияние потребительской культуры на человека: диверсификация ценностей, этики и смысла, упадок счастья // KANT. 2020. № 2. С. 142–147.
2. Григорьева М. А., Григорьев А. Ф. Уязвимое будущее цифрового общества: научный обзор ближайших прогнозов // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 1. С. 4–17.
3. Гриценко Г. Д. Общероссийская идентичность: региональный аспект формирования // KANT: Social Sciences & Humanities. 2021. № 3. С. 61–67.
4. Жуков А. В., Гаврилова Ю. В. Проблема сохранения традиционной ментальности в условиях информационно-сетевых войн // KANT. 2023. № 1. С. 149–155.
5. Макаренко М. В. Прощение как встреча и как прощание: философско-антропологический анализ // KANT. 2022. № 2. С. 125–129.
6. Макеева О. Е. Духовные достоинства как фактор преобразования человека в русском космизме // KANT. 2022. № 2. С. 130–135.
7. Маслова Т. Ф., Смагина М. В. Актуализация Русского мира в современном обществе: практики образовательных организаций // KANT. 2022. № 2. С. 298–303.
8. Мехдиева М. А. К истории становления толерантности как составного элемента современного образа жизни // KANT: Social Sciences & Humanities. 2021. № 1. С. 90–98.
9. Новикова С. В., Постоялко Л. С., Балеевских Ф. В. Традиционные семейные ценности как предмет правового мышления: герменевтический подход // KANT. 2021. № 3. С. 153–158.
10. Пятова А. В. Влияние информационной среды на формирование идентичности российской молодёжи: на примере Северного Кавказа // KANT. 2022. № 3. С. 162–167.
11. Срыбная П. И. Теоретико-методологические подходы к исследованию этнонациональной идеологии в условиях современной России // KANT. 2020. № 4. С. 308–311.
12. Углинская Н. А., Смольяков П. П., Печников Г. А. Противоречия современного российского общества: аксиологический аспект // KANT. 2022. № 2. С. 188–194.

13. Фроленкова И. Ю. Теоретические обоснования вопросов укрепления национально-культурной идентичности через наследие в работах широкого круга исследователей // KANT. 2022. № 1. С. 177–181.
14. Холодова А. А. Метафизическое пространство идентичности и идентичности личности, его границы в рамках цивилизационной парадигмы // KANT. 2021. № 1. С. 179–182.

Anatoly F. GRIGORYEV,

Dr. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Cand. Sci.
(Theory and Methods of Teaching in the Field of Music),

Prof., Herd, Department of Theory and Technique of Music Education,
Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia,
grig.26rus@gmail.com

Traditional Values as an Basis for Preserving Russian Identity: A Analytical Review

The paper is devoted to the problem of preserving traditional values as the basis for preserving Russian identity. A review of scientific articles published in the KANT journal over the past three years is revealing that the civilizational crisis encompasses changes in not only government, economics, religion and science, but also in morality and the social sphere of society. At the same time, the problem of preserving traditional values for Russian society has become existentially significant issue of preserving identity and mental essence, and therefore it has acquired special scientific acuteness and significance.

Keywords: *preservation of traditional values, Russian identity, mental essence, moral foundations, formation of a socio-cultural background, multicultural and multinational Russian society.*

РАЗДЕЛ 2

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

С. А. Рагуленко*

Культурное наследие горной Дигории как ресурс развития этнотуризма

В рамках заявленной темы рассматривается вопрос об уникальном феномене культурного наследия горных областей Дигории (Республика Северная Осетия — Алания). Уникальность Горной Дигории состоит в том, что образы культурных героев не ограничены нарративом, а воплощаются в ландшафтных, архитектурных памятниках. Во время обрядовых праздников эти персонажи актуализируются, оживают сами и оживляют место или объект своего поклонения, являясь культурно-дидактической традицией для подрастающего поколения. Подобное развитие культурной инфраструктуры в Горной Дигории активно привлекает туристов, интересующихся культурно-духовным наследием народов Северного Кавказа и создаёт большой потенциал для развития этнотуризма.

Ключевые слова: традиции, праздник, герой, эпос, предания, туризм, изучение, сохранение, Дигория, нартский эпос, Ирафский район, Республика Северная Осетия — Алания.

Горная Дигория находится в Ирафском районе Республики Северная Осетия — Алания и по праву считается жемчужиной в отношении

* РАГУЛЕНКО Сергей Анатольевич, научный сотрудник отдела культурного наследия Института истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, ragus67@mail.ru.

природы и ландшафтов всей горной части республики. Нарастающий поток туристов, как со всей территории России, так и из-за рубежа, побуждает местные власти и туристические компании развивать необходимую инфраструктуру: строятся и прокладываются современные автотрассы, сооружаются благоустроенные отели и кемпинги, прокладываются удобные и интересные туристические маршруты. На этом фоне был организован национальный туристический парк для согласования туристических маршрутов и выработки общей концепции туристических мероприятий.

Несомненно, Горная Дигория привлекает своей природой: несравненными пейзажами, чистой водой в реках, горным воздухом и, конечно, своей древней архитектурой (илл. 1–4).

Илл. 1. Пейзаж Горной Дигории, фото автора

Есть и ещё весьма примечательные места, предания и традиции которых связаны не только с древней историей, но с эпикомифологическим миром.

Одним из таких мест является дзуар (святой или святое место) «Задалески Нана» («Мать из Задалеска»). Сам дзуар находится недалеко от селения Задалеск и представляет собой небольшую пещеру, оборудованную под жилище (илл. 5).

Илл. 2-3. Пейзажи Горной Дигории, фото автора

Илл. 4. Пейзаж Горной Дигории, фото автора

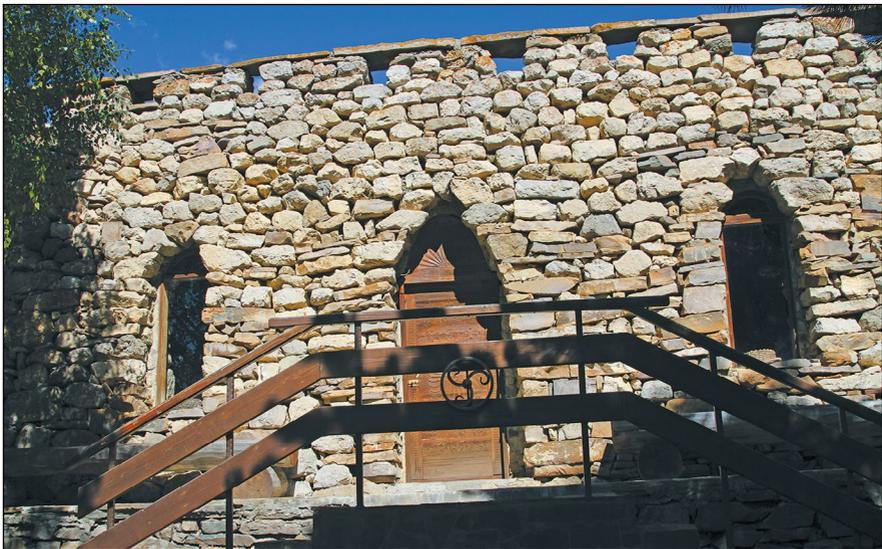

Илл. 5. Дзуар «Задалески Нана» («Мать из Задалеска»), фото автора

Песня о Задалески Нана отсылает слушателя в эпоху кровавых походов Тимура на Аланию (XIV в.), в результате которых была не только уничтожена государственность, но было поставлено под сомнение существование всего народа. Предание гласит, что одна выжившая женщина бродила по разорённым поселениям и отыскивала живых детей, с которыми укрывалась высоко в горах в пещере, недалеко от селения Задалеск, пока не миновала опасность. Эту женщину народ запомнил под именем «Задалески Нана». Эта пещера является святым для каждого осетина, поскольку само место и образ женщины являются символами спасения и возрождения аланского (осетинского) народа.

Жители села построили дом-музей Задалески Нана (илл. 6–7) и кувандон (место молитвований).

Илл. 6. Дом-музей Задалески Нана, фото автора

Каждый год в третью субботу июля в селении Задалеск проходит кувд (праздничный пир) в честь Задалески Нана, где среди многих молитв звучит одна, в которой просится, чтобы дети всегда возвращались к своим порогам живыми и здоровыми.

Другим примечательным моментом являются объекты, предметы и традиции, связанными с образом Сослана — знаменитого героя нартовского эпоса, родившегося из камня. Нартовский эпос принадлежит

Илл. 7. Дом-музей Задалески Нана, фото автора

Илл. 8. Склеп «Нарта Сослана» в селении Мацута, фото автора

многим народам Северного Кавказа: осетинам, кабардинцам, карачаевцам, черкесам, адыгам, где нарт Сослан наиболее популярный культурный герой. Но в осетинской духовной традиции Сослан не просто культурный герой в рамках мифологического нарратива, а живой образ, актуализирующийся в ежегодном празднике в его честь.

Согласно одному из эпических сюжетов герой жил в селении Нар, а после смерти похоронен в склепе «Нарта Сослана» (илл. 8) ближайшего селения Мацута [1, с. 128].

В 1880 г. склеп обследовал В. Миллер: «В этом здании лежит хорошо сохранившийся остов человека громадного роста, который по преданию является богатырем Сосланом из нартских сказаний» [3, с. 445].

Место празднования в честь Сослана (кувандон) расположено в селении Нар (илл. 9), где также находится каменное кресло Сослана и округлая каменная плита «Сос-дор» (камень Сослана) как символ того, из чего он родился.

Илл. 9. Кувандон Сослана в селении Нар, фото автора

Праздник в честь Сослана (Сослани кувд) проходит раз в год, во второе воскресенье июля, и начинается с жертвоприношений — Сослану режут баранов и просят его о хорошей погоде и о дожде [2, с. 121]. В былую пору на этом празднике устраивались состязания, которые, по традиции нартских сказаний, связывались с образом Сослана.

Семантика самого праздника обладает двойной природой. С одной стороны, поминки по умершему культурному герою, с другой — пир в честь живого Сослана-небожителя [5, с. 168]. Этот парадокс объясним с точки зрения не исторического, а мифологического восприятия события. Религиозное участие в каком-либо празднике предполагает выход из обычной временной протяжённости для восстановления мифического Времени, выведенного в настоящее самим праздником [4, с. 283]. Это день, когда совпадают все модальности (когда возможное неотличимо от действительного), где всё возможно и Сослан-богатырь обязательно примет поминальную жертву, а Сослан-небожитель услышит и примет все обращённые к нему молитвы. В этот день все участники погружаются в таинство мифа вечного возвращения.

Все эти мероприятия являются культурно-дидактической традицией для подрастающего поколения и для всех жителей Осетии. Подобные мероприятия активно привлекают в Горную Дигорию туристов, интересующихся культурно-духовным наследием народов Северного Кавказа и создают большой потенциал для развития этнотуризма.

Литература

1. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ : Терек, 1994. 284 с
2. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М. : Наука, 1976. 279 с
3. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ : Северо-Осетинский ин-т гуманитар. исслед., 1992. 713 с.
4. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М. : Ладомир, 2000. 414 с.
5. Энциклопедия осетинской нартиады : В 3-х т. / гл. ред. Л. А. Чибиров. Владикавказ : Северо-Осетинский ин-т гуманитар. и соц. исслед., 2023. Т. 3. 452 с.

Sergey A. RAGULENKO,

Researcher, Department for Cultural Heritage, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia — Alania, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, Russia, ragus67@mail.ru

Cultural Heritage of Gornaya Digoria as a Resource for the Development of Ethnotourism

The question of the unique phenomenon of the cultural heritage of the mountainous regions of Digoria of the Republic of North Ossetia — Alania is considered

within the framework of the stated topic. The uniqueness of the mountain Digoria lies in the fact that the images of cultural heroes are not limited to narrative, but embodied in landscape, architectural monuments. During the ritual holidays, these characters actualized, come to life themselves and enliven the place or object of their worship, being a cultural and didactic tradition for the younger generation. Such a development of cultural infrastructure in mountainous Digoria actively attracts tourists interested in the cultural and spiritual heritage of the peoples of the North Caucasus and creates great potential for the development of ethnotourism.

Keywords: *traditions, holiday, hero, epic, legends, tourism, study, preservation, Digoria, Nart epic, Irafsky district, Republic of North Ossetia — Alania.*

А. Н. Еремеева*

Потенциал советского архитектурного модернизма: практики освоения**

В статье рассмотрены основные итоги репрезентации архитектуры последнего советского тридцатилетия посредством издательской, музейно-выставочной, лекционной, туристической деятельности. Охарактеризованы отечественные и зарубежные инициативы (проект «Локальный модернизм», экспедиции Ф. Шобэна, деятельность историков и популяризаторов советской архитектуры), способствовавшие представлению модернистской архитектуры в контексте полиэтничности советского государства, градостроительной политики, демографических процессов, повседневной жизни. Автор отмечает роль музейно-выставочных проектов и научных конференций как стимула дальнейших исследований и публикаций, важность издания архитектурных путеводителей, выступающих в качестве научного и информационного обеспечения туристической деятельности.

Ключевые слова: советская архитектура, модернизм, архитектурные экспедиции, музейно-выставочная деятельность, издательские проекты, туризм.

* ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, eapna@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Архитектурно-градостроительное наследие советской эпохи: историко-культурная ценность, актуализация и сохранение»; номер государственной регистрации: 122020800075–7.

В истории советской архитектуры наибольшее внимание российских и зарубежных исследователей, а также широкой аудитории традиционно приковано к конструктивизму 1920-х — первой половины 1930-х гг. и последовавшему за ним, основанному на классическом наследии, сталинскому ампиру. Их рассматривают не только в контексте развития мировой архитектуры, но и в тесной связи с идейно-эстетическими исканиями, смысловыми конструктами соответствующих периодов советской истории. Советский архитектурный модернизм, к которому относят здания и сооружения последнего советского тридцатилетия, долгое время оставался «в тени», несмотря на наличие множества архитектурных шедевров, визионерских проектов; сам термин ещё 20 лет назад отсутствовал [см.: 15]. Появление «внесистемных, уникальных, разнообразных и неожиданных работ» специалисты по истории архитектуры объясняют освобождением её от строгих идеологических обязательств, постепенным падением интереса к архитектуре со стороны первых лиц государства, перемещением центров принятия решений в союзные республики, регионы и строительные ведомства [5, с. 66].

В данной статье рассматриваются практики освоения потенциала советского модернизма посредством издательской, музейно-выставочной и туристической деятельности.

Позднесоветская архитектура изначально была представлена в научных и учебных изданиях. В 1970–1980-е гг. под эгидой Союза архитекторов СССР в издательстве «Стройиздат» выходили альбом «Лучшие произведения советских зодчих» с описанием новейших построек. По заказу общества «Знание» (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний) в его серии «Новое в жизни, науке, технике. Строительство и архитектура» издавались брошюры «Лучшее в архитектуре» с описанием работ лауреатов Ленинской премии и Государственной премии СССР. В 1970–1980-е гг. под грифом ЦНИИ теории и истории архитектуры выходила серия книг «Архитектурное творчество СССР», отражавших современную архитектурную практику.

Авторы журнала «Архитектура СССР», помимо обсуждения актуальных проектов и построек, многие из которых потом назовут классикой модернизма, творческих биографий в рамках рубрики «Мастера современного советского зодчества», в публикациях, посвящённых важным юбилеям в истории страны, пытались осмыслить особенности современного им этапа развития архитектуры. Это же характерно для обобщающих трудов по истории архитектуры СССР и отдельных со-

ветских республик, изданных в середине 1980-х гг. в преддверии 70-летия Октябрьской революции. Такие знаковые сооружения, как ереванский аэропорт «Звартноц», драматический театр «Угала» в Вильянди (в 2016 г. эстонские власти признали его памятником архитектуры), бакинская гостиница «Турист», здание СЭВ в Москве и др., воспроизводились в журнальных иллюстрациях, на открытках, почтовых конвертах, марках и значках.

Всплеск интереса к архитектуре советского модернизма произошёл в начале нынешнего века. Австрийский проект «Локальный модернизм» (Local Modernities) был нацелен на исследование проявлений поздних модернистских тенденций в архитектуре и градостроительстве на Ближнем Востоке, в Северной Африке, странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америке, в Восточной Европе и СССР. Изучение архитектуры модернизма бывших советских республик велось с целью понять специфику национальных архитектурных школ, воздействие на архитектурное творчество, с одной стороны, общесоюзных директив, с другой — локальных различий: необходимо было выйти за рамки существовавших на Западе стереотипов о едином архитектурном стиле в СССР. Важным этапом реализации проекта стал круглый стол «Архитектура модернизма республик Средней Азии» в Алматы (июль 2004 г.) [16, с. 427].

В рамках международной конференции «Heritage at risk. Сохранение архитектуры XX века и Всемирное наследие» в Музее архитектуры имени А. В. Щусева (апрель 2006 г.), по инициативе народного архитектора СССР Ф. А. Новикова (соавтора проектов Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах, архитектурных комплексов Зеленограда и др.) состоялась выставка «Советский модернизм 1955–1985» (куратор — А. П. Гозак). Организаторы сделали акцент на своеобразии архитектурного «почерка» в национальных республиках и нестоличных городах РСФСР.

На рубеже тысячелетий к позднесоветской архитектуре обратился архитектурный фотограф Ю. Пальмин. В 2001 г. в Музее архитектуры имени А. В. Щусева прошла его персональная выставка «Чертаново» в рамках серии выставочного проекта Ю. Аввакумова «24». Деятельность Ю. Пальмина по выведению московской архитектуры 1970–1980-х гг. из «слепой зоны» была продолжена посредством выставок (в Казани, на Венецианской биеннале и др.), а также одного из первых проектов МосКультПрога — экскурсии по Чертаново (2008 г.), где виды и детали

Северного Чертанова рассматривались в контексте городской визуальной культуры; в качестве гидов выступали сам фотограф и основатель МосКультПрого С. Никитин-Римский [21].

В 2009 г. в екатеринбургском издательстве TATLIN вышел фотоальбом Ф. Новикова и В. Белоголовского «Советский модернизм 1955–1985» [18]. Годом раньше это же издательство выпустило творческую биографию Ф. Новикова [4].

В берлинском издательстве DOM publishers, специализирующемся на книгах по архитектуре, дизайну и строительству, выходили труды по истории архитектуры советского модернизма, в том числе монография «Между Сталиным и Гласностью. Советская архитектура с 1960 по 1990», иллюстрированная сотнями фотографий зданий, их видами в различных проекциях [32].

Итогом семилетних экспедиций по бывшим советским республикам французского журналиста и фотографа Фредерика Шобэна (Frédéric Chaubin) и фиксации архитектурных шедевров 1970–1980-х гг. стала книга «СССР — Cosmic Communist Constructions Photographed (Фотографии советских космических сооружений)» [25]. Термин «космический» в данном случае условен и соответствует общему духу времени с его космическим энтузиазмом, хотя некоторые здания содержат соответствующие элементы, например, летающая тарелка на крыше Технологического института в Киеве. Отдельные сооружения поданы как «космические» мечты архитекторов. В разделе «Наука и технологии» представлены аэропорты, вокзалы, телебашни, научные учреждения, уникальные с точки зрения технологии сооружения, такие как дом в виде кукурузного початка в Кишинёве. Раздел «Спорт и молодёжь» включает спортивные, в том числе олимпийские объекты, дворцы пионеров (в Москве, Днепропетровске, Алма-Ате), здания цирков в Кишинёве, Москве, Казани, Душанбе, Ташкенте. Фотографии гостиниц, санаториев, баз отдыха, в частности, таких объектов, как гостиница «Дружба» в Выборге, банный комплекс «Арасан» в Алма-Ате, детская игровая площадка с морскими обитателями работы З. Цертели в Адлере, приведены в разделе «Курорты».

Масштабным проектом стала выставка «Советский модернизм 1955–1991. Неизвестные истории» (ноябрь 2012 — февраль 2013) в Венском архитектурном центре, расположенном в Музейном Квартале австрийской столицы. В рамках подготовки выставки австрийские специалисты по истории архитектуры Е. Шапиристо-Обермайр, А. Вахтер

и К. Риттер и фотограф С. Рота провели обследования объектов, а также взяли интервью у их создателей [15, с. 62].

К открытию выставки приурочили архитектурный конгресс, большинство участников которого представляли постсоветские страны. Дискуссия учёных, деятелей культуры, а также непосредственных творцов архитектуры модернизма, таких как Ф. Новиков, А. Осинский (участвовавший, в частности, в восстановлении Ташкента после землетрясения 1966 г.), закончилась принятием петиции о необходимости сохранения шедевров советского модернизма.

Представленное на выставке посредством фотографий, рисунков, аудио- и видеоматериалов, пространство бывших советских четырнадцати республик (всех, кроме РСФСР) разделили на четыре больших региона — Восточную Европу, Прибалтику, Кавказ и Центральную Азию.

Выставка была призвана изменить представления об архитектуре последнего советского тридцатилетия как типовой, единообразной, ввиду её опоры на принятые во всей стране строительные нормы и правила, и показать советские республики как места архитектурных инноваций, разработки национальных архитектурных форм и орнаментов.

Экспонаты визуализировали путь развития архитектуры в республиках с первых модернистских проектов конца 1950-х гг. до архитектурных экспериментов конца 1980-х гг., различные подходы к воплощению таких общественных пространств, как цирки, дворцы пионеров, дома политического просвещения, аэропорты, заведения общественного питания.

Каждая республика была представлена «культовыми» постройками. Например, Армения — аэропортом «Звартноц», стадионом «Раздан», Каскадом, рестораном Дома писателей на озере Севан (именно его фото помещено на обложке каталога выставки) и другими объектами. «Визитной карточкой» столицы Узбекистана, возрождённой после землетрясения 1966 г., стали декоративные рельефы и мозаики братьев П. и Н. Жарских, украсившие панельные новостройки.

Венская выставка побила рекорд посещаемости Архитектурного центра (более 13 тысяч за 5 месяцев). На сайте Венского архитектурного центра и сейчас размещена общедоступная база данных «Советский модернизм 1955–1991», включающая более 650 зданий и градостроительных проектов с подробным описанием [30].

Ещё одна выставка — стамбульская *Trespassing Modernities* (название можно перевести как «модернизм, не признающий границ»), проходила в архитектурном центре SALT Galata в мае — августе 2013 г. Её открытие

сопровождалось конференцией «Послевоенная советская архитектура». Состав участников частично дублировал венский (бывший СССР представляли Ю. Аввакумов, К. Бальян, А. Косинский, Ф. Новиков и др.).

Экспонаты, в том числе несколько макетов, характеризующие архитектуру всех советских республик, были выставлены на трёх этажах SALT Galata. Как отмечала историк архитектуры О. Казакова, данная выставка «явилась заключительным этапом исследования “Local Modernities”, начатого в 2004 г.». Его результатом стал вывод о том, что «модернизм — вероятно, последняя универсальная идея в истории архитектуры — является не чем иным, как метафорой, под знаменем которой развивались различные направления. Архитектура советского модернизма являет собой единый для огромных территорий культурный код, ещё нами не осмысленный, но уже отчасти забытый. Число объектов этой эпохи, поставленных сегодня в России на государственную охрану, катастрофически мало» [14].

Выставка «Параллельная современность. Советская архитектура 1956–1991» при участии Фонда развития и поддержки искусства «Айрис» и Музея современного искусства «Гараж», прошла в сентябре — декабре 2014 г. в Культурном центре Сан-Паулу (Бразилия) [24].

В 2013–2014 гг. состоялось несколько научных конференций по рассматриваемой теме. Лейпцигская конференция «Архитектурное наследие Центральной и Восточной Европы», организованная Международным научным комитетом по наследию XX в. (International Scientific Committee on 20th Century Heritage — ISC20C) в июле 2013 г., обсудила опасность утраты многих сооружений модернизма в связи с изменением социокультурной ситуации в постсоветских странах [16, с. 429].

В ноябре 2013 г. в Центре авангарда московского Еврейского музея под эгидой Российской академии архитектуры и строительных наук состоялась международная конференция «Советский модернизм: формы времени», где, по сути, был продолжен разговор, начатый на предыдущих форумах. Результаты изучения отдельных модернистских построек и городских пространств в целом бывшего СССР, анализ творчества архитекторов, градостроительной науки, рецепции идей и подходов позволили приблизиться к пониманию специфики советского модернизма, перспектив сохранения и использования сооружений [14, с. 10].

В рамках XIV Венецианского архитектурного Биеннале 21–22 октября 2014 г. прошла конференция «Локальный модернизм. Архитектура и Интернациональный стиль в Советской империи после 1953 года» (Local

Modernism. Architecture and International Style in the Soviet Empire post 1953). Организаторы, полагая, что «в то время как советский конструктивизм и сталинская архитектура являются частью канона, советский послевоенный модернизм всё ещё в значительной степени неизвестен», сделали акцент на «оригинальный советский язык модернизма», сходство и различие в официальном и региональных канонах архитектуры [26].

Историк архитектуры А. Броницкая в конце 2014 г. отмечала, что «количество внимания, изливаемого на советскую архитектуру 1960–1980-х гг., в последнее время сильно возросло. Однако пока ещё не сложились внятные критерии оценки наследия этого периода, не выработан понятийный аппарат для его анализа, не установлена периодизация, не выявлены факторы, повлиявшие на смену стадий и определившие региональную специфику» [6].

В последние годы интерес к советскому архитектурному модернизму не ослабевал. Тема была достойно представлена на Первом форуме «Архитектурное наследие XX века — от Авангарда до Модернизма (Петроград, Ленинград 1917–1991 гг.)» (август 2016 г.), который организовали Союз архитекторов и Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга [17].

Архитектура Алма-Аты 1960–1980-х гг., проблемы её реставрации и репрезентации находились в центре международной конференции «Экспансия модернизма: история и наследие» на выставке «Астана ЭКСПО-2017» [2]. В сентябре 2018 г. в кинотеатре «Целинный» (ставшем после реконструкции в 2020 г. Центром современной культуры) открылся выставочный проект «Начало», «в основу которого легло исследование модернистской архитектуры столицы Казахской ССР, осуществленное историками архитектуры А. Броницкой и Н. Малиным в сотрудничестве с Музеем современного искусства “Гараж”, фотографом Ю. Пальминым и алматинским архитектурным сообществом» [7].

Выставка «Горький. Модернизм» в нижегородском филиале Государственного центра современного искусства (2018) была сфокусирована на 1960-х гг., которые хоть и «не стали локомотивом культурного развития Горького, однако во многом определили ткань города: от структурного генплановского построения до риторики отношения к историко-архитектурному наследию» и позиционировалась её кураторами как «начало исследовательской работы, охватывающей весь период архитектуры советского модернизма» [12]. В рамках выставки прошла серия семинаров, организованных К. Кобриным и И. Кобылиным, при-

чём «обсуждение того или иного объекта проводилось в (или на) самом объекте» [13].

В мае — сентябре 2019 г. в Музее архитектуры имени А. В. Щусева проходила выставка «Пионеры советского модернизма», отразившая становление нового стиля с середины 1950-х до конца 1960-х гг. Лучшие сооружения этого времени — Дворец пионеров на Воробьёвых горах, ансамбль Всесоюзного пионерского лагеря «Артек», советские павильоны Всемирных выставок в Монреале, Москве и Брюсселе, московский район «Новые Черемушки» и др. — представлены на выставке в виде проектов и макетов. Демонстрировались также неизвестные широкой аудитории объекты образцы «бумажной» архитектуры, архивные документы. «Связанное событие» — лекция А. Змеула «Новый Арбат — символ советского модернизма» — заставляла по-новому взглянуть на пространство, находящееся в непосредственной близости от Музея [20]. Ещё одна выставка 2019 г. — «НЭР: По следам города будущего. 1959–1977» — отразила деятельность экспериментальной группы, разработчика градостроительной модели города будущего «Новый элемент расселения».

В этом же 2019 г. Музей архитектуры имени А. В. Щусева стал соорганизатором выставки «Архитектура движения. БАМ — 45» в здании Ярославского вокзала. В качестве Генерального партнёра выступило ОАО «Российские железные дороги». Постройки магистрали показаны как единый позднесоветский архитектурный ансамбль, отражающей многонациональность страны, что визуализировалось в очертаниях вокзалов, орнаментах, монументальной пластике [23].

В Национальном музее-институте архитектуры имени А. Таманяна (Ереван) весной — летом 2022 г. работала выставка модернистской архитектуры советской Армении. Фотографии её творцов с биографическими сведениями предваряли сами шедевры — исторический терминал аэропорта «Звартноц», мемориальный комплекс Цицернакаберд, стадион «Раздан», Дом шахмат имени Т. Петросяна... Правда, вопреки традициям большинства музейно-выставочных учреждений Армении, текстовая составляющая экспозиции была представлена только на армянском языке.

Опыт трансляции наследия советского модернизма имеется в Узбекистане, в том числе в рамках экскурсий дизайнера и автора проекта «Ташкентский модернизм» А. Федорова. 17 апреля 2023 г. Фонд развития культуры и искусства Узбекистана представил выставочный проект Tashkent Modernism. Index в рамках 23-й Международной выставки

Триеннале Милана. В октябре 2023 г. в столице Узбекистана состоялась международная конференция «Ташкентский модернизм» [31].

Об интересе к архитектуре модернизма свидетельствуют и многочисленные издательские инициативы. В упомянутом выше издательстве DOM publishers вышли книги, посвящённые модернистской архитектуре и градостроительным практикам отдельных городов советской Украины [29] и советской Латвии [27], книга «Назад к типологии советского массового жилья и панельных домов в СССР 1955–1991» [28] и др.

В издательстве TATLIN опубликованы иллюстрированные издания серии «Архитектура советского модернизма» с подсерией «Шедевр», посвящённые отдельным объектам — ташкентскому ресторану «Зарафшан» [22], ереванскому стадиону «Раздан» [3] и др. Автор последней работы — историк архитектуры К. Бальян — освоил данную тему ещё в 1980-е гг. В его календаре «Армянский модернизм» на 2020 г. фотографии 12 сооружений (по одному на каждый месяц) сопровождаются комментариями на армянском, русском, английском языках.

В Музее современного искусства «Гараж» в 2015 г. стартовал проект «Архитектура модернизма». В 2016 и 2019 гг. вышло два издания путеводителя по архитектуре Москвы с характеристикой знаковых для архитектуры советского модернизма сооружений (см.: [10] [11]), в 2018 г. — аналогичное издание по объектам Алма-Аты [8], в 2019 г. — антология «бумажной» архитектуры [1], а в 2021 г. — справочник-путеводитель «Ленинград. Архитектура модернизма. 1955–1991» с историями 50 объектов [9].

Среди просветительских инициатив последних лет выделим «Лабораторию двороведения» в Музее Москвы, созданную с целью «исследования и поэтизации московских дворов с позиции архитектора, историка, эколога, культуролога». Отдельные встречи в Музее («Мужчины после пяти вечера: Измайлово!», «Дворы Волгоградки в Кузьминках» и др.) посвящены эпохе 1950–1980-х гг. Руководит проектом сотрудник Музея, основатель МосКультПрога С. Никитин-Римский. Многие мероприятия позиционируются как спектакли-путешествия.

Лекционный цикл директора некоммерческой организации по проведению исследований в области архитектуры и градостроительства «Институт Модернизма» О. В. Казаковой «Советский модернизм: город между обществом и архитектурой» в рамках упомянутого выше проекта «Горький. Модернизм», её лекции в Центре фотографии имени братьев Люмьер и в Московском музее современного искусства «Совет-

ский модернизм. Архитектура наступившего будущего», «15 республик, 15 сестер. Национальные интерпретации советского модернизма», «Архитектура советского модернизма в кино. От “оттепели” до Перестройки» призваны помочь аудитории понять истоки и эволюцию, основные идеи, локальные особенности стиля.

Итак, советский архитектурный модернизм в последнее двадцатилетие стал востребован учёными, издателями, музейными специалистами, галеристами как в России, так и за рубежом. Значительный вклад в понимание специфики модернистской архитектуры в национальных республиках внесла реализация проекта «Локальный модернизм», экспедиции по бывшим советским республикам Ф. Шобэна, инициативы Ф. Новикова и В. Белоголовского. Выведению из «слепой зоны» модернистской архитектуры способствовала деятельность архитектурного фотографа Ю. Пальмина, архитектора и куратора выставок Ю. Аввакумова, историков архитектуры. В рамках туристических проектов модернистскую архитектуру представляют в контексте градостроительной политики, демографических процессов, повседневной жизни.

Музейно-выставочные проекты, научные конференции стимулируют появление каталогов, фотоальбомов, монографий. Особое значение имеет публикация путеводителей, которые можно рассматривать в качестве научного и информационного обеспечения имеющихся и новых экскурсионных маршрутов, сфокусированных на истории советской модернистской архитектуры.

Литература

1. *Аввакумов Ю.* Бумажная архитектура. Антология. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2019. 374 с.
2. Архитектурная конференция «Экспансия модернизма: история и наследие» // GARAGE : [сайт]. URL : <https://garagemca.org/ru/event/architectural-conference-modernist-frontiers-then-and-now> (дата обращения: 21.01.2023).
3. *Бальян К.* Стадион «Раздан»: шедевр советского модернизма. Екатеринбург : Tatlin, 2019. 103 с.
4. *Белоголовский В., Рябушин А.* Феликс Новиков. Екатеринбург : Tatlin, 2009. 183 с.
5. *Боков А. В.* Параллельная архитектура оттепели и застоя. Визионеры // Проект Байкал. 2022. № 19. С. 58–69.

6. *Броновицкая А.* Три статьи о модернизме // *Архи.ру* : [сайт]. URL : <https://archi.ru/russia/59431/tri-stati-o-modernizme> (дата обращения: 19.01.2023).
7. *Броновицкая А., Малинин Н.* Топ-10 модернистских зданий Алматы // *Артгид* : [сайт]. URL : <https://artguide.com/posts/1563> (дата обращения: 20.01.2023).
8. *Броновицкая А. Ю., Милинин Н. С., Пальмин Ю. И.* Алма-Ата: архитектура советского модернизма. 1955–1991 : справочник-путеводитель. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2018. 328 с.
9. *Броновицкая А. Ю., Милинин Н. С., Пальмин Ю. И.* Ленинград. Архитектура модернизма. 1955–1991 : справочник-путеводитель. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 344 с.
10. *Броновицкая А. Ю., Малинин Н. С., Казакова О. В.* Москва. Архитектура советского модернизма. 1955–1991 : справочник-путеводитель / фото Ю. И. Пальмина. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2016. 327 с.
11. *Броновицкая А. Ю., Малинин Н. С., Казакова О. В.* Москва. Архитектура советского модернизма. 1955–1991 : справочник-путеводитель / фото Ю. И. Пальмин. 2-е изд., испр. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2019. 351 с.
12. *Гор А., Савицкая А.* «Горький. Модернизм». Путеводитель по выставке в нижегородском Арсенале // *Артгид* : [сайт]. URL : <https://artguide.com/posts/1550> (дата обращения: 21.01.2023).
13. Горький. Вторая советская модернизация. Модернизм. Материалы семинаров // *Неприкосновенный запас*. 2019. № 2. С. 143–146.
14. *Казакова О. В.* Советский архитектурный модернизм: формы времени. К итогам международной научной конференции. Москва, НИИТИАГ, Центр авангарда в Еврейском музее, 21–22 ноября 2013 г. // *Культурологический журнал*. 2013. № 4. С. 10.
15. *Казакова О. В.* Советский модернизм: второе пришествие // *Проект Байкал*. 2014. № 11. С. 60–63.
16. *Малиновская Е. Г.* Памятник архитектуры советского модернизма: дворец имени В. И. Ленина (Алматы) // *Культура и цивилизация*. 2017. Т. 7. № 4А. С. 426–445.
17. Международный архитектурный форум «Архитектурное наследие XX века» // *Архитектурный Петербург* : [сайт]. URL : <http://archpeter.ru/arkhiv/2016/04/mezhdunarodnyj-arkhitekturnyj-forum-arkhitekturnoe-nasledie-khkh-veka/> (дата обращения: 20.01.2023).
18. *Новиков Ф., Белоголовский В.* Советский модернизм. 1955–1985. Екатеринбург : Tatlin, 2010. 228 с.

19. Пионеры советского модернизма // Архи.ру : [сайт]. URL : <https://archi.ru/events/16935/pionery-sovetskogo-modernizma> (дата обращения: 21.01.2023).
20. Пионеры советского модернизма. Архитектура и градостроительство : каталог выставки, 30.05.2019 — 15.09.2019 / сост. И. В. Чепкунова и др. М. : Кучково поле ; Музеон, 2020. 239 с.
21. Свет Чертанова с Юрием Пальминым и Сергеем Никитиным // МосКультПрог : [сайт]. URL : <http://moskultprog.ru/2008/08/> (дата обращения: 15.01.2023).
22. Серова М. Ресторан «Зарафшан». Екатеринбург: Tatlin, 2020. 47 с.
23. Хрусталева А. В Москве открылась выставка, посвященная истории БАМа // Российское историческое общество : [сайт]. URL : <https://historyrussia.org/sobytiya/v-moskve-otkrylas-vystavka-posvyashchjonnaya-istorii-bama.html> (дата обращения: 21.01.2023).
24. A Parallel Modernity. Soviet Architecture 1956–1991 // Tranzit.org. : [сайт]. URL : <https://at.tranzit.org/en/news/0/2014-09-04/a-parallel-modernity-soviet-architecture-1956-1991> (Accessed Date: 19.01.2023).
25. *Chaubin F.* СССР: cosmic communist constructions photographed. Köln: Taschen, 2011. 308 p.
26. Conference: Local Modernities. National Architecture and International Style in the Soviet Empire post 1953 // Tranzit.org. : [сайт]. URL : <https://at.tranzit.org/en/news/0/2014-10-21/local-modernities-national-architecture-and-international-style-in-the-soviet-empire-post-1953> (Accessed Date: 19.01.2023).
27. *Dremaite M.* Baltic Modernism. Architecture and Housing in Soviet Lithuania. Berlin : DOM Publishers, 2020. 320 p.
28. *Meuser Ph., Zadorin D.* Towards a Typology of Soviet Mass Housing. Prefabrication in the USSR 1955–1991. Berlin : DOM Publishers, 2015. 456 p.
29. *Meuser Ph.* Seismic Modernism: Architecture and Housing in Soviet Tashkent. Berlin : DOM Publishers, 2016. 256 p.
30. Soviet Modernism 1955–1991 // Architekturzentrum Wien. : [сайт]. URL : http://wiki.azw.at/sovietmodernism_database/home.php (Accessed Date: 17.01.2023).
31. Soviet Modernism, Brutalism, Post-Modernism: Buildings and Structures in Ukraine, 1955–1991 / A. Bykov, I. Gubkina; transl. J. Nicholson; ed. D. Gibbons. Berlin : DOM Publishers; Kiev : Osnovy Publishing, 2019. 263 p.
32. Tashkent Modernism XX/XXI: A Research and Preservation Project for Uzbekistan's Architectural Heritage // ArchDaily. URL : <https://www.archdaily.com/1006530/preserving-tashkents-unique-modernist-architecture-the-importance-of-heritage-conservation> (Accessed Date: 21.02. 2024).

-
33. Zwischen Stalin und Glasnost: sowjetische Architektur in Moskau 1960–1990 / Ph. Meuser, J. Börner, C. Uhlig. Berlin : DOM Publishers, 2009. 297 p.

Anna N. EREMEEVA,

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department for Complex Problems for Cultural Research,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, erana@mail.ru

**The Potential of Soviet Architectural Modernism:
The Practices of Mastering**

The article considers the main results of the representation of architecture of the last Soviet thirty years through publishing, museum, exhibition, lecture, and tourism activities. The article describes domestic and foreign initiatives (the Local Modernism project, F. Shoben's expeditions, the activities of historians and popularizers of Soviet architecture) that contributed to the presentation of modernist architecture in the context of the multinationalism of the Soviet state, urban planning policy, demographic processes, and everyday life. The author stresses the role of museum and exhibition projects and scientific conferences as the stimulus for further research and publications, the importance of publishing architectural guidebooks acting as scientific and information support for tourism activities.

Keywords: *Soviet architecture, modernism, architectural expeditions, museums, exhibitions, publishing projects, tourism.*

В. А. Иванов*, В. Р. Щербакова**

Симферополь в годы Великой Отечественной войны: память и памятники

В статье описаны памятные места Симферополя и Симферопольского района, связанные с событиями Великой Отечественной войны; цель статьи — показать на примере самых известных и памятных мест их потенциал в развитии экскурсионного туризма в крымской столице. Авторами систематизированы памятники, связанные с героизацией участников боевых действий, раскрывающие трагические страницы нацистской оккупации и геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны. Работа написана на большом фактографическом материале публикаций в СМИ, научных, общественно-политических изданий, региональных онлайн-ресурсов, архивных данных.

Ключевые слова: памятники, Великая Отечественная война, Симферополь, Симферопольский район, Обелиск Славы на горе Митридат в Керчи, Обелиск воинам 2-й гвардейской армии на Северной стороне г. Севастополя, Обелиск 51-й армии на Сапун-горе, обелиск Герою Советского Союза Ивану Голубцу, Обелиск подвигу пяти героям-черноморцам у с. Верхнесадовое.

Обелиски.

Стоят обелиски.

Их много на крымской земле —

И мраморных, и деревянных,

Высоких и низких.

О том, как героем

Становится целый народ,

Безмолвным своим языком

Говорят обелиски.

Н. Новиков

Туристический потенциал столицы Крыма — Симферополя, несмотря на обилие памятников разных эпох, музеев и выставок раскрыт, к сожалению, далеко не полностью. Основная масса туристов, прибывая

* ИВАНОВ Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма, Симферополь, Республика Крым, Россия, slavik1855@gmail.com.

** ЩЕРБАКОВА Валентина Ростиславовна, младший научный сотрудник отдела «Мемориал памяти жертв фашистской оккупации Крыма в 1941–1944 гг.» Центрального музея Тавриды, пос. Мирное, Симферопольский район, Республика Крым, Россия, shcherbakova79787316539@yandex.ru.

в город, тут же отправляется на отдых к морю, даже не подозревая о существовании тех сокровищ, которыми обладает центр Крыма. Окунаясь в историю городов-героев Севастополя и Керчи, невозможно сбросить со счетов вклад в победу над нацизмом всех жителей полуострова.

Первые памятники в СССР появились на полуострове сразу после того, как Красная армия освободила Крым от нацистской оккупации в 1944 г. Напоминанием о ратном подвиге советского солдата и матроса стали:

- обелиск Славы на горе Митридат в Керчи (см.: [12, с. 157–159] [10, с. 60] [34, с. 54–62, 64–70]);
- обелиск воинам 2-й гвардейской армии на Северной стороне Севастополя (см.: [12, с. 191–193] [5]);
- обелиск 51-й армии на Сапун-горе [12, с. 195];
- обелиск Герою Советского Союза Ивану Голубцу (см.: [19, с. 39–41] [12, с. 97]) в Стрелецкой бухте;
- обелиск подвигу пяти героям-черноморцам у села Верхнесадовое (см.: [19, с. 11–13] [12, с. 71–72] [2, с. 168]).

В послевоенные годы на крымской земле начали повсеместно возводить памятники землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Их можно было встретить в каждом крымском селе, на территории заводов, в учебных заведениях [34, с. 29–31].

В тяжёлое послевоенное время памятники зачастую создавали из самых простых материалов, но сделаны они были с большой душой. Их скромность и простота до сих пор находят отклик в сердцах людей.

Иногда можно встретить мнение, что история Симферополя крайне бедна событиями Великой Отечественной войны. В противовес этому тезису необходимо напомнить, что в городе и районе больше 100 памятников и памятных досок, связанных с этими героическими событиями.

Так, 3 июля 1944 г. в нынешнем сквере Победы в честь освободителей Симферополя был установлен на постаменте танк Т-34. Автором памятника выступил начальник штаба 216-го сапёрного батальона 19-го танкового корпуса капитан С. Ф. Коробкин. Именно этот танк, Т-34 № 201, одним из первых ворвался в Симферополь 13 апреля 1944 г. На лицевой части постамента создатели монумента перечислили части и соединения, которые участвовали в освобождении Симферополя весной 1944 г. (см.: [12, с. 185] [39]).

На ул. Старозенитной рядом с армянским кладбищем (у каждой этнической группы в разных частях города был собственный некрополь)

располагаются захоронения Великой Отечественной войны. Кроме погибших в боях, умерших от ран советских военнослужащих (с 13 апреля 1944 г. по 1 августа 1945 г. в Симферополе и его окрестностях работало 11 советских военных госпиталей), здесь покоятся участники антифашистской борьбы и жертвы нацистского террора. В 1971–1975 гг. кладбище было реконструировано. В двух секторах тянутся ровные ряды надгробий. На мраморных плитах высечены имена защитников и освободителей Крыма [12, с. 185]. В первом ряду второго сектора расположены могилы трёх Героев Советского Союза: командира 19-го танкового корпуса И. Н. Мошкарин, лётчика штурмовой авиации 8-й воздушной армии лейтенанта А. Т. Лебедева, лётчика-истребителя, заместителя командира 182-го авиаполка капитана В. П. Трубаченко. Здесь же покоятся гвардии капитан В. С. Новиков, лётчик М. П. Мальченко и многие другие [12, с. 186].

Братская могила павших бойцов в Бешуйском бою. 7–11 февраля 1944 г. вблизи села Бешуй (с 1945 г. село Дровянка Симферопольского района, ныне не существует) 4-я бригада Южного соединения партизан Крыма (4-я и 7-й отряды) столкнулись с карательными частями 17-й армии вермахта и 3-й горнострелковой дивизии румынской армии. Партизаны выгодно использовали рельеф местности, они заманили врага в узкую долину, где он был полностью уничтожен. В бою «народные мстители» потеряли 18 человек убитыми и 35 ранеными (см.: [12, с. 127] [29]). Всех павших в Бешуйском бою похоронили в братской могиле. Она находится на территории Крымского государственного заповедно-охотничьего хозяйства в 15 км от села Партизанское (до 1945 Саблы, Сабла) на правом берегу реки Альма. Комсомольцами ордена Ленина птицефабрики «Южная» в 1962 г. здесь был установлен памятник — обелиск из черного мрамора на двухступенчатом гранитном постаменте [20].

«Партизанская шапка» (село Перевальное, Симферопольский район). В годы Великой Отечественной войны шоссейная дорога, соединяющая Симферополь, Алушту и прилегающие к ней леса, не становилась ареной ожесточённых боёв крымских партизан с гитлеровскими захватчиками. В первой половине войны здесь действовали три партизанских отряда: Алуштинский, три Симферопольских, Зуйский, Биук-Онларский и Сейтлерский, а в 1943–1944 гг. — бригады Северного соединения партизан Крыма [22].

В 1963 г. вблизи села Перевальное (до 1945 г. село Ангара в Симферопольском районе Крымской АССР) на пересечении 27-го километра горной троллейбусной трассы и партизанской тропы был установлен

необычный памятник — большая каменная глыба, формой напоминающая партизанскую папаху, отделанная алой лентой, выполненная из красного мрамора. На памятнике были выбиты имена 26 партизан: Александра Старцева, Владимира Мамсуева, Василия Бартоша, Петра Лещенко, Акакия Творадзе, Венделина Новака, Франтишека Шмидта и других. Их имена — свидетельство того, что в рядах антифашистов были представители не только народов СССР, но и граждане других стран. Авторы памятника хотели подчеркнуть сплочённость интернационалистов в борьбе с врагом (см.: [12, с. 123] [14] [34, с. 29–31]).

Идеи создания памятника «Партизанская шапка» принадлежит бывшему комиссару Северного соединения Н. Д. Луговому, а авторами проекта выступили художники Э. М. Грабовецкий (также участник партизанского движения в Крыму) и И. С. Петров, архитектором — Л. Р. Фрусов, исполнителем — скульптур Б. Ю. Усачев.

В семидесятые годы прошлого века большое внимание партия и правительство уделяло патриотическому воспитанию. В ст. 68 Конституции СССР от 7 октября 1977 г. особо было отмечено, что «забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР» [11].

Основная масса памятников, посвящённая событиям Великой Отечественной войны, была сооружена в Симферополе и Симферопольском районе в середине 1970–1980-х гг.

Их строительство было приурочено к 30-летней годовщине «освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков» и 30-летию Победы Советского народа в Великой Отечественной войне» (см.: [37, с. 2–3] [40, с. 15]). В монументальном искусстве доминировала концепция увековечивания «патриотического подвига советского народа в Великой Отечественной войне».

Главные цели их создания:

- во-первых, необходимость подчеркнуть героический вклад советского народа в борьбе с гитлеровскими захватчиками, а также роль СССР в освобождении мира от фашистской чумы;
- во-вторых, это был своеобразный долг памяти потомков народа-победителя миллионам погибших соотечественников в годы Великой Отечественной войны;
- в-третьих, подчёркивалась руководящая роль Компартии Советского Союза в организации антифашистской борьбы на фронте, в тылу;

- в-четвёртых, монументы должны были акцентировать внимание на преимуществах советского образа жизни, а также продемонстрировать морально-политическое единство советского общества и нерушимость дружбы народов СССР;
- в-пятых, мемориалы служили своеобразным предостережением народам мира о том, как страшны нацизм, фашизм и радикальный национализм, которые принесли столько горя и страданий людям.

По инициативе парткомов и профсоюзных организаций, ветеранских союзов и общественности собирались средства для увековечивания крымчан — работников предприятий, погибших в борьбе с врагом. О том, как возводились эти памятники, какой отклик их история находила в сердцах людей, можно судить по материалам периодической печати.

Каждый, кто приезжает на железнодорожный вокзал города Симферополь, у цифрового табло обращает внимание на Мемориальный знак в честь подпольной диверсионной группы железнодорожников В. К. Ефремова.

Согласно официальной статистике, в годы нацистской оккупации Крыма в Симферополе действовали 82 подпольные группы и организации. Одну из них, созданную при железнодорожной станции Симферополь, возглавлял В. К. Ефремов. В состав этой группы входили: И. Г. Левицкий, В. З. Лавриненко, Н. Я. Соколов, А. А. Брайер, Н. С. Усова [12, с. 119].

За период своей деятельности группа В. К. Ефремова совершила 22 крупные диверсии. Ими было взорвано 9 вражеских эшелонов с боеприпасами и горючим, выведены из строя две железнодорожные станции. Члены подпольно-диверсионной группы переправили в штаб Северного соединения партизан Крыма ценные разведданные о передвижении вражеских войск, спасли сотни симферопольцев от угона в нацистскую Германию [19].

Совместно с КПОВТН (подпольная группа Н. И. Терещенко, Севастополь) был произведён взрыв трёх поездов с боезапасом на станции Севастополь, что привело к уничтожению 38 вагонов (см.: [7, л. 18, 20] [38, с. 188]).

В феврале — марте 1944 г. по всему Симферополю прошли массовые аресты. Гитлеровцы схватили В. К. Ефремова и его соратников. 24 марта 1944 г. он был расстрелян (см.: [1] [12, с. 120]).

В декабре 1972 г. в память о подвиге подпольщиков на здании железнодорожной вокзала станции Симферополь, у выхода на перрон, была установлена бронзовая мемориальная доска. На ней выполнены портреты В. К. Ефремова и его соратников А. А. Брайлера, В. З. Лавриненко, И. Г. Левицкого и Н. Я. Соколова. В нижней части барельефа изображён эпизод их боевой работы — взрыв вражеского эшелона. Авторами памятника стали скульптуры В. В. Петренко и Н. И. Петренко [12, с. 120].

На митинге, посвящённом открытию мемориальной доски, присутствовали председатель Железнодорожного райисполкома города Симферополь В. Г. Царенко, участник партизанского движения в Крыму И. Х. Давыдкин, члены ВЛКСМ Железнодорожного района Симферополя, работники станции Симферополь [16].

Советское правительство наградило В. К. Ефремова (посмертно) орденом Ленина, его именем была названа одна из улиц города. Железнодорожный разъезд 1415 километра на участке Симферополь — Джанкой переименовали в станцию Ефремовская.

Интересно, что в 1973 г. многие городские улицы Симферополя были переименованы к 30-летию юбилею Великой Победы. В частности, Ипподромная была переименована в улицу Крымских партизан, Пожарная получила имя в честь контр-адмирала Ф. В. Жирова.

Памятник преподавателям и студентам Медицинской академии имени С. И. Георгиевского. В первые месяцы Великой Отечественной войны на фронт в действующую армию добровольцами ушло около 500 человек. Среди них были студенты четвёртых, пятых курсов, директор Крымского медицинского института (так тогда назывался вуз) М. И. Сальков, заведующий кафедрой здравоохранения И. И. Сысоев и мн. др. Во второй половине сентября 1941 г. около 600 студентов и членов профессорско-преподавательского состава были эвакуированы в Краснодарский край, в г. Армавир. С приближением линии фронта к Армавиру вуз был эвакуирован в Кызыл-Орду Казахской ССР (ныне Кызылорда в современном Казахстане). В конце лета 1944 г. Крымский медицинский институт вернулся в освобождённый Симферополь. Несмотря на трудности военного времени, в течение Великой Отечественной войны вуз дал стране 850 медиков [12, с. 187].

К 30-летию Великой Победы были выделены средства городской организации Общества охраны памятников, истории и культуры на со-

оружие памятных знаков в Крымских медицинском и сельскохозяйственном институтах (см.: [3] [24] [25] [30] [33]).

В 1972 г. у входа в 1-й учебный корпус Крымского медицинского института был сооружён памятник. Скульптура изображает хирурга, готового приступить к операции. У подножия стоит мраморный камень с мемориальной надписью. Авторами памятника стали скульптор Л. А. Скорубская и архитектор Е. В. Попов [32].

Памятник преподавателям и студентам Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. В боях с гитлеровскими захватчиками на фронте и в рядах сопротивления пали многие преподаватели, аспиранты и студенты Крымского педагогического института (так назывался в годы Великой Отечественной войны КФУ имени В. И. Вернадского): Г. П. Ковалев, Н. В. Марцинкевич, М. В. Цитрин, Н. К. Пивень, В. А. Куриленко, И. Аров, Г. Винников, В. Филиппов, М. Чечин и мн. др. [12, с. 188–189].

В память об этих людях 9 мая 1981 г. на средства, заработанные студентами в стройотрядах и на сельхозработах, был торжественно открыт памятник. Его авторами выступили скульптор В. С. Гордеев и архитектор В. Н. Мельниченко. Он представляет собой женскую фигуру с лавровой ветвью в руке, олицетворяя собой Родину-Мать, которая хранит память о своих сыновьях. Она скорбит о тех, кто не успел, кто не смог отдать свой талант и творческое вдохновение на алтарь науки. Сама скульптура была выполнена из ковanej меди. Слева от монумента была изображена раскрытая книга с надписью: «1941–1945. Памяти погибших преподавателей и студентов» (см.: [12, с. 189] [31]).

Студенты КФУ имени В. И. Вернадского регулярно проводят уборку территории у памятника. По окончании работ участники возлагают цветы и отдают дань памяти павшим минутой молчания [32].

Командир Регионального штаба Крымского регионального отделения МООО «Российские Студенческие Отряды» Владимир Кайданский отметил: «Мирное небо сегодня — заслуга этих героических людей. И то, что мы сделали, это маленькая часть нашей искренней благодарности, которую мы можем сегодня высказать тем, кто ценой собственной жизни отстоял мир на родной земле» [32].

Не только студенты, но и школьники вступили в схватку с гитлеровцами. Напоминанием о юных героях-антифашистах стала Мемориальная доска у входа в симферопольскую гимназию № 1 имени И. В. Курчатова. Её открыли в июне 1975 г. у входа в здание. Она посвя-

щена учащимся школы, принимавшим активное участие в подпольной работе в годы фашистской оккупации. Были увековечены следующие имена: О. Савватеев, В. Дацун, В. Л. Боронаев, Ю. Рожков.

На торжественном митинге присутствовали: пионеры и члены ВЛКСМ учащиеся школы, учителя, бывший комиссар одного из крымских партизанских отрядов Н. А. Клемпарский, бывшая участница одной из подпольных организаций Симферополя Л. Н. Орленко, актриса Крымского государственного академического театра имени М. Горького Л. Н. Могилева, ответственный секретарь правления городской организации Общества охраны памятников истории и культуры В. Е. Кулешов [18]. Юные участники дали особую клятву верности, пообещав отдать «жизнь за счастье ныне живущих». Завершилась церемония вручением грамот и памятных медалей Украинского общества охраны памятников истории и культуры за активную поисковую работу.

Многие страницы Великой Отечественной войны долгое время остаются малоизвестными. Нацисты перед отступлением из Крыма старательно заматали следы своих злодеяний. Иногда для установления правды требуются годы поисковой работы.

Так случилось, что во время начала строительных работ на втором километре трассы Симферополь — Николаевка были обнаружены массовые захоронения советских граждан периода Великой Отечественной войны. Когда по истечении тридцати лет Чрезвычайная государственная комиссия приступила к расследованию преступлений оккупантов и их пособников на месте массовых захоронений советских граждан, погибших от рук нацистов, то она обнаружила 28 ям, заполненных останками. В память о погибших был организован Мемориал уничтоженным советским гражданам в 1941–1944 годах в Симферополе (урочище Дубки, 2-й км шоссе Симферополь — Николаевка) (см.: [9] [8, л. 45–45об.] [13]).

Жертвами этого места в основном были узники концлагеря «Красный». Он был организован в 1941–1944 гг. под Симферополем на территории бывшего совхоза «Красный». Здесь содержались советские военнопленные, антифашисты и гражданские лица. Узников подвергали рабскому унижительному труду, морили голодом, содержали в антисанитарных условиях. «Пленных расстреливали методично, ежедневно, пригоняли сюда, ставили у ям и стреляли в затылок», — вспоминал Н. Н. Бондаренко, фотокорреспондент газеты «Крымская правда», ветеран Великой Отечественной войны [4].

В память о погибших мемориальный комплекс был открыт в 1973 г. Его авторы — скульпторы Л. С. Смерчинский и Е. И. Максименко, архитекторы Е. В. Попов и Е. Д. Бычков (см.: [6] [25] [26] [29]).

К мемориалу ведёт Аллея Скорби — дорога, по которой шли на смерть тысячи узников концлагеря. Ступени поднимаются на холм, что возвышается над рвом, где были найдены останки погибших. Впоследствии останки перезахоронили в 1973 г. в братской могиле на симферопольском кладбище [17]. В центре композиции — установленная на вершине холма семиметровая фигура женщины. Её руки подняты вверх, гневно сжаты в кулаки, широко раскрытые глаза горят ненавистью к мучителям. На заднем плане горельеф с изображением стариков, женщин, детей, погибших от рук нацистов, но так и оставшихся непокорёнными (см.: [4] [12, с. 129]).

Памятник партизанам и подпольщикам Крыма (Симферополь). 9 мая 1978 г. в Симферополе на ул. Киевской перед зданием кинотеатра «Мир» был открыт памятник партизанам и подпольщикам Крыма. Авторами этой монумента являются Н. Д. Солощенко и архитектор Е. В. Попов. На высоком постаменте скульптурная композиция. Она изображает двух патриотов: партизан с автоматом поддерживает раненого товарища — оба готовы вступить в бой [21].

Нельзя не сказать о центральном месте памяти в городе Симферополь — Могиле Неизвестного солдата, — где был зажжён Вечный огонь.

Традиция почитания памяти неизвестных героев пришла в Крым, когда 8 мая 1967 г. был зажжён огонь на мемориале «Могила Неизвестного солдата» в Александровском саду в Москве. Она получила отголосок в сердцах тысяч людей из разных уголков нашей необъятной Родины.

В Симферополе в апреле 1975 г. состоялось перезахоронение останков Неизвестного солдата из одиночной могилы с кладбища по улице Беспалова в парк имени Ю. А. Гагарина. В мае 1975 г. на могиле Неизвестного солдата был зажжён Вечный огонь, доставленный на бронетранспортере с Сапун-горы, расположенной под Севастополем. На могиле сооружено надгробие, выполненное из красного гранита. В центральной части основания расположен Вечный огонь. Мемориальная надпись гласит: «Подвиг твой в памяти народной бессмертен». Автором памятника выступил архитектор Е. В. Попов [35].

Девяностые годы прошлого века, на которые пришёлся распад Советского Союза, а также последующие десятилетия Крыма в составе независимой Украины, привели не только к пересмотру истории госу-

дарства, но и как следствие, к полному забвению памятников истории. В лучшем случае уход за ними осуществлялся силами энтузиастов. Основное внимание уделялось мемориальным местам, расположенным в центре города. К сожалению, некоторые памятники на окраинах в этот период были разрушены и потеряны навсегда. Такая политика способствовала, в конечном счёте, моральной деградации в воспитании подрастающего поколения.

Чем дальше в историю уходит Великая Отечественная война, тем всё меньше и меньше остаётся свидетелей трагедии нашего народа, о которой сейчас могут вести свой рассказ только мемориальные надписи.

С приходом «Крымской весны» в 2014 г. Правительство Республики Крым изменило отношение к памятникам и памятным местам. Были отремонтированы и появились новые памятники, рассказывающие о героическом прошлом.

Так, в Симферопольском районе на территории бывшего совхоза «Красный» 8 мая 2015 г., накануне 70-летия Победы, был торжественно открыт Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма в 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный».

Автором проекта выступил Максим Алексеевич Пивоварчик. Мемориал как архитектурно-художественное сооружение выделяется оригинальным решением зданий и сооружений. Рубленые формы и лаконизм подчёркивают трагедию узников. Исключительно сильное эмоциональное воздействие достигается гармоничным единством с природой. Скульпторами главного монумента жертвам нацистского концлагеря стали Сергей Мильченко (Москва), Александр Демченко (Харьков), Василий Семенюк (Харьков); памятника погибшим детям — Сергей Никитин (Симферополь). Автор «Каменного Хаоса» — Дмитрий Добровольский (Харьков).

Экспозиция музейного зала создана силами Центрального музея Тавриды (автор — Оксана Юрьевна Белоплотова) и ЧП «Авеню» (Александр Юрьевич Рубинчук). Мемориал является структурным подразделением Центрального музея Тавриды. Для ныне живущих и будущих поколений мемориальный комплекс — это не просто выраженная художественными средствами патриотическая идея, это дань памяти узникам концлагеря, уничтоженным и замученным нацистами и их пособниками.

Такое место, как «Красный», на карте нашего города, к сожалению, не одно. Местом принудительного содержания была и территория рядом с железнодорожной станцией, бывшее овощехранилище, где в годы

оккупации немецкая администрация открыла пересыльный лагерь «Дулаг 241» для сбора и отправки в Германию людей на принудительные работы. Люди содержались в нечеловеческих условиях: в сырых подвалах или под открытым небом, зачастую не получая полноценного питания и медицинской помощи. По официальным данным, на территории, которая получила название «Картофельный городок», погибло более 6000 человек. В память о них была установлена Мемориальная доска памяти жертв нацизма. Её торжественно открыли летом 1986 г. на территории Симферопольского плодоовощекомбината. В митинге принимали участие представители партийных и советских органов Железнодорожного района г. Симферополь, работники комбината, следопыты школы № 10 (которые собирали материал о преступлениях нацистских захватчиков в период оккупации Симферополя). Сама Мемориальная доска была установлена на средства Общества охраны памятников истории и культуры [27]. Она была утеряна. И только в 1990 г. был поставлен мемориальный камень. Он и стал отправной точкой для начала строительства Мемориального сквера «Картофельный городок». Объект был торжественно открыт 2 мая 2023 г. С инициативой его создания выступил Председатель Государственного Совета Крыма Владимир Константинов. Помощь оказали и равнодушные жители полуострова. Участие в открытии сквера приняли сотни горожан, которые возложили цветы к памятнику.

Площадь нового мемориального комплекса составила 375 квадратных метров. Согласно проекту, на его территории сохранится памятный знак, установленный в 1990 г. От него аллея ведёт к пирамиде. «Этот памятный знак представляется как узнаваемая архитектурная форма, имеющая символический смысл, — четырёхгранная пирамида в обрамлении чёрного гранита, подобная тем, которые установлены на территории мемориального комплекса «Концлагерь “Красный” и Сквера памяти», — объясняет автор проекта Виталий Кононов. Развалины барака — символические руины хранилищ, помещений овощной базы, где содержались узники. Зарешеченные окна, ограждение из колючей проволоки — напоминание о лишённых свободы и пребывавших в жестоких условиях людях. Мемориальный сквер открыт 9 мая — ко Дню Победы.

Обзор памятных мест позволяет убедиться в богатстве Симферополя и его окрестностей памятными местами, связанными с историей Великой Отечественной войны. Тем не менее не все памятники легкодоступны для широкой аудитории. Особенно это касается мест, располо-

женных на территории предприятий, учебных заведений или природных заповедных зон. Для посещения таких мест требуется специальное разрешение. Ещё одним препятствием для больших экскурсионных групп является отсутствие удобных парковочных мест для автотранспорта. При ремонте и реконструкции памятников в Симферополе эти недостатки постепенно устраняются. Современным требованиям эксплуатации соответствуют:

- Мемориальный сквер «Картофельный городок»;
- Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма в 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный»;
- Могила Неизвестного солдата, где был зажжён Вечный огонь;
- Мемориал уничтоженным советским гражданам в 1941–1944 гг. в Симферополе (урочище Дубки, 2-й км шоссе Симферополь — Николаевка).

Таким образом, в настоящей статье, на примере известных памятных мест Симферополя и Симферопольского района, связанных с историей Великой Отечественной войны, раскрыт огромный туристический потенциал региона, который позволяет не только знакомить гостей полуострова с достопримечательностями, но и воспитывать патриотические чувства и любовь к Родине.

Литература

1. Братская могила членов подпольно-диверсионной группы железнодорожников // ВООПИиК. Крымское республиканское отделение : [сайт]. URL : <https://crimea-voopik.ru/simf/486/> (дата обращения: 26.08.2023).
2. *Богуславский Г. А.* Вечным сынам Отчизны (Памятники Великой Отечественной войны). М. : Советская Россия, 1975. 368 с.
3. *Бондаренко Н.* Никто не забыт, ничто не забыто // Крымская правда. 1976. № 109. 11 мая. С. 3.
4. *Бояринцева Н.* Дубки. Страшная страница // Крымская правда. 2020. 18 января. URL : <https://c-pravda.ru/news/2020-01-18/dubki-strashnaya-stranica> (дата обращения: 26.08.2023).
5. *Владимиров Л., Докин В.* Не предал «Херсонеса» лишь один каменотес // Слава Севастополя. 1991. № 221. 22 ноября. С. 3.
6. Выставка «Художники Крыма о Великой Отечественной войне» // Министерство внутренней политики, информации и связи Республики Крым : [сайт]. URL : <https://minfo.rk.gov.ru/uploads/minfo/attachments//>

- d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpeurFez_1.pdf (дата обращения: 26.08.2023).
7. Государственный архив Республики Крым. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 106.
 8. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–45 об.
 9. Дубки. Горькое прошлое // Советский Крым. 1990. № 70. 11 апреля. С. 4.
 10. Имя твоё бессмертно : краткий исторический справочник / сост. Ю. В. Плотников, А. Г. Халтурин. М. : Политиздат, 1975. 138 с.
 11. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова : [сайт]. URL : <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#3> (дата обращения: 26.08.2023).
 12. Крым: памятники славы и бессмертия / С. Н. Шаповалова, В. Н. Барбух, Л. Н. Вьюницкая и др.; сост. С. Н. Шаповалова. Симферополь : Таврия, 1985. 238 с.
 13. Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь : Антиква, 2015. 224 с.
 14. *Луговой Н. Д.* Памятники партизанской славы // Крымская правда. 1966. № 276. 24 ноября. С. 3.
 15. *Бакуменко Г. В., Коваленко Т. В.* Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы реконструкции историко-культурного наследия // Наследие веков. 2015. № 1. С. 80–89.
 16. *Митрохин В., Шевцов Ю.* С чеканной меди // Крымский комсомолец. 1972. № 150. 19 декабря. С. 3.
 17. Обелиск жертвам фашизма // Крымская правда. 1973. № 87. 13 апреля. С. 3.
 18. Памяти юных героев // Крымская правда. 1975. № 138. 13 июня. С. 4.
 19. Памятники черноморцам-героям Великой Отечественной войны / сост. Я. Русаков; Политическое управление Черноморского флота. Севастополь : Красный Крым, 1947.
 20. Памятный знак на месте Бешуйского боя // Памятники Крыма : [сайт]. URL : <https://crimean-monuments.ru/monument/358-pamyatnuy-znak-na-meste-beshujskogo-boya>. (дата обращения: 26.08.2023).
 21. Памятник партизанам и подпольщикам // Гид Крыма : [сайт]. URL : <https://gidcrima.ru/simferopol/dostoprimechatelnosti/pamyatnik-partizanam-i-podpolshchikam/> (дата обращения: 25.08.2023).
 22. Партизанская шапка // Советский Крым. 1990. № 45. 6 марта. С. 4.

23. Подвиг народа: Памятники Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / сост. и общ. ред. В. А. Голиков. М. : Политиздат, 1980. 318 с.
24. Подвиг бессмертен // Крымский комсомолец. 1975. № 44. 12 апреля. С. 1.
25. Подвигу жить в веках // Крымская правда. 1974. № 110. 13 мая. С. 2.
26. Потомкам на память // Крымская правда. 1974. № 84. 10 апреля. С. 3.
27. Поляков В. Памяти жертв фашизма // Крымская правда. 1986. № 128. 3 июня. С. 3.
28. Пупкова Н. Бешуйское сражение. Самое крупное у крымских партизан // Крымская правда. 2019. 12 февраля. URL : <https://c-pravda.ru/news/2019-02-12/beshujjskoe-srazhenie> (дата обращения: 26.08.2023).
29. Радостно и торжественно // Крымская правда. 1976. № 109. 11 мая. С. 3.
30. Самохвалов Н. На годы, на века // Крымская правда. 1973. № 235. 5 октября. С. 4.
31. Сапелкина В. Вечная память // Крымский комсомолец. 1981. № 58. 14 мая. С. 2.
32. Сохраняя традиции // Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского : [сайт]. URL : <https://cfuv.ru/news/sokhranuyaya-tradicii> (дата обращения: 27.08.2023).
33. Смольговская Р. Потомству на века // Крымская правда. 1976. № 32. 8 февраля. С. 3.
34. Шамко Е. Н. Дорогами крымских партизан. Симферополь : Таврия, 1976. 143 с.
35. Юманова Е. В память об истерзанных и замученных // Крымская правда. 2023. 16 февраля. URL : <https://c-pravda.ru/news/2023-02-16/v-pamyat-ob-isterzannyykh-i-zamuchennykh> (дата обращения: 28.01.2024).
36. Акуленко В. Міжнародні договори і угоди про пам'ятки історії та культури // Пам'ятники України. 1980. № 4. С. 62–63.
37. Говдя П. Навічно в пам'яті народній // Образотворче мистецтво. Київ, 1985. № 3. С. 2–3.
38. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. : Кримська область / від. ред. П. Т. Тронько. Київ : УРЕ, 1974.
39. Пам'ятник воїнам-визволителям у Сімферополі // Культура і життя. 1969. № 30. 13 квітня. С. 1.
40. У пам'яті народній. Синам і дочкам усіх народів,нашої соціалістичної Вітчизни, які захищали й визволяли Радянську Україну від німецько-фашистських загарбників / відп. ред. О. Л. Стешенко, В. Л. Зуц та ін. Київ: Українське товариство охорони пам'ятників історії та культури, 1975.

Vyacheslav A. IVANOV,
Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol,
Republic of Crimea, Russia, slavik1855@gmail.com

Valentina R. SHCHERBAKOVA,
Junior Researcher, Department “Memorial to the Victims
of the Fascist Occupation of Crimea in 1941–1944”,
Central Museum of Taurida, Mirnoye, Simferopol district,
Republic of Crimea, Russia, shcherbakova79787316539@yandex.ru

**Simferopol during the Great Patriotic War:
Memory and Monuments**

The article describes the memorable places of Simferopol and the Simferopol region associated with the events of the Great Patriotic War; its purpose is to show, using the example of the most famous and memorable places, their potential in the development of excursion tourism in the Crimean capital. The authors systematized the monuments associated with the glorification of participants in military operations, revealing the tragic pages of the Nazi occupation and genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War. The work is written on a large factual material of publications in the media, scientific, socio-political publications, regional online resources, archival data.

Keywords: *monuments, the Great Patriotic War, Simferopol, Simferopol district, Obelisk of Glory on Mount Mithridates in Kerch, Obelisk to soldiers of the 2nd Guards Army on the North side of Sevastopol, Obelisk of the 51st army on Sapun Mountain, obelisk to Hero of the Soviet Union Ivan Golubets, Obelisk to the feat of five heroes of the Black Sea at village Verkhnesadovoe.*

С. Н. Ктиторов*, А. Л. Пелих**

Парк «Городская роща» в Армавире: история развития и динамика социально-культурных функций***

В статье рассматривается Армавирская городская роща как объект природного и культурного наследия. Роща, располагающаяся на северной окраине Армавира, связана с рядом событий региональной истории. Во время Кавказской войны черкесские армяне использовали прибрежный лес как место для укрытия во время набегов горцев. В 1840 г. здесь была проложена дорога к укреплениям и станицам Лабинской линии. К концу XIX в. лесной массив разделился на три фрагмента, из которых самый обширный участок получил название Третьей рощи. Уже в досоветский период роща стала местом отдыха армавирицев, здесь же проводились антиправительственные собрания. К советскому периоду роща осталась единственным участком кубанского леса в черте города. Серьезные изменения в области благоустройства произошли в конце 1950-х гг.: были сооружены три водохранилища и обустроен первый в городе пляж. Статья опирается на архивные данные, а также на публикации в средствах массовой информации XIX–XX вв.

Ключевые слова: роща, Армавир, Кубань, природное наследие, культурное наследие, П. В. Миронов.

Расположенная на северной окраине Армавира, на левом берегу Кубани, популярная зона отдыха «Городская роща» является уцелевшим до наших дней фрагментом естественного леса, изначально покрывавшего не только пойму реки, но и значительную часть современной территории города. Ныне площадь этого природного объекта составляет всего 0,65 кв. км (вместе со вторым водохранилищем — 0,82 кв. км).

В конце 1840-х гг. редактор «Ставропольских губернских ведомостей» Иван Иванов указывал, что сначала первопоселенцы аула черкесогаи (черкесские армяне) «жили в лесу в худо устроенных саклях

* КТИТОРОВ Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Армавир, Краснодарский край, Россия, ktitorovsn@yandex.ru.

** ПЕЛИХ Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Армавир, Краснодарский край, Россия, pelich1976@mail.ru.

*** Статья подготовлена при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научно-инновационного проекта, № проекта: НИП–20.1/22.7.

и шатрах» [9]. Массив буйной растительности на берегу реки армавирицы использовали не только для добычи топлива, стройматериалов и корма для скота. По свидетельству того же автора, в моменты нападения на аул «немирных» горцев лес на кубанском полуострове служил местом укрытия женщин и детей, для чего в окружавшей поселение огаде были сделаны особые, обращённые на север ворота [9].

В ноябре 1839 г. в этой местности под руководством генерала Г. Х. Засса был построен первый деревянный мост через Кубань, предназначенный для следования из крепости Прочный Окоп войск в связи с устройством новой Лабинской кордонной линии. Для прокладки военно-экспедиционной дороги на территории современной рощи была прорублена просека, а на берегу реки устроено предмостное укрепление (тет-де-пон) (см.: [4, л. 2 — 3 об.] [3, с. 12]).

Первоначально власти аула строго следили за состоянием пойменного леса. В рапорте чиновника по особым поручениям коллежского асессора К. Дульветова командующему войсками правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанту Г. И. Филипсону от 23 марта 1859 г. особо отмечалось, что «небольшой участок леса на берегу Кубани пока не приносит определённого дохода, так как в нем не позволяют никому рубить. Только беднейшим жителям отпускают необходимое количество лесу на исправление домов. На продажу вырубливают деревья в иные годы в том только случае, когда Кубань грозит снести растущие на самом её берегу деревья. Так в прошлом году было поставлено 60 саженей дров и продано по определённой цене в пользу общественного дохода» [7, л. 55 об. — 56].

Однако по причине незаконных вырубок и выпаса скота, который поедал не только траву, но и молодой кустарник, обгладывал кору на деревьях, площадь леса постепенно сокращалась. К началу 1880-х гг. единый массив растительности распался на две рощи [11]. Впоследствии та из них, которая находилась ближе к центру Армавира, разделилась на два небольших фрагмента с редкими группами деревьев и кустарников. В результате самый обширный северный участок леса получил название Третьей рощи, сохранявшийся как в дореволюционное время, так и на протяжении всего советского периода. В начале 1930-х гг. безымянный автор рукописного очерка по истории города отмечал, что «лет 20–30 тому назад Армавир ещё обладал в своих окрестностях на левом берегу Кубани лесными зарослями 1, 2 и 3 рощи, но теперь лишь сохранились жалкие остатки третьей рощи, остальные вырублены» [2, л. 11].

В 1932 г. авторитетный краснодарский исследователь П. В. Мионов, ссылаясь на работу Е. Пирожниковой, опубликованной в «Записках Армавирского окружного общества краеведения», представил довольно подробную характеристику состава растительности Третьей рощи.

В ней говорится: «По левому берегу, там, где Кубань делает изгиб к северу, лежит остаток древесной заросли 3-я роща. 3-я роща как растительное сообщество делится на три яруса: преобладающей породой первого яруса является караич до 80 %, ясень, дуб, явор и изредка дикая груша и яблоня, а по окраинам рощи серебристый тополь.

2-й ярус занимают кустарники: караич, крушина, боярышник, калина, бересклет, бузина, терен, бирючина и лещина.

Каждый из ярусов в своём развитии тесно связан с другими ярусами. Развитие травяного покрова и кустарников 2-го яруса находится в тесной зависимости с состоянием верхнего яруса. Так, вследствие весенней порубки 1924 года высокоствольных деревьев 1-го яруса 3-й рощи — 2-й ярус кустарников, получив обилие света, стал буйно расти и заглушать 3-й ярус, травяной покров. Поэтому большинство растений травяного покрова 3-й рощи цветет ранней весной, когда караич, ясень и явор не распустили ещё своей листвы. Здесь среди опавших прошлогодних листьев весной синюют пролески, хохлатка, чистяк, медуница, аронник, фиалка, желтая ветреница и паразит на корнях лещины Петров Крест. Следовательно, растения травяного покрова приспособляют своё цветение к тому времени, когда нет ещё сильного затенения. Позже (конец мая), благодаря сильному затемнению от кустарников и деревьев первого яруса, травяной покров редет, остаются растения теневыносливые: чеснокник, яснотка пурпуровая, яснотка белая, будра, зубница перистая и растения с ползучими стеблями, как каприфолий и цепкий подмаренник. На открытых полянах и по окраинам рощи растёт яснотка пурпуровая, ярутка, ясколка луговая и травы со слаборазвитой дерниной, как ежа сборная, тимофеевка и трясунка.

Луговая растительность долины реки Кубани принадлежит к типу сообщества суходольных лугов. Типичными растениями будут: гусятая лапка, клевер, пастушья сумка и ярутка. Из злаков: лисий хвост, трясунка, пырей и душистый колос и чертополохи...

На сырых и влажных местах долин рек Кубани и Урупа развиваются болотные растительные сообщества: рогозы, осоки, ситники, водяной перец, череда. Здесь рельефно выступает зависимость между характером сообщества и свойствами почвы. По берегам Кубани, там, где

река образует песчаные отмели, а также и на островах 3-й рощи растет облепиха — невысокий кустарник с иглами, весьма характерное растение для первичных наносных, речных почв» [8, л. 42 об. — 43].

С конца XIX в. Третья роща становится излюбленным местом отдыха армавирцев. При хорошей тёплой погоде сюда тянулся поток гужевых экипажей и пеших компаний. Под сенью деревьев устраивались прогулки, природоведческие экскурсии, пикники, спортивные игры и купания в Кубани. Рядом на степной равнине, там, где сегодня располагается Северный микрорайон г. Армавира, во время праздников сооружались карусели и аттракционы, велась мелочная торговля, организовывались скачки. При этом в самой роще в дореволюционный период досуговая инфраструктура оставалась весьма примитивной. Так, на схематическом плане 1915 г. здесь были отмечены только сторожка при входе, пасека, буфет, беседка и ведущая вглубь леса аллея [6, л. 70 об.].

Живую картину отдыха в Третьей роще в пасхальные дни апреля 1911 г. оставил местный журналист Федор Синицын: «Под горой в долине Кубани вырос целый город качелей, каруселей и разных балаганов... Там казаки показывают свою ловкость и удаль на степных скакунах.

А отсюда прямой путь к Третьей роще. Весь этот путь от балаганов до единственного оазиса армавирских палестин — Третьей рощи, заполнен густою вереницей разодетой толпы.

Мчатся экипажи.

В Третьей роще на каждой полянке, под каждым деревом разбросаны группы людей.

День жаркий, тени от деревьев ещё нет, но зеленеющая травка так манит поваляться, забыться, отдохнуть...» [20].

10 июля 1911 г. при огромном стечении публики над Третьей рощей демонстрировал своё искусство известный российский аэронавт Юзеф Маврикиевич Древницкий. На воздушном шаре он взмыл на несколько сотен метров над деревьями и долиной Кубани, после чего к вящему восторгу изумлённых армавирцев отделился от шара и плавно спустился на землю на парашюте. Вход в рощу для зрителей этого шоу стоил тогда 25 коп. 40 % от сбора аэронавт пожертвовал местному Обществу попечения о детях (см.: [13] [14]).

Ежегодно в Третьей роще устраивались «маевки» для местной учащейся молодёжи с весьма разнообразной программой. Так, 12 мая 1913 г. родительский кружок армавирской мужской гимназии организовал в роще гулянье для школьников, в ходе которого состоялся концерт

гимназического и военного музыкальных хоров, выступили певцы второй артели ресторанного дела, демонстрировались номера и упражнения сокольской гимнастики, а вечером был пущен фейерверк [15].

Усилиями Особого совещания по внешкольному воспитанию и образованию при Армавирском обществе попечения о детях устраивались майские прогулки в рощу для учащихся всех местных учебных заведений. Например, 2 мая 1914 г. в этом мероприятии приняли участие 3700 детей, представлявших 22 школы. В отчёте о прогулке говорилось: «Разубранная разнообразными цветами, гирляндами, плакатами, знаменами, национальными и декоративными костюмами и всевозможными украшениями с тремя оркестрами музыки, школьными хорами, — далеко раскинулась эта сверкающая лента.

Без различия пола, социального положения, религии и национальности объединились здесь учащиеся разных учебных заведений (школы русские, армянские, немецкие, мусульманские).

На протяжении нескольких кварталов, сопровождаемые толпами народа, растянулось это торжественное и яркое шествие, прошло через центр города и потонуло под зеленой сенью третьей рощи. Здесь были организованы для учащихся угощение, игры, музыка, сценки, танцы, пение и разные др. развлечения. Все шествие и отдельные учебные заведения были сняты фотоаппаратами и кинематографом. Вслед за детьми потянулись и родители — целыми семьями, с самоварами и угощениями, и скоро вся роща превратилась в шумный, людской муравейник...» [10, с. 53].

Следует отметить, что по причине отсутствия в самом Армавире общедоступного сада именно Третья роща обычно становилась местом массовых праздничных мероприятий, среди которых были и довольно экзотические. Так, 14 июля 1914 г. здесь состоялось персидское празднество, посвящённое совершеннолетию и коронованию шаха Ахмета Первого. Скорее всего, среди примерно сотни собравшихся на торжество персидско-подданных жителей, помимо собственно персов, присутствовали ассирийцы. В числе приглашённых гостей был командир Кавказского запасного кавалерийского дивизиона, весь состав служивших там офицеров и военный оркестр. Присутствовал также агент императорского персидского консульства Абдул Лобек Кулибеев. В опубликованном по итогам торжества репортаже сообщалось: «Во время ужина командир дивизиона произнес тост за здоровье Российского царствующего дома, покрытого криками “ура”. Полковой оркестр исполнил при этом русский

гимн. Второй тост командир дивизиона произнёс за здоровье молодого персидского шаха, причём оркестр исполнил “персидский марш”. Ввиду того, что персидский консул плохо справляется с русской речью, ответный тост от его имени, с выражением благодарности присутствующим, произнёс один из местных офицеров, знающих персидский язык» [19].

Третья роща была очень популярна среди любителей спорта, особенно футболистов, устраивавших здесь свои состязания. Например, 21 июля 1913 г. здесь состоялся футбольный матч на первенство Армавира между местными командами «Флит» и «Кавказ» [17].

С рассматриваемой местностью оказались связаны и одни из первых на Кубани автомобильных гонок. Они были организованы 6 июня 1910 г. на шоссе от Прочноокопского моста до Третьей рощи на дистанции в 3 версты. В состязаниях участвовало 3 машины: Николенко «Мерседес» 45 л/с, Королькова «Дитрих» 36 л/с и Зергеля «Некарсульм» 20 л/с. Все машины стартовали одновременно. Первым к финишу через 2 мин. 2 сек. прибыл автомобиль «Дитрих» Королькова, показав среднюю скорость 87 вёрст в час; вторым был «Мерседес» Николенко (2 мин. 22 сек., 75 вёрст в час) и последним оказался «Некарсульм» Зергеля (3 мин. 7 сек., 58 вёрст в час) [12]. Учитывая неудовлетворительное состояние покрытия Прочноокопского шоссе, очевидцы считали данные результаты хорошими.

В период первой российской революции 1905–1907 гг. Третья роща служила одним из главных мест нелегальных собраний членов и сторонников антиправительственных организаций. Под видом прогулок на природе и пикников армавирские социал-демократы устраивали здесь митинги, занимались агитацией, распространяли листовки и литературу [5, л. 152].

Несмотря на то, что зелёная зона на берегу Кубани справедливо считалась одним из самых популярных и привлекательных природных объектов Армавира, у истории Третьей рощи была и оборотная, мрачная сторона. Этот сравнительно небольшой уголок пойменного леса являлся весьма криминальным местом, где собирались разные сомнительные личности, происходили кутежи с проститутками, пьяные драки, грабежи, изнасилования и убийства. В зарослях кустарника под сенью вековых деревьев и в омутах протекавшей рядом Кубани практически каждый год обнаруживали тела жертв преступлений. В частности, 5 июля 1913 г. в местной газете «Отклики Кавказа» сообщалось о том, что «1 июля, за третьей рощей, близ с. Армавира, в реке

Кубани, около берега был найден труп неизвестной женщины, в одной сорочке, со связанными ногами. На трупе имеются раны: на лбу, носу и правой челюсти. Раны эти были нанесены каким-то тупым орудием. В ухе огнестрельная пулевая рана, произведенная из револьвера навылет. Последняя рана, с поранением мозга, признана смертельной. ...По определению врача возраст убитой 18–20 лет. Очень красивая. Личность убитой не выяснена» [16].

В апреле 1914 г. в Третьей роще лудильщик Урам Касаев изнасиловал и убил 15-летнего мальчика Александра Дангулова, тело которого было найдено здесь через несколько дней [16]. После этой далеко не первой трагедии местный журналист Федор Черный оставил на страницах газеты такую неллицеприятную оценку главного места массового отдыха армавирцев: «Огромные дубы, ясени и грабы леса не раз слышали отчаянные вопли и стоны жертв, но не выдают их, выражая лишь оттенки звуков в задумчивом ропоте листвы в вечерний час. В последние два-три года в третьей роще было найдено несколько трупов людей, убитых неизвестно кем. В прошлом году содержатель буфета в роще был осужден в каторгу за изнасилование мальчика, служащего у него...

Третья роща служит какой-то волчьей ямой для населения Армавира.

С одной стороны, она манит к себе, как единственное место, где можно в жаркий день найти тень и чистый воздух, с другой, в этом оазисе никто не застрахован от нападения хулиганов или такого зверя в образе человека, как лудильщик Урам Касаев.

И в этом нет ничего неожиданного. Третья роща, в сущности, представляет из себя лес, неохраняемый никем.

Имеется, правда, там сторож, но он и сам себя не надеется охранить. Этот сторож может быть только безмолвным свидетелем преступления. Услышав крик о помощи, он, вероятно, прячется в своей хате, и его насильно не вытащишь из сторожки» [18].

Свои надежды на улучшение ситуации общественность тогда связывала с началом деятельности первой муниципальной администрации и проектом проведения к Третьей роще линии трамвая.

В годы Первой мировой и Гражданской войн в Армавире сложился острый дефицит топлива, что привело к хищническим вырубкам в Третьей роще. Её площадь продолжала сокращаться.

В советский период Третья роща, как и прежде, привлекала горожан, желавших провести свой досуг на свежем воздухе. По сравнению

с дореволюционным временем, порядка здесь стало больше. Самые серьёзные изменения в области благоустройства в роще произошли в конце 1950-х гг.

2 августа 1959 г. в пойме Кубани на территории Старой рощи состоялось торжественное открытие водохранилища и водной станции для летнего отдыха жителей города. В Армавире появился первый специально оборудованный пляж.

В номере местной газеты от 4 августа 1959 г. журналистом Н. Григорьевым был дан развёрнутый репортаж об этом радостном и долгожданном событии: «Иметь хорошее озеро с водной станцией для купания было давнишней мечтой и желанием трудящихся Армавира. Ещё в 1950 г. было положено начало созданию такого озера. В прошлом году за короткий срок было вынута из котлована 300 000 кубометров грунта. Много труда в сооружение озера-водохранилища вложили коллективы механизаторов СМУ-50 треста «Дорстрой» и СМУ-45 треста «Сахстрой». Но и трудящиеся города внесли свой вклад в это дело. Активное участие в воскресниках приняло более 50 000 жителей города, около 2000 автомашин.

И вот озеро и водная станция готовы.

В воскресенье в 11 часов дня у празднично украшенной трибуны на огромной площади, где со временем зазеленеет сквер с цветниками и спортивными площадками, собрались представители общественных организаций города, строители, горожане. Митинг, посвященный торжественному открытию водной станции, открыл председатель горисполкома тов. С. Ф. Головин. С речью выступил первый секретарь горкома КПСС тов. И. В. Пьяниченко.

В своей речи тов. Пьяниченко поблагодарил строителей за хороший подарок армавирицам к Всесоюзному дню железнодорожника и, в частности, сказал:

— Благодаря активной помощи трудящихся Армавира положено начало созданию одного из лучших мест летнего отдыха — озера и водной станции. Впереди предостоят ещё большие работы по благоустройству, так как водная станция должна стать составной частью будущего городского парка культуры и отдыха в прикубанской роще...

От имени комсомольцев секретарь горкома ВЛКСМ тов. Журкин заверил, что они вместе со всей молодёжью города приложат свои силы в деле благоустройства территории водной станции и сделают её лучшим местом отдыха.

Затем все устремились на пляж. Запестрели зонтики, в воду полетели плавательные круги, озерную гладь начали разрезать лодки...» [1].

Любопытно, что главной целью сооружения водохранилища было снабжение водой строившегося тогда армавирского завода подошвенной резины (будущего Комбината искусственной подошвы), куда был проложен трёхкилометровый трубопровод.

К сожалению, все планы обустройства возле водохранилища в Третьей роще большой зоны отдыха реализовать не удалось, однако этот живописный зелёный уголок стал главной точкой притяжения армавирцев, выбиравших в летние месяцы из душного города на природу.

В последние годы в рамках реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» бывшая Третья роща, которая сегодня официально называется «Городская роща», серьёзно изменилась в лучшую сторону. Здесь проложены ровные дорожки для прогулок и катания на велосипеде, устроена хорошая система освещения, разбиты цветники, оборудованы детские и спортивные площадки, открыты небольшие кофейни, пиццерии и другие торговые объекты. Планируется соорудить зелёную набережную вдоль берега Кубани для соединения рощи с началом улицы имени С. М. Кирова и центром города. Чудом уцелевший до наших дней уголок естественной природы обретает вторую жизнь.

Литература

1. Армавирская коммуна. 1959. № 153.
2. Архивный отдел администрации города Армавира. Ф. Р-1194а. Оп. 1. Д. 23.
3. *Выродов Б. Л.* Колесников Владимир Прокофьевич (к 70-летию со дня рождения). Армавир : КУП, 1972. 19 с.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 1. Д. 2.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 1. Д. 3463.
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4304.
7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 216.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 1. Т. 1.
9. *Иванов.* Армавир // Кавказ. 1850. № 45. С. 179–180.
10. Из отчета о деятельности Особого Совещания по внешкольному воспитанию и образованию (при Обществе Попечения о деятельности в гор.

Армавире Куб. обл.). За 1913–14-й учебный год // Кубанская школа. 1915. № 6. С. 49–54.

11. *Могила И.* Армавир как пункт для образования уездного города // Кубанские областные ведомости. 1881. № 14. С. 5–6.
12. Отклики Кавказа. 1910. № 203.
13. Отклики Кавказа. 1911. № 149.
14. Отклики Кавказа. 1911. № 153.
15. Отклики Кавказа. 1913. № 105.
16. Отклики Кавказа. 1913. № 147.
17. Отклики Кавказа. 1913. № 164.
18. Отклики Кавказа. 1914. № 79.
19. Отклики Кавказа. 1914. № 157.
20. *Синицын Ф.* В первые дни Пасхи // Отклики Кавказа. 1911. № 83.

Sergey N. KTITOROV,

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of General and National History,
Armavir State Pedagogical University, Armavir, Krasnodar Region, Russia,
ktitorovsn@yandex.ru

Alexey L. PELIKH,

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof., Prof.,
Department of General and National History, Armavir State Pedagogical
University, Armavir, Krasnodar Region, Russia, pelich1976@mail.ru.

**Park “City Grove” in Armavir:
History of Development and Dynamics of Socio-Cultural Functions**

The paper considers the Armavir city grove an object as both of natural and cultural heritage. The grove, located on the northern outskirts of Armavir, is associated with a number of events in regional history. During the Caucasian War, Circassian Armenians used the coastal forest as a place to hide during the raids of the mountaineers. In 1840, a road laid here to the fortifications and villages of the Labinsk line. By the end of the XIX century, the forest area divided into three fragments, of which the most extensive area called the Third Grove. Already in the pre-Soviet period, the grove became a resting place for Armavir residents, anti-government meetings held here. By the Soviet period, the grove remained the only section of the Kuban forest within the city. Serious

changes in the field of landscaping occurred in the late 1950s: 3 reservoirs built and the first beach in the city was equipped. The paper based on archival data, as well as publications in the mass media of the XIX–XX centuries.

Keywords: *grove, Armavir, Kuban, natural heritage, cultural heritage, P. V. Mironov.*

А. А. Сланов*

Архитектурные памятники Южной Осетии: проблемы современной реставрации

В статье рассматривается проблема реставрации и консервации историко-архитектурных памятников на примере работ, проводимых в Знаурском районе Республики Южная Осетия. Автор указывает на необходимость участия профессиональных специалистов в реставрации, подчёркивая значимость грамотного подхода к сохранению культурного наследия. Особое внимание уделено конкретным церквям, таким как Сырх дзуар, святилище Лалисайы дзуар, святилище Андисы дзуар, святилище Гомарты дзуар, церковь св. Георгия и церковь Успения Пресвятой Богородицы. Приводятся примеры как успешной, так и неудачной реставрации, что подчёркивает необходимость комплексного подхода к вопросу сохранения исторических памятников. Работы, проведённые с участием профессионалов с пониманием художественной ценности памятников, оцениваются положительно, в то время как проекты, реализованные без должного внимания к деталям и без участия специалистов, обречены на неудачу. Автор призывает к ответственному отношению к историческим памятникам и акцентирует важность профессионального подхода при их реставрации и сохранении.

Ключевые слова: Южная Осетия, памятники архитектуры, реставрация, церковь, святилище, Цхинвал, Залда, Гомарт, Андис.

В последние двадцать лет проходило достаточно активное строительство, обновление, восстановление, реконструкция и реставрация историко-архитектурных памятников. Касаясь реставрационных работ, мы отметим, что они все без исключения проходили без участия профессиональных реставраторов, архитекторов и даже строителей, поэтому в своём большинстве закономерно имели плачевный итог. Вместе с тем есть и примеры достаточно грамотной реставрации и консервации памятников. Народная реставрация коснулась в основном памятников

* СЛАНОВ Алан Акимович, доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, elbrus-djan@mail.ru.

Знаурского района Республики Южная Осетия — большей части исторической провинции Корнисгом — единственной предгорной области, в которой все селения довольно крупные.

Следует отметить, что наша работа касается только памятников культовой архитектуры, мы не затрагиваем гражданские памятники Цхинвала, восстановленные с инновациями (здания Государственного драматического театра имени К. Л. Хетагурова, Юго-Осетинского государственного университета, Парламента Республики Южная Осетия, гостиницы «Ирыстон» и др., а также попытки реконструкции Ачабетского замка). Мы рассматриваем лишь наиболее яркие примеры именно реставрационных работ, выполнявшихся практически на государственном уровне и имевших большой резонанс в обществе (см.: [2] [3]).

Святыище Сырх дзуар (Красное святыище). Церковь св. Георгия конца XIX в. на северной окраине г. Цхинвал (ул. 8 июня). Это самое почитаемое осетинским населением культовое сооружение города. Интересно отметить, что при всей её значимости, данное сооружение практически не фигурирует в специальной литературе. Осетинское название церкви происходит от красного цвета камней, которыми облицовано здание. Вероятно, возведена на месте более древней постройки. Это была зальная церковь, облицованная квадрями тёсаного камня тёмно-красного цвета с пристроенной двухэтажной колокольней. Стены церкви внутри выполнены из булыжника. Внутреннее пространство здания, разделённое тремя парами уступчатых пилястр, было оштукатурено и побелено. Пилястры, арки, притвор и конха возведены плитами тёсаного камня. Двускатная крыша крыта черепицей. Входы располагались в западной и южной стенах. Во всех стенах имелись высокие арочные окна.

Церковь частично разрушилась во время землетрясения 29 апреля 1991 г. (тогда пострадали лишь две церкви города). Обрушились свод, конха, южная и алтарная стены. Хотя отреставрировать памятник не представляло особого труда, из-за тяжёлого положения республики осуществить это оказалось невозможным. Простояв в таком виде более 15 лет, она зачем-то была полностью разобрана для «реставрации» (хотя в этом случае говорить о ней не приходится) в 2007 г., но проект (предполагалось участие армянских мастеров) так и не был осуществлён (в семье мецената, финансировавшего проект, произошла трагедия, и он потерял к данному проекту всякий интерес). Камни церкви были вывезены на свалку на северо-западной окраине города, где теперь возведена часовня

военного городка четвёртой военной базы. В конце 2021 г. начинается строительство нового здания Сырх дзуар с использованием бетонных конструкций, кирпича, но говорить о его конечных результатах пока сложно.

Сыгъдаг Никъалайы аргъуан (Церковь святого Николая). Построена в XVI–XVIII вв. [8] на правом берегу р. Б. Лиахва, севернее фабрики бельевого трикотажа, возле многоэтажного дома. Это небольшая прямоугольная в плане зальная церковь склепообразной формы, возведённая из булыжника. Единственный вход располагался в западной стене. В каждой стене имелось по одному оконному проёму. Имело место лишь частичное обрушение юго-западного угла стены и свода памятника. К сожалению, после «реставрации» 2010 г. колотым булыжником уникальность её формы была утрачена.

Святилище Лалисайы дзуар (Святилище (местности) Лалиса) / Лалисы Уастырджы (Уастырджы Лалиса / Лалисский Уастырджы), церковь IX–X вв. [10]. Святилище расположено в с. Уæллаг Залда (В. Залда), ущелье р. Залдайы дон (Река (селения) Залда) / Сверис цъкали / Сверис хеви (груз. Речка (у селения) Сер), левого притока р. Стыр Леуахи (Большая Лиахва), общество Дзаугом. В прежние времена эта церковь являлась одной из самых почитаемых в Южной Осетии, позднее она считается крупнейшей в Джавском обществе — Дзаугом.

К этой церкви следует отнести сообщение Вахушти: «На вершине этой горы (между ущельем Залда и горой Джер, т. е. имеется в виду гора Цъиара. — *Авт.*) есть церковь Спарсис-Цминдис-Гиоргия (Св. Георгия Персидского. — *Авт.*), и в ней икона золотая, большая, окованная персами за чудо, явленное ею. Она и теперь чудотворна» [1, с. 89]. Ранее мы заблуждались, полагая, что речь идёт о храме Джер. «Народная этимология производит компонент *лал-* от апеллятива *лал* (рубин) на том основании, что когда-то (до 1920 г.) в святилище находилась икона (нывæфтыд) святого Уастырджы, украшенная рубинами» [6, с. 322–323]. Здесь мы видим явное соответствие сообщению Вахушти.

Прямоугольная в плане церковь облицована ровными квадратами тёсаного камня. Свод и конха обрушены. Вход расположен в восточной стене. По центру внутренней абсиды полукруглой формы имеется алтарное окно (справа от которого находится ниша), здесь же, в середине алтаря, расположен престол. Другое окно имеется в противоположной — западной стене, а также по центру южной стены (возможно, аналогичное находилось и в северной стене). Продольные стены расчле-

нены пилястрами на две равные части. К южной стене был пристроен придел. На рельефной плите изображено животное из семейства кошачьих. Снаружи здания имеются орнаментированные камни церкви. Объёмная голова другого животного (по словам местных жителей — волка) вставлена в прямоугольный столп, квадратный в сечении.

Церковь реставрирована в 2013 г. благодаря стараниям президента Республики Южная Осетия Л. Х. Тибилова. Здесь с особым удовлетворением отметим, что строители не пошли по традиционному пути возведения здания из подручных материалов с помощью цемента и бетона, а понимая высокое художественное значение памятника, ограничились его консервацией. Территория внутри и вокруг него была расчищена, облицовочные камни собраны и разложены у подножия. Здание было накрыто навесом. Столп с головой волка сохранили на прежнем месте.

Святылище Андисы дзуар (Святылище (селения) Андис) / Бæлдæрæн. Церковь IX–X вв., перестроенная в XVI–XVIII вв. Находится в селе Андис, ущелье р. Залдайы дон (Река (селения) Залда) / Сверис цъкали / Сверис хеви (груз., Речка (у селения) Сер), левого притока р. Стыр Леуахи (Большая Лиахва), общество Дзаугом. Это небольшая прямоугольная в плане зальная церковь возведена из хорошо сложенного колотого камня неправильной формы на известковом растворе. Углы и входной проём выведены тёсаным камнем большего размера. Полукруглая абсида (с остатками алтарной преграды) имеет по центру алтарное окно, прямоугольную нишу слева и неправильной формы — справа. Окна также имелось в южной стене, здесь же располагался единственный вход. К южной стене был пристроен придел. По краю двускатной крыши шел козырек из плит тёсаного камня.

Инициатором проведения в 2013 г. реставрационных работ были выходцы из данного села: известный российский бизнесмен, директор фирмы «Агродон» Вадим Ваниев и его дядя Василий Бабаев. Реставрация была проведена чрезвычайно грамотно, вплоть до привлечения археологов (в том числе сотрудников Института истории и археологии Республики Северная Осетия — Алания под руководством Б. З. Караева). Было проведено выравнивание склона с сооружением подпорных стен, устройство каменной лестницы для прохода к святылищу. Как видно по фотографии 1982 г., в конструкцию здания не было внесено никаких изменений. Была заменена кровля, выровнена кладка и тщательно затерты швы.

Святыище Гомарты дзуар (Святыище Гомарт). Церковь XIII–XIV вв. Расположена в окрестностях с. Уахтана (Вахтана) на лесной поляне на хребте между (ущелий) рек Цъорбисы дон (река (селения) Цорбис) — Проне Восточной и Проне Средней. Это главная святыня Корнисгома. Во всех прилегающих селениях имеются церкви, носящие данное название, но центральный храм расположен гораздо выше. Возможно, поэтому в научной литературе и возникла некоторая путаница, в результате которой именно основное строение не получило должного освещения.

Вахушти упоминает: «Выше Хтани (в 5–6 км к северу от с. Вахтана. — *Авт.*) церковь на горе, называемая Гомарта, ныне она впусе» (см.: [1, с. 93] [7, с. 63]). Святыище Гомарты дзуар (Святыище горы Гомарт) в грузинской литературе относят к «развитому (т. е. зрелому) средневековью» и описывают как церковь из рваного камня, в алтарной части которой расположен престол, свод поддерживался пилястрами, а вход устроен в западной стене [9, с. 25–27]. Однако это церковь, расположенная чуть ниже, а главный храм представляет собой зальную церковь, перестраивавшуюся в XIX и начале XXI вв. Возле него имеются камни с изображением модели храма и головы барана, что даёт возможность предположительно датировать её сооружение XIII–XIV вв. Народная этимология связывает происхождение названия с осетинским словосочетанием *гом* («открытый») и *арт* («огонь») [6, с. 506]. По причине современных перестроек и без расчистки фундамента составление плана невозможно.

Церковь св. Георгия (Цъыруйы аргъуан (Церковь селения Цру)). Крестово-купольная церковь. Построена в 1870 г. Обществом восстановления православного христианства на Кавказе. Расположена в центре с. Цъыру (Цру) / Кокойтыхъау (Селение Кокоевых), в долине р. Цъыруйы дон (Река (у селения) Цру), левый берег, левый приток р. Стыр Леуахи (Б. Лиаква), общество Дзаугом (Джавское). По преданиям выстроена греками (*река*), а вокруг церкви когда-то возвышалась каменная ограда [5, с. 312].

Это крестово-купольная церковь с выступающей гранёной абсидой и гранёным (восьмигранным) барабаном купола с четырьмя окнами. С трёх сторон в рукавах креста располагались входные проёмы. К западной стене церкви по всей длине пристроен придел. Материалом для церкви служил колотый камень, булыжник, сланец, конструктивные детали выполнены квадратами вулканического и известкового туфа.

Церковь реставрирована в 2011 г. стараниями тогдашнего президента республики Э. Д. Кокойти (в их родовом селении).

Майрæмы дзуар / Мады Майрæм (Святителище Богородицы). Церковь Успения Пресвятой Богородицы. Крестово-купольная церковь, постройка 1870 г., возведена Обществом восстановления православного христианства на Кавказе. Расположена в с. Майрæм (Мария) / Майрæмы хъæу (Селение Марии), у слияния рек Чеселты дон (Река (ущелья) Чеселт) и Майрæмы дон (Река (селения) Майрам), община Чеселт.

Это крестово-купольная церковь с выступающей гранёной абсидой и гранёным (восьмигранным) барабаном купола с четырьмя (на плане их восемь) окнами. С трёх сторон в рукавах креста располагались двери и имелись порталы (сохранился лишь западный). Материалом для церкви служил колотый камень, булыжник, сланец, конструктивные детали выполнены квадратами вулканического и известкового туфа. Изнутри и снаружи здание было оштукатурено. В 2007 г. здание ремонтировалось.

Церкви 1870 г. с аналогичной планировкой реставрировались также в с. **Н. Рук, Уанел, Мсхлеб** [4, с. 187–194]. Практически все памятники этой категории типовые и имеют хорошую сохранность, поэтому реставрационные работы на них ограничивались заменой крыши, ремонтом приделов, штукатуркой и побелкой изнутри и снаружи, установкой окон и дверей.

Литература

1. *Вахушти Багратиони*. География Грузии / введ., пер. и примеч. М. Г. Джанашвили. Тифлис : Тип. К. П. Козловского, 1904. 241 с.
2. *Сланов А. А.* Исторические области Южной Осетии. Владикавказ : ИПП имени В. А. Гассиева, 2017. 224 с.
3. *Сланов А. А.* Урс-Туалта (историко-этнографический очерк) // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. XXXVIII. Цхинвал : Южная Алания, 2009. С. 82–134.
4. *Сланов А. А.* Церковное строительство в Южной Осетии, развернутое Обществом восстановления православного христианства на Кавказе // Народы Кавказа: история, этнология, культура. К 60-летию со дня рождения В. С. Уарзиати : материалы всерос. науч. конфер. с междунар. участ. (Владикавказ, 4–5 октября 2012 г.). Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского ин-та гуманитар. соц. исслед., 2014. С. 187–194.
5. *Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А.* Топонимия Южной Осетии : В 3-х т. Т. 1 : Дзауский район. М. : Наука. 2013. 599 с.

6. Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии : В 3-х т. Т. 2 : Знаурский; Цхинвальский район. М. : Наука. 2015. 740 с.
7. Цховребова З. Д. Топонимия Южной Осетии в письменных источниках. Тбилиси : Мецниереба, 1979. 184 с.
8. Шида Картли. Т. I : Архитектурные памятники ущелья Малой и Большой Лиахвы. Материалы экспедиции 1981–1983 гг. Тбилиси : Фонд Ильи, 2002. 276 с.
9. Шида Картли. Т. II : Архитектурное наследие Знаурского района. Материалы экспедиции 1983–1984 гг. Тбилиси : Фонд Ильи, 2004. 172 с.
10. Шида Картли. Т. III : Архитектурное наследие Джавского района. Материалы экспедиции 1985–1986 гг. Тбилиси : Фонд Ильи, 2004. 167 с.

Alan A. SLANOV,

Dr. Sci. (National History), Herd, Department of Archaeology,
Institute of History and Archaeology of the Republic
of North Ossetia — Alania, Vladikavkaz,
Republic of North Ossetia — Alania, Russia, elbrus-djan@mail.ru.

Architectural Monuments of South Ossetia: Problems of Modern Restoration

The article examines the problem of restoration and conservation of historical and architectural monuments using the example of work carried out in the Znaur district of the Republic of South Ossetia. The author points out the need for the participation of professional specialists in the restoration, emphasizing the importance of a competent approach to the preservation of cultural heritage. Particular attention is paid to specific churches, such as Syrkh Dzuar, the Lalisayi Dzuar sanctuary, the Andisy Dzuar sanctuary, the Gomarty Dzuar sanctuary, the Church of St. George and the Church of the Assumption of the Blessed Virgin Mary. Examples of both successful and unsuccessful restoration are given, which emphasizes the need for an integrated approach to the issue of preserving historical monuments. Work carried out with the participation of professionals with an understanding of the artistic value of monuments is assessed positively, while projects implemented without due attention to detail and without the participation of specialists are doomed to failure. The author calls for a responsible attitude to historical monuments and emphasizes the importance of a professional approach to their restoration and preservation.

Keywords: South Ossetia, architectural monuments, restoration, church, sanctuary, Tskhinvali, Zalda, Gomart, Andis.

РАЗДЕЛ 3

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СТРАНЫ И РЕГИОНОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

*Е. С. Лаптев**

Виды и жанры искусства в контексте концепции витальных циклов

В статье рассмотрены витальные циклы в развитии видов, жанров и направлений культурного производства с позиции современных методологических учений о путях развития культурно-исторического процесса. Показано, что каждое из них проходит через циклы зарождения, развития, расцвета, стагнации и до медленного угасания на периферии общественного интереса. Прохождение через череду витальных циклов обусловлено факторами географического положения центра основной локализации, складом характера, народными традициями, историческими условиями, соответствующим уровнем технологического и экономического развития общества, а также субъективными факторами личностного бытия и наличием дарований у творцов. Утверждается, что пик в развитии вида, жанра и направления искусства достигается, когда доминирующий творческий метод доводится до предела своих выразительных возможностей.

Ключевые слова: искусство, культурно-исторический процесс, динамика художественного творчества, виды искусства, жанры искусства, направления искусства, витальные циклы, Н. Я. Данилевский, Л. Н. Гумилёв, О. Шпенглер, А. Тойнби.

* ЛАПТЕВ Елисей Сергеевич, преподаватель кафедры вокального искусства и оперной подготовки Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Россия, rabociy-korrespondent@yandex.ru.

Все виды художественного творчества не могут существовать изолированно, а развиваются в условиях соответствующего технологического, экономического и образовательного уровня общества, в сложной системе взаимозависимостей, испытывая множественные влияния со стороны исторического контекста, смежных видов искусства, вкусов и предпочтений аудитории. Но в то же время виды, жанры и направления искусства, следуя своим внутренним законам и закономерностям, проходят через ряд стадий, обретая на каждой из них определённое качественное состояние. Рассмотрение этого феномена во всей его сложности возможно лишь на базе современных методологических учений о путях развития культурно-исторического процесса. Такими методологическими учениями выступают концепции Н. Я. Данилевского [2], Л. Н. Гумилёва [1], О. Шпенглера [5], А. Дж. Тойнби [4] и др., частично отказавшихся от воззрений на культурно-исторический процесс как эволюционно последовательный. С одной стороны, они признают, что его динамика обусловлена духовными и материально-техническими достижениями человечества, но при этом она нелинейна, разорвана и представлена локализованными во времени и в пространстве цивилизациями.

Каждая цивилизация — это целостная система, представляющая собой комплекс экономических, политических, социальных и духовных подсистем, развивающихся на принципах саморегуляции и самовоспроизводства. Базовой основой зарождения и развития каждого из таких локальных образований выступает некое духовное единство. Так, Л. Н. Гумилёв его связывал с появлением критической массы пассионариев, людей творческих, с сильной энергетикой, масштабно мыслящих, иногда — с неуравновешенной психикой, создающих соответствующий эмоциональный фон. По определению О. Шпенглера, объединяющей силой разрозненной массы народа в некую целостность является его «душа», выразителями которой выступают некие парасимволы — единый для большинства людей образ мысли, единые верования, единые духовные практики. Всё это скрепляется и продвигается в народных массах средствами культуры и искусства. Таким образом, культурно-исторический процесс предстаёт чередой самостоятельных, уникальных, независимых одна от другой культурных форм — локальных культур, уникальных и неповторимых образований.

Важной составляющей рассматриваемых учений является концепция витальных циклов. Согласно этой концепции, цивилизации не

стабильны во времени, а находятся в постоянной динамике, отвечая на вызовы и угрозы внешней среды. Но, даже если и достигается какая-то внутренняя стабильность, она тоже недолговечна по меркам исторического времени. Иначе говоря, когда-то цивилизации зарождаются, проходят этапы становления, достигают зрелости, затем следуют закономерные жизненные циклы — старость и распад.

Если зарождение цивилизации обусловлено формированием некой объединяющей идеи, то переход на следующий этап — развитие — характеризуется появлением некой функционально распределённой и упорядоченной структуры, а также наличием в обществе разделяемых большинством базовых ценностей. Это способствует обретению определённого качественного состояния во всех сферах жизнедеятельности и стабилизации. Функционирование в этом качестве может продолжаться довольно долго, но в итоге обострение социальных, экономических и политических противоречий приводит к утрате динамики, стагнации и постепенному угасанию.

В социуме как глобальной метасистеме организующие её законы и принципы проявляют себя на разных уровнях системности и в том числе в отдельных сферах и направлениях деятельности. Окружающий нас мир фрактален, большое постоянно воспроизводит себя в малом. Иными словами, принцип цикличности в развитии культурно-исторического процесса аналогично проявляет себя и в отдельных его подсистемах, в качестве которых выступают виды, жанры и направления культурного производства. Вслед за своей метасистемой — целостным культурно-историческим процессом — они также проходят через свои витальные циклы.

По сути, отдельный вид, жанр искусства можно представить в качестве живой саморазвивающейся системы, проходящей свой жизненный путь. Она начинается с момента зарождения, характеризующегося поиском основной идеи и средств её выражения, проходит через стадию развития, в ходе которой происходит накопление и систематизация выразительных средств, наработанных форм и приёмов, находится в стадии расцвета, когда гении творят идеальные образцы и формируют школу, входит в стагнацию, заключающейся в тиражировании удачных находок, их копировании, фиксации в виде традиции, и далее идёт до медленного угасания на периферии общественного интереса.

Прохождение того или иного вида или жанра искусства через череду таких витальных циклов обусловлено различными факторами. Оха-

рактизуем наиболее важные из них. Прежде всего, их зарождение оказывается в сильной зависимости от географического положения центра основной локализации. Например, расцвету скульптурного мастерства в Италии (во Флоренции) во многом способствовала территориальная близость Каррарского мраморного месторождения. А строительство знаменитого архитектурного комплекса деревянного зодчества на острове Кижы было возможно только вблизи необъятных лесных массивов Карелии. Изобразительное искусство испытывает зависимость от наличия месторождений нужных минералов, служащих основой для красок. Вокальное мастерство также зависит от географических точек месторождения и проживания певцов. Доказано, что холодный воздух с незначительным количеством влаги в нём заставляет человеческую гортань работать менее эффективно [6]. Поэтому Италия с её тёплым и влажным климатом — песенная страна, в отличие от стран с сухим или суровым климатом, где доля певцов с яркими теноровыми голосами невелика.

Природно-географический фактор оказывает огромное влияние на склад характера проживающих в этой местности народов, на особенности местного быта. Когда начиналась художественная обработка природного местного материала — глины, кости, дерева и др. — то есть во время зарождения первых направлений и видов искусства, взаимозависимость местности и искусства сыграла решающую роль, а местные условия быта, социально-экономические отношения способствовали закреплению традиций, которые потом были положены в основу национального искусства.

Наличие таких народных традиций — это ещё один фактор, стоящий у истоков зарождения вида или жанра искусства. Каждый народ тесно связан со своим прошлым, из которого черпаются многочисленные сюжеты для художественных произведений, мотивы песенного творчества, приёмы, формы, творческие методы, шлифовавшиеся веками трудом многих поколений людей. На эту связь неоднократно указывали многие исследователи, в частности А. Б. Салтыков [3], рассматривавший традиции как явление, лежащее в основе целостной образной художественной системы в её историческом развитии. Поэтому появление того или иного направления в искусстве, вида или жанра во многом обусловлено укладом жизни народа, его национальными традициями, принадлежностью к той или иной конфессии.

А вот его развитие и расцвет, свидетельствующие о переходе на другие витальные циклы, уже в большей степени зависит от складыва-

вающихся исторических условий, от технологического и экономического развития общества. Благодаря активности в сферах торговли, мореплавания и военной экспансии, способствовавших накоплению первоначального капитала, как известно, расцвели многие локальные европейские культуры. Эффект от развития технологий приводит к определённому экономическому достатку у населения, которое уже не хочет ограничивать себя, образно говоря, только «хлебом», но требует и «зрелищ».

При неоспоримой важности объективных факторов в искусстве большую роль играют и субъективные. Все великие произведения рождаются из глубины личного бытия и зависят от творческих, эмоциональных и интеллектуальных дарований человека. Поэтому роль гения в творчестве велика. Гений совмещает в себе большой масштаб личности, неукротимую энергию, которая выплёскивается в творческие проекты. Своей энергией он может подчинить себе толпу, тем самым совершить переворот в плавном течении культурно-исторического процесса. В искусстве он создаёт свой уникальный творческий метод. Но, как правило, шлифует его он не один. Безусловно, в истории отметились и гении-одиночки, но чаще они появлялись целыми созвездиями. Классическими примерами являются школы мастеров изобразительного искусства эпохи Возрождения, русских художников-передвижников, французских импрессионистов, плеяда русских поэтов Золотого, Серебряного веков. Таким образом, в развитие вида, жанра или направления искусства вносят свой вклад множество творческих деятелей. Совместными усилиями они доводят творческий метод до совершенства.

Пик развития достигается, когда доминирующий творческий метод доводится до предела своих выразительных возможностей [7]. Формируется эталон, которым задана для современников и потомков очень высокая планка. А далее с этим эталоном уже бессмысленно соревноваться. Все попытки что-либо создать в этом роде чаще всего заканчиваются неудачами. Возможно только повторение и вариации уже ранее созданного, дублирование отработанных ранее приёмов. И это свидетельствует об исчерпанности творческого потенциала того или иного направления, вида искусства или его жанра.

Но к этому моменту уже накоплен перечень шедевров, сформирована школа, в которой данный творческий метод законсервирован. И далее эта школа диктует, ориентируясь на шедевры прошлого, как следует творить, какие приёмы следует применять.

Безусловно, человечество не оскудевает на таланты, в новых условиях может появиться гениальный творец, и не один. Он может достичь успеха, но только если сможет превзойти мастерство своих гениальных предшественников на их же поле. Это трудно. Талантливые творческие деятели это чувствуют и поэтому уходят в поиск новых выразительных средств и тем самым создают предпосылки для появления новых видов, жанров и направлений в искусстве. Чаще всего и успешнее по результатам это происходит в переломные эпохи, когда социальные условия меняются, аудитория жаждет новых ощущений, а появившиеся новые технологии позволяют использовать небывалые ранее формы и приёмы. Вот тогда на первый план выходят иные виды искусства.

Но при этом прежние никуда не уходят. Они остаются в качестве эталонных артефактов, которыми можно любоваться в музеях, воспроизводить в театральных спектаклях, исполнять на концертах симфонической музыки, в сложнейших оперных ариях, тиражировать в книжных изданиях. Эти артефакты представляют мировое культурное достояние.

Литература

1. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Мишель и Ко, 1993. 498 с.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Юрайт, 2024. 453 с.
3. Салтыков А. Б. Избранные труды. М. : Советский художник, 1962. 727 с.
4. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы: В 2-х т. / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2003.
6. Everett C., Blasi D. E. Roberts G. Climate, Vocal Folds, and Tonal Languages: Connecting the Physiological and Geographic Dots // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2015. Vol. 112. Is. 5. P. 1322–1327. DOI: 10.1073/pnas.1417413112.
7. Kharuto A. V., Kovalenko T. V., Kulichkin P. A., Petrov V. M. Intensity of Artistic Creativity: Periodical Waves in the Evolution of European Music, Painting, and Theatre // Rivista di Psicologia dell'Arte. 2007. № 18. P. 59–87.

Elisey S. LAPTEV,

Lecturer, Department of Vocal Art and Opera Training,
Schnittke Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia,
rabociy-korrespondent@yandex.ru.

Types and Genres of Art in the Context of the Concept of Vital Cycles

The article examines vital cycles in the development of types, genres and trends of cultural production from the standpoint of modern methodological teachings on the paths of development of the cultural and historical process. It is shown that each of them goes through cycles of origin, development, flourishing, stagnation and to a slow extinction on the periphery of public interest. Passage through a series of vital cycles is determined by factors of the geographical location of the center of the main localization, character structure, folk traditions, historical conditions, the corresponding level of technological and economic development of society, as well as subjective factors of personal existence and the presence of talents in creators. It is argued that the peak in the development of a type, genre and trend of art is achieved when the dominant creative method is brought to the limit of its expressive capabilities.

Keywords: art, cultural and historical process, dynamics of artistic creativity, art trends, vital cycles, Nikolay Ya. Danilevsky, Lev N. Gumilyov, Osvsld Spengler, Arnold G. Toynbee.

A. С. Коренной*

Культурные индустрии в современной России: общее и особенное

В статье рассмотрена совокупность культурных практик, составляющих культурные индустрии в современной России. Показано, что стремление современной России к усилению собственного суверенитета актуализирует в качестве предмета исследования уникальную специфику отечественных культурных индустрий. Анализ специфических задач, стоящих перед культурными индустриями в современной России в контексте их функциональной роли в системе воспроизводства культуры, представляется весьма ак-

* КОРЕННОЙ Александр Сергеевич, кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела национальных культур и историко-культурного наследия Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Омск, Россия, akorennoy@mail.ru.

туальным и своевременным. На основе синтеза социокультурного и институционально-культурологического подхода к изучению региональной культурной политики проанализирован обширный эмпирический материал культурных индустрий трёх порядков (инвестиционно привлекательные индустрии; обеспечивающие значимый социальный эффект индустрии и индустрии, не располагающие очевидными критериями финансовой или сиюминутной социальной отдачи). Установлено, что приоритетными направлениями развития российских культурных индустрий выступает модернизационное развитие досуговых социокультурных практик для разных групп потребителей, креативное преобразование городской среды в крупных агломерациях, развитие туризма и туристических объектов в регионах, сохранение национальной культуры народов России, воспроизведение и трансляция образцов высокого искусства и шедевров мировой и отечественной культуры и др.

Ключевые слова: культурные индустрии, культурная политика, воспроизводство культуры, социокультурный подход, институционально-культурологический подход, нематериальная культура, культурные практики, социальная коммуникация, иерархическая метамодель коммуникации, ресакрализация духовных практик.

Появление феномена культурных индустрий в мировой практике носит объективный характер, представляя собой адекватный ответ на цивилизационные вызовы постиндустриального общества. Каждая страна, в том числе и Россия, проходит этот путь по-своему. В силу обладания огромными территориями в России, как нигде в мире, важны коммуникативные связи, развитие и выравнивание потенциалов в пространственной инфраструктуре, гармонизация социальных связей населения государства народов, сохранение традиций и культурный обмен. Этими факторами обусловлена специфика развития культурных индустрий в условиях российских реалий.

Между тем как в российском, так и в зарубежном дискурсе культурных индустрий не сложился общий взгляд на проблему их развития.

С одной стороны, теоретики подчёркивают значимость отложенного социокультурного эффекта индустрии культуры, проектирующего конфигурации будущего путём накопления потенциала культуры как фактора жизнедеятельности общества (см.: [16] [17] [12] [20] [22] [19] [23] [10] [11]). Беспокойство теоретиков вызывает неконтролируемая коммерциализация культурных индустрий, обесценивающая наиболее существенные для социокультурного развития общества нормы и ценности.

С другой — отдельные аналитики подчёркивают экономическую рентабельность культурных индустрий в странах Запада, акцентируя внимание исключительно на их коммерческом потенциале (см.: [12] [1] [9] [8] [21]). Важнейшим доводом этой позиции является необходимость

оптимизации управленческих затрат в сфере культуры, где эталоном выступает не трудоёмкий процесс созидания ценности, а рентабельность её извлечения без существенных капиталовложений [21]. Сторонники этой позиции обращают внимание на тот факт, что формируемая на подобных основаниях культура не только самоуправляема в плане рационального использования ресурсов, но и обретает экспансивный доминирующий в мире характер, обеспечивая субъектам международных отношений политический ресурс «мягкой силы».

Объектом нашего исследования выступает совокупность культурных практик, составляющих культурные индустрии в современной России. Вполне очевидным представляется, что стремление современной России к усилению собственного суверенитета актуализирует предмет нашего внимания — специфику культурных индустрий в современной России.

Цель исследования состоит в анализе специфических задач, стоящих перед культурными индустриями в современной России в контексте их функциональной роли в системе воспроизводства культуры.

Методическую основу исследования составляет социокультурный подход, предполагающий взаимную обусловленность социальных и культурных процессов на вертикали исторического времени (см.: [13] [4] [3] [15]), подкреплённый институционально-культурологическим подходом к изучению региональной культурной политики (см.: [18] [5] [6]).

Материалами для исследования послужили законодательные и нормативные документы, эмпирические данные социологических исследований, государственная и отраслевая статистика, материалы систематического мониторинга основных показателей сферы культуры и развлечений в России, проводимого департаментом маркетинговых исследований информационного агентства InterMedia, данные Фонда президентских грантов, Президентского фонда культурных инициатив, Фонда «Институт культурной политики», Центра стратегических разработок, Центра по реализации проектов в сфере культуры, Фонда креативных индустрий Ульяновской области, а также отдельные культурные инициативы, попавшие в орбиту внимания отдельных теоретиков (см.: [7] [14] [2]).

Прежде всего, необходимо отметить, что общее поле культурных индустрий в современной России неоднородно. Их совокупность можно разделить по группам:

1) первую группу составляют высокотехнологичные виды производства в сфере культуры и искусства, представляющие собой инвестиционно привлекательную коммерческую отрасль;

2) вторую группу индустрий составляют массовые проекты учреждений культуры и искусства в рамках просветительской и социокультурной деятельности по сохранению исторической памяти и организации досуга населения, не рассчитанные на значительную экономическую выгоду, но обеспечивающие значимый социальный эффект, что предполагает рентабельность государственного субсидирования этой отрасли;

3) третья группа культурных индустрий объединяет виды творческой деятельности в области культуры и искусства, представляющие собой преимущественно индивидуальный труд в сфере художественного творчества и традиционных ремёсел, который характеризуется штучным, редким, а зачастую уникальным ручным производством, высокой затратностью на создание конечного продукта и не располагающий очевидными критериями финансовой отдачи (коммерческой выгоды).

Проблему в данном случае составляет парадокс отсутствия рентабельности сферы производства уникального продукта, существенный социокультурный потенциал которого представляет собой отложенный эффект, способный реализоваться лишь по мере накопления ценности уникального продукта по истечению времени. Отметим, что далеко не всякий уникальный продукт художественного творчества располагает подобным отложенным во времени эффектом, что существенно снижает инвестиционную привлекательность штучного производства, а то и полностью её исключает. Однако следует отметить, что инвестиционная привлекательность двух других отраслей культурных индустрий базируется на активной эксплуатации уникальности созданного в предшествующие эпохи культурного наследия за счёт массового тиражирования уникального содержания. Поэтому стабильное развитие комплекса культурных индустрий оказывается в зависимости от интенсивности накопления уникального продукта, не представляющего в момент своего появления какой-либо коммерческой ценности.

Особенностью высокотехнологичных видов производства в сфере культуры и искусства, представляющих собой наиболее инвестиционно привлекательную коммерческую отрасль, является вытеснение человека из сферы производства потребительской ценности и справедливого распределения созданных индустрией материальных благ [21].

В качестве яркого примера можно привести современную индустрию дизайна, представляющую сегодня одну из наиболее креативных и инвестиционно привлекательных отраслей. В ней доминирует установка на плоскую онтологию, в противовес классическим ценностным иерархиям. Согласно преобладающему в дизайне тренду, бытие не иерархично, не существует трансцендентного сверхобъекта, обладающего сверхценностью, и соответственно, нет градаций в степени онтологичности объектов реальности. Из этого основания сторонники плоских онтологий выводят позицию, согласно которой человек не более важен в онтологическом смысле, чем неодушевленный предмет или нейросеть. Такая позиция достаточно точно описывает трансгуманистическую реальность, в которую постепенно превращается современная визуальная среда. Поэтому, не соглашаясь с обоснованностью философии плоских онтологий, её стоит использовать как идеологическое выражение или описание процессов, доминирующих сегодня в дизайне.

Эпоха постмодерна, как известно, является расцветом симуляции. Дизайн постмодерна активно использует симулякры третьего порядка. Это логотипы, фирменные стили, реклама, надувная мебель, утопические дизайн-проекты и т. д. Симулякры третьего порядка характеризуются тем, что имеют яркое, декоративное, часто подробное означающее, не отсылающее ни к какому означаемому. Тот путь знакообразования, по которому пошел дизайн, привёл данный феномен к нивелированию самого себя. Дизайн как принципиально поверхностный феномен, который занимается организацией предметной и визуальной среды, но не затрагивает онтологические основы бытия, развиваясь по пути поверхностности и материализма, пришёл к отрицанию не только содержания дизайн-высказывания, но и формы. Постепенно отказываясь от любых признаков бытия, сначала от означаемых, а потом и от означающих, дизайн пришел к тому, что дизайна нет, что ровные и гладкие поверхности и отсутствие хоть какой-то индивидуальности — это черты современной среды обитания человека. Если дизайн и дизайнеры не собираются исчезнуть из культурных индустрий, то, вероятно, необходимо отказаться от симуляции и использования знаков-симулякров, производимых и массово тиражируемых машинным интеллектом. Но необходимость эта пока осознаётся лишь на периферии культурных индустрий в наименее рентабельной сфере уникального ручного производства.

Таким образом, приоритетными направлениями развития российских культурных индустрий выступает нацеленность на модерни-

зационное развитие досуговых социокультурных практик для разных групп потребителей, на креативное преобразование городской среды в крупных агломерациях, на развитие туризма и туристических объектов в регионах, на сохранение национальной культуры народов России, на воспроизведение и трансляцию образцов высокого искусства и шедевров мировой и отечественной культуры и др.

Но культурные индустрии в крупных агломерациях и отдельных регионах Российской Федерации в зависимости от множества факторов развиваются по разным сценариям. Различия между ними имеют экономический, природосообразный и ментальный характер, что выражается в пространственной локальной активности. При этом в настоящее время российские культурные индустрии находятся на перепутье. С одной стороны, в своём развитии они продолжают инерционно следовать западному вектору с доминированием экономической составляющей и монополизацией культурного производства. Но, с другой стороны, в качестве приоритетной в контексте задач, стоящих перед Российской Федерацией, лежит идея о самобытности российской культуры, о том, что культурные индустрии должны следовать своим путём, опираясь на великое прошлое нашей страны.

Литература

1. Аналитика культурных индустрий: до и после [пандемии] / И. А. Ахьямова, М. А. Беляева, А. М. Боталов и др. Екатеринбург : Екатеринбургская акад. современ. искусства, 2020. 238 с.
2. Бакуменко Г. В. Диалогическая методика «Самого Круглого Стола» на базе дистанционных технологий // Этнодиалоги. 2022. № 2. С. 131–139.
3. Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтальных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 265–293.
4. Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М. : Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
5. Горлова И. И., Зорин А. Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 5–9.
6. Горлова И. И., Коренной А. С. Функции культурных индустрий в трансформации российской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 62. С. 19–28.

7. *Кортунов В. В.* [и др.] *Время поиска духовных ориентиров // Пятница 13: Самый Круглый Стол : сб. науч. дискуссий с участ. студ. молодёжи. Расширенная дискуссия второй научно-практической онлайн-конференции «Социальные смыслы спортивной духовности».* Краснодар : [Б. и.], 2021. С. 99–117.
8. *Культура и культурные индустрии в РФ: аналитика 2018–2020. Результаты комплексного исследования / Е. Сафронов, Н. Галиулова, А. Тихонов и др.* Изд. 6-е, испр. и доп. М. : InterMedia, 2020. 88 с.
9. *Культура и культурные индустрии в РФ 2016–2018: Результаты комплексного исследования / Е. Сафронов, Н. Галиулова, А. Тихонов и др.* М.: InterMedia, 2019. 42 с.
10. *Никитина А. А.* Коммодификация искусства как новый тип рациональности // *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Сер. : Социальные науки.* 2015. № 4. С. 127–132.
11. *Никитина А. А.* Коммодификация русской культуры: позитивные и негативные стороны процесса // *Русский универсум в условиях глобализации : сб. ст. участ. всерос. науч.-практ. конфер. (Арзамас, 26–28 октября 2016 г.).* Арзамас ; Саров : Интерконтакт, 2016. С. 210–217.
12. *Плещенко В. И.* Макдональдизация объектов и процессов в рамках городской среды как следствие развития общества потребления // *Культурологический журнал.* 2022. № 1. DOI : 10.34685/NI.2022.83.82.008.
13. *Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.* Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск : НГТУ, 2020. 256 с.
14. *Пятница 13: Самый Круглый Стол : сб. науч. дискуссий с участ. студ. молодёжи. Расширенная дискуссия второй научно-практической онлайн-конференции «Социальные смыслы спортивной духовности» / ред. И. В. Калус, А. Д. Похилько.* Краснодар : Новация, 2021. 208 с.
15. *Слепокуров В. С.* Поиск новых ориентиров // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств.* 2022. № 4. С. 6–14.
16. *Флиер А. Я.* Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии // *Личность. Культура. Общество.* 2013. Т. 15. № 1. С. 88–103.
17. *Флиер А. Я.* Потребление как культурное явление: сущность и символика. Феномен метакультуры // *Знание. Понимание. Умение.* 2021. № 1. С. 157–165.
18. *Этнокультурное брендинг территории в контексте стратегии регионального развития: научно-методические подходы и практики / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, О. И. Бычкова и др.* М. : Институт Наследия, 2020. 114 с.

19. *Bakumenko G., Biryukov I., Scherbak N., Luginina A.* Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practices // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Vol. 5, No. 2. P. 15–45.
20. *Harvey D.* The Art of Rent: Globalisation, Monopoly and the Commodification of Culture // *Socialist Register*. 2002 : A World of Contradictions. Vol. 38. P. 93–110.
21. *Mazzucato M.* The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy. N. Y. : PublicAffairs Books, 2020. 384 p.
22. *Soukupya M., Lužnyya D., Bláhaa J. D., Skupnikb J.* The Aura of Tattoos: The Commodification of Tradition in Buscalan Village, the Philippines // *Asian Journal of Social Science*. 2021. Vol. 49. Is. 3. P. 153–160. DOI : 10.1016/j.ajss.2021.04.001.
23. *Sun M.* K-pop Fan Labor and an Alternative Creative Industry: A Case Study of GOT7 Chinese Fans // *Global Media and China*. 2020. Vol. 5. No. 4. P. 389–406. DOI : 10.1177/2059436420954588.
24. *Warren S.* British Muslim Women in the Cultural and Creative Industries. Edinburgh : University Press, 2022. 352 p.

Alexander S. KORENNOY,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art), Senior Researcher,
Department of National Cultures and Historical and Cultural Heritage,
Siberian Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Omsk, Russia, akorennoy@mail.ru.

Cultural Industries in Modern Russia: General and Specific

The paper examines the totality of cultural practices that make up cultural industries in modern Russia. It shown that the desire of modern Russia to strengthen its own sovereignty actualizes the unique specificity of domestic cultural industries as a subject of research. An analysis of the specific tasks facing cultural industries in modern Russia in the context of their functional role in the system of cultural reproduction seems very relevant and timely. Based on a synthesis of socio-cultural and institutional-cultural approaches to the study of regional cultural policy, extensive empirical material from cultural industries of three orders (a group of investment-attractive industries; industries providing a significant social effect; not having obvious criteria for financial or immediate social return) is analyzed. It is established that the priority directions of the development of Russian cultural industries are the modernization development of leisure socio-cultural practices for different consumer groups, creative transformation of the urban environment in large agglomerations, the development of tourism and tourist facilities in the regions,

preservation of the national culture of Russia, reproduction and broadcasting of samples of high art and masterpieces of world and national culture, etc.

Keywords: *cultural industries, cultural policy, cultural reproduction, sociocultural approach, institutional-cultural approach, intangible culture, cultural practices, social communication, hierarchical metamodel of communication, resacralization of spiritual practices.*

А. Б. Голобородько*, Т. Л. Астраханцева**

Модная индустрия и народное искусство: современные тенденции и противоречия

В статье предлагается осмысление трансформации, которую претерпевают народные художественные промыслы и традиционные мотивы в современной индустрии моды. В последние годы национальная тематика получает новый всплеск популярности в культурном пространстве. Эта тенденция охватывает разные области и сегменты: от молодёжной культуры до высокой моды, от массовой промышленности до авторской продукции. В качестве характерного примера приводятся «коллаборации» модных брендов и дизайнеров с традиционными центрами народных промыслов (Гжель, Жостово, Павловский Посад и т. д.). Интеграция мотивов традиционной культуры (сюжеты, орнаменты, приёмы, техники) в новый культурный контекст рассматривается как амбивалентный процесс. Его позитивным аспектом является актуализация культурного наследия как часть общего пробуждения чувства национальной идентичности, возрождения «русского стиля». Обратной стороной этого феномена является нарушение внутренней целостности художественного мира народной культуры, повреждение его смысловых взаимосвязей. За отправную точку берётся тезис Д. С. Лихачёва: «Народное искусство — не отдельные предметы. Это цельный и стройный мир, который безжалостно нарушается, когда из него выхватывают ту или иную вещь и когда помещают её в несвойственное окружение». Многочисленные формы современной адаптации народного искусства рассматриваются через призму их смыслового, содержательного вектора. Таким образом, предлагается выработать подход к формированию оценочного критерия для них, основанного не на субъективных вкусовых восприятиях, а на соответствии глубинным установкам и ценностям традиционной культуры.

* ГОЛОБОРОДЬКО Александр Борисович, научный сотрудник Фонда исследований социальной археологии, Королев, Московская область, Россия, psycho_patriot@yandex.ru.

** АСТРАХАНЦЕВА Татьяна Леонидовна, действительный член Российской академии художеств, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств РАХ, Москва, Россия, tatiana.astrakhantseva@gmail.com.

Ключевые слова: народное искусство, народные художественные промыслы, индустрия моды, «Русские сезоны», Поль Пуаре, А. Маррас, Н. Ламанова, В. Мухина, Жостовская фабрика, Гжель.

Увлечение русской темой и народными мотивами как модным направлением имеет давнюю историю. Его первым глобальным проявлением можно считать, например, бум, начавшийся в Европе в 1910-х после успеха дягилевских «Русских сезонов». Начиная с парижской премьеры 1909 г. зрителей европейских столиц потрясали выступления, в которых выдающийся талант артистов дополнялся и подчёркивался выдающимися работами художников-декораторов и художников по костюмам. Дягилевский декоративный стиль создавали звезды творческого объединения «Мир искусства» — Л. С. Бакст, И. Я. Билибин, А. Н. Бенуа, Н. Н. Рерих, благодаря которым русская эстетика ворвалась в пространство европейской моды.

Одним из «первооткрывателей» русского направления в модной индустрии в это же время был французский дизайнер одежды Поль Пуаре, который перенёс народные мотивы русской одежды в свои модели, представленные публике в 1910–1914-х гг. в Париже. Его вдохновляли привезённые из России сувениры: кожаные казацьи сапожки-ичиги, кокошники, цветные шали, вышивки, скатерти (из которых он потом шил платья). Своих детей Пуаре одел в рубашки-косоворотки, а жене сшил костюм, напоминающий армяк.

Яркий символ русской модной экспансии — кокошник, ставший в 1920-е и 1930-е гг. популярнейшим аксессуаром среди западных модниц. К нему отсылают разнообразной формы тиары у кинозвезд эпохи немого кино, а на какой-то период кокошники получили распространение как элемент свадебных нарядов (илл. 1–2).

Илл. 1. Звезда Голливуда Мэри Пикфорд
в кокошнике,
фото: <https://clck.ru/36BJ6q>

Илл. 2. Традиционная русская юбка-понева на рисунке Сони Делоне для журнала VOGUE, 1920-е гг., фото: <http://surl.li/ugehmu>

Особая заслуга в использовании элементов русского народного костюма в современной одежде в нашей стране принадлежит Надежде Петровне Ламановой — российскому и советскому модельеру. Кстати, она была знакома с Пуаре, и некоторые приёмы у них явно перекликаются. Она первая представила новые варианты видения одежды современной советской женщины, основанные на национальном костюме. Платья из кустарных тканей участвовали во Всемирной выставке декоративного искусства 1925 г. в Париже. Модели Н. П. Ламановой в содружестве с В. И. Мухиной, экспонированные на выставке, были удостоены высшей награды «Гран-При» за национальную самобытность в сочетании с современным модным направлением.

Но в целом, парадоксальным образом, русское наследие в контексте высокой моды было долгое время больше востребовано на Западе, чем на родине. В Европе «русская тема» была, в частности, представлена работами Ив Сен-Лорана. В его Russian Collection фигурируют меховые шапки, сапоги, многослойные юбки и вышитые блузы. Характерное для народной эстетики изобилие декора и орнаментики, богатство фактур и отделок определило характер коллекции с акцентом на визуальную роскошь.

Очередной всплеск интереса к русскому стилю состоялся в 2005 г. с коллекций Кавалли и Dolce & Gabbana. Пик этого тренда пришелся на 2009 г., когда свои коллекции а-ля рюсс представили «Шанель» и «Кензо». Итальянец А. Маррас, автор «русской линии» Кензо, также вдохновлялся русской одеждой XIX в. и костюмами «Русских балетов» Дягилева. Он сочетал павловопосадские шали, ситец, мотивы русских понев и сарафанов, ввёл в моду русские шали (илл. 3).

В отечественной модной индустрии последних десятилетий народная тематика находилась (за редкими исключениями, вроде работ

*Илл. 3. «Русская коллекция» Антонио Марраса для дома Кензо, 2009 г,
фото: <https://clck.ru/36BJNg>*

В. М. Зайцева, о которых пойдёт речь ниже) в своеобразном «гетто» арбатско-матрёшечного китча. Народный костюм считался уместным сугобо в карнавальном контексте, но никак не в повседневном, деловом или «вечерне»-нарядном ключе. «Национальный костюм в повседневной жизни будет выглядеть скорее экстравагантно, нежели модно, — отмечает Наталья Логинова, руководитель Центра моды и дизайна Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, добавляя при этом, — обращение к традициям — один из трендов в современном дизайне».

Действительно, сегодня мы наблюдаем тектонические процессы, связанные с проникновением национальных мотивов в городскую среду. В последние годы национальная тематика получает чрезвычайный всплеск популярности в культурном пространстве. Причём эта тенденция охватывает самые разные области и сегменты: от молодёжной культуры до высокой моды, от массовой промышленности до авторской продукции, от улично-демократичного стиля до гламура.

Коллекции в национальном стиле создают такие фэшн-звёзды, как Алена Ахмадуллина, но в модных обзорах в одном ряду с ними

*Илл. 4. Коллекция Alena Akhmadullina сезона осень-зима 2018–2019,
фото: <http://surl.li/mnbdwl>*

упоминаются и нишевые локальные бренды, продвигающиеся в соц-сетях (илл. 4).

Волна национального возрождения в дизайне захватывает самый широкий круг направлений, сюжетов и тематики, к которой обращаются авторы как к источнику народного начала. В ход идут и пасторально-деревенские, природные мотивы, и этническая орнаментальность, и имперский шик, и советско-индустриальная версия «народности» (вариации на тему «ватников», начатые ещё Вячеславом Зайцевым). Очень заметен фольклорно-сказочный вектор, особенно в его тёмном, хтоническом аспекте, тема колдовского русского леса.

Но, конечно, особое место здесь занимает работа современных художников с традиционными народными промыслами. Необходимо отметить, что работа эта ведётся в основном под знаком переосмысления и стремления к осовремениванию. Степень авторского вмешательства в традиционные формы при этом варьируется от бережного освоения до радикальной деконструкции. Содержание и художественные результаты данных экспериментов довольно неоднородны и дают материал

Илл. 5. Образы в гжельском стиле с показа Valentino сезона осень-зима 2013–2014, фото: <https://clck.ru/36BzXh>

для серьёзного критического осмысления. Обратимся к некоторым показательным примерам обращения дизайнеров к стилистике наиболее известных промыслов.

Возможно, самый популярный в среде профессиональных дизайнеров русский художественный промысел — керамика Гжели. Его особенно охотно использовали западные кутюрье: глубокий синий кобальт на белом фоне гжельских орнаментов, ассоциативно отсылающий к белоснежным сугробам и ярко-синему небу русской зимы, привлекал внимание таких фэшн-звёзд, как Кавалли, Валентино, Дольче и Габбана, Гальяно (илл. 5).

В целом гжель можно считать «титულным», наиболее тиражируемым в самых разных форматах промыслом: узнаваемые кобальтовые узоры можно встретить на свадебном платье haute couture и автомобиле представительского класса, посуде, предметах бытовой техники и даже ногтях (илл. 6).

Илл. 6. Тарелка к вину, выполненная на Гжельском заводе для ресторана Muze, проект 2023 г., фото: <https://clck.ru/36YnbE>

Наиболее показательными, с точки зрения выбранного нами исследовательского ракурса, являются проекты ребрендинга гжельского промысла, предложенные студентами Центра исследования народных промыслов Школы дизайна НИУ ВШЭ.

Здесь мы видим типичную ситуацию, когда внешние атрибуты (в данном случае, цветовая гамма), присущие промыслу, произвольно изымаются из контекста и помещаются в совершенно инородную логику, подчинённую произволу авторского замысла. Стремясь осовременить традицию, дизайнеры игнорируют важнейший принцип, сформулированный М. А. Некрасовой: «Предметы народного быта все принадлежат единому стилю, и это одна из причин, почему они не могут быть выхвачены из окружения. Все они выражают единое представление о красоте» [3, с. 128].

Ещё более выпукло эта нечувствительность современных авторов к аутентичности промыслов, их смысловой наполненности и тяга к чисто игровой комбинаторике выражена в работе художницы Саши Виноградовой под обманчиво-нейтральным названием «Русские стили народной живописи» (илл. 7).

Илл. 7. Работы Саши Виноградовой, фото: <https://clck.ru/36By98>

Тяга к эффектности, желание привлечь внимание шоковым приёмом полностью стирает своеобразие орнаментально-образного ряда различных народных направлений, которые превращаются в сугубо фоновую «подкладку». Кроме того, бросается в глаза внутренний конфликт между «загробным» символом и принципиально жизнеутверждающим посылом традиционного русского искусства. Д. С. Лихачёв подчёркивал: «Русское народное искусство, как и искусство любого народа, — это, прежде всего, мир особого отношения человека к своему труду, к своей деятельности вообще и жизни в целом. Мировоззрением народа является его трудовая деятельность, быт, его обряды. И предметы народного искусства — все без исключения — всегда были в употреблении; ими работали, они помогали человеку даже тогда, когда служили празднику, ибо крестьянский праздник, как и всякий народный отдых, — часть трудового быта. Народное искусство радостно, и радостно потому, что труд доставляет радость».

В мексиканском *Día de Muertos* (День мертвых), к которому апеллирует Виноградова, эстетика смерти и атмосфера праздника действительно перемешаны, однако русской традиции, гораздо более деликатной в духовных аспектах, такой подход принципиально чужд.

Весьма спорным выглядит оформительское решение нового фирменного бутика Жостовской фабрики, открывшегося на Пятницкой улице в Москве. Широкий ассортимент бренда — от знаменитых расписных подносов и самоваров до изделий из стекла и дерева — авторы проекта явно стремились презентовать с подстройкой под вкусы городского обывателя, ориентированного на усреднённый евродизайн. В этой «икеевской» эстетике самобытность жостовской продукции растворяется и теряется, превращаясь в условные декоративные «пятна» (илл. 8).

Неоднозначен, хотя и несомненно заслуживает внимания,

Илл. 8. Оформительское решение нового фирменного бутика Жостовской фабрики в Москве, фото: <http://surl.li/rxhyxl>

Илл. 9. Показ коллекции ZHOSTOV by Sergey Sysoev, 2019 г., фото: <http://surl.li/otjasa>

совместный проект Жостовской фабрики с дизайнером Сергеем Сысоевым. Татьяна Агеева, одна из лучших художниц Жостовской фабрики, выполнила технически блестящую работу, продемонстрировав виртуозную технику передачи света. Благодаря тончайшим градациям тёмного и светлого, сочетанию графичности и объёма фактуры букета особенно осязаемы и объёмны.

Но возникает вопрос, насколько сам этот стиль кьяроскуро с его дымчатой расплывчатостью и меланхоличным настроением релевантен полнокровной, сочной жостовской красочности. Даже если допустить намеренный контрапункт как часть авторской концепции, призванной на контрасте подчеркнуть качества оригинального промысла, это всё равно сомнительный вектор (илл. 9).

Несомненно, первооткрывателем среди профессиональных модельеров и дизайнеров, обратившихся к павловопосадскому платку, был Вячеслав Зайцев. С этой тематикой Вячеслав Михайлович впервые соприкоснулся ещё в 1962 г., попав по распределению на Бабушкинскую швейную техническую фабрику по пошиву спецодежды. В первой же коллекции, представленной им на методическом совещании в Москве, оказались пёстрые телогрейки и цветастые юбки из павловопосадских платков. На показе коллекции присутствовал французский журналист из «Пари-матч». Его репортаж о талантливом и молодом кутюре открыл путь к мировой славе Вячеслава Зайцева. Последующие коллекции, созданные Зайцевым на основе павловопосадских платков, приносили ему неизменный успех на всех подиумах и стали визитной карточкой «Красного Диора» (илл. 10–11).

С этим материалом, как и с русской темой в целом, В. Зайцев работал на протяжении всей своей карьеры. Одна из его наиболее знаковых коллекций в этом направлении, представленная в 1988 г., называлась

Мнн. 10–11. Slava Zaitsev на Mercedes-Benz Fashion Week Russia – 2018, фото: <https://clck.ru/36E5kK>

«Русские сезоны», отсылая к тем самым дягилевским показам, о которых шла речь в самом начале. Зайцев ставил и уверенно реализовывал задачу возвращения русской идентичности в модный контекст. Свою эстетическую программу он декларировал прямо: «Я восхищаюсь народным костюмом — он очень мудрый, многогранный и многослойный. Я взял его за основу и не жалею» [1].

Творческий подход Зайцева выделяло именно почтительное и вдумчивое отношение к наследию, сочетавшееся с яркими авторскими трактовками национального костюма. Умение органично соединять индивидуальность и традиционность — то качество, которого новейшему поколению дизайнеров пока заметно не хватает.

Современных авторов старинный промысел Павловского Посада привлекает не только красочным колоритом платков, но и возможностями их нового функционального применения. Интерьерный дизайн, перешив в новые предметы одежды (вспоминаем Пуаре с его платьями из скатертей), использование для декора ширмы или абажура для бра — вариантов множество.

Илл. 12. Frida by Susanne Bisovsky.
Коллекция, посвящённая образу
мексиканской художницы Фриды Кало,
фото: <https://clck.ru/36YpQ8>

Наиболее радикальное пере-назначение расписным платкам придумали дизайнеры Юлия Войтенко и Дарья Голевко, представившие на одной из Недель моды обувь в павлопосадском стиле. Для их изделий даже придумали специальное слово *scoots* (от двух слов — *scarf* (шарф, платок) и *boots* (ботинки)). Одежду и обувь из павлопосадских платков также представляет и российский дизайнерский дуэт YanaStasiya.

Но ближе всего к планке, заданной В. Зайцевым, подходит зарубежный автор — австрийский дизайнер Сюзанна Бисовски, — ученица легендарной «королевы панка» Вивьен Вествуд и Хельмута Ланга. Примечательно то, насколько чутко Бисовски, воспитанная в совершенно иной западной традиции,

чувствует и понимает стиливую природу, органику павлопосадского узора. Её работы имеют целостный, ансамблевый характер, даже сами модели как бы фигуративно воспроизводят образ русской матрёшки (илл. 12).

* * *

Широкое обращение дизайнеров и художников к национальной тематике — процесс закономерный и сам по себе позитивный. С одной стороны, это результат развития промышленности и технологий, позволяющий более свободно экспериментировать с традиционными техниками и приёмами в массовом производстве. На содержательном уровне здесь видна реализация потребности в возвращении к корням, культурным истокам, обретению национальной идентичности. Период не критичного принятия западных ценностей как единственной культурно-этической парадигмы исчерпал себя, общество стремится осознать свою подлинную национальную самобытность, обрести уникальный культурный код.

В этом смысле народное искусство представляет собой колоссальный, неоценимый ресурс. По определению М. А. Некрасовой, «это творчество, определяемое исторической памятью. Как родовая память, воплощенная в живых образах, оно связывает настоящее с культурным прошлым народа. Постоянно воспроизводит ценностное отношение к жизни, народный образ мира» [4, с. 171]. В то же время попытки освоить этот ресурс, адаптировав его к современности, в значительной мере пока носят поверхностный, стилизаторский характер. Во многих работах современных дизайнеров мы скорее видим гротеск, несколько вычурный лубок, который не раскрывает всей глубины и разнообразия, всех красок и многовековой философии культуры русского народа. Скопировав узнаваемый мотив, характерный изобразительный образ, многие кутюрье и дизайнеры не проникают в суть, в историю того или иного художественного промысла.

Стоит отметить, что такая ситуация не нова: подобная картина наблюдалась, в частности, на рубеже XIX–XX вв., когда профессиональные художники организовывали «хождение в народ», стремясь поднять находящееся в упадке искусство промыслов. При этом, движимый благой целью, профессионал начинал использовать промысел

*Илл. 13. Далекарлийская лошадка,
фото из архива авторов*

как экспериментальное поле, внедрять чуждые ему элементы и тем самым разрушать его сложный мир со своими, наработанными веками, взаимосвязями. Как отмечает один из критиков по этому поводу, «главная их беда — недостаток знаний о развитии народного искусства, что приводило к созданию «стилизаций на народную тему» [5, с. 29]. Схожие

процессы наблюдались в 1970-е гг., и теперь мы снова констатируем тенденцию: там, где игнорируется природа народного искусства, его законы, в частности, коллективный характер творчества, можно ожидать разрушения сложившейся образной системы.

Возможно, что богатство и многообразие образного мира русской национальной культуры стало, парадоксальным образом, её «проклятием». В этом пёстром изобилии размывается общий стержень, теряется объединяющее духовное начало. В противоположность этому выглядит поучительным шведский пример, где национальным символом служит далекарлийская лошадка (илл. 13). Неброская по форме и ограниченная по вариациям окраски, эта деревянная фигурка, тем не менее (или как раз благодаря этому), успешно воплощает образ традиционного шведского уклада и характера, отражает вдумчивую созерцательность народного промысла вместо яркого мельтешения сиюминутных творческих «экспериментов».

На этом фоне выглядит пугающе бесконечная эксплуатация образа матрёшки, скатывающаяся в безвкусную мегаломанию, как в проекте (впрочем, уже десятилетней давности, но всё ещё характерном по подходу) дизайнера Б. А. Краснова, как будто бы пустота содержания компенсируется распухающим масштабом (илл. 14).

Без опоры на глубокое осмысление тех ценностных мировоззренческих основ, которые заложены в народном искусстве, «новое национальное возрождение» оказывается подвержено различным соблазнам. Это и маркетинговая логика, желание сделать «актуальный продукт» ценой его обезличивания. Это и чрезмерный эпатаж, провокационность, заслоняющая собственную яркость традиционных промыслов. Одна из разновидностей этого отклонения — «самоэкзотизация», подстраивание под восприятие русской культуры в оптике западного туриста — как

Илл. 14. Русская матрёшка дизайнера Бориса Краснова, фото из архива авторов

яркого, но бессодержательного сувенира, в одном ряду с африканским, азиатским, латиноамериканским.

Ещё одним, может быть, наиболее проблемным фактором выступает погоня за новизной, заложенная современной рыночной логикой моды. Тогда как в основе народного искусства лежит опора на традицию, на работу в системе устойчивых этических и эстетических координат, отражающих коллективную, «соборную» мудрость и стандарты качества.

В данной парадигме, в противоположность современной, «устойчивость — одно из условий красоты», а «новизна не привлекает, ибо она отвлекает» (Д. С. Лихачёв). В то же время, как отмечает Некрасова, «в народном искусстве с изумительной диалектичностью органически соединяется традиционность с творчеством нового», то есть данное противоречие не является непреодолимым, а лишь требующим интеллектуальной и профессиональной самодисциплины художника. Главное же содержание этого требования — помнить, что в своём внутреннем содержании наследие национального искусства «вовсе не превращается в игру форм, линий и цвета, доступную лишь эстетическому любова-

Илл. 15. Модели В. М. Зайцева на тему павлопосадских платков, 1990-е гг., фото из архива авторов

Илл. 16. Свадебное платье, художник Пётр Гордеев, 2010-е гг., фото из архива авторов

нию и предназначенную, как думают некоторые, для вольных стилизаций художника-профессионала» [5, с. 10].

В противном случае, вместо возрождения национальной культуры произойдёт её девальвация, а возвращение к корням обернётся мимолётным модным поветрием. Как справедливо указывает Е. С. Графова, «произведения народных промыслов, становясь частью массовой культуры, теряют свою историю, обесцениваются через многочисленное тиражирование характерных мотивов и образов, а точнее в их переработке и упрощенной стилизации» [2, с. 145].

Поэтому особенно важно, чтобы увлечение художников и дизайнеров фольклорными сюжетами и национальной эстетикой было поддержано концептуальной проработкой «русской темы» в философском, социальном, культурологическом и искусствоведческом аспектах, обеспечивая целостный парадигмальный сдвиг в сознании и ценностях общества (илл. 15–16).

Литература

1. Выставка Зайцева в Эрмитаже // Величественный Эрмитаж : [сайт]. URL : <http://www.russ-spb.ru/VistavkaMuzeyaErmitazh/vistavka-zayceva-v-ermitazhe-sena-bileta> (дата обращения: 05.07.2024)
2. Графова Е. С. Традиционное прикладное искусство: история, современное состояние и перспективы развития // Традиционное прикладное искусство и образование. 2019. № 2. С. 139–149.
3. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. М. : Изобразительное искусство, 1983. 343 с.
4. Некрасова М. А. Народное искусство России в современной культуре. М. : Коллекция М, 2003. 254 с.
5. Некрасова М. А. Проблемы народного искусства. М. : Изобразительное искусство, 1982. 136 с.

Alexander B. GOLOBORODKO,

Reshecher, Foundation for Research in Social Archaeology,
Korolev, Moscow Region, Russia, psychopatriot@yandex.ru.

Tatyana L. ASTRAKHANTSEVA,

Dr. Sci. (Art History), Academician, the Russian Academy of Arts,
Chief Research, Research Institute for Theory and History of Fine Arts,
Moscow, Russia, tatiana.astrakhantseva@gmail.com.

Fashion Industry and Folk Art: Modern Trends and Contradictions

The paper proposes a reflection on the transformation that folk art crafts and traditional motifs undergo in the modern fashion industry. In recent years, the national theme has received a new surge in popularity in the cultural space. This trend covers different areas and segments: from youth culture to high fashion, from mass industry

to author's products. As a typical example, "collaborations" of fashion brands and designers with traditional centers of folk crafts (Gzhel, Zhostovo, Pavlovsky Posad, etc.). The integration of traditional culture motifs (plots, ornaments, techniques) into the new cultural context seen as an ambivalent process. Its positive aspect is the actualization of cultural heritage as part of the general awakening of a sense of national identity, the revival of the "Russian style". The flip side of this phenomenon is a violation of the internal integrity of the artistic world of folk culture, damage to its semantic relationships. D. Likhachev's thesis taken as a starting point: "Folk art is not individual subjects. It is a whole and slender world that is mercilessly disturbed when a particular thing is snatched from it and when it is placed in an unusual environment". Numerous forms of modern adaptation of folk art considered through the prism of their semantic, meaningful vector. Thus, it proposed to develop an approach to the formation of an assessment criterion for them, based not on subjective taste perceptions, but on the level of compliance with the deep attitudes and values of a traditional culture.

Keywords: folk art, folk crafts, fashion industry, Russian seasons, Paul Poiret, Antonio Marras, Nadezhda Lamanova, Vera Mukhina, Zhostovskaya factory, Gzhel.

П. О. Гонсалес*

Этнокультурная самобытность в ювелирном искусстве современной России

В статье раскрывается социокультурная значимость традиционных ремёсел, а также рассматривается вопрос о влиянии ментальности народа на эстетику его творческого самовыражения. Особый акцент делается на социокультурной и эстетической значимости традиционных национальных украшений, являющихся маркерами самобытности народов России. Через призму таких понятий, как «этнос», «национальность», «этнокультурная идентичность», «народная культура», и с учётом противоречий глобализма автор исследует специфику ювелирного искусства и его функционал. Обосновывается необходимость возрождения традиционной культуры и повышения значимости национально-этнических факторов. Проведённый анализ позволяет заключить, что ценностный аспект явления видового разнообразия ювелирного искусства сопрягается задачами сохранения художественных традиций в национальной культуре.

Ключевые слова: ювелирное искусство, декоративно-прикладное искусство, национальные традиции, национальная идентификация, этнокультурная идентичность, глобализация, локальная самобытность.

* ГОНСАЛЕС Полина Освальдовна, аспирант кафедры культурологии Московского государственного института культуры, Химки, Московская область, Россия, polinagonales@yandex.ru.

В настоящий момент современный мир находится в состоянии глобальной культурной диффузии и смешения национально-культурных практик, свидетельствуя о так называемой культурной глобализации. Применяв метод культурологического подхода в изучении ювелирного искусства, становится возможным исследовать культурную эволюцию статуса ювелирных изделий, проследить процесс формирования национальных ювелирных традиций, а также дать оценку роли ювелирных изделий в диалоге поколений.

Как предмет исследовательского внимания ювелирное искусство предстаёт в различных ракурсах, в том числе и в культурологическом. Благодаря тому, что изделия мастеров ювелирного искусства являются традиционными элементами материальной и художественной культуры, важно как можно более глубоко исследовать их генезис и полифункциональность. Несводимость ювелирных изделий как артефактов культуры к функции эстетического наслаждения произведением декоративно-прикладного искусства обусловлена тем, что на протяжении культурного развития человечества в целом, так и каждого народа в частности, они оказывали влияние на ценностное отношение людей к миру и к своим самобытным традициям.

Тема этнокультурной самобытности в её различных проявлениях, в том числе и народных ремёслах, стала наиболее актуальной именно в эпоху технического прогресса, глобализации и культурной интеграции из-за проблем, связанных с созданием и сохранением культурных ценностей. Глобализация актуализирует проблему урегулирования межнациональных отношений и сохранения традиций, этнокультурного наследия и национальной идентичности. Процессы глобализации распространяются на все сферы общественной жизни — экономическую, политическую, религиозную, культурную. А. И. Голышев дал определение этому явлению, назвав его «культурной глобализацией», как сложному, универсальному, многообразному и многослойному социокультурному процессу интеграции государств, национальностей и этносов, формирующих добровольное мировое гуманистическое единство, определяющее возможность земного бытия [4, с. 74]. Закономерным результатом культурной глобализации является стирание и выход культуры за рамки национальных границ, а также утрата ею культурной идентичности и национального своеобразия. Следствием этих процессов становится утрачивание характерных особенностей национальных культур как для общества в целом, так и для отдельного человека в частности.

Распространение массовой культуры — один из результатов культурной глобализации. Культурная глобализация, нивелируя территориальные, национальные, общественные границы, с одной стороны, обогащает массовую культуру, но, с другой — становится ещё одним фактором, ведущим к обеднению локальных национальных культур. В современных реалиях явно прослеживается водораздел между «крупными» и «малыми» национальными культурами: первые становятся более массовыми и универсальными, тогда как вторые — всё более размытыми. Проблемный характер описанного явления заключён в его неоднозначном влиянии на ментальные свойства народов, особенно «малых». В данном случае речь идёт об утрате национально-этнических особенностей малых народов и об утере их традиционных знаковых черт. Так, по утверждению современного исследователя феномена этнокультурной идентичности И. В. Малыгиной, «...обратной стороной отмеченных процессов и тенденций становится снижение значимости национальных оснований идентичности личности, ослабление чувства принадлежности индивида к определённому государству, обществу и культуре...» [7, с. 3]. И это действительно так. Массовая культура, используя свои механизмы повседневного воздействия, внушения, заражения и моды, поспособствовала усилению тенденции размывания национального образа мира и самобытной культуры этноса, что вызвало проблемы национальной самоидентификации у потребителей норм, ценностей и продуктов массовой культуры.

Обретение идентичности — это многосложный процесс, вынуждающий человека сталкиваться и преодолевать трудности самоопределения. Для подавляющего большинства людей этническая идентичность определяется первичной социализацией личности, тогда как национальная и культурная идентичности формируются уже в процессе взросления в результате социализации и осознанного выбора. Многие исследователи фиксируют сложность ситуации этнокультурного самоопределения в пространстве техногенной цивилизации с её широким диапазоном информационных средств. К примеру, Энтони Гидденс обращает внимание на то, что глобализация — комплексное сочетание целого ряда развивающихся и противоречивых процессов, направленных в противоположные направления: с одной стороны, глобализация способствует разрушению межгосударственных и межнациональных связей, но, с другой — активизирует национальное самосознание и повышает интерес к национальным традициям и этнической идентичности [3, с. 29]. Также проблему идентичности исследовал и американский со-

циолог Э. Эриксон, который первым ввёл понятие «кризис идентичности», справедливо связывая его с процессом глобализации.

По мнению отечественного учёного В. А. Тишкова, при определении этнокультурной самоидентификации важно учитывать эмоционально-психологический аспект этнокультурной самоидентификации. В своей монографии «Российский народ: история и смысл национального самосознания» авторитетный историк, этнолог и социальный антрополог уделял особое внимание следующему моменту: «Хотя национальная идентичность, как правило, определяется элитой, гораздо большее число людей использует свою национальную идентичность в эмоционально-идеологических целях: в современном мире человеку крайне важно иметь чувство принадлежности к народу — стране — государству» [8, с. 314].

Как и во всём мире, перед народами России также остро стоит проблема сохранения национальной идентичности ввиду происходящей утраты культурных традиций и самобытности. Несомненно, что ответом на процесс культурной глобализации и утраты культурного своеобразия стала набирающая силу тенденция к возрождению интереса к национальному культурному наследию и, как следствие, особое внимание, уделяемое культурной самобытности при планировании экономических перспектив развития. Отмеченные моменты стандартизации образа жизни, сферы потребления, образовательной и досуговой сфер ярко проявляют себя и в отношении к различным видам народного творчества. Образцы национального прикладного искусства, в том числе ювелирного, воспринимаются, скорее, как отличительная особенность бренда и маркетинговый ход, нежели культурная ценность, носитель и выразитель эстетических предпочтений народа.

Несмотря на это, ярко проявляет себя и противоположная тенденция. В противодействие тому, что массовому сознанию людей навязывается стандартизация и унификация как внешнего облика, так и образцов поведения, возникает и усиливается интерес к этнокультурному разнообразию, экологичному сознанию и культуре осознанного, рационального потребления. Национальные и этнические общности групп людей стремятся не только защитить, но и реализовать на практике идею ценности этнокультурного многообразия мира, при этом территориальная и социальная локальность в культуре является важнейшим атрибутом её сохранения и развития, так как именно на уровне малых групп формируются и закрепляются традиции, составляющие основу

крупных этнических и межэтнических сообществ [1, с. 91]. Данная точка зрения позволяет рассматривать ювелирное искусство как специфическую «нить», эстетические свойства которой связывают все поколения в этнокультурной истории и реальности людей в своеобразный «диалог». В целом же, благодаря актуализации темы национальной идентичности в индустрии массовой культуры появилась глобальная тенденция к учёту такого фактора, как этническое происхождение потребителей.

Модные инновации конца XX — начала XXI вв. демонстрируют отклонение от европоцентризма в пользу мультикультурной парадигмы [2, с. 4]. Этнический стиль в моде являются своеобразным дизайнерским переосмыслением национального стиля в модной индустрии, проявлением глобальной моды на мультикультурализм. Поскольку культурные интересы каждого народа как субъекта собственной истории неразрывно связаны с ценностным отношением к эстетике повседневной жизни и праздничных традиций, под влиянием определённых ментальных установок у человека формируется и проявляется любовь к своим национальным мотивам или их стилизациям в элементах декора, костюма, аксессуаров или украшений. В рамках возросшего интереса к национальному искусству повысилась также роль декоративно-прикладного искусства. На данный момент актуализация традиционной народной культуры и сохранение национального культурного наследия народов России являются одними из важнейших задач сферы культуры, ведь народное искусство отражает уровень самосознания этнической группы и нации в целом, а кроме того, данный вид искусства осуществляет также информационно-коммуникативную функцию между поколениями.

Система национального искусства — явление неоднородное и многосложное, включающее в себя региональные, локальные и национальные составляющие, что в итоге объясняет сложность и разнообразие форм их взаимодействия. Феномен национального искусства заключается в богатстве традиций, ремёсел и коренных народных промыслов. При этом сами народные промыслы, выросшие позднее в художественные мастерские и ремесленные центры, сформировались на основе семейных традиций потомственных народных мастеров. Становится также очевидным, что существует взаимосвязь между местом возникновения центра народного промысла и природными ресурсами региона. Отечественный историк, этнолог и философ Л. Н. Гумилёв ввёл в теорию этногенеза понятие «вмещающий и кормящий ландшафт»: «Ландшафтное окружение влияет на

формы хозяйства, уклад данного этноса определяет его возможности, перспективы. Этническое окружение, связи с соседями, дружеские или враждебные, весьма и весьма влияют на характер создаваемой культуры» [5, с. 121]. Здесь автор особенно подчёркивает стремление людей приспособить к своим потребностям географическую среду обитания, так называемый ландшафт, и использовать природные ресурсы наиболее выгодным способом. Поскольку культура является способом духовно-практического освоения реальности, уместно обратиться к народным ремёслам. Многообразие народных промыслов обусловлено рядом факторов, начиная с природных. Ландшафтно-климатические условия жизни народа влияют на развитие традиционных форм этнокультурного опыта в целом и его художественно-прикладного пласта в частности. Творческий потенциал мастеров воплощается за счёт тех природных ресурсов, которыми богата территория проживающего этноса, а также традиций в технологии их обработки. Региональный компонент, с точки зрения искусства, — это содействующая сила, являющаяся причиной развития народных промыслов в конкретной части страны. Изготавливаемые изделия зачастую имеют этнографическую привязку, отражающую как образ жизни, так и исторические традиции региона.

Разумеется, что одним из маркеров этнонациональной самобытности является одежда в её повседневной и праздничной выразительности. Национальная одежда включает и такой знаково-эстетический элемент, как украшения. Цвет, форма и конструкция украшений отражают систему образных представлений о семантике строения человеческого тела, а также и формируют данные представления, ведь ювелирные изделия традиционно носят на наиболее значимых и уязвимых частях тела (шея, запястья, уши, лицо) [6, с. 611]. Несомненно, в ювелирном искусстве отражается мир «большой» культуры с его традициями, верованиями, обычаями, ритуальными комплексами, представлениями об устройстве мира и человека [6, с. 613]. Ювелирные изделия как элемент национального костюма носили выраженные национальные черты, хотя в связи с процессами внутренней миграции — внутрорегиональной и межрегиональной — происходит неуклонное размывание этнических черт национальной культуры, в том числе и традиционного ювелирного искусства. В последнее время большой популярностью пользуется такое стилистическое направление в ювелирном искусстве, как фольклор. Фольклорные ювелирные изделия отличаются от традиционных декоративно-прикладных стилей в ювелирном искусстве тем, что являются

продуктом авторской интерпретации и переосмысления народных мотивов и национальных визуальных и графических образов.

На основе проведённого исследования можно сделать вывод, что процесс глобализации способен стать триггером ряда процессов: с одной стороны, размывания национальных культурных границ, с другой — консолидации и подъёма самосознания людей под идеей сохранения национальной самоидентичности. Данные процессы затрагивают все сферы жизни человека и в особенности такие базисные основы человеческого сознания, как культура и искусство. Очевидно, что перед Россией стоит задача сохранения многообразия и самобытности культур, входящих в её состав, так как именно традиционная национальная культура является основой национальной идентичности, исторической памяти и культурной специфики. Представляется, что культурная идентификация, сохраняя свою преемственность, должна формироваться не только на основе принятия культурных ценностей и традиций, а также чувстве патриотизма, но и на уважительном отношении к культурам других народов.

В настоящее время россияне активно ищут собственную уникальность, обращаясь к местной истории и культуре, администрации городов России успешно ведут разработку брендов городов и территорий, а предприниматели всё чаще используют региональные особенности и локальные смыслы в производстве своей продукции. Несмотря на мощную конкуренцию с рынком импортных товаров, России всё же удалось сохранить национальные традиционные народные промыслы и центры декоративно-прикладного творчества, в том числе ювелирного искусства. Можно предположить, что как отечественных предпринимателей, так и ювелирных мастеров, одинаково объединяет стремление поддержать эволюцию ювелирного дела от ремёсла к искусству, а также повысить статус авторской идеи и адаптировать инновации, предложенные художниками-ювелирами, к амбициям современных производителей ювелирных драгоценностей.

Литература

1. *Белков П. Л.* Малые группы в этнографии: постановка проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2 : История. 2009. С. 91–93.
2. *Васильева Ж. В.* Влияние процессов глобализации на fashion-индустрию // Культурологический журнал. 2013. № 2. URL : http://cr-journal.ru/rus/journals/216.html&j_id=15 (дата обращения: 03.04.2024).

3. Гидденс Э. Г. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Издательство «Весь Мир», 2004. 120 с.
4. Гольшиев А. И. Глобализация: культурологический подход // Вестник Псковского государственного университета. Сер. : Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. № 5. С. 70–81.
5. Гумилёв Л. Н. География этноса в исторический период. Л. : Наука, 1990. 278 с.
6. Круглова М. Г. Ювелирное искусство как часть традиционной культуры (на материале Восточной и Юго-Восточной Азии) // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 610–614.
7. Малыгина И. В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика : 24.00.01 : автореферат дисс. ... д-ра филос. наук. М. : 2005. 41 с.
8. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука, 2013. 649 с.

Polina O. GONSALES,

Postgraduate Student, Department of Culturology,
Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region,
Russia, polinagon-sales@yandex.ru.

Ethnocultural Identity in Jewelry Art of Modern Russia

The paper reveals the sociocultural significance of traditional crafts and examines the issue of the influence of the mentality of the people on the aesthetics of their creative self-expression. Particular emphasis placed on the sociocultural and aesthetic significance of traditional national jewelry, which are markers of the identity of the peoples of Russia. Through the prism of such concepts as “ethnicity”, “nationality”, “ethnocultural identity”, “folk culture” and taking into account the contradictions of globalism, the author explores the specifics of jewelry art and its functionality. The need to revive traditional culture and increase the importance of national-ethnic factors substantiated. The analysis carried out allows us to conclude that the value aspect of the phenomenon of species diversity of jewelry art coupled with the tasks of preserving artistic traditions in the national culture.

Keywords: jewelry art, decorative and applied arts, national traditions, national identification, ethno-cultural identity, globalization, local identity.

*К. В. Полюшкина**

Коммуникативная функция жанра в контексте поликультурного компонента музыкальной дидактики

В статье рассмотрена роль поликультурного компонента в музыкальной дидактике с целью актуализации теоретического внимания на коммуникативной функции музыкального жанра. Посредством обобщения научных подходов в развитии теории музыкального жанра раскрыта коммуникативная функция музыкального жанра, которая в установлении и воспроизводстве акта коммуникации различных лакун музыкальной культуры посредством воплощения музыкального замысла с помощью аккумулированного в академической практике опыта. Детская музыка в рамках музыкальной дидактики выступает хорошо известным большинству музыкантов хрестоматийным эмпирическим материалом, позволяющим проиллюстрировать и описать коммуникативную функцию музыкального жанра. В качестве теоретической основы объяснения (интерпретации) коммуникативной функции музыкального жанра в музыкальной дидактике нами использована иерархическая метамодель коммуникации, описанная российскими теоретиками на опыте ресакрализации духовных практик. Расхождения же учёных в трактовке музыкального жанра позволяет преодолеть метод культурной / культурологической атрибуции, учитывающий как междисциплинарный, так и метатеоретический потенциал культурологии. Крайне важен метатеоретический потенциал культурологической атрибуции, позволяющий усмотреть ценность как дифференциации существующих подходов, так и ценность их диалектического синтеза.

Ключевые слова: музыкальный жанр, художественная коммуникация, воспроизводство культуры, музыкальная дидактика, восприятие музыки, детская музыка, нематериальная культура, академическая музыкальная культура, иерархическая метамодель коммуникации, ресакрализация духовных практик.

Актуальность рассмотрения роли поликультурного компонента в музыкальной дидактике обусловлена необходимостью акцентировать внимание на коммуникативной функции музыкального жанра. В рамках темы научно-исследовательской работы «Жанровое разнообразие композиторского творчества в академической музыкальной культуре Кубани» необходимо определить коммуникативную функцию музыкального жанра в механизме воспроизводства культуры, и это представляется возможным на примере поликультурного компонента в музыкальной дидактике.

* ПОЛЮШКИНА Катарина Владимировна, преподаватель Межшкольного эстетического центра, Краснодар, Россия, k9538000@gmail.com.

Феномен поликультурного компонента в музыкальной дидактике известен с давних пор. Как известно, Пифагору (ок. 570–490 гг. до н. э.) и его школе гармонии приписывают первую из известных в истории типологию ладов, отражающую локализованный колорит музыкальной культуры местностей древнегреческой культурной ойкумены. Хотя терминологическое употребление жанра в европейской теории музыки Е. В. Назайкинский связывает с трактатом Иоанна де Грохео (начало XIV в.) [8, с. 84]. Если типология ладов пифагорейцами была основана на математическом анализе особенностей ладовой выразительности с привязкой к местностям, то средневековая жанровая типология была направлена на обоснование «высокого» музыкального стиля как свидетельства божественного присутствия. Эти различия в типологии (по географической горизонтали и по ценностной вертикали) отражают базисные основания различения жанров: с одной стороны, горизонтальная типология отражает культурные особенности различных лакун музыкальной культуры, с другой — вертикаль типологии указывает на первичные, сформировавшиеся непосредственно в культурных практиках жанры и вторичные, являющиеся результатом творческого переосмысления функций различных выразительных элементов жанра как символов, знаков и сигналов в семиотике художественного пространства конкретного произведения.

Таким образом, так или иначе, теоретическая типология музыкальных жанров раскрывает горизонтальные интонационные связи различных культурных лакун с вертикальными семиотическими связями элементов внутри конкретного произведения, т. е. так раскрывается коммуникативная функция музыкального жанра.

Объектом нашего исследования является совокупность поликультурных компонентов в музыкальной дидактике, которая реализована композиторами в музыке для детей. Предмет исследования — коммуникативная функция музыкального жанра. Цель исследования состоит в обобщении научных подходов в развитии теории музыкального жанра для объяснения коммуникативной функции музыкального жанра в музыкальной дидактике.

В качестве теоретической основы объяснения (интерпретации) коммуникативной функции музыкального жанра в музыкальной дидактике нами использована иерархическая метамодель коммуникации, описанная российскими теоретиками на опыте ресакрализации духовных практик [15]. Расхождения же учёных в трактовке музыкального

жанра позволяет преодолеть метод культурной / культурологической атрибуции (см.: [13] [14]), учитывающий как междисциплинарный, так и метагеоретический потенциал культурологии (см. : [1] [2]).

Появление в европейской музыке специализированных музыкально-дидактических миниатюр связывают с наследием И. С. Баха [7]: уже в его тетрадах распространённые жанры транслируют интонационное своеобразие вокальной и танцевальной культуры европейских народов (см.: [4] [3]).

Преодоление романтиками дистанции между высоким искусством и народной музыкой нашло отражение в детской музыке Р. Шумана, где немецкие интонации соседствуют с итальянскими, французскими, испанскими. Гений Р. Шумана закрепил в музыкальной дидактике поликультурный компонент как базовый компонент музыкальной культуры наряду с техническим мастерством (см.: [5] [6]). После «Детского альбома» П. И. Чайковского музыкальная дидактика преодолевает присущий этюдности техницизм [6]: музыкальным педагогам хорошо известны шедевры Ж. Бизе, К. Сен-Санса, А. К. Лядова, А. С. Аренского, Б. Бартока, С. М. Майкапара, Я. Сибелиуса, С. С. Прокофьева и др. Целая плеяда советских композиторов обращается к музыкально-дидактическим пьесам, пропагандируя музыкальную культуру народов великой страны. В XX в. «детская музыка» становится отдельным пластом музыкальной литературы, своего рода метажанром, владение которым — показатель высочайшего композиторского мастерства, показатель способности раскрыть этнонациональную основу своего творчества в доступных детям формах с использованием простейших элементов музыкального языка. Поликультурный компонент «музыки для детей», таким образом, транслирует непреходящую ценность интонационного богатства музыки народов мира и составляет основу современной академической музыкальной культуры. Это происходит благодаря символизации реальности специфическим музыкальным языком.

Символизация в музыке — это процесс придания переносного значения музыкальным явлениям. Музыкальный символ, соответственно, представляет собой образ в музыке, который приобретает общественное значение и позволяет интерпретировать его многозначно. Музыка — особая форма жизнедеятельности, искусственная среда, созданная людьми на протяжении тысячелетий, выработавшая свои специфические символы, ведущие к созданию языка и знаковой системы. Это интересно с философской точки зрения и рассматривается как

специфическая система, находящаяся в постоянной динамике и обладающая развитой структурой.

Ещё в прошлом веке академик Б. Асафьев рассматривал музыку как процесс становления и кристаллизации структурных форм, подчёркивая диалектичность музыкального мышления. У. Эко отмечал, что музыкальное произведение находится в динамике, и его чтение можно представить как непрерывный колебательный процесс, где переходят от произведения к его скрытым исходным кодам, которые позволяют более точно его прочесть. Это определяет культуру как эффективное средство коммуникации. Музыкальные явления являются уникальным творением человека. Язык музыки является ключевым средством передачи информации и способствует объединению коллектива, особенно в обществе, где символы имеют ведущее значение.

Учёный А. А. Реформатский отмечает, что без языка невозможно мышление и понимание действительности [19, с. 7]. Таким образом, язык является важнейшим коммуникативным средством, без которого невозможно существование общества и человека. Музыка — это продукт культурной деятельности людей, которая отражает объективную реальность и субъективную реальность человеческих эмоций, чувств и мышления. Цель искусства заключается в передаче эстетического отношения человека к действительности и показе его разнообразных переживаний, а не в простом копировании. Искусство может изображать явления и предметы окружающей действительности или абстрактные понятия с помощью художественных образов. Музыка является наиболее коммуникативным видом искусства. Существуют также «функциональные» виды музыки, которые используют звуковые образы в религиозных или светских ритуалах. Функциональные качества присутствовали в культовой и светской музыке до XVIII в., когда появились публичные формы музыкальной жизни, уже свободные от практических функций, но сохранившие связь с бытом или культом. Таким образом, в музыке формируются «музыкально-коммуникативные архетипы», которые представляют первичный уровень восприятия музыкального содержания и используют комплекс неспецифических музыкальных средств. Музыка как часть культуры выполняет информационно-коммуникативную функцию, проникая во все сферы жизни человека. Её язык представляет собой универсальное средство фиксации, хранения и передачи специфических сигналов между поколениями людей. Музыкальное искусство насыщено многообразной

символикой, и жанр выступает в качестве знака, подлежащего рассмотрению.

Жанр представляет собой эстетическую категорию, которая определяет вид или тип произведения в рамках одного искусства, в том числе в музыке. Понятие жанра многогранно, и это объясняется сложившейся ситуацией в музыкальной науке, о чём говорит А. Н. Сохор [12, с. 232]. То есть в музыкальной науке жанр отождествляется с разновидностями музыкальных произведений, которые определяются по различным характеристикам, таким как структура, состав исполнителей, характер и особенности исполнения и т. д. В. А. Цуккерман рассматривал жанр как вид музыкального произведения, который имеет определённые особенности содержания и связан с определённым назначением и типом исполнения. А. Н. Сохор дополняет этот вопрос, уделяя внимание как условиям исполнения, которые объективно соответствуют произведению, так и глубинному изучению дополнительных признаков (таких как форма, исполнительские средства, поэтика и др.) или их сочетанию. Л. А. Мазель указывает, что музыкальные жанры — это виды и разновидности музыкальных произведений, исторически сложившиеся в связи с определённым назначением музыки в различных социальных условиях и с различными условиями исполнения и восприятия музыки. Е. В. Назайкинский определяет жанр как комплексную генетическую структуру, создающую особое художественное целое. Он рассматривает жанр как типовую модель произведения, которая определяет структуру коммуникации, причём коммуникативный контекст не является постоянной «схемой», хотя есть типичная для жанра коммуникативная структура, формирующаяся на основе пространственных условий исполнения и сети разнообразных отношений, связывающих музыкантов-исполнителей и их слушателей [8].

В настоящее время музыкальный жанр как категория музыковедения отражает связь между внешними факторами музыкального творчества и его внутримызыкальными характеристиками. В современной музыкальной науке эксперименты с классификацией жанров вызывают большой интерес, и существующие системы классификации музыкальных жанров определяются критериями, выбранными для этой цели.

А. Н. Сохор, исследуя различные музыкальные жанры, выделяет четыре основных типа: театральные, концертные, массово-бытовые и культовые (обрядовые) (см.: [16] [17] [18] [19]). В разряде так называемых «простых» жанров, представленных одночастными инструмен-

тальными или вокальными пьесами, такими как романс, песня, марш, вальс, прелюдия и другие, А. Н. Сохор указывает на общий принцип различия — их жизненное предназначение, а к сложным составным произведениям (опера, балет, симфония, соната, квартет и др.) он относит преимущественно крупные произведения (см.: [16] [17] [18] [19]).

Как было отмечено, Е. В. Назайкинский стремится следовать традициям классического искусствоведения, опираясь на понятие музыкального произведения («...имеет смысл ориентироваться прежде всего на содержание и средства его воплощения...») [8, с. 94–95]. Но и он, определяя жанр, отходит от прямого указания на классический объект творчества: «Жанр — это многосоставная, совокупная генетическая (можно даже сказать, генная) структура, своеобразная матрица, по которой создаётся то или иное художественное целое» [8, с. 94–95]. Категория «художественное целое» в равной мере может относиться как к музыкальному произведению, так и к музыкальному событию (как и к немusикальным явлениям художественной жизни). Он настаивает и на необходимости разграничения определений жанра в единственном числе, где в силу максимального обобщения отсутствует музыкальная специфика, и во множественном: «Жанры — это исторически сложившиеся относительно устойчивые типы, классы, роды и виды музыкальных произведений, разграничиваемые по ряду критериев, основными из которых являются: а) конкретное жизненное предназначение (общественная, бытовая, художественная функция), б) условия и средства исполнения, в) характер содержания и формы его воплощения» [8, с. 94].

Интересна близость генетического понятия жанра Е. В. Назайкинского с типологией родовых (генетических) правил, регулирующих в своей совокупности ход музыкальных событий по Ф. Фаббри. Итальянский теоретик, в частности, пишет: «Система [жанровая. — *Авт.*], исследованная таким образом, выглядела бы как матрица с рядами правил и столбцов жанров, в которых каждый отдельный элемент a_{ij} будет указывать на значение Правила I для жанра J . Очевидно, что аналогичная матрица может быть использован только для того, чтобы пробудить память исследователя» [16].

Матричная метафора позволяет теоретикам упростить суждение в категориях технического копирования, поскольку картезианская революция привела на рубеже XX–XXI вв. к полному отождествлению категории «практика» с категорией «техника», хотя техникой как композиторское, так и исполнительское музыкальное творчество никогда не

исчерпывалось, а к свободе восприятия музыки слушателем «техника» вообще относится лишь в ином значении слова, в качестве вспомогательного инструмента, обладание которым становится обязательным лишь при восприятии специфических музыкальных жанров электронной и экспериментальной музыки XX–XXI вв. Если техника исполнения как уникальная совокупность виртуозных навыков исполнителя является одним из предметов внимания слушателя, то технические средства изменения качества звучания музыки или средства её фиксации, сохранения и доставки выпадают из орбиты музыкального восприятия.

Музыкальная дидактика, представляющая собой совокупность специально созданной композиторами музыки для детского исполнения, разделяется по дидактической нагрузке на технические упражнения, призванные поэтапно развивать навыки владения детьми того или иного музыкального инструмента, и музыкально-интонационные упражнения, развивающие навыки придания воспроизводимым звукам образно-смыслового содержания в семиотической целостности произведения.

Поликультурный компонент присутствует в чисто технических упражнениях для детей, поскольку ориентирует начинающего музыканта в академическом опыте владения инструментом, накопленном за века развития, прежде всего, европейской академической традиции. Исключением здесь являются этномызыкальные лакуны, связанные с освоением этнических музыкальных инструментов или этнического своеобразия вокальных техник. Но наиболее ярко проявляется этот компонент музыкальной дидактики в образно-интонационных упражнениях, где технические сложности исполнения отходят на второй план. Обратим внимание, что во всей совокупности музыки для детей различных композиторов особое место занимают программные и жанровые миниатюры, заведомо технически упрощённые для исполнения детьми. В таких миниатюрах основной творческой задачей становится не преодоление технических трудностей исполнения, а воплощение музыкального образа. Программный или жанровый заголовок такой миниатюры является своего рода подсказкой для юного музыканта, настраивающей его воображение на сотворчество с композитором в воплощении музыкального образа. Именно в этом контексте исполняемое ребёнком музыкальное произведение становится уникальным событием, занимающим наивысшее положение Дара в иерархической метамодеи ресакрализации духовных практик [15]. В качестве события в данном случае выступает

реализация юным исполнителем музыкального замысла композитора, который, в свою очередь, является Даром академического искусства европейской музыкальной традиции.

Сходство иерархической метамоделли коммуникации в опыте ресакрализации духовных практик освоения юным музыкантом образного содержания музыкального произведения именно с христианской иерархией упрощения семиотических связей (Control → Translation → Convention → Gift: Управление → Трансляция → Конвенция → Дар) [15, р. 33], на наш взгляд, не случайно. Сакрализация духовных ценностей в христианской традиции установления иерархии семиотических связей в рамках коммуникации с нематериальной их сущностью, на наш взгляд, согласуется с этапами освоения нематериальной ценности музыкального образа: юный исполнитель учится управлять своими техническими навыками воплощения музыкального образа, будучи мотивированным практикой трансляции минувшего музыкального события (создания произведения композитором) в потенциальное событие (воплощение замысла композитора), добиваясь максимального эмоционального единства с содержанием музыкального произведения (Конвенции) и получая в итоге Дар эмоциональной сопричастности в музыкальном событии исполнения произведения с художественными устремлениями композитора. На наш взгляд, в процессе освоения юным музыкантом целостности художественного содержания музыкального произведения восстанавливается присущая христианским культурам ценностная матрица коммуникативных связей — структура перехода от управления собой к трансляции содержания произведения, позволяющей осуществить конвенцию композиторского замысла с его непосредственным восприятием, в результате чего в качестве дара передаётся накопленный академической музыкальной культурой опыт в его наиболее комплексном и синкретичном виде.

Культурологическая атрибуция, таким образом, позволяет атрибутировать коммуникативную функцию музыкального жанра как поликультурный компонент музыкальной дидактики академической традиции. Эта функция состоит в установлении и воспроизводстве акта коммуникации различных лагун музыкальной культуры посредством воплощения музыкального замысла с помощью аккумулированного в академической практике опыта.

Следует отметить, что предложенная российскими теоретиками схема иерархической метамоделли коммуникации в опыте ресакрализа-

ции духовных практик [15] применима не только к анализу коммуникативного процесса в рамках освоения музыкальной дидактики. В нашем случае детская музыка выступает хорошо известным большинству музыкантов хрестоматийным эмпирическим материалом, позволяющим проиллюстрировать и описать коммуникативную функцию музыкального жанра. Но подобная схема хорошо просматривается в опыте анализа интонационных связей фольклорных и академических жанров (см.: [10] [11]). Причём в равной мере в подобном анализе могут представлять интерес как дифференциация классической и событийной трактовки музыкального жанра, так и диалектический синтез двух теоретических традиций, позволяющий оценивать уникальность музыкального события (Ф. Фаббри (см. [16] [17] [18] [19]) посредством характеристики элементов музыкального произведения (см.: [8] [7] [4] [3] [5] [6] [9] [12] [11] [10]).

Таким образом, обобщение научных подходов в развитии теории музыкального жанра позволило нам проанализировать и описать коммуникативную функцию музыкального жанра в музыкальной дидактике. Она состоит в установлении и воспроизводстве акта коммуникации различных лакун музыкальной культуры посредством воплощения музыкального замысла с помощью аккумулированного в академической практике опыта.

Литература

1. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // *Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ: материалы междунар. науч.-практ. конфер.* (Москва, 25–26 ноября 2021 г.). М. : МПГУ, 2022. С. 50–61.
2. Бакуменко Г. В. Метатеоретический аспект культурологии // *Культурное наследие — от прошлого к будущему : програм. и тез. докл. V рос. культурологического конгресса с международным участием* (Санкт-Петербург, 8–10 нояб. 2021 г.). М. ; СПб.: Институт Наследия, 2022. С. 39.
3. Бодки Э. Интерпретация клавирных произведений И. С. Баха / пер. А. Майкапар. М. : Музыка, 1989. 388 с.
4. Друскин М. С. Иоганн Себастьян Бах. М. : Музыка, 1982. 383 с.
5. Дятлов Д. А. «Детские сцены» Роберта Шумана: границы, образы, движения // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки.* 2023. № 93. С. 75–86.

6. Лазанчина А. В. Феномен детства в фортепианных циклах Р. Шумана и П. Чайковского // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 1–5. С. 1224–1227.
7. Лазутина Т. В. Символотворчество в музыке И. С. Баха // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300–1. С. 55–60.
8. Назайкинский Е. В. Стиль и жанр в музыке. М. : Владос, 2003. 248 с.
9. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М. : Просвещение, 1967. 200 с.
10. Соколова А. Н. Казачьи мотивы в творчестве Василия Волченко // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 3. Майкоп : [Б. и.], 2004. С. 133–138.
11. Соколова А. Н. Полиморфизм шуточных песен (на материале Кубанских фольклорно-этнографических экспедиций в Темрюкский район Краснодарского края) // Традиционная культура. М., 2020. Т. 21. № 1. С. 52–62.
12. Сохор А. Н. Вопросы социологии и эстетики музыки. Л. : Советский композитор, 1981. 293 с.
13. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6. С. 24–30.
14. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.
15. Vakumenko G., Biryukov I., Scherbak N., and Luginina A. Hierarchical Meta-model of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5. No. 2. P. 15–45.
16. Fabbri F. A Theory of Musical Genres: Two Applications // Tagg.org, 2022–2023 : [сайт]. URL : <https://www.tagg.org/others/ffabbri81a.html> (дата обращения: 26.10.2023).
17. Fabbri F. Il suono in cui viviamo. Milano : Feltrinelli, 1996. 202 p.
18. Fabbri F. Il suono in cui viviamo. 2 ediz. Roma : Arcana, 2002. 260 p.
19. Fabbri F. Il suono in cui viviamo. Saggi sulla popular music. 3 ediz. ampl. Milano : il Saggiatore, 2008. 388 p.

Katarina V. POLYUSHKINA,
Teacher, The Interschool Aesthetic Center,
Krasnodar, Russia,
k9538000@gmail.com.

Communicative Function of the Genre in the Context of the Multicultural Component of Musical Didactics

The paper examines the role of the multicultural component in music didactics with the aim of updating theoretical attention to the communicative function of the musical genre. By summarizing scientific approaches in the development of the theory of a musical genre, the communicative function of a musical genre is revealed, which is to establish and reproduce the act of communication of various gaps in musical culture through the embodiment of a musical concept with the help of experience accumulated in academic practice. Children's music, within the framework of musical didactics, is well-known to most musicians as a textbook empirical material that allows one to illustrate and describe the communicative function of a musical genre. As a theoretical basis for explaining (interpreting) the communicative function of a musical genre in music didactics, we used the hierarchical metamodel of communication, described by Russian theorists based on the experience of resacralization of spiritual practices. The differences between scientists in the interpretation of the musical genre can be overcome by the method of cultural/culturological attribution, which takes into account both the interdisciplinary and metatheoretical potential of cultural studies. The metatheoretical potential of culturological attribution is extremely important, allowing us to see the value of both the differentiation of existing approaches and the value of their dialectical synthesis.

Keywords: musical genre, artistic communication, cultural reproduction, musical didactics, perception of music, children's music, intangible culture, academic musical culture, hierarchical metamodel of communication, resacralization of spiritual practices.

Любовная лирика в эстрадных песнях современного Китая: многообразии художественных образов

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностью лирических эстрадных песен Китая. Эстрадная песня — вид развлекательного музыкального искусства. Китайские эстрадные песни отражают традиции духовной культуры китайского народа. Эстрадная песня передаёт людям различные чувства и эмоции. Благодаря своей массовости и широкой популярности эстрадная песня играла важную роль в эстетическом воспитании подрастающего поколения. Статья опирается на российские и китайские источники.

Ключевые слова: образ, художественный образ, эстрадная песня, любовь, лирика, Китай, «Семь цветов света», «Ты и я», «Многие тысячи раз спрошу», современные эстрадные песни Китая.

Изучение различных национальных культур является одной из актуальных задач современной музыкальной науки. Музыкальное искусство Китая активно развивается, вбирая в себя всю мудрость поколений, народных традиций, а также современных достижений в области художественной культуры. В наши дни эстрадная песня является одним из наиболее популярных жанров композиторского творчества. В статье рассматриваются вопросы, связанные с содержанием художественных образов любовной лирики в эстрадных песнях Китая. До сегодняшних дней данные вопросы всё ещё остаются открытыми.

Прежде всего, необходимо рассмотреть понятие «художественного образа», который определяет основное содержание произведения, его смысл, выразительность, впечатляющую энергию [1]. В словаре по эстетике приведено такое определение: «Художественный образ — специфическая для искусства форма отражения действительности, выражения мыслей и чувств художника. Художественный образ рождается в воображении художника (воображение художественное), воплощается в создаваемом им произведении в той или иной материальной форме (пластической, звуковой, жесто-мимической, словесной) и воссоздаётся воображением воспринимающего искусство зрителя, читателя, слуша-

* МУ Синьюй, аспирант Российской академии музыки имени Гнесиных, Москва, Россия, loawrj0@yandex.ru.

теля» [10, с. 239]. В произведениях музыкального искусства музыканты воплощают свои чувства, мысли, эстетические идеалы, объясняют их сущность и смысл жизни, выражают своё понимание мира.

В музыкальном искусстве художественный образ имеет особую структуру. Так, художественный образ в музыке имеет свою интонацию. В разных жанрах художественный образ воплощается по-разному: то в образе человека, то выступает как образ природы, то как образ отдельной вещи; то соединяет представление о человеческом действии и среды, которые он отражает [10, с. 239].

Художественный образ в музыкальных произведениях иначе называется музыкальным образом. По мнению Б. М. Теплова, «значение музыкального образа является обобщением, которое строится на основе переживания выразительной функции образа. Музыкальные образы обозначают постольку, поскольку они выражают» [8, с. 12]. Образ в музыкальном искусстве определяет эмоциональные содержания и отражает чувственную реакцию человека на действительности.

Песня является жанром вокальной музыки [2, с. 290]. В вокальных жанрах покоряют логикой и красотой. Музыковед А. Б. Шнитке отмечает: «Общеизвестно, что песенный жанр — передовой край нашего искусства» [9, с. 169–168]. В современном обществе эстрадная песня становится быстрее и живее всех других жанров. За последние годы многие эстрадные песни как-то незаметно вошли в нашу жизнь. Они поются на официальных национальных и народных праздниках и так же на небольших дружеских вечеринках. Мы можем отметить, что творчество современных эстрадных песен — это художественный феномен.

Истоки эстрадной песни Китая лежат в ритуальной и народной песнях. Особенно народная китайская песня глубоко пронизывает собой сочинения современных эстрадных песен Китая [12, с. 1]. С 1980-х гг. эстрадное направление в Китае всё более представляет собой течения джаза и рока. Сейчас в Китае эстрадная песня стала самым популярным жанром современности.

Мы отмечали, что все песни содержат образы. Они ассоциируются с определёнными настроениями или событиями. К жанру эстрадных песен относятся различные темы, в том числе и лирическая тема любви, которая является важнейшей в них.

Мы не можем отрицать, что любовь имеет особое значение для жизни человека. В. С. Соловьев утверждал: «Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса

из себя в другое... Это свойственно всякой любви» [6, с. 148]. По мнению Л. С. Зориловой, «любовь — дитя свободы, она усиливает ощущение полноты жизни, ведёт к самообновлению и самообогащению. Любовь направлена на самое прекрасное, возвышенное, дорогое. человек рождается с любовью в сердце и для нее он живет» [3, с. 56–58]. Мы имеем в виду, что любовь — это особый эмоциональный мир, и, конечно, бывают разные виды любви. В повседневной жизни люди слушают эстрадные песни и выражают чувства влюблённости: любовь к жизни, любовь к природе, любовь к родине и любовь к людям. И все эти песни создают свой художественный образ, наполненный любовью, отражающийся в текстах песен, музыкальном материале.

Текст в эстрадной песне — обычно ясный для понимания, достаточно тонкий и удобный для исполнения и запоминания. В таких песнях нашли поэтическое отражение и быт, и стремление, и чаяния, и психологический склад людей. Под этим мы подразумеваем, что любовной лирике помогают раскрываться художественные образы о любви в современных эстрадных песнях.

В данной статье мы бы хотели остановиться на художественных образах любовной лирики в современных эстрадных песнях Китая. Мы привели некоторые примеры эстрадных песен, которые любимы самыми разными категориями слушателей. Рассмотрим следующие примеры.

1. Эстрадная песня «Ты и я» (我和你) (композитор: Чен Циган (陈其钢), слова: Чан Шилэй (常石磊), Ма Вэнь (马文) и Чен Циган (陈其钢), перевод текста: Му Синьюй), написанная для церемонии открытия Олимпийских игр 2008 года:

我和你 心连心
同住地球村
为梦想 千里行
相会在北京
来吧 朋友
我和你 心连心
永远一家人

*Ты и я, сердцем к сердцу,
Живем в глобальной деревне.
За мечтой путешествуем за тысячи миль,
Встретимся в Пекине.
Идите вместе
Ты и я, сердцем к сердцу.
Семья — это навсегда.*

«Жить в глобальной деревне» — все понимают, что мы живём в одном мире. Понятие «всемирная глобальная деревня», разработанное Маршаллом Маклюэном (канадским культурологом и философом)

в его книге «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего» (см.: [11] [4]). Глобализация является характерной чертой процессов изменения структуры мирового хозяйства на протяжении XX–XXI вв. В этой песне каждый человек уважает интересы другого, и мы понимаем: «Ты и я» — два разных мира. Последняя фраза этого сегмента: «Семья — это навсегда», — сразу же нас соотносит с понятием «семья». В этом примере песня оживляет самые искренние думы человека — любовь к жизни, любовь к миру.

2. Эстрадная песня «Семь цветов света» (七色光) (композитор: Сюй Сии, слова: Ли Юронг (徐锡宜), перевод текста: Му Синьюй):

太阳太阳给我们带来七色彩光
照得我们心灵的花朵美丽可爱
今天我们成长在阳光下
明天我们去创造七彩世界太阳
太阳给我们带来七色彩光
照得我们心灵的花朵美丽可爱
今天我们成长在阳光下

*Солнце, Солнце —
для того чтобы принести нам
семь видов света.
Семицветный блеск,
сияние красоты нашей,
красивое и яркое.
Мы растем, Солнце над нами.
Завтра мы создадим
красочный мир, семь цветов.*

Этот пример открывает нам образ «любви к природе». С его помощью песня передаёт людям спокойствие, гармонию и эстетические идеалы прекрасного. Название песни: «Семь цветов света». Солнце — основной источник энергии на Земле, оно поддерживает нашу жизнь. Энергия Солнца может использоваться в различных процессах производства. В тексте песни показана любовь к Солнцу. В настойчивом повторе отдельных слов и словосочетаний (Солнце, свет, мир) автор создаёт подобие поэтической рифмы. В заключительном разделе «Мы растем, солнце над нами. Завтра мы создадим красочный мир, семь цветов», творческий замысел автора достигает своего апогея.

Следует добавить, что в китайской культуре понятие «和 (концепция Хе)» связано с гармонией внутри разной социальной группы. Иероглиф 和 в китайско-русском словаре означает «мир, согласие, гармония» [14, с. 256]. Мы видим слова: «вместе», «сердцем к сердцу», «красочный мир», — все они передают людям особые чувства радости, положительные эмоции и гармонии в душе.

3. Эстрадная песня «Многие тысячи раз спрошу» (千万次的问) (композитор: Лю Хуан (刘欢), слова: Ли Сяомин (李晓明), перевод текста: Му Синьуй):

千万里我追寻着你
可是你却并不在意
你不象是在我梦里
在梦里你是我的唯一
Time and time again you ask me
问我到底爱不爱你

*Я к тебе приблизиться хочу.
Но тебе все равно.
Ты не такой, как была в моем сне.
Во сне ты мой единственный.
Time and time again you ask me.
(Вновь и вновь
ты спрашиваешь меня.)
Спроси меня, как я тебя люблю.*

Знаменитая песня «Многие тысячи раз спрошу» впервые прозвучала в сериале «Пекинец в Нью-Йорке». Сериал стал очень популярным в 1993 г. Его главная тема песни очень понравилась зрителям. Даже на радиостанциях её ставили несколько раз подряд. Простые слова и лёгкая мелодия выражают чувства, мысли и переживания героя сериала. Можно сказать, что особенность этой песни заключается в том, что в ней создан красочный мир: самые яркие и первые эмоции, самая чистая любовь. Мужчину тянет к женщине: «приблизиться хочу». Репликой «спроси меня, как я тебя люблю» он хочет получить ответ и подтверждение любви. Главный герой борется за любовь. Хотя различные жизненные обстоятельства препятствовали его любви, но совсем погасить её так и не смогли. Вопреки нашим желаниям, любовь далеко не всегда делает людей счастливыми. В тексте было столько нежной, проникновенной тоски и одиночества, что слушатели легко сочувствуют героям.

Е. В. Михайлова указывает: «Песенный мир — очень широкий мир, и он доступен для всех, каждый человек найдет в нем что-то свое» [5, с. 144]. Люди слушают музыку, и в уме рождаются эмоции. По словам Б. М. Теплова, «музыкальное переживание по самому существу своему эмоциональное переживание, и иначе как эмоциональным путем нельзя понять содержание музыки» [8, с. 37].

Иными словами, художественные образы любовной лирики в современных эстрадных песнях Китая обусловлены ментальностью народа и его историей. Все эти песни представляют собой самобытный художественный образ в мировой музыкальной культуре. В современных эстрадных песнях Китая семантика словесного текста играет исключи-

тельно важную роль в формировании художественных образов. Именно так: от художественных образов — к песне через жизнь и воображение, от песни — к жизни, от жизни — к творчеству.

Литература

1. Большая российская энциклопедия // Большая российская энциклопедия. URL : <https://bigenc.ru> (дата обращения: 28.09.2022).
2. Булучевский Ю. С., Фомин В. С. Краткий музыкальный словарь. М. : Музыка, 2014. 461 с.
3. Зорилова Л. С. Духовные идеалы личности: теория, история и современные проблемы формирования : дисс. ... д-ра культурологии. М., 1999. 559 с.
4. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. М.: Академический проект, 2005. 495 с.
5. Михайлова Е. В. Концепт «музыка» в поэтических текстах — представителях разных языков и культур. Минск : Тесей, 2009. 188 с.
6. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. М. : Современник, 1991. 525 с.
7. Сумароков А. П. Эпистола о стихотворстве // Русская поэзия. XVIII век. М. : Худож. лит., 1972. С. 164–177.
8. Теплов Б. М. Психология музыкальных способностей. М. : Наука, 2003. 129 с.
9. Шнитке А. Б. Песни А. Петрова 60-х гг. // Критика и музыкознание : сб. статей. Вып. 2. Л. : Музыка, 1980. С. 169–184.
10. Эстетика : словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М. : Политиздат, 1989. 447 с.
11. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto : University of Toronto Press, 1962. 308 p.
12. 尤静波.中国流行音乐简史 [M]. 上海 : 上海音乐出版社, 2015. 106页. [Ты Джингбо. Краткая история китайской популярной музыки. Шанхай : Шанхайское музыкальное изд-во, 2015. 106 с. — на кит. яз.]
13. 童忠良中国传统乐学出版社 : 福建教育出版社, 2004 页数. 448 页. [Издательство традиционной китайской музыки «Тун Чжулян». Фуцзянь : Фуцзяньское образовательное изд-во, 2004. 448 с. — на кит. яз.]
14. 汉俄词典/ 商务印书馆 : 上海, 1989. 1250页. [Китайско-русский словарь. Шанхай : Коммерческое изд-во, 1989. 1250 с. — на кит. яз.]

MU Xinyu,
Postgraduate Student, Gnessin Russian Academy of Music,
Moscow, Russia, loawrj0@yandex.ru.

**Love Lyrics in Pop Songs of Modern China:
Diversity of Artistic Images**

The article deals with issues related to the peculiarity of the lyrical pop songs of China. Pop song is a kind of entertaining musical art. Chinese pop songs reflect the traditions of the spiritual culture of the Chinese people. A pop song conveys different feelings and emotions to people. Due to its mass character and wide popularity, pop song played an important role in the aesthetic education of the younger generation. The article based on Russian and Chinese sources.

Keywords: *image, artistic image, pop song, love, lyrics, China, “Seven Colors of Light”, “You and Me”, “I’ll Ask You Many thousands of times”, modern pop songs of China.*

Чан Жуй*

**Снежный пейзаж
в российской и китайской живописи:
специфика художественного выражения**

Статья посвящена анализу художественных особенностей снежного пейзажа в китайской и российской культурах. Автор рассматривает историю развития этого вида искусства в обеих странах, выделяя три хронологические эпохи: с IV в. до настоящего времени, сравнивая техники и стили китайских и российских художников. В статье подчёркивается влияние климатических условий на тему снега в живописи, а также рассматривается инновационное использование новых медиатехнологий в современном искусстве. На примере комплексного художественного оформления снежной темы церемонии открытия зимних Олимпийских игр двух стран анализируются изменения этой темы в Китае и России с точки зрения инновационных форм и смыслов. Наконец, статистика выставок картин снежных сцен в обеих странах за последние годы показывает, что они вносят особый вклад в художественные и культурные обмены между двумя странами. Автор анализирует разницу и сходство в художественных методах и эстетике между Китаем и Россией, подчёркивает значение культурного обмена и сотрудничества

* ЧАН Жуй, аспирант департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация, chan.zh@dvfu.ru.

в этой области. Статья позволяет лучше понять историю, ценности и техники живописи снежных пейзажей, подчёркивая их значимость в контексте культурных традиций и современных технологий.

Ключевые слова: Китай, Россия, живопись снежного пейзажа, история, живопись тушью, масляная живопись, гравюра, современность, новые медиатехнологии.

Снег — это природное явление, продукт холодного зимнего климата. Особые климатические условия с холодным временем года Китая и России оказывают влияние на появление большого количества картин с изображением снега. Живопись снежного пейзажа характеризуется древними и современными китайскими и зарубежными художниками и учёными как символ чистоты, спокойствия, простоты, пустынного холода. Цель статьи — изучение этой темы пейзажной живописи. Она имеет уникальные художественные характеристики. В России она именуется живописью зимнего пейзажа, а в Китае — живописью снежного, ледяного пейзажа.

В Китае и России существует долгая история исследования этой темы. Исследованиями китайской живописи снежного пейзажа занимались В. Г. Белозерова, Т. М. Степанская, С. А. Ан, М. М. Рынчинова, М. А. Неглинская, Н. С. Лебедев. Ими написаны статьи о китайской пейзажной живописи, приводя ряд мастеров и анализируя отдельные произведения с изображением снега и льда. В России этот вид пейзажной живописи чаще всего описывают художники периода школы передвижных выставок. Китайские учёные располагают относительно полной теоретической системой изучения древней живописи снежных пейзажей.

Однако исследований, посвящённых сравнительному анализу этого вида изобразительного искусства Китая и России, гораздо меньше. Можно назвать монографию «Сравнительное исследование китайского и русского творчества масляной живописи снежно-ледового пейзажа» [14, с. 63–99], статьи «Сравнительное исследование китайской живописи снежно-ледового пейзажа и русской туристической живописи снежного пейзажа» [9, с. 11], «Исследование универсальности китайской и русской акварельной живописи снежного пейзажа» [16, с. 74–75] и др.

Настоящая статья посвящена анализу художественных особенностей произведений живописи снежного пейзажа и изменений, вызванных технологическими инновациями в процессе исторического развития этого вида живописи в двух странах.

Пейзажная живопись (включая и живопись снежного пейзажа) как самостоятельный вид изобразительного искусства появилась в Ки-

тае в IV в. Го Руосюй назвал картины времени династии Сун (960–1279) «живописью пронизательности», а о работе мастера IV–V вв. Гу Кайчжи (348–409) «Очистка снега, глядя на пять старых пиков» сказал, что она «является самой ранней в истории китайской живописи картиной, в которой снег показан в качестве объекта изображения» [10, с. 4]. Живопись снежного пейзажа зародилась в Китае в IV в. и имеет уже историю в 1700 лет.

Автор на основе своего анализа литературы по истории развития этого вида живописи сделал всесторонний обзор с выделением трёх хронологических этапов.

Первый этап периода Цзинь и Сун (348–1279) берёт своё начало с IV века. Этот этап является популярным периодом рисования снежных сцен, а также периодом зрелости технологии рисования снежных сцен тушью.

Второй этап династии Юань вплоть до основания современного Китая (1279–1949) можно характеризовать как период медленного развития. Литераторы, учёные, художники используют тушь и кисть для самообольщения, чтобы выразить свои эмоции и мировоззрение через «чистоту снега, безмятежность, безразличие». Это был также переходный этап первого слияния техники туши и кисти с западной эстетикой.

Третий этап (после 1949 г.) стал переходным периодом, в котором живопись снежного пейзажа продемонстрировала разностороннее и всестороннее развитие.

На первом этапе эпохи Цзинь и Сун (348–1279) живопись снежного пейзажа достигла пика своего развития к концу правления династии Сун. О династии Цзинь сохранились письменные источники, но произведений о снеге нет. Феномен наслаждения снегом, воспевания снега и рисования снега стал широко распространяться с середины правления династии Тан вплоть до её конца, когда Ван Вэй создал метод рисования пейзажа тушью, и до династии Северная Сун, когда панорамный способ рисования снега в северном стиле достиг пика своего развития. Период правления династии Сун является временем пика развития живописи снежного пейзажа, по мнению китайских учёных. Здесь отмечаются и большое количество работ, и разнообразие типов работ, а также то, что императорская политика того времени всемерно благоприятствовала развитию искусства и культуры. Характерный климат, геоморфологические особенности территории правления Северной династии Сун, особенно в зимний период времени, стали питательной основой разви-

Илл. 1. Ван Вэй. «Снежный поток», тушь, шёлк, 36,6 × 30 см, династия Тан (618–907). Тайбэйский национальный дворцовый музей

примеры двух снежных пейзажей, один из которых представляет «южную школу» Дзэн — «Снежный поток» Ван Вэя династии Тан (илл. 1), являющую собой неземную «прекрасную» и «изысканную» живопись снежного пейзажа, а второй из них представляет школу Северной Сун — работа Фань Куань «Снежная карта холодного леса» (илл. 2), которая демонстрирует представление «северной школы» о «великолепной» и «возвышенной» снежной живописи.

Династия Тан была периодом расцвета китайской пейзажной живописи, и картина Ван Вэя «Снежный поток» отражает растущее в культуре понимание эстетической ценности природы, в том числе снежных пейзажей. Автор этой картины оставил свою официальную должность, исповедовал буддизм и жил в уединении в загородном доме недалеко от Чанъани, древней императорской столицы Китая. Он был увлечён поэзией, в которой воспроизводил идиллические пасторальные образы; он также увлечённо занимался живописью, которая перекликалась с его поэзией и мировоззрением. В картине «Снежный поток» автор изобразил озеро, а также окружающие его склоны, покрытые снежным

тия этого вида живописи. Северная династия Сун относится к северной части региона Гуаншань (территория современной провинции Шаньдун). На территории Южной династии Сун картины с изображением снега были отмечены в основном в районе Цзянсу, Чжэцзян, Цзяннань. Северная система пейзажной живописи называется «Северная школа», а Южная — «Цзяннань школа» [15, с. 62–68]. Обе школы того времени называются специалистами одним термином: «Север-Юг Цзун». Некоторые учёные отмечают, что «Север-Юг Цзун» следует рассматривать как обобщение двух эстетических тенденций и стилистических особенностей, а также обобщение работ более поздних художников по снежному пейзажу в ретростиле. Мы приведём

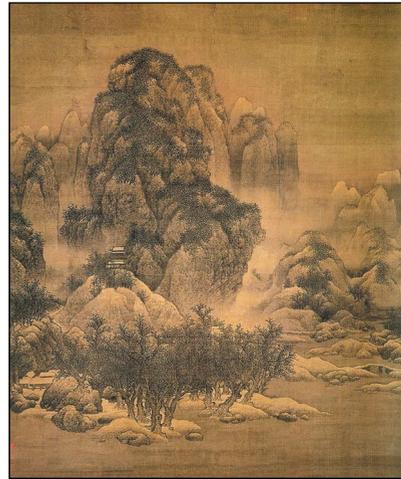

покровом, хижину рыбака и блеклые фигуры. Снег — это не фрагмент, нарисованный на шёлковом холсте; вокруг него более тёмными оттенками туши и линии вырисовываются очертания воды и гор. Безлюдность и холод зимнего пейзажа помогают создать ощущение спокойствия и необъятности природы на фоне активной деятельности человека как силы, оживляющей всё сущее [17].

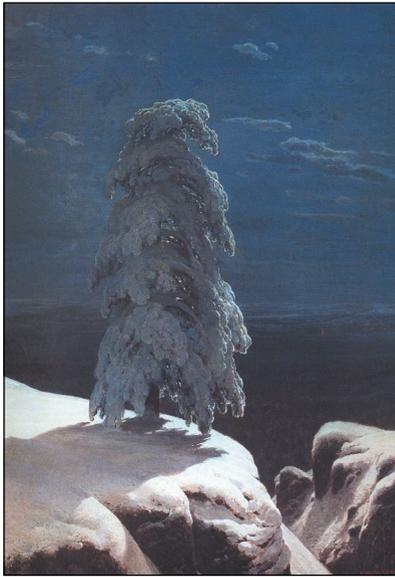
Панорамная композиция великолепной и возвышенной сцены в работе Фань Куаня «Снежный холодный лес» изображает северные зимние горы и реки после снега [12, с. 13–15]. На картине в отдалении за горой возвышается храм Сяо, изображение леса, моста, текущей издалека воды, меандрирующей вниз по течению, — всё это создаёт представление гор и рек после выпадения снега. Вся картина выполнена аккуратно простой и тяжёлой кистью и тушью. Художник использует технику наложения слоёв, чтобы передать текстуру северных гор и скал, делая картину насыщенной и элегантной [13, с. 231]. Реалистичный стиль соответствует идее «науки» династии Сун.

Россия — огромная страна, расположенная на 41–82 градусах северной широты, по географии схожая с Китаем, а по климату — с более продолжительными и холодными зимами. В 1871 г. в России было создано «Общество передвижных художественных выставок» [8, с. 12], а затем и «Школа передвижных выставок», заявившая, что «красота — это жизнь», а снежные пейзажи — важная часть русской жизни. Поэтому снежные сцены стали одной из любимых тем русских художников: А. К. Саврасов «Летит белоклювая ворона», И. И. Левитан «Март», А. И. Куинджи «Пятна лунного света в лесу. Зима», И. И. Шишкин «На далеком Севере» (илл. 3).

На примере снежных сцен в их произведениях отражён характерный реализм художественных приёмов, выражающий стремление к различным снежным приёмам, к различным сценам весеннего, осенне-

Илл. 2. Фань Куань. «Снежная сцена и холодный лес», тушь, шёлк, 193,5×160,3 см, династия Северная Сун (960–1127). Коллекция Тяньцзиньского музея

Илл. 3. И. И. Шишкин. «На севере диком», холст, масло. 161×118 см, 1891 г., Киевская картинная галерея

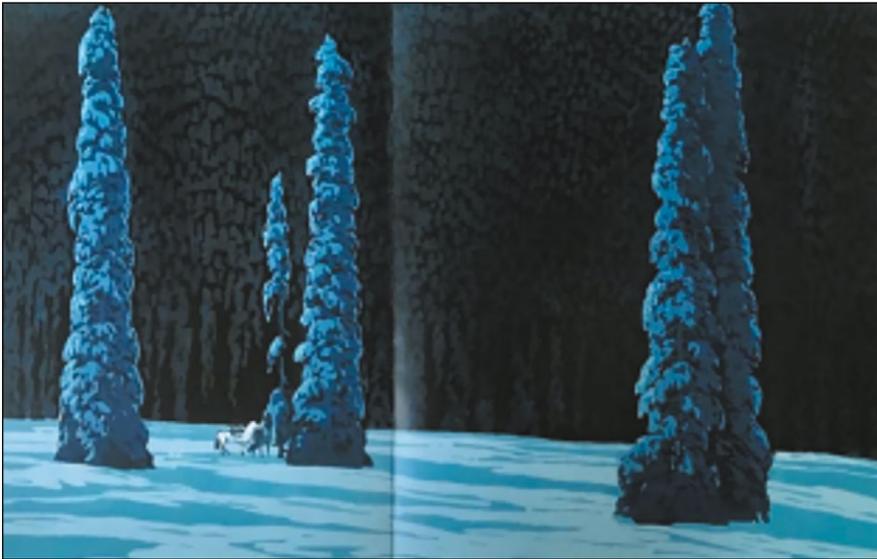
го, зимнего снега, демонстрирующий умение показать перспективу широкого пространства в снежной сцене, передать таинство света в снежной сцене и т. д. Эти работы показывают сочетание стремления художника к свободе и любви с характерными национальными чертами.

Источником для работы «На севере диком» И. И. Шишкина послужил перевод М. Ю. Лермонтовым стихотворения Г. Гейне. Стихотворение Лермонтова было выбрано Шишкиным для иллюстрации готовящегося сборника, посвящённого 50-летию со дня смерти поэта. Как и в поэзии Лермонтова, тема одиночества выражена в реалистическом ключе. На неприступном участке голой скалы среди тьмы, льда и снега стоит одинокая сосна. Луна освещает тенистый

каньон и бесконечную даль, покрытую снегом. Кажется, в этом холодном краю нет никакой другой жизни. Но сосна стойко противостоит морозу и ветру.

Современный северный регион Китая — это обширная территория к северу от линии Циньлин — Хуайхэ, к югу от плато Внутренней Монголии, к востоку от Даксинъаньлин и Тибетского нагорья, к востоку от Бохайского и Жёлтого морей, и включает в себя в основном регионы Гуаньчжун, Гуандун, Северный Китай и Северо-Восточный Китай. Современные картины с изображением снега встречаются в основном в более северных приграничных районах Северо-Восточного Китая. В первые годы основания страны на гравюрах «Великая северная пустыня» в Хэйлунцзяне (илл. 4) холод и безмолвие северных снегов проявляются более отчётливо.

Картина Чао «Кедр» похожа на русскую работу Шишкина «На севере диком». Обе работы выполнены в синих и чёрных тонах, чтобы передать ночной снежный пейзаж. Разница в том, что в гравюрах используется равномерный однотонный накладной ксилографический

Илл. 4. Чао. «Кедр», гравюра. 41×67 см., 1980 г. Фото из архива автора

рисунок, который более декоративен и выразителен в виде точек, линий и поверхностей, сконцентрированных, обобщённых и утончённых. Лес на севере после снегопада пуст, на снегу на переднем плане возвышаются несколько высоких и прямых сосен, два коня на снегу прижимаются друг к другу, луны нет, но есть тени деревьев, неярко оставляющие людей в бесконечной задумчивости. «Снег давит на зеленую сосну, зеленая сосна прямая и ровная», — это также китайское восхваление кедра в стихотворении, подчёркивающее благородство и величие кедра [18, с. 105].

Современные картины с изображением снега Китая и России выполнены различными средствами, такими как тушь, масляная живопись, гравюра, акварель и гуашь, чтобы выразить максимально полно зимние пейзажи своих стран. Изображение снега в современных картинах демонстрирует феномен диверсификации стилей и всестороннего развития материала. Современный XXI в., цифровая эра Интернета, постцифровая эпоха, прогресс науки и техники привносят в это искусство новые возможности и вызовы. Российские художественные сайты появились в 1996 г., в год, когда О. Лялина и А. Шульгин написали первый манифест кибер-арта на русском языке. Центром активности в Интернете является

сайт <https://artcentre.moscow/> [6], где представлены молодые киберхудожники. Огромную роль играет «Лаборатория новых медиа» [4].

Китайские исследования новых медиа стали проводиться в рамках журналистики и коммуникации только с 2005 г., а после 2011 г. соответствующие исследования распространились на промышленность, культуру, образование и другие области [11, с. 49]. Хотя теоретические исследования появились сравнительно поздно, художественная интеграция уже давно проявилась, например, в мультфильме 1941 г. «Принцесса Железный веер» [8], в стиле рисования тушью с выраженным китайским национальным характером. Фильм оказал большое влияние в Китае и даже во всей Азии и открыл прецедент слияния традиционного искусства и нового медиаискусства.

В октябре 2021 г. на конференции «Искусство и культура в мире в XXI веке» В. Р. Аронов отметил начало так называемого перехода от цифровой к более сложной постцифровой эпохе. Эту идею В. Р. Аронов также назвал постцифровым обществом. Некоторые из теоретиков, например Мел Алексенберг или Рой Эскотт, объявили о конце цифровой революции. Период, когда закончилась пандемия коронавируса, был объявлен началом постцифровой эры [3].

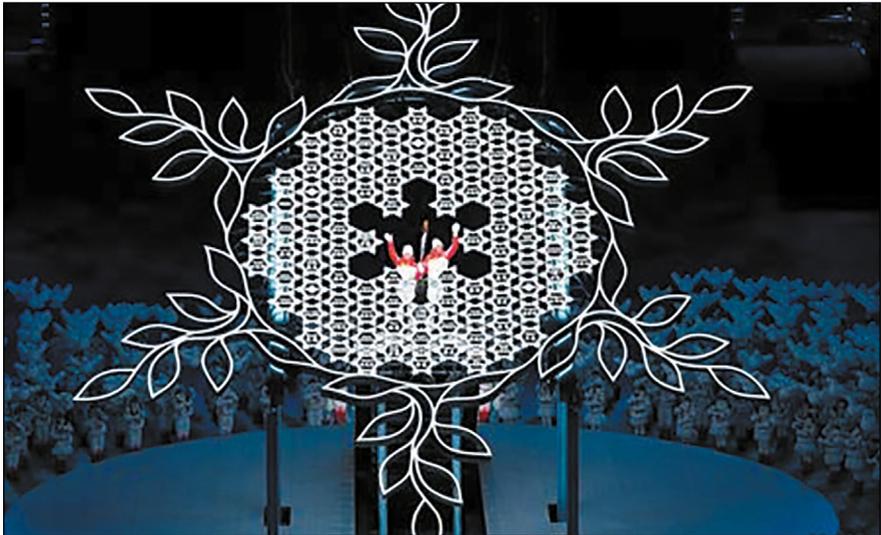
Илл. 5. Зажжение огня на церемонии открытия зимних Олимпийских игр 7 февраля 2014 г. Олимпийский стадион «Фишт», Сочи, Россия. Фото из архива автора

На примере зимних Олимпийских игр 2014 года в России (илл. 5) и 2022 года в Китае (илл. 6) мы можем проанализировать, как интегрированная форма сочетания новых медиатехнологий с художественными представлениями на тему зимних сцен может продемонстрировать традиционное искусство и культуру двух стран с помощью современных технологий. Это исследование развития живописи снежных сцен в современную эпоху и инновационных форм, которые расширились под влиянием технологий.

Церемония открытия зимних Олимпийских игр в России состоялась 7 февраля 2014 г. на олимпийском стадионе «Фишт». Более 3000 человек из творческих коллективов приняли участие в церемонии открытия с выступлениями танцев, балета, акробатики и цирка в сопровождении классической музыки и искусства, демонстрируя долгий исторический путь и знаменитые традиции народа [2]. Выбор места в парке вполне логичен: зрители также смогли насладиться великолепными видами природы. Полупрозрачная крыша из поликарбоната придаёт главному стадиону образ заснеженных вершин, которые гармонично вписываются в панораму ледников Кавказских гор, открывающихся из Имеретинской низменности [1]. Эти виды органично вписались в общий фон созданного визуального эффекта. Открытие Олимпийских игр было связано с наложением: одна из пяти гигантских снежинок, превратившихся в олимпийские кольца, осталась открытой. Эти кадры были временно показаны в российских трансляциях и без проблем заменены на кадры репетиции церемонии открытия. Начало церемонии закрытия намеренно имитировало происшествие на церемонии открытия, когда снежинки медленно раскрывались, образуя пять олимпийских колец, но одна из снежинок не раскрылась. Но в последний момент представления это кольцо раскрылось [7]. Таким образом, в сочетании технологий и искусства возникает множество сложных проблем, предугадать которые невозможно и которые приходится оперативно решать. Эффект, который произвели фигуристка Ирина Роднина и хоккеист Владимир Третьяк, зажёгшие факел в неожиданном зрелище, — прекрасная демонстрация сочетания технологий и искусства.

На церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Китае, состоявшейся 4 февраля 2022 г. на стадионе «Птичье гнездо» в Пекине, использовался целый ряд высокотехнологичных средств. Самый большой в мире светодиодный дисплей был установлен в центре «Птичьего гнезда» и простирался до взлётно-посадочной полосы. Его площадь со-

Илл. 6. Зажжение огня на церемонии открытия зимних Олимпийских игр 4 февраля 2022 г. Национальный стадион Китайской Народной Республики, Пекин, Китай. Фото из архива автора

ставляет около 11 600 квадратных метров [5]. Тематическая песня церемонии открытия «Снежинка», литературное представление «Пять колец льда и снега», «Конструируя снежинку» — ещё более представительное произведение, отражающее междисциплинарное сотрудничество.

Интерактивные устройства, реагирующие на движения танцора, создают удивительные возможности для новых форм современного медиавыхода снежной формы искусства, для трансформации традиционных художественных идей, взятых в качестве основы, благодаря чему с помощью сочетания света, тени и других технологий виртуальный и реальный мир сливаются в единый процесс. Современные медиатехнологии создают из живой инсталляции и производящего её персонажа единое целое, как и в традиционном искусстве снежного пейзажа, неземной, романтической красоты. Прекрасные символы мира, дружбы, единства, святости, открытости и терпимости, наконец, сходятся в концепции «единого мира», которая трансформируется в осязаемое представление (илл. 6).

Изюминка этого художественного визуального праздника заключается в том, что церемония зажжения факела — это не «сокрушающее мир» зрелище, не большой горящий факел, а «микрофакел», вставлен-

ный в «большую снежинку». Выброс углекислого газа главным фактором зимних Олимпийских игр в Пекине составляет лишь пятитысячную долю от выбросов летних Олимпийских игр, что отражает важность защиты окружающей среды, сближает расстояние между природой и человеком, а также является концентрацией художественной концепции постцифровой эпохи.

Китай и Россия провели ряд совместных выставок в области живописи снежного пейзажа. В 2016 г. в Алтайском крае и Сийнцзян-Уйгурском автономном районе состоялась передвижная выставка «Китайская живопись льда и снега — русская живопись маслом». На выставке работ, посвящённой 70-летию установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, 40 % произведений составляла живопись снежного пейзажа. Музей Владивостокского государственного университета экономики и сервиса на Дальнем Востоке в 2019 г. организовал Международную выставку китайской и русской живописи «Лед и снег». Благодаря этим выставкам мы можем увидеть взаимное влияние Китая и России на технику, темы и художественные стили живописи снежного пейзажа.

Одним словом, картины Китая и России, изображающие снежный (зимний) пейзаж, обладают богатым культурным наследием и уникальными формами художественного выражения, подчёркивая стили и особенности различных культурных традиций и выражая региональный и национальный характер культур двух стран. Традиционные картины с изображением снега передают эмоции и ценности художников. Новые медиатехнологии всё больше вовлекаются в творчество художников, новые формы выражения служат искусству, это неизбежная тенденция будущего расширения искусства и инноваций с использованием темы снега, но в процессе интеграции необходимо обращать внимание на то, чтобы больше заботиться о человеческих эмоциях и отношениях, о сохранении смысла и скрытых подтекстов традиционных произведений. Мы надеемся, что Китай и Россия будут организовывать больше мероприятий по снежному искусству в будущем, чтобы способствовать художественному и культурному обмену и укреплению дружбы между двумя странами.

Литература

1. *Акопов С. В.* Национальная идентичность и инновационная символическая политика Сочи-2014 // *Управленческое консультирование.* 2013. № 4. С. 57–61.

2. Коренева М. В., Леонтьева Н. С., Леонтьева Л. С., Шпырня О. В. Церемония открытия XXII Олимпийских зимних игр 2014 года в Сочи: история, особенности и факты // Научный вестник ЮИМ. 2020. № 1. С. 102–107.
3. Сазиков А. В., Эвалльё В. Д. Международная научно-практическая конференция «Медиаискусство. XXI век. Генезис, художественные программы, вопросы образования» // Наука телевидения. 2023. № 1. С. 201–223.
4. Сулова Е. В. Между наукой, техникой и искусством: User Studies и зоны коммуникации в медиаискусстве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 6. С. 13–26.
5. Ху Жуйци. Имиджевая функция спортивного события на примере формирования внутреннего имиджа Китая под влиянием открытия олимпийских игр 2022 в Пекине // Litera. 2022. № 12. С. 1–11.
6. Центр искусств. Москва : [сайт]. URL : <https://artcentre.moscow> (дата обращения: 19.08.2024).
7. Chase Ch. Russia Mocks its Olympic Ring Gaffe during Sochi's Closing Ceremony // ForTheWin : [сайт]. URL : <https://ftw.usatoday.com/2014/02/olympics-closing-ceremony-ring-gaffe-sochi> (Accessed Date: 14.08.2024).
8. Ван Лаймин, Ван Гучан, Ван Чаочэнь и Ван Дихуан. Принцесса Железный веер (мультфильм 1941 г. производства China United Pictures) // Энциклопедия Baidu : [сайт]. URL : <https://baike.baidu.com/item/%E9%93%81%E6%89%87%E5%85%AC%E4%B8%BB/2291> (Accessed Date: 13.08.2024).
9. 王明磊. 中国冰雪山水画与俄罗斯巡回派雪景画的比较研究. 美术研究大舞台, 2014. 07. 第11–12页. [Ван Минглей. Сравнительное исследование китайской живописи снежно-ледового пейзажа и русской туристической школы снежного пейзажа // Этап художественного исследования. 2014. № 07. С. 11–12. — на кит. яз.]
10. 王其祎, (宋)郭若虚撰. 图画见闻志. 辽宁教育出版社, 2001. 39 页. [Ван Цибао. Династия Сун. Го Жосюй : Ляонинское образовательное изд-во, 2001. 39 с. — на кит. яз.]
11. 万永婷. 交互主体性之外的新媒体艺术审美探究. 文艺论坛. 2019. 02. 第48–53页. [Ван Юнтин. Исследование эстетики нового медиаискусства за пределами интерсубъективности // Литературный форум. 2019. № 02. С. 48–53. — на кит. яз.]
12. 李晨泽. 从《雪景寒林图》谈山水画中的冬景表现方法与意境. 美术教育研究. 2022. 24. 第13–15页. [Ли Ченцзе. Рассказываем о методе выражения и художественной концепции зимних пейзажей в пейзажной живописи из «Снежной сцены и карты холодного леса» // Исследование художественного образования. 2022. № 24. С. 13–15. — на кит. яз.]
13. 刘阳. 中国传世名画 山水卷. 阿图什 : 克孜勒苏柯尔克孜文出版社, 2002. 667 页. [Лю Я. Известные китайские картины, переданные из

- поколения в поколение. Пейзажный том. Артуш : Кизилсу Киргизское изд-во, 2002. 667 с. — на кит. яз.]
14. 宋雷. 中俄冰雪油画创作比较研究. 北京 : 中国社会科学出版社, 2020. 5182 页. [Сун Лей. Сравнительное исследование китайского и русского творчества масляной живописи снежно-ледового пейзажа. Пекин : Китайское изд-во социальных наук, 2020. 5182 с. — на кит. яз.]
 15. 张廷波, 孙宇. 南北殊形与图式语境: 董其昌绘画理论背后的文化信息考察. 贵州大学学报(艺术版). 2022. 36 (06). 第62–68页. [Чжан Тинбо, Сунь Юй. Особый контекст формы и узора Севера и Юга: исследование культурной информации, лежащей в основе теории живописи Дун Цичана // Журнал Университета Гуйчжоу. 2022. Т. 36. № 06. С. 62–68. — на кит. яз.]
 16. 胡博, 张永奎. 中俄水彩雪景画的普适性探究. 文化创新比较研究. 2019. 3 (28). 第74–75页 [Ху Бо, Чжан Юнкуй. Исследование универсальности китайской и русской акварельной живописи снежного пейзажа // Сравнительное исследование культурных инноваций. 2019. Т. 3. № 28. С. 74–75. — на кит. яз.]
 17. 陈少辉. 《雪中花》视角下南昌时间视角对王维艺术思想的影响, 《融宝斋》, 2016. 3. 第24–29页. [Чэнь Шаохуэй. Рассмотрение влияния временной перспективы Наньчана на художественную мысль Ван Вэя с точки зрения «Цветов на снегу» // Жунбаожай. 2016. № 3. С. 24–29. — на кит. яз.]
 18. 杨春艳. 晁楣版画风格演变研究. 博士论文. 哈尔滨 : 哈尔滨师范大学, 2021. 210 页. [Ян Чуньянь. Исследование эволюции стиля гравюры Чао Мэй. Харбин : Харбинский пед. ун-т, 2021. 210 с. — на кит. яз.]

CHANG Zhui,

Postgraduate Student, Department of Art and Design,
Far Eastern Federal University, Vladivostok,
Russian Federation, chan.zh@dvfu.ru.

Snow Landscape in Russian and Chinese Painting: Specificity of Artistic Expression

The article analyzes the artistic features of snow landscape painting in Chinese and Russian cultures. The author examines the history of the development of this art form in both countries, highlighting three chronological periods: from the 4th century to the present day, comparing the techniques and styles of Chinese and Russian artists. The article emphasizes the influence of climatic conditions on the theme of snow in painting.

and also considers the innovative use of new media technologies in contemporary art. Using the example of a comprehensive artistic design of the snow theme of the opening ceremony of the Winter Olympic Games of the two countries, the changes in this theme in China and Russia are analyzed from the point of view of innovative forms and meanings. Finally, the statistics of exhibitions of snow scene paintings in both countries in recent years show that they make a special contribution to artistic and cultural exchanges between the two countries. The author analyzes the differences and similarities in artistic methods and aesthetics between China and Russia, emphasizes the importance of cultural exchange and cooperation in this area. The article provides a better understanding of the history, values and techniques of snow landscape painting, emphasizing their significance in the context of cultural traditions and modern technologies.

Keywords: *China, Russia, painting of a snowy landscape, history, ink painting, oil painting, engraving, modernity, new media technologies.*

РАЗДЕЛ 4

ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Ф. О. Мамчуева**

Карачаево-балкарские охотничьи песни в системе национального фольклора

Предмет данного исследования — религиозно-магические верования карачаевцев и балкарцев и их отражения в обрядах и ритуалах, сопровождаемых охотничьими песнями и другими жанрами национального фольклора. Объект исследования — это различные варианты карачаево-балкарских охотничьих песен, в которых рассматривается обращение к божеству охоты, покровителю диких животных Апсаты и его детям, а также обращения к Тейри и к Аллаху с просьбой об удачной охоте; песни, связанные с совершеннолетием молодых охотников, в которых они обращаются к Тотуру (Тотур / Аш-Тотур — покровитель волков) с просьбой об удачной охоте на волка, рысь; песни-притирания и лирические произведения мифологического характера. В результате исследования охотничьих песен нами выделена группа, связанная с обращением охотников уже не только к Апсаты, к Тейри, но и к Аллаху, когда функции языческого божества Апсаты ослабели и перешли к Аллаху. Это охотничьи песни — более позднего периода.

* МАМЧУЕВА Фатима Османовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературы народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, fatima_m73@mail.ru.

Кроме того, выявлены песни, когда одновременно в текстах песен сочетаются языческие представления с мусульманскими.

Ключевые слова: карачаево-балкарские охотничьи песни, систематизация, карачаево-балкарская мифология, архаичные представления, религиозно-магические верования, охотничья обрядовая поэзия, традиционная художественная культура карачаевцев и балкарцев.

Охотничья песня, являясь древнейшим пластом карачаево-балкарского фольклора, отражает архаические представления древних тюрков. Охота была главным источником их хозяйственной деятельности, наполняла тяжелую жизнь людей эстетическим содержанием. Она играла существенную роль в жизни карачаевцев и балкарцев, в результате чего и возникли образ божества охоты и охотничий эпос.

Тематика охотничьих песен весьма многообразна. Сюжеты этих песен связаны с божеством охоты Апсаты и его дочерью Фатимой. Некоторые песни посвящены охотникам Бийнегеру, Боташу, Джантуугану / Жантууган и Тегею. В соответствии с тематикой и сюжетом выстроена и их классификация. Мы придерживаемся классификации Х. Х. Малкондуева (см.: [9] [10]). В результате исследования охотничьих песни мы распределили их по группам. Таким образом, карачаево-балкарские охотничьи песни принято делить на четыре группы:

I группа — это песни, адресованные покровителю диких животных Апсаты и его детям с просьбой об удачной охоте, песни-обращения охотников к Тейри, к Апсаты. Иногда в одной песне наблюдается обращение сразу и к Тейри, и к Апсаты, и к Аллаху. Песни более позднего периода — это песни-обращения охотников к Аллаху [2]. Сюда же относятся песни, сопровождавшие охоту на зубра, медведя, снежного барса и т. д. Примечательны в этом плане «Импровизация охотника», «Охотничья песня». «Другой вариант» Н. Урусбиева и Н. Тульчинского, «Бийнегер», «Апсаты», «Песня об охоте на медведя», «Заговор при стрельбе на барса». «Ууда» («На охоте»), «Ёрюзмек бла акь марал» («Ёрюзмек и белая оленуха»), «Доммай ууда» («Песня нартских охотников на зубра»), «Ой, мараучуну», («Ой, у охотника»), «Апсатыны джыры» — «Песня Апсаты» (см.: [9] [10] [12]);

II группа — это песни, связанные с совершенствованием молодых охотников, которые просят у божества Тотура (Аш-Тотура) удачной охоты на волка, рысь и т. д. В этом плане примечательна песня «Аштотур и князь Баток» (см.: [6] [9] [10]);

III группа — это песни иного рода, то есть, песни-причитания, которые, по нашему мнению, являются охотничьими песнями, так как

в них речь идёт о божестве охоты Апсаты и его дочери Фатиме. К ним относятся такие песни, как «Апсатыны сарыны» («Причитания Апсаты»), «Байдыматны сарыны» («Причитания Байдымат» (дочери Апсаты)), «Айю ананы сарыны» («Причитания медведицы»), «Эчкини сарыны» («Причитания козы»), «Тау эчкини сарыны» («Причитания дикой козы») [10, с. 13–14];

IV группа — это песни балладного типа — «Бийнёгер», «Джантуугъан»/«Жантуугъан» и «Аштотур и князь Баток». Есть десятки вариантов песни и о Бийнёгере, и о Джантуугане — «Бийнёгер», «Джантуугъан». Аккумуляция их в рамках классификационной группы чрезвычайно плодотворно (см.: [11] [15] [13]).

Х. Х. Малкондуев ввел классификацию охотничьих песен, которая состояла из двух групп. Мы же дополнили эту классификацию ещё двумя группами, включив сюда же песни-причитания и песни о трагической судьбе охотников Бийнёгера и Джантуугана. Об этом говорил Х. Х. Малкондуев в одном из своих исследований, но не выделил их в какую-либо группу. Мы же считаем, что эти тематически представленные охотничьи песни — важная часть произведений данного фольклорного жанра.

Цикл охотничьих песен представил многообразие данного жанра. В охотничьей поэзии карачаевцев и балкарцев выделяются песни-молитвы, песни-величания, песни-требования, песни-посвящения, песни-просьбы, кроме того, часто встречаются песни-обращения, песни-благопожелания.

Первые публикации об охотничьем мифе и фольклоре карачаевцев и балкарцев были опубликованы во второй половине XIX в. на страницах многих газет и журналов, таких как «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кубанские (войсковые) областные ведомости», «Терские ведомости», «Пятигорское эхо», «Кавказские минеральные воды», «Вестник Европы», «Этнографическое обозрение». В этом плане примечательны публикации Н. П. Тульчинского и представленные в них охотничьи песни — «Импровизация охотника», «Охотничья песня» и «Другой вариант».

Тульчинский отмечает, что первый и третий тексты заимствованы «из тетрадей Науруза Исмаиловича Урусбиева» (см.: [5, с. 23] [17]). Об истории этой тетради в своём исследовании «От Казбека к Эльбрусу» писал С. Анисимов: «Еще в 1868 г. известный английский альпинист Дуглас Фрешфильд оставил в семье Урусбиевых переплетенную тетрадь,

в которую записал своё восхождение на вершину Эльбруса с проводником Ахией из Урусбиева и с двумя альпийскими проводниками Тукером и Муром. С тех пор в эту книгу вносили свои записи все, кто бывал в Урусбиево и останавливался в кунацкой Урусбиевых. Всем им Урусбиевы оказывали самый радушный приём, о котором и сейчас свидетельствуют их признательные записи, оставленные в названной тетради. Она хранится и теперь ещё в роду Урусбиевых» [1, с. 93]. А Науруз Урусбиев и его братья тоже стали записывать собранные ими фольклорные произведения в эту тетрадь.

Стоит отметить, что дореволюционная публикация Н. П. Тульчинского издана на русском языке, а оригинальный текст на карачаевском языке не сохранился. Эти произведения фольклорно-этнографического характера отражают горский мир, его этнографические реалии, правила поведения и охотничий кодекс карачаевцев и балкарцев. Эта дореволюционная публикация появилась благодаря Н. И. Урусбиеву, так как именно он, знаток карачаево-балкарского устного народного творчества, одним из первых стал собирать и записывать национальный фольклор, переводил и объяснял нюансы и особенности охотничьих песен, многообразие жанровых форм фольклорных произведений. Поэтому эта публикация — уникальный фольклорный памятник карачаевцев и балкарцев, отражающий охотничий фольклор, его традиции и обряды.

Следует отметить, что самыми архаичными песнями являются произведения, в которых вообще не упоминается божество и не называется животное, на которое собираются охотиться. Примечательна в этом плане песня Н. И. Урусбиева и Н. П. Тульчинского «Импровизация охотника»:

*Дай мне лежащего на белом снегу,
Дай мне дергающего белую отаву,
Дай мне ходящих по самым вершинам,
Дай мне пребывающих в глубоких балках!
На горе ходящего пусть хребет перебьется!* [5, с. 247]

Охотники не просят добычу, а требуют. Охотничьи песни названной публикации — песни-обращения/требования охотников к покровителю диких животных и божеству охоты Апсаты и его дочери Фатимы с просьбой послать им богатую добычу и удачную охоту. Требуют непременно благородного зверя, прямо называя его:

О, дай в лошадь величины ушастую лань
И кабана с клыками дай,
Дай оголенного оленя!
Убивающий пусть тоже убивает
И пусть отовсюду счастье несет! [5, с. 246]

А иногда они не называют животного, которого хотели бы увидеть по пути во время охоты, но понятно из слов песни, что на самой вершине горы много сочной травы, и оно (животное) будет большим и упитанным:

Дай мне ходящих по самым вершинам,
Дай мне пребывающих в глубоких балках,
На горе ходящего пусть хребет перебьется!
Пусть находящегося в балке ноги перебьются! [5, с. 247]

Охотничьи песни «Импровизация охотника», «Охотничья песня» и «Другой вариант охотничьей песни» — публикации Н. П. Тульчинского. Они содержат обращение охотника к Фатиме — дочери языческого покровителя охотников Апсаты с просьбой послать богатую добычу на охоте:

Ой, княгиня Фатима, баксанский праздник!
Поступь охотника пусть будет тверда,
Пущенная им пуля пусть не сбивается;
Сбившаяся пуля пусть в почки попадѣт¹. [5, с. 246]

Самые многочисленные обрядовые песни-молитвы посвящены покровителю диких животных и божеству охоты Апсаты, а также его детям — дочерям и сыновьям божества. Примечательны в этом плане песни «Апсаты». Страх человека перед природой возникал из-за непонимания, поэтому они пытались задобрить божество, обращаясь к нему с просьбой-молитвой, пожалеть его и послать или позволить поймать богатую добычу:

Орайда, кюнюм кыынылы,
Уллу джугьутурну союм эт,
Орайда, кюнюм кыынылы,
Берсин бизге базык боюнлу,
Сени джугьутурунг
къаллай союмду... [7, с. 45]

Орайда, день мой трудовой!
Большого тура дай в добычу,
Орайда, день мой трудовой!
Пусть даст нам толстошеего,
Какая добыча твой тур.

(подстрочный перевод Р. Ортабаевой)

Другая группа охотничьих песен — это тоже своего рода песни гимнического характера. Перульчешное требование, выдвинутое охотниками в адрес недрожки, а затем и на всю охотничью общину, было сезонным. Указанная песня оригинальный текст на карачаевском языке не сохранился.

оптимистична, ощущается бодрость и лёгкость, что подтверждает текст произведения:

*Танг болады, джаным джашила,
туругъуз!
Аджаллыгъа сауут-саба къуругъуз!
[7, с. 45–46]*

Утро настает, дорогие ребята,
вставайте!
На обреченного ружье направьте!
(подстрочный перевод Р. Ортабаевой)

Вторая часть песни «Апсаты» — обращение с элементами требования, многократное повторение слова «дай» придаёт песне некую эмоциональность, подъём настроения:

*Аджаллынг тюбесин аллыма
Бермесин тушман къаллыма,
Бермесин тушман къаллыма,
Берир болсанг, тыя келгин аллыма...
Да бер, къурманынг болайым,
Барды сени къулакъ сайын малларынг.
Берир малынгы бер, хайда,
Бермез малынгы кери айда.
[7, с. 45–46]*

Тобой на смерть обреченного (тура)
пусть встречу я,
Пусть не дает (Апсаты) добычу моему
кровному врагу,
Если намерен дать мне добычу, заво-
рачивай мне навстречу.
Если у тебя в ущельях есть живность,
Дай же, молю тебя,
Живность, которую дашь, гони сюда,
Живность, которую не дашь, гони
прочь.
(подстрочный перевод Р. Ортабаевой)

Большая часть песен посвящена божеству охоты Апсаты и его дочерям:

*Апсатыны сары чачлы къызлары,
Бизге онг болгъанды басхан ызлары.
Болур танг къызлары гошалар...
Сени джугъутурунг — чунакъ
къулакълы,
Сени эчкилеринг эгиз улакълы.
Эгиз улакъладан тигим этсенг а.
Сени бери кюнюнг — сют кибик.
Бермез кюнюнгде айландыраса
ит кибик.
[7, с. 45–46] [8, с. 34–35]*

У Апсаты золотоволосые дочери,
Нам дают счастья их следы.
Есть хорошие дочери-невестки...
Твой козёл — короткоухий,
Твои козы приносят козлят-двойнят.
Двойнятами-козлятами угости нас.
День, когда ты дашь (добычу), светел,
как молоко,
В день, когда ты не даешь, гоняешь
(нас) как собак.
(подстрочный перевод Р. Ортабаевой)

Если первая часть песни — это песни гимнического характера, то во второй части произведения, охотники, надеясь на щедрость дочерей

Апсаты, восхваляют красоту и богатство его дочерей. Тональность второй части иная — охотники уже требуют добычу.

Следовательно, охотничья песня «Апсаты» — это фольклорное произведение гимнического характера, которую в кругу охотников поёт опытный охотник пожилого возраста. В ней конкретно охотниками указывается их желание получить от щедрого Апсаты определённых животных — коз, козлят-близнецов. На охоте, как и в жизни горцев, придерживались беспрекословного исполнения определённых традиций и правил. Поэтому понятно уважительное отношение к старшему, опытному охотнику. Охотники, обращаясь к Апсаты, просят его позволить старому охотнику подстрелить тура, а молодым — козлёнка.

Часть песен, посвящённая божеству охоты, интересна тем, что в ней представлены различные имена, под которыми подразумевается Апсаты, показывая его благородство, гостеприимство например: *Акьсакьбал* (Белобородый), *Кьонакьбай* (Гостеприимный), *Сокьур* (Слепой) — это иносказательные имена божества охоты. Обращение охотников к Апсаты:

Ой, <i>Байчомарт</i> ¹ , ой,	Ой, Байчомарт, ой,
Ой, биз келгенбиз джыйымдыкьла,	Ой, плачем, находимся (лежим),
О, джыйылабыз, джатабыз, тар кьошунга в твоем тесном коше.	
сьйына	
Ай, ой, Апсаты,	Ай, ой, Апсаты,
Малгар маталлы,	Бывали у тебя охотники.
Мараучуларынг болуучу эди	Ай, старым-молодым давал
Ай, кьартга-джашха бериучо эдинг тенг	ты одинаковые доли.
юлюш.	
Ай, ой, Апсаты,	Ай, ой, Апсаты,
Тау башында отлаучу элле	На вершинах горы обычно паслись.
Ай, ол Апсатыны, дейди,	Это все принадлежит Апсаты,
Ай, <i>Кьарт Джугьутур</i> ,	Ай, <i>Кьарт Джугьутур</i> ² ,
ой, Апсаты, ай,	ой, Апсаты, ай,

¹ Чомарт, Байчомарт — Щедрый, одно из имён божества охоты Апсаты.

² Кьарт Джугьутур — Старый Тур, одно из имён божества охоты Апсаты.

Ай, алтын джазыгулу ушкогум,
Тот болгъанды, атар кююнюнде
атмайды,

Тау башында ол заманда
джатмайды...
джазмы этдик, ой, Апсаты,
Этгенибиз ашхымы эди, базмы эди?
[4, с. 325–326]

Ай, мое золотое ружье.
Ружье заржавело, в день
выстрела не стреляет (В тот
день, когда нужно стрелять),
когда нужно
На вершине горы в то время
он не лежит,
Ой, Апсаты, лучше мы сделали
или хуже?

(подстрочный перевод
Ф. Мамчуевой)

Перечисленные имена Апсаты показывают мощь и силу, чуткость, доброту и щедрость этого образа. Но иногда эти имена нужны были для маскировки. Например, одно из имён Апсаты, Сокъур (Слепой), иногда было необходимо ему (божеству), чтобы видеть кто и как охотится, поэтому он представлялся перед ними слепым и слабым.

Следует отметить, что охотники не только пели песни, а проводили ещё различные обряды. Они (охотники), считали, что совершение этих действий способствует благосклонному отношению Апсаты к ним. Так, балкарский фольклорист и нартовед М. Ч. Джуртубаев описывает интересный охотничий обряд, которым пользовались охотники. За горой сванские охотники убивают волка, снимают его шкуру и делают из неё чучело. Чучело и стрелы, которые принесли с собой охотники, ставили рядом с дарами, предназначенными для Апсаты, а чучело стояло рядом, чтобы можно было пострелять из лука, исполняя обряд «Уихула салыу» — «Установка чучела». Далее пели песню «Къара малны башыды» («Голова черного животного»). Перед тем как отправиться на охоту, не устраивая шума, резали годовалого барана. Сняв осторожно с него шкуру, набивали её сухой соломой и брали с собой. Голову и лопатки барана приносили с собой в дар Апсаты¹ и на расстоянии выстрела тетивы лука оставляли там. Когда совершали этот обряд, пели такую песню:

¹ У карачаевцев и балкарцев самыми лучшими частями барана считались его голова и лопатка. И охотники, одаривая бога Апсаты, пытались умилизовать его и расположить к себе. Эта «доля Апсаты», предназначенная для Апсаты, своего рода знак почитания и уважения Апсаты охотниками.

*Къара малны башыды,
Чомарт бийни ашыды!
Сен бергенни беребиз,
Сени сыйлы кёребиз,*

*Санга, ойра, базынып,
Берирсе деп келебиз!
Берсенг бизге семиз кийикни,*

*Эти — бизни, териси — сени,
Былай келген уучуну да
Алгъаны — сени, алгъышы — сени!
Акъ Апсаты, сакъ Апсаты,
Биз ге бай учала сал, Апсаты!
Табу, табу, Апсаты, табу!
[4, с. 233]*

Голова черного животного,
Пища князя Чомарта,
Мы тебя почитаем,
Тебе, мы, ойра, доверяем (примешь
нас правильно),
Мы идем в надежде, что ты нас
одаришь (мы идем, верим),
Если дашь нам упитанных
животных,
Мясо — наше, шкура — твоя,
Что приобрел (в охоте) — охотнику,
Что взял — твое,
Благопожелания — твои!
Белый Апсаты, чуткий Апсаты,
Табу, табу, Апсаты, табу!

*(подстрочный перевод
Ф. Мамчуевой)*

Кроме проведения охотничьих обрядов, ещё одно действие, на наш взгляд, особенно важно. Оно было необходимо для того, чтобы расположить к себе таких божеств, как Апсаты, Тотур¹ и Байрым-Бийче². Бабушка или мать начинающих охотников пекла ритуальные пироги, чтобы охота была успешной, пытаясь, таким образом, найти защиту и покровительство у богини материнства Байрым-Бийче и покровителя охоты и волков Тотура, обращалась к ним с песней-заговором:

*Байрым, Байрым, сау
Джюрютгю баламы,
Тотур, Тотур, къаялада
айланыучу къаламы,
бёрю тишден, сюлёусюн
тырнакъдан бир сакъла
Уучу джолуна ариу кёзден
бир къара.
[9, с. 73]*

Байрым, Байрым,
Стань оберегом для моего дитя,
Тотур, Тотур, мой дом среди скал,
убереги от клыков (зубов) волка,
от когтей рыси.

Эту тропу охотничью благослови-ка.

*(подстрочный перевод
Ф. Мамчуевой)*

¹ Тотур/Аштотур — божество, покровитель, хозяин волков, который мог насылать волков на стадо неугодного ему человека.

² Байрым-Бийче (Святая Мария) — богиня, покровительница материнства.

Часть охотничьих песен — это фольклорные произведения, связанные с обращением охотников к Тейри:

Ой, табу, ой, онг бергин,

Ашхы Тейри, бир баргъанлай, онг бергин!

[4, с. 317]

«Ой, с удовольствием, ой, дай мне удачу,
Великий Тейри, как пойду, дай мне удачу!»

(подстрочный перевод
Ф. Мамчуевой)

*Орайда, биз джатабыз,
тар къошунга сыйына,
Орайда, ашхы Тейри,
бизни бююн сыйлачы,
Орайда, ауур бёксюмле кётюртюп
къыйначы! [4, с. 318]*

Орайда, башиларыбызда алады Чолпан,

Чолпан ол туманлы, ай, Тейри, ачар,

*Орайда, мудах да ол джюреклени
Бююн Тейри ачар. [8, с. 497]*

«Орайда, мы отдыхаем,
поместившись в тесном коше,
Орайда, великий Тейри,
сегодня нас награди,
Орайда, нас тяжелой
ношей нагрузи,
Орайда, над нами алая вечерняя
звезда.
Звезда эта, эти туманы, ай, Тейри,
разгонит,
Орайда, наши печальные сердца.
Сегодня Тейри обрадует наши
сердца!»

(подстрочный перевод
Ф. Мамчуевой)

*Орайда, биз келебиз санга,
Тейри, табына,
Орайда, ай, табу, энишге
айлансанг а,
Джугъутур башилагъа абына!
[3, с. 4]*

Орайда, мы пришли к тебе, Тейри,
поклоняясь.
Орайда, ай, с удовольствием
повернись вниз
(Посмотри на нас вниз и пойми,
пожалей нас),
Спотыкаясь о головы туров,
Ушел от них гнев, вражда во мне
играла.
Тейри! Буду жив, вернусь, подоив
Акмарала!
Ойра о, Акмарала!

(перевод Ф. Мамчуевой)

Итак, различные варианты охотничьих песен показывают, что также есть варианты охотничьих песен гимнического характера, в которых охотники обращаются и к Апсаты, иногда к Тейри:

Орайда! Сейирсин уучу Тейриге
жырласын.
Къыйын джолда нёгер игилени
сайласын.
Орайда! Ахшы нёгерсиз уучу болалмаз!

Орайда! Тау башында да юйю болур
уучуну,
Чола малны да сансыз ол а джоймайды.

Орайда! Уучугъа да махтау болсун
дунияда.....

Орайда! Уучулагъа тырман
Тейри этмесин! [16, с. 225]

Орайда! Чтобы с восхищением
воспевал охотник Тейри!
На трудный промысел, чтобы без
верных друзей он не был.

Орайда! Дом охотника расположен
на вершине горы.

Свободные стада он безумно не
уничтожает.

Орайда! Чтобы восхваляли всем
миром охотника!

Орайда! Пойдите, посмотрите на
ложбины, по которым он ходит,
Удивитесь охотничьей тяжелой
жизни.

Орайда! Чтобы не хулили охотников
Тейри.

*(подстрочный перевод
Х. Х. Малкондуева)*

Следующие варианты фольклорных произведений — это цикл охотничьих песен, связанных с обращениями охотников уже не к Апсаты, а к Аллаху. Во всех их вариантах охотники просят у Аллаха богатой добычи и удачной охоты. Это гимнические, или величальные песни, иногда это песни-требования.

Это песни более позднего периода, которые отличаются от ранних архаичных песен. В них отмечается наличие термина «Аллах — Бог» — «Ай, пусть Аллах побольше [добычи] даст, побыстрее пошлет»; «Падет же теперь проклятье Аллаха (т. е. тяжела ноша, далек путь)»; благопожеланий: «Пусть Аллах пошлет нам много [добычи]»; «Ай, пусть Аллах побольше [добычи] даст, побыстрее пошлет». Стилистике названных охотничьих песен свойственно наличие различных тропов — эпитетов: «короткопалый охотник», «белобородый Апсаты», «старый тур», «великий Апсаты», «с золотой насечкой горское ружье мое»; сравнений: «мучая меня бедного, как собаку»; «охотники твои [выносливы], как мингрельские кони».

Обращение то к Аллаху, то к Апсаты с просьбой-молитвой об удачной охоте. Так же, как и в ранних песнях, охотники рассчитывают на благосклонное их отношение к ним, их доброту и щедрость, предчувствуют радость от успешной охоты. Кроме того, в этих песнях упоминается впервые балкарское ружье охотников, описывается его красота:

*Джугьутур излей, уллу Апсатыгъа
баргъанды.*

*Ай, алтын джазыулу ушкогум,
Тот болгъанды, атар кюнюнде
атмайды.*

*Ай, къарт джугьутур¹, ой, Апсаты,
(ссылка — имя Апсаты)*

*Тау башында ол заманда джатмайды.
Ай, Аллах кеп берсин, терк берсин,*

*Кюн аллына мен харипни къыйынымы
тас этмей.*

*Ай, мен къайтырма ол заманда,
Толу муратыма мен джетмей.*

*Ой, ёлтюргененг, ёлтюрдюнг,
Эки улоу бла кюн аллына толу
келтирдинг. [16, с. 226]*

В поисках тура к великому Апсаты
пошел,

Ай, золотоствольное ружье мое,
Заржавело, не стреляет в день
стрельбы,

Ай, старый тур, ой, Апсаты,

В то время в горах не спит.

Ай, чтобы Аллах, пусть много даст,
быстро даст,

К восходу солнца, не мучая меня,
несчастливого!

Ай, я верну в то время,

Пока не добьюсь своей цели,

Ой, подстрелил ты, подстрелил ты,
Два полных груза к восходу солнца
ты привез.

*(подстрочный перевод
Ф. Мамчуровой)*

Песни-обращения охотников к Аллаху напоминают те же песни, связанные с обращениями охотников к Апсаты и Тейри. Те же упоминания златовласых дочерей Апсаты, сетования на тяжёлую долю несчастного охотника, «то, что нам Бог не дал, животным для нас не станет». Охотничьи песни более позднего периода отличаются воспеванием уже Аллаха, иногда и Апсаты.

Таким образом, представленная классификация Х. Х. Малкондуева и дополненная нами (см.: [14] [12]) представляет различные фольклорные произведения. Они связаны с обращением охотников к Апсаты и к Тейри. Более поздние произведения, связанные с обращением охотников к Аллаху, являются гимническими, или величальными песнями. Иногда это песни-просьбы, чаще песни-требования, песни-обращения охотников то к Апсаты, то к Тейри, то к Аллаху с просьбу послать им щедрую добычу и удачную охоту. Охотничьи песни более позднего периода (здесь речь идёт не о коллективной, а об индивидуальной охоте, наблюдается имущественное неравенство) — это песни, в которых главное действующее лицо уже не божество охоты, а сам охотник, ко-

¹ Къарт Джугьутур — Старый Тур — одно из имён божества охоты Апсаты.

торый пытается управлять и другими охотниками. Заметна тенденция замещения мифологического божества земным владыкой. В результате исследования нами представлены не только охотничьи песни, а также обряды, отражающие языческие представления карачаевцев и балкарцев. А представленная классификация песен показывает общность социальной жизни, мироощущение и материальную духовную культуру карачаевцев и балкарцев.

Литература

1. *Анисимов С. С.* От Казбека к Эльбрусу. М. ; Ленинград : Госиздат, 1928. 272 с.
2. Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. 1 : Мифологические и обрядовые песни и наигрыши / сост. А. И. Рахаев, Х. Х. Малкондуев. Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 432 с.
3. Бийнёгер. Карачаевская народная поэма / сост. М. А. Хабичев. Черкесск : Ставропольское кн. изд-во, 1984. 48 с.
4. Карачаево-балкарские мифы : На балкарском, русском языках / сост. М. Ч. Джуртубаев. Нальчик : Эльбрус, 2007. 497 с.
5. 5. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. ст. и комм. А. И. Алиевой. Нальчик : Эльбрус, 1983. 433 с.
6. Карачаево-балкарский фольклор / сост. Т. М. Хаджиева. Нальчик : Эль-Фа, 1996. 592 с.
7. Карачаевские народные песни / сост. С. А. Гочияева, Р. А.-К. Ортабаева, Х. И. Суюнчев (на карачаевском языке). М. : Главная редакция восточной литературы, 1969. 277 с.
8. Карачаевские старинные песни / сост. М. А. Дудов, Х. О. Лайпанов. Микоян-Шахар : [Б. и.], 1940. 92 с.
9. *Малкондуев Х. Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик : Эль-Фа, 1996. 273 с.
10. *Малкондуев Х. Х.* Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI–XIX вв. Нальчик : Эль-Фа, 2000. Ч. 1. 320 с.
11. *Мамчуева Ф. О.* Карачаево-балкарская охотничья поэзия в этнографических трудах Н. Урусбиева и Н. Тульчинского (вторая половина XIX в.) // Языки и литературы в поликультурном пространстве России:

- современное состояние и перспективы развития : материалы всерос. науч. конфер. с междунар. участ., посвящ. 80-летию со дня рождения С. М. Акачиевой (Карачаевск, 31 мая — 01 июня 2018 г.). Карачаевск : КЧГУ, 2018. С. 187–193.
12. *Мамчуева Ф. О.* Карачаево-балкарские охотничьи песни: классификация, сюжетность, общие и отличительные особенности // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития : материалы межрегион. науч.-практ. конфер. с междунар. участ. (Черкесск, 23 мая 2019 г.). Черкесск ; Карачаевск : КЧГУ, 2019. С. 262–268.
 13. *Мамчуева Ф. О.* Карачаево-балкарские и грузинские песни и предания как отражение охотничьего мира этносов // Перспективы развития грузино-осетинских отношений : материалы V междунар. науч. конфер., посвящ. Михаилу Кипиани и Коста Хетагурову (Тбилиси, 13–15 октября 2019 г.). Тбилиси : Тбилисский гос. ун-т имени Иванэ Джавахишвили, 2019. С. 183–190.
 14. *Мамчуева Ф. О.* Образ божества охоты в карачаевской и осетинской традиционной культуре: сравнительно-сопоставительный аспект (в карачаево-балкарских и осетинских охотничьих песнях и легендах) // Всероссийские Миллеровские чтения. Вып. VI. Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. С. 53–61.
 15. *Мамчуева Ф. О.* Сюжетика охотничьих песен в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации : сб. науч. тр. Вып. V. Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. С. 68–79.
 16. Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев: нартский эпос (Мифологическая и обрядовая поэзия) / сост., вступ. ст. Т. М. Хаджиевой. Нальчик : Эльбрус, 1988. 304 с.
 17. *Тульчинский Н. П.* Поэмы, легенды, песни, сказки пословицы горских татар Нальчинского округа Терской области // Терский сборник на 1904 год. Вып. 6. Владикавказ : [Б. и.], 1903. С. 249–334.

Fatima O. MAMCHUEVA,
Cand. Sci. (Russian Literature and Literatures
of the Peoples of the Russian Federation), Leading Researcher,
Department for Literature of the Peoples of Karachay-Cherkessia,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies, Cherkessk,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, fatima_m73@mail.ru.

Karachay-Balkar Hunting Songs in the System of National Folklore

The subject of this study is the religious and magical beliefs of the Karachai and Balkars reflected in rituals and rituals accompanied by hunting songs and other genres of national folklore. The object of the study is various versions of Karachay-Balkarian hunting songs, which consider an appeal to the deity of hunting, the patron saint of wild animals Apsata and his children, as well as appeals to Teiri and Allah with a request for a successful hunt; songs related to the coming of age of young hunters, in which they turn to Totur (Totur / Ash-Totur — the patron saint of wolves) with a request for a successful hunt for a wolf, lynx; lamentation songs and lyrical works of a mythological nature. As a result of the study of hunting songs, we have identified a group associated with the appeal of hunters not only to Apsats, to Teiri, but also to Allah, when the functions of the pagan deity Apsats weakened and passed to Allah. These are hunting songs from a later period. In addition, there are identified songs in which pagan ideas combined with Muslim ones in the lyrics at the same time.

Keywords: Karachay-Balkarian hunting songs, systematization, Karachay-Balkarian mythology, archaic ideas, religious and magical beliefs, hunting ritual poetry, traditional artistic culture of Karachay and Balkars.

Н. В. Галимова*

Графическое искусство Кабардино-Балкарии: культурно-исторический аспект

В статье рассматриваются основные тенденции становления графического творчества в рамках культурно-исторических процессов, сопровождающих формирование профессиональной изобразительной культуры Кабардино-Балкарии. Анализируя структурные особенности графического творчества, автор рассматривает их как социокультурную деятельность, представленную разными формами народного художественного искусства. Постановка этих проблем поможет уточнить представления об основных чертах символично-графического формообразования, которое существует в самых разных практиках традиционного художественного творчества. Отсюда правомерность для данной разработки выявления художественного своеобразия графического языка, включённого в сложную образно-символическую систему традиционного народного искусства, раскрывающего духовную культуру этносов. В ходе проведённой работы выявлены и теоретически обоснованы концепции и стилеобразующие черты «национального» графического искусства. Теоретико-методологической основой исследования явились историко-культурные принципы при анализе традиционной художественной культуры, концепции теоретико-методологической парадигмы к изучению комплекса проблем, связанных с формированием и последующей практикой кабардино-балкарского графического искусства.

Ключевые слова: графическое искусство, традиционная культура, народное творчество, символотворчество, графические знаки, художественные ремёсла, Кабардино-Балкария.

Современное общество проявляет пристальный интерес к изучению вопросов, происходящих в структуре традиционных изобразительных систем, что актуализирует рассмотрение графического искусства как феномена профессиональной художественной практики, бытующей в социокультуре Кабардино-Балкарии. По меткому определению Ю. Я. Герчука, графика — искусство необычное, поэтому обращение к исследованию, по сути, уникального вида изобразительного искусства представляется актуальным, с точки зрения репрезентации только ему принадлежащих формообразующих принципов и собственного пластического языка. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1960-е по 1990-е гг., так как с этого периода начинают форми-

* ГАЛИМОВА Наиля Вагизовна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Северо-Кавказского государственного института искусств, Нальчик, Республика Кабардино-Балкария, Россия, hudshkolanal@mail.ru.

роваться новые стилистические средства графической культуры, возникшие на основе концентрации ярко выраженных новаторских идей, связанных с развитием книгоиздательской практики.

Рассматривая с позиций междисциплинарного подхода особенности формирования графического искусства Кабардино-Балкарии, нельзя обойти стороной аспект его взаимодействия с различными художественными формами традиционных народных ремёсел. Мастера традиционного народного искусства — резчики по камню и дереву, ювелиры и кузнецы, золотошвейки и ковроделы — создавали высокохудожественные произведения, композиционное построение которых строилось на знаково-графическом моделировании. Моделирование объектов народного творчества, главным образом, строилось на геометрической основе: линии и графические знаки, которые наносились на отдельные предметы быта, надгробные памятники, одежду, ювелирные изделия, а также использовались при изготовлении фамильных тамгов, циновок (ардженов), войлочных ковров (кийизов). Процесс формообразования в народном художественном творчестве продиктован требованиями соответствия функциональности предмета, конструктивности, эстетической выразительности. Вследствие этого развитие традиционной предметной среды соотносилось с представлениями и потребностями социума, которые по большей части были связаны с сырьевыми возможностями и климатическими условиями проживания этносов.

В творческом процессе традиционного народного искусства, по сути, графическое моделирование обуславливает эстетику и композиционную структуру художественного предмета. Одними из первых образцов графического творчества, сохранившихся до наших дней, можно считать архаичные символические изображения, отображающие представления древнего человека об окружающем мире. Однако свою стилистическую самостоятельность графическое искусство приобрело гораздо позднее. В частности, его системное развитие прослеживается, по большей части, начиная с эпохи Возрождения.

О графическом искусстве и его роли в системе народного художественного творчества можно говорить в разных аспектах. Исследователи Е. Б. Адамов, П. А. Флоренский, Ю. Я. Герчук установили ряд дефиниций, где обуславливают полифункциональность графического творчества, которое может существовать в самых разных областях социокультурной практики. В своих концептуальных идеях и разработках Павел Флоренский сформулировал сущность графической стилистики в «движении»

[9, с. 72–82]. По Флоренскому, сущность графического изображения заключается «в построении всего пространства и всех форм в нем движениями, т. е. линиями» [9, с. 72–82].

Искусствовед Е. Б. Адамов обуславливает стилеобразующую черту графического искусства в выразительной скупости образных сочетаний и художественных приёмов в контексте функциональности изображаемого предмета. Адамов указывает, что основой графического формообразования может быть не только реалистичность художественного восприятия, но и идеи ассоциативного мышления [1].

Основанием для возникновения графической культуры в Кабардино-Балкарии, формирования её основных стилистических направлений, стало возникновение в регионе профессионального изобразительного искусства.

Несмотря на малочисленность ныне существующих трудов по проблемам профессионального изобразительного искусства, традиционная художественная культура Кабардино-Балкарии исследована более глубоко и основательно. Отсюда правомерность рассмотрения в предоставленной разработке культурно-исторических и теоретических вопросов, включённых в сложную эстетическую систему традиционных художественных практик, идентифицирующих духовную культуру народов. В библиографии накоплен определённый этнографический и искусствоведческий материал, связанный с исследованием художественной культуры Кабардино-Балкарии. К их числу относятся работы В. А. Шлыкова, Н. С. Сундуковой, Г. Д. Базиевой.

Изданная в 1963 г. книга В. А. Шлыкова «Изобразительное искусство Кабардино-Балкарии» посвящена вопросам развития видов профессионального искусства. Альбом «Художники Кабардино-Балкарии» охватывает большой библиографический материал, посвящённый современному состоянию изобразительной культуры региона (составители Г. С. Паштов, Н. С. Сундукова) [2].

Исторические факты свидетельствуют, что процесс становления изобразительного искусства в Кабардино-Балкарии связан с деятельностью русских художников, приехавших в республику в конце XIX и начале XX вв., — М. В. Алёхина и Л. В. Брюмер [8, с. 5].

По сведениям, представленным в Адыгской (Черкесской) энциклопедии, Алёхин был первым профессиональным художником, связавшим свою жизнь и творчество с Кабардино-Балкарией. Митрофан Алёхин, окончив Петербургскую академию художеств с серебряной медалью, по-

лучил звание классного художника 2-й степени. Являясь приверженцем и последователем учения Льва Толстого, он был в 1895 г. сослан царским правительством в г. Нальчик, где и прожил сорок лет, создав основную часть своих живописных и графических произведений.

Л. В. Брюмер родился в 1889 г., после окончания Императорской художественной академии в Санкт-Петербурге длительное время скитался в поисках нового места жительства. Судя по сохранившимся произведениям, он жил в разных областях России, в том числе и в Нальчике. Его живописные работы кабардино-балкарского периода отмечены оптимистическим настроением, отличным чувством красок и колорита.

Подвижническая и просветительская деятельность Алёхина и Брюмера, поначалу казавшаяся малозначимой, принесла впоследствии колоссальные результаты в социальном и духовном развитии кабардино-балкарской культуры. Им удалось заложить основы современного изобразительного искусства и воспитать первых мастеров из среды этнического населения республики.

1930-е гг. в истории художественной культуры Кабардино-Балкарии считаются значимой исторической вехой в становлении профессионального изобразительного искусства. В регион приезжают дипломированные художники (Н. Н. Гусаченко, М. А. Ваннах, Н. З. Трындык), которые впоследствии стали основателями кабардино-балкарской творческой организации художников [4].

Рассматривая вопросы эволюции профессионального графического искусства Кабардино-Балкарии, необходимо отметить, что динамика его развития тесно связана с возникновением в республике системы книгоиздания. По этой причине автором в рамках исследования достаточно подробно рассматриваются аспекты книжного графического искусства как творческой системы национальной социокультурной практики.

Книжное графическое искусство, бытуя как многофункциональное художественное явление, является самым специфичным и значимым видом творческой деятельности, отображающей стилевые направления мирового и отечественного искусства. Творческие системы графического искусства были всегда присущи печатной практике. В практике книгоиздания термин «графика» существовал давно, ещё с возникновения первых рукописных книг, обозначая письменные (печатные) знаки и начертания.

Акцентируя внимание на стилеобразующие черты книжного графического искусства периода 1960–1980-х гг., можно выделить, что

определяющую роль в творчестве графиков Кабардино-Балкарии стала играть синтетическая книжная графика. Успехи её были более чем очевидны. Дизайнеры книги испытывали на практике разнообразные формы взаимодействия изображения с текстом, добываясь максимальной активизации внимания читателя при помощи графического соотношения между «чёрным» и «белым», исполнительской манеры и единого индивидуального стиля. В результате обновления художественной стилистики были сформированы основные принципы композиционной целостности книжной формы, зафиксированы концептуальные признаки книжной смысловой структуризации: «книжность»; «полиграфичность». В соответствии с принципами художественного конструирования книги, предложенными В. А. Фаворским и разработанными В. Н. Ляховым, «книга является инструментом текстового сообщения» (см.: [5] [6]).

Огромную роль в становлении графического искусства Кабардино-Балкарии сыграл Александр Ерофеевич Глуховцев, выдающийся мастер ксилографии, российский книжный дизайнер, который явился одним из основателей северокавказского книжного искусства. В своей творческой деятельности А. Е. Глуховцев очень часто обращается к созданию художественных образов различными техническими средствами. Художник часто использует графические средства ксилографии как в станковой графике, так и в иллюстрировании книг. Изобразительные средства ксилографии, заключённые в основах универсальности графического языка А. Е. Глуховцева, придают иллюстрациям изысканность и лаконичность, которые органично объединяются с ритмической и шрифтовой структурой книжного пространства («Песни живших до нас», «Адыгейские сказки», «Нарты», «Судьба человека»). Графические произведения, созданные к рассказу М. А. Шолохова «Судьба человека», стали *этапными* не только в творчестве Глуховцева, но и в книжном искусстве России.

Ядро национальной графической школы составили Я. А. Аккизов и Г. С. Паштов. Творчество художников отличалось высоким уровнем графической культуры. Они внесли в изобразительное искусство Кабардино-Балкарии немало новых художественных идей духовной направленности, которые прослеживаются в их творчестве. При различии художественных манер у обоих художников-графиков раскрываются глубинное осознание философии и традиционной культуры народов Кабардино-Балкарии.

Разносторонностью интересов отмечены книжные иллюстрации Г. С. Паштова, вошедшего в художественную жизнь республики в начале 1960-х гг. Талантливый мастер ксилографии, используя опыт синтеза изображения с книжной формой, иллюстрирует книги местных авторов и классическую литературу. Иллюстрация для графика не подразумевает калькирование литературного текста. Это, скорее, пластическое решение позиции художника, созвучное его творческому отношению к тематике литературного произведения и мыслям писателя.

Поэтические образы, созданные А. Пушкиным, М. Лермонтовым, А. Кешоковым, К. Кулиевым, Х. Бештоковым, в творческой интерпретации Паштова образовали высокого уровня оригинальный сплав композиционной фантазии. Близок к книжной иллюстрации и экслибрис, где Паштов сумел за короткий период основать в этом искусстве целое направление знаковой графики.

Философской многогранной стилистикой отличается творчество Я. А. Аккизова, известного мастера литографии, виртуозно владеющего приёмами композиционной и декоративной целостности графического изображения. Его творчеству свойственны яркие и свежие идеи, в основе которых лежал эксперимент, определяющий естественность соединения самых разных содержательных мотивов.

Необычным явлением в графике республики стало творчество выпускников Московского полиграфического института М. Т. Кипова и З. Х. Бгажнокова. Чёткое конструктивное мышление, тяга к символике при интерпретации художественного образа позволила этим авторам создать череду совместных, поистине незаурядных произведений графического искусства. После общеизвестных, ставших хрестоматийными иллюстраций И. Тоидзе и С. Кабуладзе к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», М. Кипов и З. Бгажноков нашли свой оригинальный символично-декоративный язык, своё художественное видение, выразившееся в серии графических листов. Талантливые художники, великолепно владеющие законами композиционного построения и графического исполнения, бесспорно, создали уникальные произведения изобразительного искусства.

Всё вышесказанное убеждает нас в том, что в графической культуре Кабардино-Балкарии художественные формы идентифицируются с этническим культурным кодом. Эти художественные формы новой образной выразительности отображают историческую и культурную память народов, ценностные ориентиры традиционного художественного творчества.

Особое место в творчестве графиков Кабардино-Балкарии занимает поиск новых изобразительных средств сквозь призму философских размышлений «художественно-концептуального осмысления мира» [7, с. 48].

В многообразии творческих направлений кабардино-балкарских графиков можно выделить не только отзвук новых тенденций, но увидеть поиски национальных ассоциативно-символических художественных образов. Чрезвычайно интересным и ярким примером такого ассоциативно-образного видения является творчество Валерия Захохова. В графических произведениях художника мы видим «предметное» и «ассоциативное» воспроизведение ретроспективных образов. Символически насыщенные художественные мотивы уводят зрителя в мир национальной этнографии и фольклора. В достигнутом совершенстве его графики соединились изысканность отображаемых форм и стремление к детализации. В графических листах художника представлены тенденции развития кабардино-балкарской графики. Иллюстрации в большинстве своём исполнены рисунком пером и акварелью (Сказание о богатырях-нартах «Свирель Ашамеза», кабардинская сказка «Кто больше?», серия станковых графических листов «Горы» и др.).

Графическое искусство Кабардино-Балкарии периода 1960–1990-х гг., которое развивалось в русле отечественных проблем, проявляло острый интерес к новейшим изобразительным средствам, в то же время сохраняя традиции национальной художественной культуры. По меткому выражению Ю. Я. Герчука, «графические листы нередко первыми пролагают тропинки к еще неизведанному, туда, куда лишь через несколько лет повернутся за ними живопись и скульптура» [3].

В заключение необходимо отметить, что графическое искусство Кабардино-Балкарии стремилось откликнуться на проблемы идентичности национальной культуры. Репрезентуя актуальные художественные приёмы традиционного народного творчества, моделируя их с новейшими средствами визуализации образа, художники формировали эволюционные пути развития основных графических структур, их композиционных закономерностей и изобразительных доминант.

Литература

1. *Адамов Е. Б.* Ритмическая структура книги. М.: Книга, 1981. 110 с.
2. *Галимова Н. В.* Графический дизайн в социокультурном пространстве Кабардино-Балкарии. Нальчик: ООО «Фрегат», 2021. 112 с.

3. Герчук Ю. Я. К определению понятия «графическое искусство» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 446–451.
4. Кожев З. А. Творческие Союзы КБР, КЧР, РА // Адыгская (Черкесская) энциклопедия / под ред. М. А. Кумахова. М. : ФОНД имени Б. Х. Акбашева, 2006. С. 846–851.
5. Ляхов В. Н. О художественном конструировании книги. Системное проектирование. Функциональный анализ. М. : Книга, 1975. 91 с.
6. Ляхов В. Н. Искусство книги. Избранные историко-теоретические и критические работы. М. : Советский художник, 1978. 222 с.
7. Петрова А. Г. Традиционное и изобразительное искусство народов Якутии. Якутск : АГИКИ, 2020. 58 с.
8. Сундукова Н. С. Художники Кабардино-Балкарской Республики. Нальчик : Эльбрус, 1998. 136 с.
9. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественных произведениях. М. : Прогресс, 1993.

Naila V. GALIMOVA,

Cand. Sci. (Theory and History of Cultura and Art), Assoc. Prof.,
Department of Cultural Studies, North Caucasus State Institute of Arts,
Nalchik, Russian Federation, hudshkolanal@mail.ru.

Graphic Art of Kabardino-Balkaria: Cultural and Historical Aspect

The paper considers the main tendencies of formation of graphic creativity within the framework of cultural and historical processes accompanying the formation of professional visual culture of Kabardino-Balkaria. Analyzing the structural features of graphic art, the author considers them as sociocultural activity presented by various forms of folk art. Raising these problems will help to clarify the understanding of the main features of symbolic and graphic education, which exists in a variety of traditional artistic practices. This implies the legitimacy of such a development of events, revealing the artistic uniqueness of the graphic language included in the complex figurative and symbolic system of traditional folk art, revealing the spiritual culture of ethnic groups. In the course of the work carried out, the concepts and styling features of «national» graphic art identified and theoretically are substantiated. The theoretical and methodological basis of the study was the historical and cultural principles in the analysis of traditional artistic culture, the concept of theoretical and methodological paradigm to the study of the complex of problems associated with the formation and subsequent practice of Kabardinobalkar graphic art.

Keywords: *graphic art, traditional culture, folk creativity, symbolism, graphic signs, art crafts, Kabardino-Balkaria.*

М. Х. Хаджиева*

Одежда карачаево-балкарского народа в период депортации (1943–1957): традиционное мировоззрение и символика

В статье одежда исследуется сквозь призму традиционного тенгрианского мировоззрения. Магические и символические приёмы были направлены на обеспечение продления рода, благополучия, а также на защиту от неблагоприятных воздействий. Помимо одежды, большое значение для исследования имел анализ символического значения использования различных аксессуаров, украшений и обуви. Раскрываются их глубокие символические смыслы, а также смысл различных ритуальных действий, которые были бережно сохранены даже в условиях депортации народа в республики Средней Азии и Казахстан. Статья опирается на полевые материалы автора, исследования видных этнографов и религиоведов.

Ключевые слова: карачаевцы, депортация, Средняя Азия, Казахстан, традиционное мировоззрение, тенгрианство, культурный код, сакральные функции одежды, аксессуары, обувь, ткани, верхний мир (огъары дуня), срединный мир (ара дуня), нижний мир (ахырат дуня).

Традиционное мировоззрение карачаево-балкарского народа связано как с материальной, так и духовной культурой. Мифологическая вселенная, в первую очередь, включает небо, землю и мировое древо, объединяя все три мира: верхний мир (*огъары дуня*), срединный мир (*ара дуня*), нижний мир (*ахырат дуня*). По мнению информанта, ствол дерева олицетворяет срединный мир, физически реальный и осязаемый, дерево связывало полярные противоположности землю и небо. Корни — это подлунный мир, место исцеления души и силы, место пребывания предков. Крона — это высший мир, предназначенный для духовного роста и получения подсказок от предков. Древо олицетворяло человеческий путь. Земля рядом, она понятнее человеку, а небо сакрально: там живут боги, там Солнце, Луна, звёзды, оттуда идёт божественная влага, которая питает землю [11].

* ХАДЖИЕВА Мадина Хамитовна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологии народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, b.madina73@yandex.ru.

На первый взгляд, кажется, что в депортации вещи были лишены сакральной составляющей и ценность одежды воспринималась только с точки зрения практичности, добротности и комфорта. Но, на самом деле, в условиях спецпоселений древние представления карачаевского народа об устройстве трёх миров — от верхнего до нижнего — сохранялись. Надо отметить, что наибольшим семиотическим статусом обладали головные уборы, пояса, подол одежды, обувь и украшения.

Мы постараемся раскрыть сакральные стороны одежды, которые почти всегда относятся к далёкому прошлому народа, к универсальной тенгрианской системе, объясняющей все явления, происходящие в мире. В первую очередь, это ежегодное обнуление и обновление мира, это моменты разрыва обыденного, возможность возродиться и влиять на определённые силы в положительном для себя русле. Тенгрианство очень доступно доносило до человека главные обобщающие механизмы исходной сакральности сотворения мира и человека.

Одежда, обувь и аксессуары выступают в данном исследовании не в своём обиходном, практическом значении, а как предметный код культуры. Архетипические представления народа периода расцвета тенгрианства соотносятся с обновлёнными кодами культуры в депортации.

В нашем исследовании культура карачаевского народа понимается как «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [12, с. 222]. Трехединый мир, как представлял его карачаевский народ, взаимодействовал и влиял друг на друга, все составляющие важны и не могли существовать автономно. В исследуемый период ритуальные действия с одеждой всё ещё рабочие и санкционированные. Контакт мира людей с миром богов Тейри / Аллахом обеспечивал гарантированную защиту от тлетворного влияния хтонического пространства. Ритуал — это глубоко осознанное выполнение действия, шаг к разрешению проблемы напряжённости между двумя мирами с помощью сверхъестественных сил. Молитва, определённые формулы, одежда и пища помогали человеку установить контакты с высшим разумом.

Головной убор — охранительный аксессуар, его не снимали при входе в помещения. Шапка — обязательный атрибут ритуальных молений и обрядовых действий, передающий статус «одетости» (*баштан — аяк*) с головы до ног. В народе говорили, *Бёрк бла намыс бирдиле — Экисинден мийик джокъ* (Головной убор и этикет едины — выше их нет ничего / подстрочный перевод автора). Мужской головной убор соот-

носился с сакральным верхом, обеспечивающим безопасное взаимодействие с высшими силами.

Мужские и женские головные уборы в депортации по-прежнему маркировали верхний мир *Кюн Тейри / Кёк Тейри (Тейри Солнца / Тейри Неба)*. Как метко отметил информант, *Башинг кёкде, аягынг джерде (Голова в небе, ноги в земле)* [10], что мы можем наблюдать на примере скифских изваяний (балбалы — предки) из гранита, песчаника, известняка, изготовление которых «достаточно трудоёмко, при этом часто очень тщательно подчёркивая и скрупулезно вычерчивая каждую черточку лица, оружия, платья, зеркал, головных уборов и укладки волос» [14, с. 107–112]. А вот ступни оставались совершенно не защищёнными, к тому же слабо обработанный «низ» находился под землёй, а значит, в нижнем мире — обиталище хтонических существ. Как объяснил информант, Бог вкладывает душу в область головы [9]. По тенгрианским представлениям, опасной зоной считался «телесный низ»: подол платья и обувь. Подол платья в исследуемый период не декорировался золотом и серебром, но по-прежнему он должен быть чистым и аккуратно подшит. К тому же надо отметить, женщины под одеждой носили ещё одну нижнюю юбку, которая также служила оберегом.

Символические свойства обуви давно известны — это могущество, сила, власть, да и утилитарные функции обуви важны. Карачаевский народ причислял обувь к нижнему хтоническому миру. Во-первых, обувь оберегала носителя от преждевременного попадания в царство *Эрлик-Хана — хозяина мира мертвых*. По традиционному горскому этикету, все мужчины носили закрытую обувь. Женщинам, несмотря на всю красоту и стройность их ног, по этикетным требованиям выходить без чулок было запрещено, это воспринималось как нарушение границ окультуренного мира. Несмотря на испепеляющий жар азиатского солнца, ноги всегда были покрыты не только обувью, но и чулками.

В том случае, когда дети очень часто болели, что немудрено в совершенно других климатических условиях, родители *собирали всю старую обувь и сжигали на костре из веточек можжевельника, одновременно читая молитвы. Во время эпидемий карачаевцы старались остановить гибель детей с помощью мусульманских и тенгрианских молитв. Для этого брали обувь больного ребёнка с одной ноги и сжигали её на костре. Информатор уточнил, «что сжигалась обувь с левой ноги. Предполагалось, что избавление от обуви, связанной с анатомическим низом, его нечистой и вредоносностью, прервет череду смертей»* [13, с. 179].

Обувь с правой ноги хранили, считая её оберегом. Как тут не упомянуть «красную обувь для одной ноги» Мовсеса Хоренаци [8, с. 117–162], которая даровала получателю смелость, отвагу и мужество.

Как отметил информант, обувь следовало тщательно мыть, а поношенную надо утилизировать через сожжение. Любую обувь следовало аккуратно ставить, так как перевернутая подошвой вверх обувь не сушила ничего хорошего, в особенности, если предполагалась поездка. Также «ее нельзя было поднимать высоко, выше головного убора» [13, с. 66], такое действие, по верованиям карачаево-балкарского народа, могло поменять традиционную иерархию расположения миров.

Что же касается традиционных серебряных поясов, как мужских, так и женских, в исследуемый период они не потеряли актуальности. Надо отметить, что, если ранее мужские наборные пояса свидетельствовали о ратных подвигах хозяина, в период депортации они демонстрировали социальный и экономический статус. По мнению В. Д. Кубарева, боевой пояс — «первостепенная деталь мужского воинского снаряжения» [4, с. 55]. *Как свидетельствуют древнетюркские рунические тексты: «Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками-украшениями» [6, с. 97]. Каждая пряжка пояса — это награда воину за доблесть и смекалку, смелость и храбрость в бою. «Подобные пояса с бляшками в зверином стиле были найдены в скифских курганах ещё в конце XIX в.» [3].*

Пояса — это не просто дорогостоящие аксессуары, они наделены магической силой. Девушки, сняв пояса, настраивались на частоту иных миров и после захода солнца готовились к гаданию аккуратно накануне Къыш-Нартура. Праздник Къыш-Нартур связан с представлениями о «смерти» и возрождении светила. Следует указать, что М. Элиаде считал «новый год точкой обновления мира, важнейшим обрядом в жизни традиционного коллектива, способом возвращения к “началу” времен» [17, с. 28].

В этот день девушки распускали волосы, словно персонажи антимира, что было невозможно в традиционном адатном карачаево-балкарском обществе, но уж очень хотелось знать, что там за этими невидимыми границами. Подвижность границ между «своим» и «чужим», как описывал А. К. Байбурин, «...начинается там, где кончается свое, и эта граница путешествует вместе с человеком» [2, с. 185]. Получается, что сам человек, а в данном случае девушки, лишённые пояса и головного убора, могли управлять передвижениями в пространстве и даже време-

ни. Они выходили за пределы своего окультуренного безопасного пространства и обращалась к хтоническим существам, хозяевам, патронам и духам в «отставке», которые когда-то проиграли борьбу с тенгрианской монорелигией. Можно парировать и назвать пространство с хтоническими существами своим, но надо отметить, что карачаево-балкарский народ давно исповедовал тенгрианство, а после магометанскую религию. И в период его депортации это своеобразно проявлялось.

Сохранённые в подкорке языческие боги и, конечно, серебряные с позолотой украшения-обереги продолжали находиться «в рабочем состоянии». «Оттесненные на задворки истории (хтонические существа), отверженные и почти забытые, они по случайной неслучайности расположились на границе между мирами, они могли и умели приоткрывать завесу будущих событий и даже менять судьбу. Вот к ним-то и обращались раз в год особо заинтересованные лица» [16, с. 57]. Что касается украшений, в депортации большую часть вынужденно пришлось продать или обменять на пищу. Благодаря древним защитным атрибутам женского костюма — нагрудникам, поясам, солярным бляшкам, булавкам, браслетам, фигурным подвескам — амулетам с геральдически расположенными парными птичьими, конскими, оленьими головками, а также подвескам и привескам в виде птичек, рыбок, лошадок, благодаря лунницам, бубенчикам и колокольчикам спаслись тысячи и тысячи душ. Эти украшения, как кажется, растратили весь свой защитно-обережный запас, когда-то заложенный в них. Но надо подчеркнуть, что представители хтона — змеи / рыбы / драконы / кони / птицы — умеют трансформироваться / модифицироваться, переходя из одного состояния в другое. Их неубиваемая энергия, вероятно, опять и снова встраивается в систему нового мира, мира, который всегда оборачивает свой взгляд в прошлое.

В карачаево-балкарском обществе существовал ритуал, связанный с преобразованием природного в культурное состояние. Материя, состоящая из тысяч и тысяч нитей в данном контексте, заключала в себе функции, связывающие мир людей и Бога. Ткани, кожи, шкуры, войлок, вышивки, бахрому платков, одежда заключали в себе особые приумножающие и посреднические функции. Магические и символические приёмы с одеждой и её составляющими были направлены на обеспечение продления рода, благополучия и богатства людей, а также на защиту их от неблагоприятного воздействия враждебных сил.

Карачаевцы говорили, что работу следует начинать с утра: «*Ингирликде эл ташлама, Кечегиде иш башлама*» (*Не покидай селение вече-*

ром, не начинай работу ночью — пер. автора). На традиционном станке *чепкен агъач* карачаевки и балкарки ткали знаменитое на весь Кавказ сукно *чепкенлик*, из которого в основном изготавливали мужскую одежду. Само прядение воспринималось на ассоциативном уровне как преодоление кризисного времени и даже воспроизводство его. Вероятно, поэтому существовал тенгрианский обычай класть пряслице в женские погребения.

Наиболее искусные мастерицы работали с шёлковыми нитями. «Именно из этих ниток ткали «престижные» ткани для праздничных нарядов и платков» [7]. В народной среде считалось, что шёлковая ткань просветляет разум и укрепляет тело, изгоняет заботы из сердца, а также обостряет зрение. Что же касается распространённого сырья, шерсти барашков карачаевской породы, как сам барашек, так и шерсть, и изделия из неё обладали обережными свойствами.

Символический акт передачи жизненной энергии *къут* долгожителя, со слов информанта [10], осуществлялся через распределение одежды, аксессуаров и обуви между присутствующими. В период ссылки народа в Среднюю Азию и Казахстан информант участвовал в ритуале распределения одежды и платков женщины, умершей в весьма почтенном возрасте. Забегая вперёд, скажем, что её дети после возвращения на Родину перевезли её останки в Горный Карачай и захоронили возле могил родственников. Женщина прожила очень хорошую жизнь: благополучная семья, талантливые дети, два её брата и сын вернулись живыми и здоровыми с войны. Её любимым платком был гюрменди *джаулукъ*, крепдешинный платок азербайджанского производства, на розовом фоне которого располагался по всему полю традиционный орнамент «турецкий огурец» лилового цвета (илл. 1).

Платок разрезали на небольшие кусочки и раздали всем присутствующим на *маулуте* женщинам. Получившие кусочки шёлка знали, что им посредством ткани передана частичка благодати через ритуал перераспределения вечной энергии *къут*. Женщины хранили эти кусочки шёлка как оберег и привезли на родину, на благословенный Кавказ.

Приведённое ниже карачаево-балкарское благопожелание *алгыши* использовалось при надевании новой одежды. Надо отметить, что бабушка, изготовившая одежду любимому внуку, обращается не только к Богу Тейри, а также к Сатанай-бийче (Сатанай, главная героиня карачаево-балкарского эпоса, обучившая нартов ремёслам).

Чепкен басханда алгыш

Чепкеними туюю сайын джашагъын,
Кюн Тейрини уланына ушагъын!
Урчукъ бурсун, Сатанайча, билегим,
Барды мени джер Тейриден тилегим:
Узун этгин уланымы ёмюрюн,
Обасындан къурутмагъын кёмюрюн.
Садакъ тутсун муну кийген кьоллары,
Къутлу болсун атлам-атлам джоллары.
Эт ыйыкъда этли болсун кёзенинг,
Тотур кибик маллы болсун ёзенинг.
Алгыш бизден кери кетмесин,
Апсатыны кьаргъышлары джетмесин!
Муну кийген тары кибик юйленсин,
Джарыкъ джырла халкына уа кюйлесин!
[18, с. 409]

Благопожелания при изготовлении платья

Живи столько, сколько ворсинок
в сукне (для платья),
Будь подобен сыну Бога Тейри —
Солнца!
Пусть, подобно Сатанай, рука
вращает веретено,
Есть у меня просьба-обращение
к Богу Земли:
Продли дорогу жизни моего сына,
Пусть в могиле моего сына никогда
не переводится уголь.
Пусть руки надевшего это платье
крепко держат лук,
Пусть каждый шаг жизненного
пути освещен божественным
началом.
Пусть твоя кладовая всегда
наполнена мясом,
Пусть, как Тотура, у моего сына
ущелье наполнилось скотом.
Пусть все благопожелания
сбудутся,
Пусть проклятья Апсаты минуют
тебя!
Надевший сшитую мной одежду
пусть множится его род, как просо,
Пусть радостные песни посвящает
народу!

(Авторский перевод
М. Х. Хаджиевой)

Надо подчеркнуть, что, купив фабричное изделие и впервые его надевая, карачаевские женщины произносили обережные мусульманские / тенгрианские молитвы. Они опасались неокультуренной новой и неизвестно кем сшитой одежды, принадлежавшей «чужой» сфере и поэтому опасной для человека. Тщательно выстирав фабричную одежду, надевали, приговаривая: «кьунча кийеим» (чтоб носилась на радость).

В контексте погребально-поминальной обрядности одежда выполняла несколько функций: медиативную — установление связи между миром живых (*ара дуня*), миром мёртвых (*ёксюзлени дунясы*) и миром богов (*огъары дуня*); жизнеобеспечивающую — создание условий для наделения жизненными благами человека и общества в целом; коммуникативную — поддержание жизненной силы, энергии и развития родового коллектива опосредованно, через мёртвых, перешедших в статус предков (*ата-бабала*) [16, с. 150].

Окказиональный ритуал использовался для выражения символической смерти, когда вся семья покойного причисляла себя больше к мёртвым, нежели к живым, они не носили нарядной, яркой одежды и украшений из золота, что можно трактовать как имитацию смерти.

Надо подчеркнуть, что в отношении цвета одежды, согласно нормам ислама, никаких запретов не существовало, но в карачаево-балкарском обществе всё ещё превалировало тенгрианское восприятие смерти. По воспоминаниям информанта, удаление наиболее семантически нагруженных элементов в одежде происходило сразу после смерти. Как рассказал информант, «женщина весь год после смерти мужа ходила в черной одежде, без каких-либо украшений. К тому же она практически не готовила горячей пищи, говоря, что более ей некому готовить» [9]. После года в траурной одежде она сменила весь свой прежний гардероб на другой, в котором были исключительно тёмные тона: тёмно-синий, тёмно-изумрудный, вишнёвый и бордовый. У карачаевцев и сегодня существует термин *къара кийген*, т. е. «одеваться в черное, траурное» [1, с. 149].

Всё вышеприведённое — это, в первую очередь, энергообмен между триединым миром благодаря таким ритуальным действиям, как молитва, кормление, ношение траурной одежды и распределение одежды и аксессуаров покойного, это получение новой доли *юлюш*, распределяемой между родственниками. В европейской этнологии существует общий принцип: «даю тебе, чтобы ты дал мне», «дар должен быть вознагражден» [5, с. 281], то есть отношения должны были быть симметричными и в норме предполагали возмещение, что созвучно с тенгрианским пониманием дара. В народе говорят: *Бергенге Аллах да береди (дающему Бог дает)*.

Одним из важных из элементов свадебной обрядности является *Баш ау алгъан адет* (*снятие покрывала невесты*), отсылающий нас вновь к миру богов и мёртвых. «Самый верхний, престижный, полностью

расшитый цветами и птицами шелковый платок с длинными кистями, нарядный и дорогой, использовался при переходе невесты в новое состояние перед Богом. Снятие второго платка легитимизировало невесту перед миром мертвых — *ата-бабала*. Снятие третьего платка — это публичный акт принятия в род и семью. Особое место в свадебной обрядности занимали продуцирующие магические обряды: голову новобрачной осыпали зерном, желая изобилия, конфетами, — моделируя мир и уважения в семье, монетами, программируя крепкую материальную базу» [16, с. 160]. «Обрядово-ритуальные действия направлены на восстановление порядка и избегание негативных моментов в переходе, как фактическом (из родного дома в неизвестность, в чужой род), так и символическом — изменение статуса жениха и невесты и создание новой семьи» [15, с. 92–97].

Новая нарядная одежда, одаривание ювелирными изделиями, разрешение говорить через обрядовое «развязывание рта» (*ауз ачтырган*) вводит невесту в новое состояние. Но оно закрепляется не только переодеванием и одариванием невесты, после которого она может говорить с младшими родственниками мужа. Окончательное прохождение границ чужой родовой системы наступает только после рождения ребёнка.

Илл. 1. Шёлковые набивные азербайджанские платки «гюльменди» (тюрк., «мой цветок»), основной массив которых составляют цветочные и немного зооморфные мотивы.
Фото из архива автора

Надо отметить, что одежда, аксессуары, украшения и обувь являются неисчерпаемым и надёжным источником в изучении многих проблем этнографии и этнической истории. Одежда карачаевского народа в депортации соответствовала представлениям карачаевского народа о традиционном порядке бытия и всё ещё сохраняла традиционные «идентификационные» функции аксессуаров, обуви и одежды.

Литература

1. *Бабаев С. К.* К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик : Эльбрус, 2000. 248 с.
2. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. СПб : Наука, 1993. 237 с.
3. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы : В 3-х т. Т. 3 : Дневники раскопок 1889–1897 гг. гр. Алексея Бобринского и о курганах Звенигородского, Каневского и Роменского уездов. СПб. : тип. М. М. Стасюлевича, 1901. С. 96.
4. *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.
5. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М. : Академический проект, 2020. 430 с.
6. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. 116 с.
7. *Марграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М. : С. В. Лепешкин, 1882. 288 с.
8. *Мовсес Хоренаци.* История Армении. М. : Тип. Каткова и К^о, 1858. Кн. 2. 392 с.
9. Полевые материалы автора. Полевая запись Хаджиевой М. Х., 2008 г., ст. Красногорская, Карачаево-Черкесская Республика / инф. Текеева З. Х., 1961 г. р.
10. Полевые материалы автора. Полевая запись Хаджиевой М. Х., 2019 г., Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика / инф. Узденова А. Г., 1935 г. р.
11. Полевые материалы автора. Полевая запись Хаджиевой М. Х., 2020 г., с. Терезе, Карачаево-Черкесская Республика / инф. Биджиева З. М., 1964 г. р.
12. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.

13. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова; отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Наука, 1988. 224 с.
14. Хаджиева М. Х. Антропоморфные каменные изваяния и их роль в формировании надмогильных памятников карачаево-балкарского народа (сын-таш) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 11. С. 107–112.
15. Хаджиева М. Х. Пища и одежда в свадебных ритуалах и обрядах карачаево-балкарского народа // Современные проблемы развития фундаментальных и прикладных наук : материалы III междунар. науч.-практ. конф. (Прага, 25 апреля 2016 г.). Прага : Maestro, 2016. Т. 2. С. 92–97.
16. Хаджиева М. Х. Традиционная пища в обрядово-ритуальной культуре карачаевцев в конце XIX — начале XX вв. Черкесск : КЧИГИ ; Пятигорск : Рекламно-информац. агентство на Кавминводах, 2023. 256 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа. М. : Инвест-ПП, 1996. 240 с.
18. Къарачай — малкъар фольклор = Карачаево-балкарский фольклор : хрестоматия на карачаево-балкарском языке / сост. Т. М. Хаджиева. Нальчик : Эль-Фа, 1996. 592 с.

Madina Kh. KHADZHIEVA,

Cand. Sci. (Ethnology, Anthropology and Ethnography),

Leading Researcher, Department for Ethnology

of the Peoples of Karachay-Cherkessia, Karachay-Cherkess Institute
for Humanitarian Studies, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic,

Russia, b.madina73@yandex.ru.

Clothing of the Karachay-Balkar People during the Deportation Period (1943–1957): Traditional Worldview and Symbolism

In this paper, clothing is examined through the prism of the traditional Tengrian worldview. Magical and symbolic techniques are aimed at ensuring the prolongation of the family, well-being, as well as protection from adverse effects. In addition to clothing, the analysis of the symbolic meaning of the use of various accessories, jewelry and shoes was of great importance for the study. The deep symbolic meanings of them and of the various ritual actions that carefully are preserved even in the conditions of deportation

of the people to the republics of Central Asia and Kazakhstan is revealed. This paper is based on the author's field materials, research by prominent ethnographers and religious scholars.

Keywords: *Karachai people, deportation, Central Asia, Kazakhstan, traditional worldview, Tengrianism, cultural code, sacred functions of clothing, accessories, shoes, fabrics, upper world (ogary duniya), middle world (ara duniya), lower world (akhyrat duniya).*

Ф. Н. Хуако*

Этнонациональная ментальность в черкесской литературе: опыт осмысления

В статье обозначается проблематика, очерчивается круг вопросов и обзорно перечисляются объединяющие народ идеи, опирающиеся на этнонациональный ресурс. Уточняется очерчиваемый черкесскими авторами герой изображений и формулируется методика, используемая рассматриваемыми писателями в ходе воспроизведения индивидуально-личностных картин. Методами изучения в нашей работе выступают сопоставление, хронология, систематизация, текстовый анализ. Методологией является этнокультурный ракурс в систематизации языка, системное рассмотрение тактик наименования стержневых ресурсов в литературе с учётом всевозможной взаимозависимости его элементов. Во введении статьи автор обращается к понятию ментальности как компоненту национальной философии, служащему стимулом развития национальной литературы. Освещая данный понятийный аппарат с учётом его изученности на Северном Кавказе, автор переходит к экспериментальной части статьи, в которой уточняется используемая методология. Фольклорные истоки адыгского народа затрагиваются автором в первой части научного повествования. Автор обращается к учитываемым адыгскими писателями ментальным граням. В ходе изложения логически обоснованным выступает закономерный итог о явной и наглядной зависимости рассматриваемых в статье художественных текстов от региональных этнонациональных приоритетов.

Ключевые слова: черкес, нация, история, местный менталитет, писатель, фольклор, художественное произведение, М. Кандура, адыгэ хабзэ, И. Машбаш, «Жернова», Дж. Кошубаев.

Литературоведение сегодня отнюдь не разграничивает национальный образ жизни, ментальность и словотворчество, порождающее национальную литературу. Наука нередко находит их взаимозависимыми

* ХУАКО Фатимет Нальбиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры маркетинга, сервиса и туризма Майкопского государственного технологического университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, fatimah2@mail.ru.

системами, хотя в некоторых аспектах и автономными. Один из наиболее влиятельных социологов прошлого века Пьер Бурдьё уделял большое внимание культурологической тематике. К примеру, ему удалось объяснить присутствие конкретных пространств, которые включают совокупные и цельные компоненты. Эти компоненты обозначены французским социологом «культурными феноменами» и подразумевают связи социума, медиа- и художественные тексты, а также искусство в его эстетике. Подобная точка зрения концентрирует робкие, но всё же заметные со стороны социума призывы поддержать гуманитария в его социальной позиции, стремление доказать мыслительную приверженность к культуре и очертить условные пределы обозначения традиционных учебных предметов. Целый ряд культурных феноменов учёный весьма образно нарекает как соответствующее, то есть культурное «производство». Как объясняет подобный подход современный исследователь А. Дмитриев, «культурные модели, коды, антропологические константы и символические ориентиры по необходимости должны теперь рассматриваться в плоскости исторической динамики и социального воспроизводства/потребления» [2]. Подобный ракурс обуславливает интерес французского социолога к включённым в «культурное производство» условным участникам (так называемым «агентам»), являющим собой реальные поиски и мощи, пересекающиеся в действительности. Фактическим воплощением тех или иных культурных моделей допустимо считать соответствующие этносы, отчётливо выраженные в своём своеобразии на Северном Кавказе.

Соотнесение с литературоведением порой даёт возможность педагогике размножить собственные пределы, проявляя в своём личном бытии серьёзные жизненные модели. Так, к примеру, хроникальную романистику И. Машбаша литературоведы (к примеру, прежде, К. Шаззо, Х. Тлепцерже, а также, сегодня, Ш. Ергук-Шаззо, Р. Мамий) обоснованно причисляют к основанной на факте романистике. Современный российский гуманитарий А. И. Алексеев непосредственно согласен со следующим: «Философия содержит в себе аналоги и литературы, и литературоведения одновременно» [1, с. 39], поскольку базой подобных трудностей является следующее пересечение — это позиции, точки зрения, их отнесённость к философиям, к моральным ценностям и к религиям, включающим категории человеколюбия, воли, мира, добра, но также одновременно, — это и каноны принуждения, рабства, войны, зла. Подобное скрещение олицетворено в деятельностных позициях

этноса, в художественной эстетике, в фольклоре, в литературе, то есть в культуре в её обширном значении, несущем, несомненно, и убежденность в верованиях, как это присуще достойным логическим тенденциям в теории науки (от И. Г. Гердера до Г. Шпета, В. М. Жирмунского, А. Н. Веселовского, А. А. Потебни).

Нередко, если проследить творческую стезю И. С. Аксакова, И. В. Киреевского, педагог и прозаик сливаются в индивиде, поочередно выступая то в одной, то в другой роли. Цементирующим для рассматриваемых кавказских литератур фактором выступает условное пространство взаимного влияния горских культур. Исследовательским ресурсом выступила научная библиография, составленная посредством общего отбора отдельных фрагментов, являющих собой инструменты изложения и коммуникации в стержневых фольклорных образцах, в черкесских сказках. Следовательно, и у черкесов педагогика и литература имеют общую сферу актуальных для них проблем. Отличаются они отнюдь не рядом анализируемых проблем, далеко не спецификой восприятия их, совсем не особенностями описаний. Отличия состоят в контекстах, в стремлении напрямую и моментально оказать влияние на реальность, а также в склонности перенести влияние на будущее и удовлетвориться выработкой определённой позиции социума.

Сегодняшние носители отмечают заметную роль этнической психологии, полагают вероятным нахождение педагогики рядом не просто с литературой, но и с литературоведением. Одновременно при этом исследователь обнаруживает отношение «духовного» и «этнического», сообразуя с «духовностью» наиболее характерные черты жизненной активности индивида, нации, её внутреннего стержня. В частности, писатели дополняют шеренгу «фантастических обитателей» из числа черкесских представителей, ведущих собственный доблестный отпор (к примеру, Шамиз-бей, Хаджи Даниль, Сафербий Зан, шапсугские лидеры и проч.). Методами изучения в нашей работе выступают сопоставление, хронология, систематизация, текстовый анализ. Методологией является этнокультурный ракурс в систематизации языка, системное рассмотрение тактик наименования стержневых ресурсов в литературе с учётом всевозможной взаимозависимости его элементов.

На протяжении целого ряда тысячелетий вырабатывались здесь весьма своеобразные хроникальные и этнические ценности некоторых народов, к группе которых мы причисляем черкесов, плодотворно воспитывающих подрастающее поколение в этически заданном ресурсе

фольклора. Фольклорная структура в качестве наследуемой от предков традиционной национальной культуры и в роли устного словотворчества, присущего этносу, неизменно привлекала внимание филологов. Она расценивается в качестве стержневого поршня этнической литературы, однако в неменьшей степени обеспечивает своим влиянием и речевую культуру, и религию, и этику адыгов (адыгэ хабзэ), фактически многое из того, что выступает объектом изучения других гуманитарных дисциплин. Этно- (этнопсихология, этнология, этнолингвистика) и культурологические науки (от социологии до фольклористики и искусствоведческой эстетики) активно развиваются и сегодня на национальной почве. Объяснять подобную связанность гуманитарных звеньев с фольклором допустимо не только склонностью гуманитарных исследователей к рассмотрению фольклорного жанрово-сюжетного своеобразия. Есть и такой мотив: этнические словеса есть воспроизведение уникального планетарного полотна, тысячелетиями скомпонованного в разуме и в воображении нации, но не утратившего свою злободневность в новом веке.

Учитывая кавказский (в частности, черкесский) контекст, мы утверждаем: географически причисляя себя к жителям Северного Кавказа, черкесский народ при этом этнически себя отделяет от других народов этого региона. Тем не менее, что касается тематической специфики, в ходе существенных смещений предметов художественно-научного изображения в сегодняшней черкесской литературе преобладают картины, позволяющие современным образом оценить и мухаджирство, и спровоцировавшую его Кавказскую войну. На данной исторической почве оказывается возможен ракурс философского воспроизведения хроникальных фактов. Тем самым черкесы учитывают в качестве стержневого поршня для собственной этнической отнесённости не один лишь языковой компонент, однако и такие ведущие для этноса элементы, как: «адыгская философия» (адыг. «адыгагъэ»), «адыгский обычай» (адыг. «адыгэ хабзэ»), «корень» (адыг. «лъапсэ») и другие. Причём достаточно животрепещущим рассмотрением северокавказского словотворчества выступает сейчас, во времена обращения к переосмыслению хроникальных событий и поиска этнических идей, присущих тем или иным нациям.

При недооценке национально-культурной черкесской специфики становится невозможным адекватное осмысление этнической эстетики, образно-выразительной системы произведений черкесских авторов. В часто рассматриваемых черкесами исторических темах культур-

но-философская тематика активизируется в границах линии «человек на войне». Методики изображения при этом у многих авторов различные, персональные. Черкесские прозаики в своих произведениях очерчивают отчётливую этническую отнесённость черкесских персонажей. Подобная тенденция в любом случае может быть воспринята читателем весьма индивидуально, однако адыгская философия и психология опирается в целом именно на вышеприведённые в предыдущем абзаце базовые понятия. Общее развитие северокавказских литератур, начиная со второй половины прошлого века, достаточно раскрыто региональными учёными.

При этом присущий горским народам менталитет (в частности, — «адыгэ хабзэ» у черкесов) способен завещаться предками и наследоваться потомками. Он фиксируется и закрепляется в этническом сознании, его развитие отнюдь не прекращается также в границах планетарных столкновений и бед (к примеру, войны, выселения и другие). Об этом художественно увлекательно, фактически достоверно ведут речь рассматриваемые нами авторы. Можно найти в кавказских литературах не только прозаика, рассчитывающего на заметное преобразование связей социума, но и документалиста, стремящегося сформулировать позицию социума по той или иной тематике. В частности, такая проблематика, как героизм и его обусловленность, воспроизводится в описании фактического подвига либо в пространных размышлениях обитающих в горах персонажей. К примеру, это абстрактная картина некоего идеального государства, не нуждающегося в каком-либо властителе. Например, это — картина, выписываемая в разговоре героев Дж. Кошубаева в романе «Абраг». В ответ на вопрос рассказчика: «А почему над вами никто не властвует?», — городские жители, которым досталось пережить ярость нападения, провозглашают: «Потому что мы живем в мире и согласии, и у нас нет законов, которые бы мы нарушали» [4, с. 104]. Или другой пример — княжеские победы на аульских соревнованиях в историческом романе Т. Ката «В тяжелую годину» (2016). Такие эпизоды наглядно иллюстрируют конкретную ответственность того или иного носителя власти, в частности, княжеского представителя: «Хануко встал в полный рост в седле и с видом победителя проскакал мимо любопытных зрителей» [3, с. 108].

Обратимся далее к освещению отражаемых в литературе этнообъединяющих идей. Нация отнюдь не является хранительницей исторических событий. Народ фактически выступает последователем всего

происходящего на его глазах. Так, в частности, в ситуации возникновения проблемы «война и человек» этнос пытается вникнуть в проявляющуюся концентрацию духовно-философских трудностей, пересечений. Подобное включение нередко диалогично. В его воспроизведении национальные кавказские авторы применяют персонажи разных классов, оказывающие ощутимое воздействие на происходящие в истории события. Так, например, в романе современного черкесского автора И. Машбаша «Жернова» конкретный крестьянский ряд состоит из рядовых представителей, способных ради предотвращения национальной трагедии выступить вооружёнными защитниками. Тем самым они являются олицетворением реального подвига. В имеющихся у М. Кандура строках, посвящённых Кавказу, автор также старается найти ответ на такие серьёзные проблемы. Описывая национальную ценностную идентификацию, ему удаётся изобразить связанность хроникальных событий в их слиянии с разными временами. Сами писатели нередко выступают в качестве участников происходящего.

Если обратиться к герою художественного произведения, фольклорный концепт выступает продуцированием национального языкового мышления. В процессе воплощения фольклорный концепт модифицируется под воздействием образного, а также оценочного элементов. При этом именно гуманистической эмоцией в романах черкесских авторов освещены эпизоды национального быта, сцены рядовой, трудовой и ритуальной жизни. Такая обусловленность определена лингвистическими обстоятельствами как на внутреннем (имеющиеся черты вербализации концепта, своеобразии фольклорного жанра), так и на внешнем (социум и его устроенность) полях. Строго очертить ролевую заданность данных сведений в авторских изображениях черкесских прозаиков информационно могло бы быть нетактичным. Авторы неизменно стремятся погрузить получателя в ценные для них этнические пучины, присущие персонажам. К примеру, князь Сафербий Зан в романе И. Машбаша «Жернова», вставший рядом со своей нацией в её драматической судьбе, выступает стержневым образом романа, сторонником и первым участником правого дела. В образе Казбека в романе второго тома «Казбек из Кабарды» (трилогия «Кавказ») у М. Кандура воспроизведены этническое благородство и черты характера, обусловленные общенациональными трудностями. Мировоззренческий прогресс таких персонажей происходит на глазах читателя. И потому подобает сформулировать, какой именно характер предполагается.

Пишущий обычно способен заглянуть в образ мыслей как персональный, так и коллективный. Автор художественного текста традиционно использует личный контакт с получателем, составляющий беседу. Заимствуемая в таких случаях фольклорная насыщенность описаний, присущая национальным сказам, заметна своей склонностью к человеку. Такой антропоцентризм наряду с теизмом помогает авторам трактовать этическую грань народной философии черкесов. Посредством персональных образов мыслей авторы влияют на социальные установки. Массовое мышление признается сумбурным, соответственно этому индивидуальные подходы авторов наиболее востребованы. В частности, герой Ахмет у М. Кандура воплощает собой пример черкеса, несущего национальный образ мыслей и подтверждённый историей образ действий.

Таким образом, во многих рассматриваемых нами текстах основным предметом внимания черкесских авторов нашего времени выступает родной им этнос с присущими ему культурой, образом мыслей, восприятием и психологией, выработанной предшествующей историей. Воспроизводя духовно-ценностные приоритеты, современные писатели тактично и детализированно опираются на народную специфику местных жителей.

Литература

1. *Алексеев А. И.* Образная ткань философских произведений (К вопросу о сопоставлении философии и литературы) // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 34–41.
2. *Дмитриев А.* В свете нашего опыта: социоанализ Пьера Бурдьё и российское гуманитарное сознание // Независимое литературное обозрение. 2003. № 2. С. 7–16.
3. *Кат Т.* В тяжёлую годину. Майкоп : Полиграф-Юг, 2016. 366 с.
4. *Кошубаев Дж.* Абраг : роман, повесть. Нальчик : Эльбрус, 2004. 192 с.

Fatimet N. KHUAKO,

Dr. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation),
Prof., Department of Marketing, Service and Tourism,
Maykop State Technological University, Maykop,
Republic of Adygea, Russia, fatimah2@mail.ru.

**Ethnonational Mentality in Circassian Literature:
An Experience of Understanding**

The paper identifies the problems, outlines the range of issues and provides an overview of the ideas uniting the people based on an ethnonational resource. The literary hero outlined by the Circassian authors is clarified and the methodology used by the ones in question during the reproduction of individual and personal paintings is formulated. The methods of study in our work are comparison, chronology, systematization, and textual analysis. The methodology is an ethno cultural perspective in the systematization of language, a systematic consideration of the tactics of naming core resources in the literature, taking into account the possible interdependence of its elements. In the introduction of the article, the author refers to the concept of mentality as a component of national philosophy, which serves as an incentive for the development of national literature. Highlighting this conceptual framework, taking into account its study in the North Caucasus, the author proceeds to the experimental part of the article, which clarifies the methodology used. The author in the first part of the scientific narrative touches upon the folklore origins of the Adyghe people. The author refers to the mental facets taken into account by the Adyghe writers. In the course of the presentation, a logical conclusion appears to be the obvious and obvious dependence of the literary texts considered in the article on regional ethnonational priorities.

Keywords: Circassian, nation, history, local mentality, writer, folklore, artwork, M. Kandura, adyge khabze, I. Mashbash, "Millstones", J. Koshubaev.

А. М. Канкошев*

Практики репрезентации «инонационального героя» в черкесской литературе

Важным фактором, раздвинувшим границы эстетического отношения художников к действительности, является обращение к инонациональному пласту жизни, инонациональному герою, в частности представителю русского народа, взятого в контексте национальных образов. В статье рассматривается эволюция изображения русского народа и его представителей на разных этапах развития черкесской литературы в аспекте уровня зрелости самосознания и индивидуального мастерства писателя. Уделено внимание образу «нового человека», трактовкам образа «инонационального героя», дружбы между русскими и горцами, их взаимопониманию и взаимопомощи. Статья написана на основе анализа романов черкесских авторов советского периода Ц. М. Кохова, Х. Х. Хапсирокова, С. И. Хатуова, Т. Н. Чамокова, А. Н. Охтоева, М. П. Дышекова.

Ключевые слова: Кавказ, черкесские писатели, очерк, повесть, роман, образы героев, новый человек, инонациональный герой, Ц. М. Кохова, Х. Х. Хапсироков, С. И. Хатуов, Т. Н. Чамоков, А. Н. Охтоев, М. П. Дышеков.

Художественное осмысление образа человека во времени в историческом многообразии национального бытия проистекает из определения сущности в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью, с учётом формирующего влияния разнообразных сторон жизни, естественных и социальных факторов в их диалектическом взаимодействии. Важным фактором, раздвинувшим границы эстетического отношения художников к действительности, явилось их обращение к инонациональному пласту жизни, к инонациональному герою, в частности, представителю русского народа, взятого в контексте национальных образов. В свою очередь, эта позиция расширяла философский диапазон литературы, обогащала поэтику произведений, усиливала, по мере возможности, её аналитическое начало. В черкесской литературе эта проблема решается на основе творческого постижения культуры народа, национальной специфики его традиций.

Для литератур народов Северного Кавказа обращение к теме русского народа было принципиально важным. Постигая мастерство

* КАНКОШЕВ Арсен Мухадинович, кандидат филологических наук, глава администрации Эрсаконского сельского поселения, аул Эрсакон, Адыге-Хабльский район, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, ms.arsen.cankoshev@yandex.ru.

изображения героя — представителя другого народа, писатели глубже осваивали свои жизни. Тема русского народа неотделима от становления и дальнейшего развития каждой из национальных литератур региона. Введение в ткань повествования нового материала позволило по-новому взглянуть на собственно национальное бытие, на проблему национального характера в целом. Тема изображения русского народа, равно как и отдельного его представителя, эволюционировала и представала на каждом этапе в зависимости от уровня зрелости литературы, от индивидуального мастерства писателя.

Обратимся к истокам темы в национально-художественных традициях адыгских народов, в недрах их устно-поэтического творчества, в разностороннем творческом наследии адыгских просветителей. Писатели-просветители в своих очерках, рассказах, новеллах, повестях, написанных на русском языке, художественными средствами закрепили прогрессивность и животворность союза горцев с просвещённой Россией. В творчестве Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея, С. Казы-Гирея и позднее Адиль-Гирея Кешева (Каламбия) и др. обнаруживается не только стремление рассказать русскому читателю о своём народе, но и поддержать своей деятельностью мечту представителей прогрессивной русской интеллигенции о приобщении горцев к просвещению, к новым формам жизни, добрососедским отношениям.

Воплощая эту новую и важную тему, автор «Истории адыгейского народа», составленной по преданиям кабардинцев, исследователь жизни и творчества Шоры Ногмова Г. Ф. Турчанинов со всей определённой доказал, что здравицу-хох мог написать только Шора, только он мог так превознести приезд своего друга — русского академика А. М. Шенгрена:

*Ваш к нам приезд из двухлетней поездки удачен да будет!
Я Вам желаю: наш царь дорогой к вам любезным да будет!
Славное дело, начать что хотите, вам легким да будет!
Чем языки познают, те науки священны да будут!
Будущим людям то пользой да будет, а зависти к ним да не будет!
То, что достигнем совместно, для всех нас полезным да будет!...*
[3, с. 15].

Главная мысль, которая звучит в здравнице — благодарность автора, понимание заслуг русского академика в деле создания первой грамматики черкесского языка.

Фольклорные публикации адыгских просветителей в переводах на русский язык в свою очередь обогащали представления русского чита-

теля о горцах, способствовали тому, чтобы люди разной национальности узнали друг друга. Не без основания пишет Туркби Чамоков: «Идеи русского освободительного движения определили направленность их общественно-эстетических исканий, которые на рубеже двух веков приняли ярко выраженный демократический характер» [5, с. 21].

В первые годы после Октября писатели, опираясь на этот опыт, стремились к эпическому воссозданию национальных характеров. В новом качестве предстала традиционная героиня в первых эпических произведениях — романах Х. Абукова и В. Чернышёва «На берегах Зеленчука» (1930), «Зарево» М. Дышекова (1934), пьесах «Октябрь» И. Амирокова, «Радостная жизнь» С. Темирова. Так, например, персонажи первых черкесских романов М. Дышекова «Зарево» (1934) и Х. Абукова «На берегах Зеленчука» (1930) используют в своей речи слова, усвоенные именно в ходе общения с русскими. Поэтому отдельный интерес представляет принцип использования русских фразеологизмов и фразеологических единиц родного языка в речи героев.

Роман М. Дышекова своим названием «Зарево» символизирует соотнесённость с темой Октября. Главный герой романа Халид происходит из небогатой крестьянской семьи, он уважаемый человек в ауле, гроза богачей, защитник бедняков. Хамид пробыл в Сибири шесть лет за стычку с эфенди аула. В период ссылки он знакомится с большевиком Захаровым, необыкновенным человеком, который объясняет ему смысл происходящих событий. Всё это мы узнаём из уст Хамида Выкова, рассказывающего про свою жизнь Батыру.

— «Я в Сибири был с одним русским, Батыр, по фамилии — Захаров, — говорил Хамид. — Сильный и рослый был мужчина, с открытым широким лбом. На его лице лежала печать тяжелой, беспокойной жизни. Он очень внимательно относился ко мне, на привалах укрывал своей шинелью. Он часто говорил, что в скором будущем мы увидим новую жизнь, наступит новая пора. О, Батыр, это был мужественный и храбрый человек, с ним считались все, а солдаты и офицеры побаивались его. Он меня многому научил. Захаров говорил, что в нашей тяжелой жизни виновны царь и другие богатые люди, и народ может вздохнуть свободно только тогда, когда не будет царя и богачей. «Ты не унывай, Хамид, большая революция будет», — говорил он. Я тогда не понимал, что такое «политика», «революция», он мне объяснил смысл этих слов. Захаров часто говорил: «Когда поедешь на Кавказ, расскажешь людям все, что ты узнал здесь, поможешь им бороться с угнетателями». Такие

люди, борющиеся за свободу рабочих и крестьян, называются «большевиками». Вот какой он был, этот русский, Батыр» [6, с. 33–34].

Путь, на который вступает его главный герой Хамид, выросший в командира отряда, — тому доказательство. Вот как живописуется его новая богатырская суть, внешняя и внутренняя красота: «Я вас не виню, — говорит он пленным, — вы такие же бедняки, как и мы, но вас обманули». «...Нас, как и вас, — продолжает Хамид, — грабили богачи. Я лично всю жизнь работал на Тембот-Толстосума. Я прошу вас подумать вот над чем: за кого вы воюете? Что мы отняли у вас? Пошли убивать нас, чтобы больше богатели наши и ваши классовые враги... Мы боремся за то, чтобы и вы получили свободу... Рабочие России беспрестанно борются за свои права... теперь они хотят отнять власть у буржуазии и, нет сомнения, отнимут» [6, с. 273].

Русский революционер предстаёт перед черкесами в образе богатыря, наделённого лучшими качествами — светлым умом, мужеством, благородством. Реальность описанных событий в романе Дышекова подтверждается историческими фактами. Важным достоинством романа Мухамеда Дышекова является умелый показ образа русского большевика-революционера и его влияние на рост самосознания забитого, тёмного горца.

Значительный вклад в осмысление фактов, стимулировавших духовные начала личности, внесли произведения автобиографических жанров. С эпической настроенностью в повести С. Хатуова «На рассвете» уже в начале 1960-х гг. рассказывалось о сложности становления образа рабочего. Само название удачно говорит о содержании книги, о том значении, какое имело великое зарево Октябрьского рассвета для черкесского народа. Сын бедняка Забита — Хамид работает у кулака пастухом. Весть о великом перевороте в России дошла и до аула, в котором жил Хамид. Но Хамид и другие черкесские ребята не могли разобраться в этом. «Много раз они слышали: на русской земле идет война между большевиками и белыми. Рассказы о большевиках были самыми разнообразными и сбивали с толку аульчан. Аульские богатеи, а заодно с ними мулла Заур пугали жителей: большевики, дескать, продались шайтану, всё уничтожают на своём пути, не щадя ни стариков, ни детей, угоняют скот, грабят имущество. Это вызвало у горцев сильную тревогу и беспокойство».

Наступление рассвета в жизни крестьянского мальчика начинается со встречи с русскими красноармейцами, которые первыми вступили на черкесскую землю, неся знамя освобождения. Со страхом следил то-

варищ Хамида Анур, как тот приближался к солдатам. Но русские оказались не злыми, а добрыми, встретили его с улыбкой. «Высокий человек в защитной гимнастерке поманил к себе Хамида, и когда тот, осмелев, подошел, погладил его по голове. Увидев на ногах мальчика порванные чуваки, из которых выглядывали почти все пальцы, он покачал головой.

— По-русски знаешь? — спросил он.

Хамид молчал, не понимал незнакомой речи. Высокий человек развязал рюкзак, вынул оттуда два больших куса сахара и подал Хамиду, показывая на стоявшего поодаль Анура, дескать, на двоих с приятелем. Затем из переметной суммы вытащил поношенные, но ещё довольно прочные ботинки.

— Вот, носи, а эту рвань выбрось...» [4, с. 34–35].

Вот при таких обстоятельствах встретился с русскими юный черкес Хамид, главный герой повести. Прошло немало времени. Хамид стал часто задумываться над своей жизнью, мириться с настоящим его положением он не мог, и тогда он обратился к секретарю партийной ячейки Аслану. Получив от Аслана записку в партийный комитет, тайком от отца и любимой девушки Нафицы, направляется Хамид в «большой город» — к русским. Русский человек по имени Василий определил мальчика в детдом, где Хамид, общаясь с русскими детьми, научился говорить по-русски и обучился ремеслу.

Огромная душевная теплота чувствуется у автора к русскому народу, когда он рассказывает, как его накормили и уложили спать. Описывая состояние Хамида, автор пишет: «Лежа впервые на мягкой постели, Хамид с благодарностью думал о русских, о настоящих добрых людях, приютивших и пригревших его, полунищего горского мальчика». Когда Хамид приезжает на побывку в аул, он рассказывает отцу о том, как попал в детский дом.

«Сам бы не попал, — говорит он, — русский человек помог, Василий. Хороший он». Отец Хамида с чувством великой благодарности думает о русских. Проводив сына в детдом, старый Забит возвращается домой довольный: «Шел он, не торопясь, на душе у него было тихо и спокойно. Теперь он уже не тревожился о судьбе сына, в сердце всё глубже и глубже пускало ростки чувство благодарности к русским, которые считают Хамида своим сыном» [4, с. 37].

Идея дружбы красной нитью проходит в творчестве писателя Абдулаха Охтова. В рассказе «Спустя 10 лет» А. Охтовым с большой любовью выведен образ русской девушки. Молодая девушка, окончившая

Московский медицинский институт, Рая Богданчикова, едет работать в черкесский аул. В районном центре она встречает председателя колхоза Сафара и председателя Совета Нуха. Вечереет, над землёй расстилается густой туман. Рае хочется поскорее увидеть величественные красоты Кавказа, двуглавый Эльбрус, воспетый гениальными русскими писателями, но она видит только ровные поля, покрытые густой зеленью, а седовласые горы скрыты туманом. В одном из аулов пришлось сделать неожиданную остановку. У тракториста Назира открылась старая фронтовая рана. Рая оказывает первую помощь на квартире больного, и гостеприимные черкесы оставляют её у себя.

«В комнату вбежала трёхлетняя черноглазая дочь Назира. Рая бросилась навстречу девочке, подняла её на руки и спросила:

— Как тебя зовут, красавица?

— Рая, — ответила девочка, протирая пухлыми кулачками сонные глаза.

— Ого, да мы, оказывается, тезки. А по-черкесски, как тебя зовут? — улыбаясь, спросила Рая.

Девочка, недоумевая, повторила своё имя.

— Да, вы тезки. С этим именем много хорошего и благородного связано в моей жизни. Находясь в госпитале, я решил, если вернусь живой с войны, которая изувечила мне ногу, и у меня родится дочь, то я обязательно назову её Раей, — начал Назир, лежа в постели. А Рая с ребенком на руках, повернувшись к нему, внимательно слушала взволнованного Назира. — И вот мечта моя сбылась: я назвал её Раей. Раненный под Москвой, я попал в Яузский госпиталь. Там работала медсестра Рая. Девушка Рая Богданчикова... [7, с. 283].

Во время рассказа они неотрывно смотрели друг другу в глаза, и вдруг Назир рывком сел в постели и, вскинув руки, крикнул:

— Рая!

— Николай! — Рая бросилась к Назиру, крепко прижимая одной рукой к себе девочку.

— Мама, это Рая! — крикнул Назир.

И вбежавшая мать, увидев обнявшихся, поняла, в чем дело. Она со слезами радости на глазах сердечно обняла Раю и сказала:

— Отныне ты моя родная дочь, милая» [7, с. 284].

От этих простых взаимоотношений людей, описанных Охтовым, веет хорошей дружбой обыкновенных людей, закалённой в горниле Великой Отечественной. Сюжет рассказа взят из жизни.

В рассказе «Шелковый кисет» инженер Андрей Лебедев после демобилизации едет в горный аул Псиаф руководить строительством электростанции. Здесь он останавливается у Алиевых, дочь которых тоже работает на строительстве. Девушка замечает шёлковый кисет у инженера, который она вышивала своему другу Назиру, провожая его на фронт. Ей не терпится узнать, как попал кисет в руки Лебедева и где Назир. В тот день, когда жители аула спасали плотину от разлившейся горной реки под руководством Лебедева, Нафица узнала историю шёлкового кисета. Кисет Андрею подарил его фронтовой друг Назир, с которым он шагал от Сталинграда до Карпат. Смертельно раненный на Карпатах, Назир подарил кисет Андрею. Закончив свой рассказ, Андрей протянул кисет Нафице и сказал:

— «Вот, берите кисет... табаку там уже нет. Кисет принадлежит вам.

— Нет, Нафица не возьмёт кисет. Кровью скреплена дружба Андрея с её Назиром. Пусть носит кисет на память о своём друге этот мужественный, ставший родным и близким, русский инженер...» [7, с. 352–353].

Нафица не дотронулась до кисета. Глубокое уважение к фронтовой дружбе двух людей продиктовало Нафице её поступок. В рассказах А. Охтова впервые была предпринята попытка рассказать о фронтовой дружбе советских солдат, скреплённой кровью. Особое место занимает тема фронтового побратимства бойцов разных национальностей.

В трилогии Ц. Коховой «Фатимат» [2] становление духовного мира главной героини учительницы и её новых идеалов связано с образом русского человека — с первым учителем и наставником, который помог открыть ей богатство русской культуры, приобщиться к свету, знаниям, понять смысл великого слова «дружба». Здесь обучались представители всех национальностей области. Русский язык, став для всех вторым родным языком, не только сдружил детей, но и приоткрыл им путь к русской культуре. Сама писательница, как и её героиня, прошла жизненную науку в ШКМ. Её живые свидетельства обогащают повествование, которое ведётся от лица автора. Героиня Фатимат, пройдя вместе со своим народом трудный путь борьбы за новую жизнь, испытав все удары судьбы, пережив войну и трудное послевоенное время, пронесёт через всю жизнь пример, преподанный ей учителями.

Памятуя о том, что сделал русский народ для экономического и культурного возрождения горских народов, Ц. Кохова на примере

своей героини раскрывает возросший уровень её человеческого и социального мышления. Учительница Фатимат продолжает свой нелёгкий труд и в страшные дни оккупации, не забывая ни на минуту о своей гражданской обязанности отдать людям всё то, чему научила её, что воспитала в ней советская школа.

В новом романе Ц. Коховой «Комната матери» [1] примечателен образ другого персонажа — Рожкова, приехавшего в аул из русского города. Юношу Алджери сдружил с учителем русский язык. При первых встречах юный горец не понимал ни одного слова из того, что говорил его старший друг, но к концу года он уже сносно говорил по-русски. Рожков научил его не только говорить по-русски, но и рабочей профессии, и это предопределило его дальнейшую судьбу. Уроки добра дали всходы в душах горцев, помогли увидеть иначе лицо русских людей, которые ещё вчера многие горцы называли гяурами.

О том, как создавался большой, общий для всех народов страны дом, как защищался его очаг, как поднимался этот дом усилиями всех советских людей из руин и пепелища, рассказывают черкесские писатели, делая главный акцент на родовых качествах отечественной литературы — гуманизме и патриотизме.

Литература

1. *Кохова Ц. М.* Комната матери : роман, рассказы. Черкесск : Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1989. 397 с.
2. *Кохова Ц. М.* Фатимат. Роман / пер. с черк. Р. Радовской. М. : Сов. Россия, 1974. 143 с.
3. *Хапсироков Х. Х.* Пути развития адыгских литератур. Черкесск : Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1988. 268 с.
4. *Хатуов С. И.* На рассвете: Повесть / пер. с черк. Л. Епанешникова. Черкесск : Кн. изд-во, 1956. 86 с.
5. *Чамоков Т. Н.* Национальное наследие и становление социалистического реализма в адыгских литературах : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1988. 39 с.
6. *ДыцэкI М.* Пшэплъ. Черкесск : Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1990. 288 с. [*Дышеков М. П.* Заря : роман. Черкесск : Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1990. 288 с. — на черк. яз.]
7. *Охьутэ А. Н.* Тхыгъэ зэхуэхьэсахэр. Черкесск : Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1969. 376 с. [*Охтов А. Н.* Избранные произведения. Черкесск : Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1969. 376 с. — на черк. яз.]

Arsen M. KANKOSHEV,
Cand. Sci. (Russian Language and Languages of People
of the Russian Federation), Head, Administration Ersakonsky
Rural Settlement, aul Ersakon, Adyge-Khabl District,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, ms.arsen.cankoshev@yandex.ru.

**Practices of Representing the “Foreign Hero”
in Circassian Literature**

The appeal to the other layer of life, a hero from other ethnos, in particular a representative of the Russian people, taken in the context of national images, is an important factor that has pushed the boundaries of the aesthetic attitude of artists to reality. The paper examines the evolution of the image of the Russian people and its representatives at different stages of the development of Circassian literature in terms of the level of maturity of self-awareness and individual skill of the writer. Attention is paid to the image of the “new man”, interpretations of the image of the “hero from other ethnos”, friendship between Russians and highlanders, their mutual understanding and mutual assistance. The paper is based on the analysis of novels by Circassian authors of the Soviet period, Ts. M. Kochova, Kh. Kh. Khapsirokov, S. I. Khatuov, T. N. Chamokov, A. N. Okhtoev, M. P. Dyshekov.

Keywords: *Caucasus, Circassian writers, essay, novella, novel, images of heroes, a new man, a foreign hero, Ts. M. Kochova, Kh. Kh. Khapsirokov, S. I. Khatuov, T. N. Chamokov, A. N. Okhtoev, M. P. Dyshekov.*

П. К. Чекалов*

**Абазинская литература 1948–1959 годов
(Реконструкция по данным национальной прессы)**

В послевоенные годы (1948–1959) абазинская литература преимущественно развивалась на страницах национальной периодической печати. Реконструируя литературный процесс тех лет по осуществленным публикациям, автор статьи выявляет количество произведений по годам, числовые показатели по поэзии, прозе, драматургии, что позволяет определить степень развития каждого жанра в определённый отрезок времени. Выясняются новые имена, датировка их дебютных выступлений. В результате показана

* ЧЕКАЛОВ Пётр Константинович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела литературы народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсиорова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, chekalov58@rambler.ru.

общая картина абазинского литературного движения послевоенного периода — общее количество публикаций (649) и их распределение по жанрам: 576 (88,8 %) — стихотворные, 67 (10,7 %) — прозаические, 6 (0,9 %) — драматургические. Данные говорят об активном развитии поэзии, медленном формировании эпоса, зачаточном положении драмы. Часть напечатанных произведений (142, или 21,9 %) являлась переводной. Всего на страницах газеты было представлено 69 иноязычных авторов, 37 абазин. Из последних активно проявили себя Б. Тхайцухов, М. Чикатуев, К. Джегутанов, П. Цеков, Дж. Лагучев, Х. Жиров, определившие лицо национальной литературы в последующие десятилетия.

Ключевые слова: послевоенный период, литературный процесс на Северном Кавказе, абазинская периодическая печать 1948–1959 гг., газеты «Черкес къапщ», «Красная Черкесия», «Социалистическая Черкесия»; «Свет коммунизма», жанровая палитра публикаций, переводы на абазинский язык.

Временно остановившая свою работу в связи с начавшейся Великой Отечественной войной газета «Черкес къапщ» («Красная Черкесия») возобновила свою свой выпуск 15 ноября 1945 г. Забегая вперёд, отметим, что с 27 января 1953 г. газета стала выходить под названием «Социалистическая Черкесия», с 11 марта 1958 г. — «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма»), а с 27 августа 1991 г. — «Абазашта» («Абазиния»).

Первой послевоенной литературной публикацией в национальной периодической печати явились две строфы из песни В. И. Лебедева-Кумача «Песня о Родине» в переводе на абазинский язык. Состоялось это 19 февраля 1948 г. При этом ни автор, ни переводчик указаны не были, и располагались два четверостишия в верхней части по краям газетной полосы:

Москва угIалагата акъралъ
агIвынадзагы
Юг быхъвквa йгIаршIарышвта север
тенгызквадза
АгIвы дшхозяйну апш дауацIситI
Алапш йазгIацIанамкIуа йара
йродина.

(От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей,
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей).

ЙгъагъапI сара скъралъ цри,
ЙщардапI ауи апны бна, рхъа,
дзыгIв.
Сара йгъсыздырам датша
къралъкIгъи,
Араъа апш хвита псып гIвы
йъахъайгылуа.

(Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек).

Между двумя этими строфами располагалось общее заглавие всей полосы: «Трудовой день нашей области» («XIара хIобласть апны нхара мшы»). И песенные куплеты выполняли роль своеобразного эпиграфа

к размещённому на странице материалу, задавали общий тон, настрой, уверенность в том, что советский человек живёт в лучшей стране мира. Таким образом, на одной газетной площади соединились стихи и публицистика, патриотизм и трудовые будни.

Вторая публикация тоже была переводной и носила фольклорный характер. В статье ногойского писателя Фазиля Абдулжалилова «Освобожденная женщина» («Зхъа йахвитхаз абзыльхвыгIа») в качестве яркой иллюстрации к бесправному положению дореволюционной женщины приводилась народная песня:

Сысквш апны сщапIы сывкылтI сара.
СгIысквш апны — ачважвара джвыквсцIатI.
Сыхсквш апны — сынбджбагIвчва срыцхъмаруан сара.
Йспшысквшахуз апны — ахъмарра ашIасрысхI.
Схвысквш апны — тадзах таздахауа сырбжъатI сара.
Сцысквш апны — схъапщра дыртшхъватI.
СагIсквш апны — тшсрычIарачIауа салагатI сара.
Сыжвсквш апны — йапхъахуз агвакъвпра санйатI.
Сжвасквш апны — абайа агIвпартала дсдырбатI сара.
Сжвизсквш апны — ауи йлыкIва гIайцтитI.
СжвыгIвсквш апны — сыхъаз чма гIаддрыцтI.
Сжвахсквш апны — йалгатI сара суарад¹.

Всего в 12 строк народный гений уложил безрадостную девичью судьбу. И самой пронзительной, публицистически заострённой и в то же время образной, отчётливо выражающей главную мысль произведения, выступает самая последняя строка: *«В тринадцать лет закончилась моя песня»*. «Песня» в данном случае олицетворяет судьбу, только-только начинавшуюся жизнь девочки-подростка. *И она закончилась тогда, когда её выдали замуж за богача.*

Удивительно точно с идеей ногойской песни совпадает реплика Бориса о замужних женщинах в пьесе А. Н. Островского «Гроза»: «Здесь что вышла замуж, что схоронили — все равно» [7, с. 267]. И там, и тут

¹ «В первый год я встала на ноги. Во второй год я заговорила. В три года я играла с подружками. В четыре года игры прекратились. В пять лет меня научили вышивать. В шесть лет похвалили мою красоту. В восемь лет я стала наряжаться. В девять лет я встретилась с первым волнением. В десять лет через щель мне показали богача. В одиннадцать лет он прислал сватов. В двенадцать лет пригнали выкуп для меня. В тринадцать лет закончилась моя песня».

личная, социальная и общественная жизнь женщины с выходом замуж трагично обрывается. В этой песне отразилась судьба не только ногайских девушек, но и всех северокавказских горянок. Отметим также, что эта же тема затрагивалась Т. З. Табуловым в рассказе «Фатимат» и песне «Гуля и Фатимат».

Третья литературная публикация, состоявшаяся 6 мая того же 1948 г., включала в себя два переводных стихотворения с ногайского «Эльбрус» и «Когда я говорю “Родина”» (автор — Ф. Абдулжалилов), и ещё два, принадлежавшие И. Табулову: «Дружно живем» и «Тракторист». Отметим, что Исмаил Табулов являлся одним из первых и наиболее активных абазинских стихотворцев довоенных лет, он же своими произведениями открывает список оригинальных публикаций послевоенного времени.

Кстати сказать, последняя подборка из четырёх стихотворений представляла собой литературную страницу. Тут же было напечатано редакционное обращение к читателям. Отметив, что за годы войны Черкесская область понесла большой урон, заметка актуализировала проблему национальной словесности: «Точно так же, как мы боремся за восстановление народного хозяйства, должны мы ратовать и за развитие нашей литературы. Поэтому мы публикуем сегодня первую послевоенную литературную страницу. Такие полосы мы планируем выпускать ежемесячно. В связи с этим обращаемся к вам, друзьям, читателям нашей газеты, с просьбой присылать нам свои литературные сочинения. Особое внимание стоит уделять стихотворениям, современным сказкам, очеркам о колхозах, бригадах, передовых звеньях. Все, кто нуждается в помощи по этим вопросам, обращайтесь в редакцию. Мы всегда вам поможем» [5, с. 2].

Обращение не было подписано, но с большой долей вероятности можно предположить, что автором её, как и идеи в целом, являлся Хамид Даутович Жиров, назначенный ответственным редактором со времени возобновления издания газеты в ноябре 1945 г.

Выпускать ежемесячно литературные страницы не получалось. Вероятно, не набиралось необходимого материала, но тем не менее время от времени они выходили к читателю.

Небезынтересно отметить, что в те годы печать обращала пристальное внимание ходу и результатам экзаменов в школах, прохождению сессии в педагогическом училище и учительском институте. Так, 22 мая газета посвятила этим вопросам всю вторую полосу, дав ей об-

щий заголовок: «Первый день экзаменов и испытаний» («Аэкзаменкви аиспытанакви йапхъахауа рымш»). И тут же в верхней части, занимая срединные две колонки из четырёх, было помещено тематическое стихотворение Хамида Жирова «Настало время первостепенных задач», подписанное псевдонимом Х. Даутов.

И Исмаил Табулов иной раз ставил под своими публикациями псевдоним Т. Исмаилов. Так, 22 июля из двух его стихотворений «Уборка зерна» и «Солдатская могила» первое было подписано его настоящим именем, а второе — литературным. Тут же помещено было следующее стихотворение Х. Жирова «Добьемся успехов». Эти публикации наряду со статьей Ф. Малхозова «Говорят абазинские пословицы» составили вторую литературную страницу. Третью подобную полосу, датированную 27 ноября, сформировали стихотворения И. Табулова «Доблестный комсомол», А. Охтова «Табунщик» (пер. с черкесского без указания переводчика), рассказ Ф. Абдулжалилова «Сила ненависти» (перевод с ногайского без указания переводчика). Четвёртая творческая страница состоялась 5 декабря и представляла собой переводные с украинского языка стихотворения В. Сосюры «Днепрэльстан» (пер. Х. Жирова), М. Рыльского «Семья непобедимых» (пер. С. Симховой) и отрывок из заключительной главы романа О. Гончара «Знаменосцы» (пер. Д. Агирбова). Последней литературной публикацией 1948 г. стала повесть Ф. Абдулжалилова «В семье смелых», которая печаталась 28 и 30 декабря, а затем была продолжена в 14 номерах 1949 г. По поводу этого события Х. Жиров писал позднее: «Переводчик Дж. Агирбов изрядно помучился, но справился со своей задачей отлично. Повесть правдиво отражала военные события, привлекала внимание читателей, вызывала множество вопросов. И самым обидным среди них был: почему абазины не могут создать ничего подобного?» [3, с. 113].

Таким образом, за 1948 г. в газете было напечатано 17 литературных сочинений, из которых 10 являлись переводными (рассказ, фрагменты из повести и романа, семь поэтических произведений) и 7 оригинальными стихотворениями. Авторами переводных произведений являлись русский В. Лебедев-Кумач, украинцы М. Рыльский, В. Сосюра, О. Гончар, черкес А. Охтов, ногаец Ф. Абдулжалилов. Из них активнее других печатался последний автор: ему принадлежат 5 из 10 переложённых на абазинский язык произведений. Из 7 абазинских стихотворений 5 принадлежали И. Табулову и 2 — Х. Жирову. Эти авторы, вступившие на творческую стезю ещё перед войной, наряду с перечисленными выше

иноязычными писателями открыли новую страницу истории абазинской литературы. Они показали пример молодым людям, не ведавшим о существовании до них какой-либо национальной словесности, что и на родном языке можно создавать стихи.

Литературный урожай следующего 1949 г. был значительно богаче: 45 произведений! И абсолютное большинство из них (44) имело стихотворную форму. Прозу представлял единственный рассказ Л. Цунаева «Красное знамя» (13.10.49 с продолжением в двух последующих номерах), являвшийся переложением с русского языка. (Здесь мы не учитываем продолжение и окончание повести Абдулжалилова «Семья смелых», отнесённую к публикациям прошлого года.) И, если в 1948 г. переводные произведения преобладали над оригинальными (10 и 7), то в 1949 г. ситуация меняется кардинально: на 40 публикаций приходится лишь 5 переводных.

Изучая данные 1949 г., складывается впечатление, будто призыв газеты к читателям присылать свои произведения, озвученный в начале мая 1948 г., был услышан лишь в следующем году, когда в литературный процесс включились 13 юношей и девушек. Из них по одному стихотворению опубликовали М. Кунижев, Р. Шереметов, С. Эбзеева, К. Татаршао, П. Дзугов; по два — М. Туков, З. Маматова, И. Кадыжев; 3 — А. Тамбиев; 5 — М. Физиков; по 6 — Ш. Физиков, Б. Тхайцухов; и наибольшую активность проявил К. Братов — 9. Последний стихотворец будет и далее регулярно выступать на страницах печати, но впоследствии его творческий энтузиазм ослабнет, и он отойдёт от литературной деятельности. Также оставят занятия литературой и большинство названных имён. Из них свой заметный след оставит только Ш. Физиков, а Б. Тхайцухов уже к 1960 гг. выдвинется в разряд ведущих национальных писателей, определяющих лицо абазинской литературы XX в.

Отдельной строкой выделим, что в литературном процессе этого года впервые приняли участие женщины: З. Маматова и С. Эбзеева.

Следующий, 1950 г. по количеству напечатанных произведений даже превзошёл предыдущий (50), хотя число стихотворцев уменьшилось до 11. Из призыва 1949 года никак не проявили себя Кунижев, Шереметов, Татаршао, Дзугов, Туков, Кадыжев, Маматова. Зато появились новые имена: К. Джегутанов — 3, Дж. Лагучев — 2, Ч. Огузов — 1, Ш. Братов — 1, И. Тхайцухов — 1; к творческой работе вернулся П. Цекков, вступивший в литературу в предвоенные годы (4). Ещё по 3 стихотворения были напечатаны С. Эбзеевой, М. Физиковым, А. Тамбиевым.

Самыми продуктивными авторами года стали Ш. Физиков — 7, Б. Тхайцухов — 8, К. Братов — 9.

Переводные произведения 1950 г. были немногочисленны: «Песня о Щорсе» М. Голодного, «Казачья песня о Сталине» А. Исакова и три больших стихотворения кабардинского поэта А. Шогенцукова: «Ленин», «Сталин», «Кайдух». За исключением одной публикации Ш. Физикова «Современные люди» (отрывок из рассказа) все остальные были стихотворными. Отдельно стоит отметить публикацию 8 апреля отрывка из поэмы Б. Тхайцухова «В семье родных». Спустя два с половиной месяца (18 июня) П. Цеков напечатал первую часть поэмы «Сухая балка цветет» с продолжением в других номерах.

Дебютанты этого года — К. Джегутанов и Дж. Лагучев — к 1980-м гг. будут признаны классиками национальной литературы, а Ч. Огузов в дальнейшем не проявит большой публикаторской активности. Он станет неприметной фигурой, хотя в 1965 г. и напечатает в газете оригинальную, действительно весёлую комедию «Сажа», которая войдёт в школьные хрестоматии.

За 1951 г. обнаружено всего 41 литературная публикация, из них 39 — стихотворные и только 2 — прозаические: отрывок из повести Х. Жирова «Верным путем» (08.09.51) и переводной рассказ Л. Цунаева «Счастье Галины Орловой» (30.10.51). Литературных переложений и в этом году было немного: помимо упомянутого рассказа Цунаева, ещё 4 стихотворения черкесских поэтов И. Ханфенова (3) и Ан. Охтова (1).

Основной контингент печатавшихся тот же, что сформировался к 1950 г.: К. Братов — 6, Б. Тхайцухов — 6, Дж. Лагучев — 6, К. Джегутанов — 5, М. Физиков — 5, П. Цеков — 3 и т. д. Становится заметным отсутствие Ш. Физикова, достаточно активно публиковавшегося в предыдущие годы. Это было вызвано его призывом на срочную службу в армию. Из заметных явлений данного года назовём публикацию двух стихотворений старейшего на то время из абазинских писателей Т. З. Табулова: «Пионерская песня» (01.04.51) и «Радостная жизнь» (08.09.51).

Приводившаяся выше статистика свидетельствует о том, что все молодые люди, вступавшие в национальную литературу после войны, писали только стихи. Проза в эти годы — большая редкость. Если и случались такие публикации, то они, как правило, переводные: отрывок из романа О. Гончара «Знаменосцы» (05.12.48), рассказ Ф. Абдулжалилова «Сила ненависти» (27.11.48), его же повесть «В семье смелых» (28.12.48 — 08.02.49), рассказ Л. Цунаева «Красное знамя» (13.10.49). Лишь однажды

Ш. Физиков поместил в газете отрывок из рассказа «Современные люди» (27.05.50). За исключением произведений Т. З. Табулова по фольклорным произведениям и мотивам, вошедшим в сборник «Абазинские сказки» (1947), прозаические жанры в послевоенной национальной литературе не развивались. И вот Х. Жиров публикует отрывок из повести «Верным путем» в то время, когда не было ещё ни одного приличного литературного рассказа на абазинском языке. Это было неожиданно.

В качестве своеобразного штриха к литературному процессу укажем и на информацию Н. Ашкацао о том, что 22 декабря 1951 г. в педагогическом училище г. Черкесска состоялась встреча студентов с писателями Черкесии, на которой выступили К. Братов, К. Джегутанов, В. Михайлов [1, с. 2]. Таким образом, молодые стихотворцы не замыкались только на творческой работе, они выходили к читателю, общались с ним, делились результатами своего труда.

По сравнению с предыдущими годами публикации 1952 г. резко пошли на убыль: всего 27. И основная часть из них приходится на период с января по август (25), за последние четыре месяца календарного года было напечатано только 2 произведения. Обращает на себя внимание и тот факт, что почти половина авторов (7 из 15) были иноязычными: русские — Б. Мокроусов и В. Михайлов, черкесы — Х. Гашоков, Аб. Охтов, И. Ханфенов, С. Шаов, ногаец — Ф. Абдулжалилов. Из абазин в литературном процессе года принимал участие сложившийся к тому времени костяк: К. Братов — 5, Дж. Лагучев — 4, по 2 у — Б. Тхайцухова, П. Цекова, К. Джегутанова, Х. Жирова. Примечательными для этого года были публикации поэм Б. Тхайцухова «Мир будет мирным» (02.02.52) и П. Цекова «Подвиг комсомольца» (03.04.52, с продолжением в следующем номере). 8 марта этого года Т. З. Табулов напечатал стихотворение «Наши женщины». Это была последняя его литературная публикация.

Также примечательным событием года стало появление на страницах газеты сразу 5 рассказов: Х. Жирова «Под солнцем коммунизма» (22.03.52) и «Радостная встреча» (17.05.52., с продолжением в следующем номере), Б. Тхайцухова «Иналь» (9.08.52) и двух переводных: Аб. Охтова «Встретились радостно» (27.03.52) и С. Шаова «Мужество» (26.08.52).

Ещё в начале года, 2 февраля, редакция поместила информацию о том, что следующую литературную страницу планируется подготовить к 15–20 февраля и просила авторов сдать свои произведения к обозна-

ченному сроку. Помимо того, она обращала внимание на то, что готовящийся к изданию коллективный сборник на абазинском языке нуждается в дополнительном материале и подчёркивала: «Больше всего требуется проза» [14, с. 2]. Таким образом, газета обнажала наиболее острую проблему текущего момента — крайне недостаточную разработку эпических жанров.

Свидетельством того, что редакция не теряла связи с подписчиками, приглашала их к сотрудничеству, является очередное обращение к ним. 22 марта, предваряя публикуемые на литературной странице произведения, газета просила читателей присылать свои отзывы с замечаниями. Она же сообщала, что 5 апреля состоится литературный вечер, на котором будет оглашено мнение читателей при обсуждении материалов [6, с. 2]. И подобные заседания проводились регулярно.

Х. Д. Жиров понимал, что психологически сложно говорить автору в лицо о недостатках его произведения. Поэтому он придумал, как сделать разбираемые тексты анонимными: распорядился распечатать их на редакционной машинке, не подписывая имён, и разослать участникам собрания. И в таком ключе разговор принял совсем другой характер: более открытый, объективный, критичный. И коэффициент полезного действия таких обсуждений заметно повысился.

2 февраля 1952 г. газета опубликовала статью ногойского писателя Ф. Абдулжалилова «Дорогой процветания» (она была подписана псевдонимом Ф. Ногойлы). Здесь говорилось о достижениях литератур народов Черкесии: русских, ногойцев, черкесов, абазин. О последних, в частности, сообщалось: «Как никогда ранее, за последние два года увеличилось число поэтов и прозаиков области. В этом отношении особенно показательны успехи абазин. Если два года назад у них писателей насчитывалось не более двух — трёх человек, сейчас их количество достигает десяти. Среди них наиболее способными являются П. Цеков, Б. Тхайцухов, К. Джегутанов, К. Братов, Дж. Лагучев. Эти товарищи пишут не только маленькие стихотворения, но и большие поэмы» [4, с. 2].

Обратим внимание на то, с какой лёгкостью молодые люди, напечатавшие всего несколько стихотворений, аттестовались как писатели. Даже у авторов, что признавались талантливыми, ко времени выхода статьи набиралось не более десятка публикаций: П. Цеков, К. Джегутанов, Дж. Лагучев; у Б. Тхайцухова их насчитывалось 20, у К. Братова — 24. О качестве этих произведений вопрос даже не ставится.

Всё это свидетельствует о дефиците творческих людей, и потому первые потуги студентов педагогического училища воспринимались как большое достижение. Это — одна из характерных примет изучаемой эпохи.

1953 г. даёт самую маленькую статистику за все послевоенные годы: всего 7 напечатанных произведений: 3 у К. Джегутанова (среди них рассказ «Пионеры») и по одному стихотворению у К. Братова, Б. Тхайцухова, Дж. Лагучева, П. Дзугова.

В 1954 г. ситуация с публикациями начинает выправляться: 33 напечатанных произведения. Соотношение стихотворных и прозаических — 31 и 2. Количество переводных произведений составляло 9, из них — лишь 1 рассказ С. Шаова. Из абазин К. Джегутанов осуществил 6 публикаций, по пять — К. Братов и Дж. Лагучев, 4 — Б. Тхайцухов, по одному — И. Табулов, М. Физиков, З. Хачуков, М. Чикатуев. Последние два автора заявили о себе впервые: З. Хачуков, будущий прозаик второго ряда, — рассказом «Брат и сестра» (16.12.54, с продолжением в двух номерах) и М. Чикатуев, впоследствии выдвинувшийся в ряды ведущих абазинских поэтов, — стихотворением «Мы — пионеры» (16.12.54). Из иноязычных авторов выступили черкесы С. Шаов и А. Охтов, русские А. Седугин, В. Михайлов и В. Максимов. За исключением заключающего списка автора все остальные были местными писателями. Владимир Максимов (настоящее имя — Лев Алексеевич Самсонов) — молодой поэт, родившийся в Москве, много беспризорничавший, время от времени пребывавший в детприёмниках и колониях, по воле судьбы оказавшийся на юге страны. Некоторое время жил в Черкесске, много занимался переводами местных авторов, здесь же в 1956 г. издал первый сборник стихов «Поколение на часах», после чего вернулся в Москву. Впоследствии стал известным писателем-диссидентом, редактором парижского журнала «Континент».

В 1955 г. газета обнародовала 44 произведения 17 авторов. Почти половина из них были иноязычными: русские — А. Горюнов, В. Максимов, Л. Епанешников, И. Шамов, М. Лиснянский, М. Пилипенко, ногаец — Ф. Абдулжалилов и черкес — С. Хатуов. Всеми ими были опубликованы по одному произведению, и лишь В. Максимовым — 3. Причём одно из них было поэмой («Поэма о матери», 29.12.55). Отрывок из поэмы напечатал и Дж. Лагучев: «Поэма о Мухадине» (30.07.55).

Как и повелось с самого начала, стихотворные произведения многократно преобладали над прозаическими — 41 и 3. Причём два

фрагмента из повестей были переводными: Ф. Абдулжалилов — «Двое из многих» (02.04.55), С. Хатуов — «На заре» (26.04.55), и лишь один оригинальный рассказ Х. Жирова «Верность пионера» (29.03.55).

Отдельной строкой отметим, что «Песня молодого табунщика» (23.06.55) П. Цекова, к которой автор подобрал и мелодию, положила начало жанру лирической песни в абазинской поэзии.

А если рассмотреть статистику активности абазинских авторов, то показатели будут такими: по одному произведению у П. Дзугова, Р. Хужева, Х. Жирова, 3 — у С. Эбзеевой, по 4 — у Дж. Лагучева и Б. Тхайцухова, 5 — у К. Джегутанова, 7 — у М. Чикатуева, 8 — у П. Цекова.

Первое стихотворение Чикатуев опубликовал на исходе 1954 г. (16.12.54), и вот в следующем году он уже печатается наряду с самыми успешными авторами. При этом ранее такой активный поэт, как К. Братов, в 1955-м не публиковался. Появилось новое имя: Р. Хужев выступил с сочинением «Посвящаю тебе первое стихотворение» (07.11.55.). Впоследствии он станет заметным прозаиком, автором повестей «Судьба матери» и «Рассвет Азамата».

Любопытно, что председатель колхоза Х. Пазов и председатель Хабезского райисполкома Карданов выступили с критикой писателей Черкесии, укоряя их за недостаточность крупных эпических произведений, драм, очерков, песен, в связи с чем пожелали им творческих успехов.

Встреча закончилась концертом художественной самодеятельности. Учащиеся семилетней школы исполнили песни и танцы, прочитали стихотворения В. Максимова, П. Цекова, К. Джегутанова, Дж. Лагучева. Завершила газета репортаж о встрече пожеланием, чтобы такое замечательное начинание областного литературного объединения имело продолжение и в дальнейшем.

1956 г. дал 59 литературных публикаций. Самым примечательным из них было то, что появилось произведение нового для национальной словесности литературного рода: драмы. 24 июля (с продолжением в 4-х номерах) была напечатана переводная одноактная пьеса «Где теперь Зайнаб?» («Ужвы Зайнаб дабабу?») без указания переводчика.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в этом году увидели свет 5 рассказов, из которых 4 были оригинальными: «Новое победило» (19.04.56) С. Эбзеевой, «Счастье Шукана» (02.06.56) Х. Жирова, «Любовь» (25.09.56) З. Хачукова, «Напугавший Суфу сон» (23.10.56) Б. Тхайцухова и лишь один — переводным: «Письмо в редакцию» (23.10.56) С. Шаова.

Обнародовано ещё одно переводное стихотворение Д. Гулиа «Думая о Ленине» (22.04.56), приуроченное ко дню рождения вождя российского пролетариата. Традиция обращения к переводу произведений близкородственных абазинам абхазов, заложенная данной публикацией, будет развита впоследствии. Значительно позже одно из своих стихотворений Б. Тхайцухов озаглавит точно так же: «Думая о Ленине» («Ленин сыйзхъвыцуата»).

Соотношение лирических и эпических произведений, как и ранее, было в пользу первых: 53 и 5.

После пятилетнего перерыва, демобилизовавшись из рядов Советской армии, вернулся к литературной деятельности Ш. Физиков, отметившийся шестью стихотворениями в 1956 г. Неожиданно плодотворным этот год оказался для молодого М. Чикатуева: 20 стихотворений. Это составляет треть (33,4%) от общего числа публикаций! До этого никто так часто не печатался. Отметим и тот факт, что 22 марта вся литературная страница была заполнена одними произведениями Чикатуева — 12 стихотворений! Такой чести до него не удостоивался ни один из абазинских писателей. Отметим, что в 1956 г. Чикатуев после первого курса Ставропольского пединститута поступил в Литературный институт имени М. Горького в Москве.

Статистика по остальным авторам была такова: у Х. Жирова и З. Хачукова — по одному, у П. Дзугова и К. Братова — по 2, у К. Джегутанова и Б. Тхайцухова — по 3, у П. Цекова — 4, у С. Эбзеевой — 7, у Дж. Лагучева — 8.

Количественные показатели 1957 г. были почти такие же, как и в предыдущем, — 60, но он оказался богаче на имена (22).

Вслед за С. Куновым 28 мая Б. Тхайцухов опубликовал небольшую сатирическую сценку «Фазан» о прожигателе жизни. Жанр автор определил как скетч: «Небольшая эстрадная пьеса шутивого содержания» [8, с. 461]. 6 августа была напечатана пьеса Т. З. Табулова «Зарыля», а с 10 августа в нескольких номерах подряд вышла другая драма того же автора: «Зули». Эти произведения были созданы на черкесском языке ещё в то время, когда у абазин не было своей письменности. Они вошли в первый сборник Табулова под общим названием «Зули» [9]. В абазинской периодической печати они вышли в переводе У. Ерижева. Автор ушёл из жизни в феврале 1956 г., и, по всей вероятности, эта публикация представляла собой дань памяти писателя, сыгравшего огромную роль в зарождении и возрождении национальной литературы

в предвоенные и послевоенные годы. В следующем, 1958 г., небольшим 55-страничным изданием выйдет на абазинском языке книжка, в которую войдут названные пьесы, а также другие инсценировки, стихи, песни Табулова [10].

В рассматриваемом году прозаических произведений было опубликовано всего 4. Из них — переводной рассказ с русского В. Самойлина «Любовь и долг» (22.06.57) и 3 оригинальных произведения: фрагмент из повести Х. Жирова «В поисках жизни» (05.05.57, с продолжением в двух номерах), рассказы М. Магажокова «Слезы ночи» (30.11.57) и Б. Тхайцухова: «Веник» (09.07.57).

Таким образом, стихотворные произведения занимали 52 из 60 публикаций. Из них выделим поэму П. Цекова «Сказание об одной скале» (27.09.57, 08.10.57), посвящённую 400-й годовщине присоединения Черкесии к России, и перевод грузинской песни «Вано». Отдельный разговор о песенном жанре у нас состоится в другом месте, а тут отметим следующее. После выступлений с пятью стихотворениями в 1948 г. имя Исмаила Табулова на газетных полосах встречалось редко («Вечерняя встреча», 28.08.54). И вот в исследуемое время он снова опубликовал стихотворный текст «Моя светлая» («Сылашара», 05.05.57), жанр которого был определён как песня. И, возможно, данные стихи имели свой музыкальный мотив.

Как и в предыдущем году, в 1957-м лидерство оставалось за М. Чикатуевым (19 публикаций). Отметим и то, что в течение этого года две литературные страницы были полностью заняты его произведениями: 24 января — 8 стихотворений и 5 сентября — 8 стихотворений. За ним шли Б. Тхайцухов (12), К. Джегутанов (5), Дж. Лагучев (3), Ш. Физиков (2). Остальными авторами было опубликовано лишь по одному произведению: Х. Жиров, И. Табулов, К. Братов, П. Цеков... В этом ряду выделим и следующих публикаторов: М. Магажоков, Р. Кенжев, А. Курумбаев, Е. Шхаева, М. Тлябичева. Это были новые имена.

Из 60 произведений 1957 г. 10 являлись переводными: две пьесы Т. З. Табулова, рассказ В. Самойлина, грузинская песня «Вано», о которых говорилось выше, а также стихотворения В. Маяковского («Прощание», «Стихи о советском паспорте»), В. Михайлова, Д. Гулиа, М. Гамази.

Публикационная активность 1958 г. оказалась ещё выше, чем в предыдущие годы: 94 произведения 36 авторов. Причём почти половина из них — иноязычные: В. Маяковский, В. Михайлов, М. Матусовский, К. Фельдман, Н. Кириленко, А. Яльмаров — русские; Ф. Абдулжалилов,

С. Джюмай — ногайцы; Х. Гашоков — черкес; Б. Шинкуба, А. Ласурия, Т. Чания, И. Когония, К. Ламя, Ш. Чкадуа — абхазы.

Отметим, что во введении абхазских поэтов в русло абазинского литературного процесса главную роль сыграл молодой поэт У. Цеков. Родившись в Черкесии, он ещё в школьные годы оказался в Абхазии, окончил пединститут в Сухуме, первое своё стихотворение опубликовал в журнале «Алашара» (Сухум), а к абазинскому читателю вышел в 1958 г. со стихотворением «Салам, Тбилиси!» (27.11.58). И переводчиком с абхазского на абазинский всех перечисленных выше поэтов стал он же. Впоследствии У. Цеков издаст два сборника стихотворений на абхазском («Песня брата», Сухум, 1964) и абазинском языках («Два ребра одной скалы», Черкесск, 1965).

Из переводных произведений обратим внимание на поэму В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (15.04.58, с продолжением в других номерах). Отдельным изданием поэма выйдет в 1963 г. Над её переложением на абазинский трудился В. Меремкулов. Напомним, что данным автором ранее были переведены и стихотворения Маяковского «Прощание», «Стихи о советском паспорте». Переложение произведений Маяковского имели свою политическую и идеологическую подоплёку, но и эстетическое их значение несомненно!

Также переведены были и напечатаны одноактная пьеса К. Фельдмана «Глубокая вспашка» (09.09.58, с продолжением в двух номерах), рассказы В. Салимова «Пусть радуются дети» (1.05.58), В. Михайлова «Темнота» (16.09.58, с продолжением в трёх номерах), фрагмент романа Ф. Абдулжалилова «Перекаты» (02.09.58).

Если рассмотреть статистику по литературным формам, то выяснится, что прозой было написано всего 13 произведений, среди них переводные пьеса Фельдмана, отрывок из романа Абдулжалилова, рассказы Салимова, Михайлова, о которых мы говорили выше. Помимо того, укажем на рассказы Б. Тхайцухова «Мухамад» (26.04.58, с продолжением в двух номерах), «Сын Ленина» (31.05.58), «Свет огня» (08.12.58), «Зависть» (20.12.58), З. Хачукова «Маленькие партизаны» (12.08.58), «Воспоминание» (13.11.58), Дж. Лагучева «Семья чабана» (05.08 — 07.08.58), Я. Эскиндарова «Лида» (05.06 — 07.06.58).

Заметим, что начинавшие как поэты Тхайцухов и Лагучев понемногу осваивают малые эпические формы. Впоследствии Лагучев станет автором романа «Джандра» (1986), а основные творческие завоевания Тхайцухова будут связаны с повестями и романами. Такая же судьба

уготована и К. Джегутанову, опубликовавшему свой первый рассказ ещё в 1953 г. В этом плане З. Хачуков отличался постоянством: он начинал как прозаик и оставался таковым. Самой заметной в его творческом наследии станет повесть «Проданный с конем» (1966).

Первый опыт нового эпического жанра — воспоминание — вышел из-под пера Х. Жирова: «С юности вобрал в себя» (22.04.58). В последнюю свою книгу «Разбуженные солнцем» (1972) Хамид Даутович включает и расширенные мемуары. Публикация 1958 г. позволяет установить время обращения автора к данному жанру.

Отметим, что эпических произведений и в рассматриваемом году было не так много (12), но в то же время такого всплеска интереса к ним ранее не наблюдалось.

Стихотворные произведения традиционно многократно превосходили прозаические: 81 из 94. И здесь стоит отметить в первую очередь поэму П. Цекова «Случай на берегу Кубани» (12.06.58 г., с продолжением в двух номерах).

Новшеством этого года является то, что тексты песен начинают печататься вместе с нотами. Мы говорили ранее, что жанр лирической песни в послевоенной литературе берёт начало с «Песни молодого табунщика» П. Цекова (23.06.53). Но публикации с нотами, о которых идёт речь, начались с песни М. Нипа «Мать» (17.05.58), и уже вторым номером пошла та, которая по праву должна была открыть этот цикл: «Песня табунщика» (20.05.58). Следом пошли ещё две песни П. Цекова «Берегом Инжича» (22.05.58), «Песня ученической бригады» (20.09.58), две песни М. Физикова «Подпевай и ты» (23.09.58), «Песня друзей» (07.10.58) и ещё одна песня К. Братова «Комсомол» (02.10.58). Отметим и то, что ноты ко всем текстам были записаны композитором М. С. Иваненко. Это начинание найдет своё продолжение и в следующем году: Б. Тхайцухов — «Моя красивая» (17.03.59), К. Джегутанов — «Песня абазинской девушки» (19.03.59). В последнем случае ноты были записаны известным советским композитором В. И. Мурадели.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что в 1958 г. стихотворением «Песню громким голосом» (24.07.58) дебютировал М. Дагужиев. Позднее он издаст сборник стихотворений «Дорога молодости» (1967), поэму «Месь» (1969), после чего перейдёт на прозу и в 1980–2010-е выдвинется в разряд ведущих национальных прозаиков и драматургов.

Дебютантом года стал и М. Агачев: 11 марта — «Мой сон», 29 ноября — «Салам, Абхазия!», 16 октября — «Журавли улетают». Публикацион-

ную деятельность он продолжит и в следующем году (5 стихотворений), но две свои книги, в которых он соберёт все свои стихи, рассказы, статьи, очерки и воспоминания, издаст спустя более полувека: «Честь дружбы» (2016), «Тропинки моей долины» (2018). Основной же творческой деятельностью его станет живопись. Им будет создано более 400 полотен.

Если обратиться к статистике публикаций по авторам, то картина основных показателей будет такой: Б. Тхайцухов — 15, П. Цеков — 11, К. Джегутанов — 9, М. Чикатуев — 7, К. Братов — 6, Дж. Лагучев, Р. Кенжев — по 4, М. Агачев и Б. Шинкуба — по 3, М. Тлябичева, Е. Шхаева, З. Хачуков, И. Когониа, М. Физиков — по 2, остальные — по одной.

Вспомним общие статистические данные последних из изучаемых лет: в 1954 г. состоялись 33 публикации, в 1955 — 44, 1956 — 59, в 1957 — 60, в 1958 — 94, в 1959 — аж 172! Налицо стабильный рост!

В конце 1958 г. сотрудник газеты Б. Тхайцухов сообщал с радостью: «За последние годы резко возросло количество приходящих в адрес редакции литературных произведений, особенно — стихотворений. В наше время нет ни одного абазинского аула, в котором не проживало бы два — три человека, пишущих стихи или небольшие рассказы. <...> На сегодня в нашей редакционной папке содержатся рукописи 61 автора! Среди них — учителя и ученики, чабаны и крестьяне, рабочие и проходящие службу в армии. 61 человек!..» [11, с. 3].

Слова поэта и приведённые показатели свидетельствуют о растущем неподдельном интересе абазин к родной литературе. Но публикационный бум объясняется и другой причиной: 1 апреля 1957 г. национальная газета из двухполосной превратилась в четырёхполосную. Расширение газетной площади в два раза обусловило увеличение и литературных материалов.

В творческом процессе 1959 г. приняло участие 50 человек. И первое, что бросается в глаза, это то, что основная часть из них являлась иноязычной (32 из 50). Так, из русских советских писателей в газете публиковались произведения В. Маяковского, М. Шолохова, из местных — Н. Зыкова и А. Яльмарова. Из северокавказских выступили: аварец Р. Гамзатов, балкарец К. Кулиев, ингуш Дж. Яндиев, адыгейцы И. Машбаш и К. Жанэ, осетин К. Хетагуров.

В 1959 г. по всей стране отмечалось 100-летие К. Л. Хетагурова. Абазины не остались в стороне и 13 августа напечатали переводную статью Т. Джатаева «Певец братства народов» («Айгвари айцчвари рашвакваргIвоу»). Затем 15 сентября вся литературная страница была посвящена

переводным стихотворениям осетинского поэта (12), а 15 октября, в день рождения, вся полоса снова была отведена под его стихи (6). Таким образом, общее количество публикаций Хетагурова составило 18 стихотворений. Их переводчиками явились К. Джегутанов, П. Цеков, М. Чикатуев, Б. Тхайцухов. Стихотворение-посвящение последнего абазинского автора «Косте» открывало вторую юбилейную подборку Хетагурова.

Авторами переводных произведений стали и ближайшие абазинам соседи по Карачаево-Черкесской автономной области: ногаец Ф. Абдулжалилов; черкесы Х. Братов, Х. Гашоков, А. Ханфенов; карачаевцы А. Байкулов, М. Батчаев, Х. Байрамукова, А. Тохчуков, А. Суюнчев, О. Хубиев. И всё же из всех народов России и Кавказа наибольшее представительство нашли абхазы: А. Аджинджал, М. Ахашба, Д. Гулиа, Б. Гургулиа, А. Джонуа, Ч. Джонуа, И. Когониа, А. Лашариа, И. Тарба, К. Чачхалиа, Ш. Чичба, Б. Шинкуба. Всего — 12 поэтов. И, если в прошлом году творчество абхазов на абазинский перекладывал один У. Цеков, то в исследуемом — П. Цеков, К. Джегутанов, М. Чикатуев, Б. Тхайцухов.

Как видим, литература народов России в 1959 г. была представлена достаточно широко и многообразно. Но тут же следует указать: на 32 иноязычных автора приходилось всего 59 из 172 опубликованных произведений. Следовательно, на 18 абазинских писателей приходилось абсолютное большинство литературных материалов: 113.

Наибольшую активность в этом году проявили Б. Тхайцухов (26) и М. Чикатуев (22). Остальные следовали за ними с приличным отставанием: К. Джегутанов — 9, П. Цеков, У. Цеков, М. Тлябичева — по 7, М. Цеков — 6, М. Агачев — 5, Х. Жиров — 3, И. Табулов и Р. Кенжев — по 2, Дж. Лагучев, Ш. Физиков, С. Эбзеева, Е. Шхаева, К. Братов, Р. Хужев, М. Кунижев — по одному.

Если рассмотреть публикации в жанровом аспекте, выяснится, что одна из них представляла собой одноактную инсценировку по рассказу Х. Байрамуковой «Черное платье» (25.06.59), ещё одна — фрагмент из повести Х. Жирова «Там, где расходятся пути» (3.01.59) и 7 рассказов. Из них 4 принадлежали абазинам: Б. Тхайцухов — «Дубовый листок» (24.02.59), «Слезы матери» (02.06.59), Р. Хужев «Дедушка» (29.12.59), М. Кунижев «Азамат» (17.10.59); 2 — карачаевцам: А. Тохчуков — «Как распутали нити черной пряжи» (10.01.59), Х. Байрамукова — «Черное платье» (07.02.59) и знаменитый рассказ М. Шолохова «Судьба человека». Он был опубликован автором 31 декабря 1956 г. в газете «Правда», центральном органе Коммунистической партии Советского Союза, а через

два года переведён на абазинский язык Ш. Хурановым. Б. Тхайцухов вспоминал, как редактор Х. Жиров радостно перелистывал несколько толстых тетрадей с рукописью перевода и взволнованно говорил: «Это большое дело. Нужно целиком поместить в нашей газете. <...> Начнем с завтрашнего номера. Наша газета небольшая по объёму, но нужно приучать её к выполнению больших задач» [13, с. 7]. Рассказ печатался в 8 номере, начиная с 4 апреля 1959 г.

В рассматриваемом году началась разработка нового эпического жанра малой формы — прозаической миниатюры. За её освоение принялся Б. Тхайцухов и с 1 января по 5 декабря напечатал 17 произведений. Впоследствии к данному жанру обратятся Х. Жиров, М. Кишмахов, П. Дзугов, но первую книгу миниатюр в истории абазинской литературы издаст Б. Тхайцухов: «Одним выстрелом» (1990).

Как и ранее, традиционно абсолютное большинство публикаций 1959 г. составляли стихотворные произведения: 144 из 172. Из них выделим лишь крупные жанры. 22 апреля, в день рождения В. И. Ленина, был опубликован отрывок из одноимённой поэмы В. Маяковского. 11 июля состоялась публикация поэмы Б. Тхайцухова «Синеглазый», 3 сентября — «Разговор планет» М. Чикатуева, 17 декабря — «Златокудрая» Дж. Лагучева. Все остальные публикации представляли собой стихотворения.

Изучив и последовательно изложив общую картину публикаций на страницах национальной периодической печати («Красная Черкесия», «Социалистическая Черкесия», «Свет коммунизма»), сведём воедино наиболее значимые числовые показатели и прокомментируем их (табл. 1).

Итак, за охваченный 12-летний период в национальной прессе было обнародовано 649 произведений 106 авторов. Первая колонка таблицы наглядно демонстрирует неустойчивость сценария их появления на свет. В 1948 г. состоялось всего 17 публикаций, и ближайшие два года показывают рост показателей: 1949 — 45, 1950 — 50. Затем начинается спад активности: 1951 — 41, 1952 — 27, 1953 — 7, после чего снова намечается стабильное и неуклонное увеличение литературных материалов: 1954 — 33, 1955 — 44, 1956 — 59, 1957 — 60, 1958 — 94, 1959 — 172.

Следующие три колонки отражают количество стихотворных (576 — 88,8%), эпических (67 — 10,3%) и драматических (6 — 0,9%) произведений. Они же наглядно демонстрируют, что в послевоенные годы эпос формировался очень медленно, а драма находилась в зачаточном состоянии. Красноречивым свидетельством тому является то обстоятельство, что из 6 пьес 5 были переводными.

Таблица 1

**Публикации литературных произведений
в абазинских газетах (1948–1959)**

Год	Общее кол-во публикаций				Оригинальные произведения				Переводные произведения			
	Всего	Стих.	Эпич.	Драм.	Всего	Стих.	Эпич.	Драм.	Всего	Стих.	Эпич.	Драм.
1948	17	14	3	–	7	7	–	–	10	7	3	–
1949	45	44	1	–	40	40	–	–	5	4	1	–
1950	50	49	1	–	45	44	1	–	5	5	–	–
1951	41	39	2	–	36	35	1	–	5	4	1	–
1952	27	22	5	–	20	17	3	–	7	5	2	–
1953	7	6	1	–	7	6	1	–	–	–	–	–
1954	33	31	2	–	24	23	1	–	9	8	1	–
1955	44	41	3	–	34	33	1	–	10	8	2	–
1956	59	53	5	1	56	52	4	–	3	1	1	1
1957	60	52	5	3	50	46	3	1	10	6	2	2
1958	94	81	12	1	75	66	9	–	19	15	3	1
1959	172	144	27	1	113	89	24	–	59	55	3	1
Итого	649	576	67	6	507	458	48	1	142	118	19	5

Эпические произведения представлены миниатюрами, воспоминанием, рассказами, повестью, фрагментами из повестей и романов. Единственное произведение мемуарного жанра «С юности вобрал в себя» принадлежало перу Х. Жирова. Автором большинства миниатюр являлся Б. Тхайцухов (17), и лишь двух — Х. Жиров. Устойчиво разрабатывался рассказ: 37 публикаций (из них 13 — переводные). Из авторов абазин в этом жанре больше проявили себя Б. Тхайцухов (8), Х. Жиров и З. Хачуков (по 4). Единственная повесть, появившаяся на страницах национальной прессы, была переведена с ногайского: «В семье смелых» Ф. Абдулжалилова. Из 5 фрагментов повестей 3 принадлежали Х. Жирову («Верным путем», «В поисках жизни», «Там, где расходятся пути»), а два были переводными: «Двое из многих» Абдулжалилова, «На заре» С. Хагуева. Ещё авторами двух отрывков из романов явились О. Гончар («Знаменосцы») и Ф. Абдулжалилов («Перекаты»).

Стихотворные формы развивались гораздо динамичнее. На это указывает уже их многократное превосходство над эпическими и драма-

тическими произведениями вместе взятыми. Причём наряду с малыми формами осваивались и крупные. За 12 лет было создано 10 оригинальных поэм: «Сухая балка цветет», «Подвиг комсомольца», «Сказание об одной скале», «Случай на берегу Кубани» П. Цекова; «В семье родных», «Мир стал мирным», «Синеглазый» Б. Тхайцухова; «Поэма о Мухадине», «Златокудрая» Дж. Лагучева; «Разговор планет» М. Чикатуева. Переводных было 3: «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского; «Поэма о матери» В. Максимова; «Балка Хужи» Аб. Охтова.

Отдельно выделим переводы, занимавшие немалую часть публикаций: 142 (21,9 %) от общего количества. Среди них такие знаковые произведения своего времени, как рассказ М. Шолохова «Судьба человека», «Стихи о советском паспорте» В. Маяковского и его же поэма «Владимир Ильич Ленин». Почти все драматургические произведения являлись переводными: «Зарыля» и «Зули» Т. Табулова; «Глубокая вспашка» К. Фельдмана; «Где теперь Зайнаб?» С. Кунова, инсценировка по рассказу Х. Байрамуковой «Черное платье» Н. Зыкова. Оригинальной была лишь небольшая сценка Б. Тхайцухова «Фазан» объёмом в 126 газетных строк.

Значительная доля эпических текстов также приходилась на переводы. Среди них — произведения ногоайского писателя Ф. Абдулжалилова занимали существенное место: рассказ «Сила ненависти», повесть «В семье смелых», отрывки из повести «Двое из многих» и романа «Перекаты». В этом ряду укажем и на рассказы Л. Цунаева «Красное знамя», «Счастье Галины Орловой» и С. Шаова «Мужество», «Комбайнеры», «Письмо в редакцию».

При переложении стихотворений видимое предпочтение отдавалось кавказцам. Так, на абазинском звучали аварские, адыгейские, балкарские, ингушские, кабардинские, карачаевские, ногоайские, осетинские, черкесские стихи, но наиболее многообразно на страницах газеты выступили абхазы: 17 авторов. Из всех же иноязычных поэтов богаче всего было представлено творчество осетина К. Л. Хетагурова: 18 стихотворений. И это было обусловлено его 100-летним юбилеем.

Всего национальный читатель имел возможность познакомиться с произведениями 69 иноязычных авторов.

В литературном процессе рассматриваемого периода приняло участие 37 абазин. Из них только четверо (Т. Табулов, И. Табулов, П. Цеков, Х. Жиров) имели опыт литературной работы, основная же часть дебютировала в послевоенные годы. Многие из них после первых попыток

оставили занятия творчеством: Ш. Братов, И. Кадыжев, М. Кунижев, М. Магажиков, З. Маматова, М. Нипа, К. Татаршао, М. Туков, М. Шереметов, Р. Шереметов, Я. Эскиндаров. Такая же участь постигла и других авторов, сделавших более серьёзные заявки: А. Тамбиев (7), М. Цеков (7), С. Эбзеева (15), М. Физиков (16). В отличие от них А. Курумбаев (1), Р. Хужев (2), Е. Шхаева (4), З. Хачуков (4), Ш. Физиков (24) впоследствии станут заметными фигурами, а М. Дагужиев (1) и М. Тлябичева (10) выдвинутся в ряды лучших национальных писателей. Достаточно скромные показатели у И. Табулова (9) и Х. Жирова (13), но вклад их в родную словесность окажется весомым: Табулов войдёт в историю национальной литературы как автор романа «Азамат», а Жиров — как писатель, первым освоивший жанры повести, романа, воспоминаний.

Самыми активными участниками литературного процесса исследованной двенадцатилетки являются Б. Тхайцухов (86), М. Чикатуев (76), К. Джегутанов (51), К. Братов (48), П. Цеков (40), Дж. Лагучев (37). Именно они во главе с Х. Жировым определяли лицо абазинской литературы послевоенных лет. Из них К. Братов, издав в 1960-е гг. четыре книги, оставит занятия творчеством, остальные составят костяк национальных писателей 1960–2000-х гг.

Литература

1. *Ашкацао Н.* Встреча с поэтами // Красная Черкесия. 1951. 27 дек.
2. Встреча в Кубине // Социалистическая Черкесия. 1955. 20 дек.
3. *Жиров Х.* Разбуженные солнцем. Черкесск : Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1972. 192 с.
4. *Ногайлы Ф.* Дорогой процветания // Красная Черкесия. 1952. 2 февр.
5. Обращение // Красная Черкесия. 1948. 6 мая.
6. Обращение // Красная Черкесия. 1952. 22 мар.
7. *Островский А. Н.* Пьесы. М. : Современник, 1973. 462 с.
8. Словарь иностранных слов / научн. ред. А. Г. Спиркина, И. А. Акчурина, Р. С. Карпинской. М. : Русский язык. 1986. 608 с.
9. *Табулов Т. З.* Зули. Баталпашинск : Нациздательство, 1929. 60 с.
10. *Табулов Т. З.* Зули. Черкесск : Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1958.
11. *Тхайцухов Б.* Для тех, кто любит литературу // Свет коммунизма. 1958. 4 нояб.
12. *Тхайцухов Б.* Дорогой неуспокоенности // Пером орла. Черкесск : Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1970. С. 3–8.

13. Тхайцухов Б. Всадник литературы // Жиров Х. Разбуженные солнцем. Черкесск : Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1972. С. 3–8.
14. Что нам предстоит в будущем // Красная Черкессия. 1952. 2 февр.

Petr K. CHEKALOV,

Dr. Sci. (Russian Literature and Literatures of the Peoples of the Russian Federation), Prof., Chief Researcher,
Department for Literature of the Peoples of Karachay-Cherkessia,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies, Cherkessk,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, chekalov58@rambler.ru.

**Abazin Literature 1948–1959
(Reconstruction Based on National Press Data)**

In the post-war years (1948–1959), Abaza literature mainly is developed on the pages of the national periodical press. The paper reconstructs the literary process of those years based on the publications carried out. The number of works by year, numerical indicators for poetry, prose, drama are identified, which makes it possible to determine the degree of development of each genre in a certain period. New names and the dating of their debut performances are revealed. As a result, a general picture of the Abaza literary movement of the post-war period emerges: the total number of publications is established (649), their distribution by genre: 576 (88,8%) — poetic, 67 (10,7%) — prose, 6 (0,9%) — dramatic. The data speaks of the active development of poetry, the slow formation of the epic, and the infancy of drama. Some of the printed works — 142 (21,9%) were translated. In total, 69 foreign language authors, 37 Abazins, are represented on the pages of the newspaper. From the number of Abazins B. Thaitsukhov, M. Chikatuev, K. Dzhegutanov, P. Tsekov, J. Laguchev, and Kh. Zhиров actively have showed themselves, determining the face of national literature in subsequent decades.

Keywords: *post-war period, the literary process in the North Caucasus, the Abaza periodical press 1948–1959, the newspaper “Cherkess kapsch”, “Red Circassia”, “Socialist Circassia”, “Light of Communism”, genre palette of publications, translations into the Abaza language.*

А. Х. Дзыба*

Нематериальная культура абазин в контексте художественной жизни страны и региона

Статья посвящена осмыслению проблем этнокультурного кода абазинского этноса, уходящего корнями в нематериальное наследие народа. Рассматриваются фольклорное наследие, легенды, мифы, предания на основе обращения к нартскому эпосу. Выявлено уникальное значение эпоса в формировании этнонационального сознания многих кавказских народов Юга России. Подчёркивается, что уникальный и самобытный фольклор народов Кавказа является важнейшей составной частью мировой духовной и музыкальной культуры. Нематериальная культура абазин является одной из форм отражения национального менталитета. Народ отбирал в сокровищнице своего культурного наследия самое лучшее по своему содержанию и, сохраняя его устное бытование, довёл до художественного совершенства. В эпических произведениях абазин раскрываются лучшие черты и красота народных героев, прослеживаются отдельные эпизоды исторической жизни.

Ключевые слова: абазины, нематериальная культура, нартский эпос, этноментальность, культурное наследие, фольклор народов Кавказа.

Нематериальная культура абазин является одной из форм отражения национального менталитета. Народ отбирает из сокровищницы своего культурного наследия самое лучшее по своему содержанию и, сохраняя его устное бытование, доводит до художественного совершенства. В эпических произведениях абазин раскрываются лучшие черты и красота народных героев, прослеживаются отдельные эпизоды исторической жизни, присутствуют моменты иллюзорности и утопичности их взглядов на жизнь.

Фольклорная традиция предполагает внутреннее единство произведения. Легенды, мифы и предания содержат в себе следы исторической памяти народа, преемственности духовных и нравственных традиций и в то же время позволяют концентрировать и выделить общечеловеческое в характерах и ситуациях, показать глубинные национальные истоки мировосприятия и психологии героев [1, с. 124–138]. Особенно примечателен в этом плане героический эпос — нарты. Он отражает

* ДЗЫБА Айшат Хамидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом фольклора народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, ms.dzyba@mail.ru.

значительные явления и события в жизни людей, отражает гигантскую картину народных деяний, разворачивает действие на огромном пространстве земли, а в некоторых случаях расширяет арену человеческих подвигов, устремляясь в поднебесные, подземные и подводные миры.

Вместе с тем в эпосе даны некоторые подробности о жизни людей, быте, нравах, обычаях, обрядах. Эпос не допускает нарушения равновесия, сосредоточения внимания на каком-либо частном явлении. Изображение целостности бытия — главное в эпосе. Таким образом, широта и всесторонность воспроизведения народной жизни, скрупулёзность в описании отдельных эпизодов и деталей составляют важнейшую особенность в вопросах осмысления нематериального культурного наследия абазин в контексте художественной жизни страны и региона.

Устное народное творчество является одной из форм отражения национального менталитета. Начало формированию эпических традиций абазин было положено эпосом «Нарты», монументальным эпическим творением народа. Именно в нём сформировались этические представления абазин о человеке, его взгляд на мир, его мировосприятие. С эпоса «Нарты» начинается историзм художественного мышления абазинского народа. Формирование эпической традиции фольклора тесно связано с процессом развития исторического сознания народа, его представлениями о человеке как продукте исторического развития общества. В этой связи рассматривается динамика развития эпических жанров фольклора с точки зрения и с позиций развития в них историзма художественного мышления.

Общеизвестно, что этнокультурный код — это уникальный код, доставшийся народу от его предков, в котором заложены культурные особенности, позволяющие идентифицировать культуру этноса в некой закодированной форме. Культурный код — это вся информация, которая скрыта от понимания, но проявляется в поступках его носителя. Культурный код нации помогает понять и осмыслить поведенческую реакцию человека в социуме и определяет его связь с национальной культурой.

Дискуссии по вопросам сохранения и актуализации этнокультурного наследия, состоявшиеся в ходе обсуждения Основ государственной культурной политики в 2014 г., свидетельствует о том, что всем народам, населяющим Россию, в новых исторических условиях вновь предстоит бороться за свою культурную идентичность как гражданам единого Отечества. В. В. Путин в своей статье «Россия: национальный вопрос»

впервые заговорил о значимости национального культурного кода: «... культурный код, который подвергся в последние годы серьёзным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь. ...Цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой являются не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности» [4].

Понимание такого рода этносмыслов должно рассматриваться, безусловно, и в общем историко-культурном контексте абхазо-адыгских народов, так как «абазины, как известно, составляют вместе с абхазами, убыхами, адыгейцами, черкесами, кабардинцами одну этнолингвистическую группу. Чем глубже хронологический срез, тем больше лингвистических данных в пользу общего происхождения абхазо-адыгских народов [3, с. 59].

Уникальность нартского эпоса в том и заключается, что он стал сквозным и базовым фактором культуры этносов, весьма отличающихся друг от друга по этногенетической траектории. Культурно-онтологический статус нартского эпоса не ограничивается рамками аутентичной мифологии того или иного этноса (а точнее, не сводится к этнической мифологии). Он объективно выступает как логос всего кавказского культурогенеза и потому должен рассматриваться, прежде всего, в этом качестве. «Героический нартский эпос являет собой уникальный исторический пример диалога культур, во многом определивший не только некий единый образ культуры Кавказа, общность ментальности кавказских этносов, но их историческую перспективу. Он определяет как культурно-онтологический статус эпоса, так и актуальный ракурс его осмысления. Древнейшие культуры Кавказа и нартский эпос как их глубинное выражение не могут остаться в стороне от этих поисков. Все это действительно подводит к необходимости переосмыслить с позиций современных наук нартский эпос в целостности как основополагающее явление кавказской культуры. Подобная постановка актуализируется ещё и тем, что в изучении нартского эпоса до сих пор преобладали и преобладают традиционные подходы и методы фольклористики, лингвистики и этнологии. При этом, как правило, каждый народ (а нартский эпос в том или ином варианте, как известно, существует у большинства кавказских этносов) пытался трактовать эпос таким образом, чтобы наргы выглядели как его прямые предки, а он сам — как их прямой и единственный пото-

мок. И каждый из этносов в конечном итоге обнаруживал истоки своей национальной культуры и литературы, их особенности и достоинства, а значит, истоки собственной ментальности именно в нартском эпосе.

Устное народное творчество является одной из форм отражения национального менталитета. Народ отбирает из сокровищницы своего культурного наследия самое лучшее по своему содержанию и, сохраняя его в устном бытовании, доводит до художественного совершенства» [3, с. 58].

Исторический фактор связан с историческим самосознанием. Он предполагает сохранение сведений о культуре, истории, происхождении данного народа. При отсутствии письменности знания передаются от одного поколения к другому в устной форме. В данном случае особую роль играют сказители, народные певцы, с ранних лет приучающиеся запоминать невероятное число преданий, лиц, дат, событий и излагать их в определённой последовательности.

Национальная самобытность проявляется также через языковой фактор. Он предполагает сохранение языковой общности, целостности структуры определённого языка. Забота о его сохранении — одна из важнейших обязанностей человека и государства. Не случайно принимают закон о языке либо о языках, если речь идёт о федеративном государстве, таком, например, как Россия.

Исторические реалии играют важную роль в художественном решении темы народа, многовековых путей его исторического развития. Примером тому служит «Песня плач Минат, дочь Кыны» («Кына йпхIа Минат»), которую некоторые исследователи считают исторической. В основу песни легли реальные исторические события и лица, значимые в абазинских кругах того периода, такие как: Мхаматгери Лоов, Мжык Кенжев (дядя Минат, родной брат отца) и другие реальные лица. «В основе песни — реальные исторические события конца XIX века... Сюжет песни развивается динамично, можно сказать, стремительно, не отвлекаясь ни на йоту в сторону... Песня “Минат, дочь Кыны” — поливариантна в известных пределах, обусловленных законами жанра. Каждый вариант, сохраняя основные элементы сюжета, общую образную систему, добавляет детали, уточняющие, подчёркивающие или усиливающие отдельные эпизоды. Вот как в разных вариантах песни передаётся облик человека, за которого отдали Минат» [2, с. 153–155].

В песне «Минат дочь Кыны» должное место отведено образу Кенжева Мжыка, образу абрека. Образ Мжыка — это собирательный

образ, во многом отражающий в себе лучшие представления о защитнике народа, борце за его интересы. Красочно раскрыты их твёрдые моральные установки: они обладают высокой нравственностью. Герои наделены лучшими в этническом представлении чертами: храбростью, мужеством, патриотизмом, готовностью к самопожертвованию во имя своего народа. Если в нартском эпосе героическое проявляется в борьбе с силами природы, с мифическими существами, то в историко-героических песнях пафос героики сосредоточен на ратных подвигах: деяния героев направлены на защиту родины и народа от внешних врагов, на борьбу против социальной несправедливости.

Проблема генезиса жанра исторических произведений не может быть рассмотрена вне фольклорных истоков, вне роли фольклорного опыта и в осмыслении тем и героя. Особую роль в формировании поэтики жанровых форм сыграл свод законов абазинского этикета, обычай, нравы. Словом, вся этнокультурная традиция близкородственных абхазо-адыгских народов. Традиционный кодекс чести каждого абазина и критерий его верности закодирован в обращении: «Угъаабахымма?» («А ты разве не абазин?»), который немислим без адыгского «адыгагъа» и абхазского «апсуара».

Эпос «Нарты» имеет право на широкое бытование и по причинам прикладного порядка. Вероятно, настала пора, когда дескриптивный подход, доминировавший длительное время в методологии изучения этнических культур, должен уступить место принципиально иной позиции: осмыслению модификационного и технологического потенциала, исторических перспектив и тенденций развития этих культур, возможностей рецепций их ценностей и норм в современном культурном контексте. Ныне на общем фоне современных тенденций развития человечества к нам пришло чёткое понимание того обстоятельства, что генетика человека и генотип культуры остаются по сути прежними, но быстро меняются лишь факторы, внешние по отношению к человеку (материальная культура, технологии, типы социальности), что в конечном итоге создаёт опасный кризис как культуры, так и самого человека, соответственно, выход из кризиса всё чаще видится в синтезе культур, а точнее, в синтезе форм диалога и кооперативного взаимодействия различных культур в контексте единого пространства (поля) мировой культуры.

Уникальный и самобытный фольклор народов Кавказа является важнейшей составной частью мировой духовной и музыкальной культуры. Приобщение подрастающего поколения, школьников и студенческой

молодёжи к участию в фестивальном и научном движении по изучению народного творчества, познание «корней» культуры своего народа помогает молодёжи обрести целостность сознания, осознанность поступков, жизни. Лучшие образцы песенного и инструментального творчества помогают развивать у подрастающего поколения художественный вкус, будут способствовать наработке опыта в фольклорно-этнографической работе, необходимого для самостоятельной практической деятельности. Воспитательные функции песенно-музыкального творчества многообразны, но основными из них являются социализация человека, воспитание коллективизма, нравственности, развитие эмоциональной душевной чуткости, эстетических чувств.

Как было отмечено выше, устное народное творчество как один из основополагающих факторов нематериальной культуры этноса в народной педагогике абазин играет значимую роль в процессе воспитания и становления национальной идентичности молодёжи: обогащает представление об историческом прошлом и настоящем народа, помогает усвоить нравственные принципы, воспитывает любовь к родителям, своему народу и Родине, вселяет веру в справедливость, в благополучное будущее, способствует развитию художественно-образного и логического мышления, памяти, воображения, музыкального слуха, наблюдательности, повышению культуры, а также сохраняет в памяти особенности речи, обогащает народной мудростью.

Вовлечение подрастающего поколения в проведение вышеперечисленных мероприятий приобщает их к импровизации, реставрации, сценической интерпретации. Это всё способствует формированию креативной личности. Известно, что развитие традиционной культуры возможно не только при условии устойчивости её бытования, но и новизны, т. е. на основе стабильности — внедрение инновационных методов. В современной социокультурной среде этого можно добиться благодаря формированию креативности (одно из средств) как свойства личности.

В заключение хотелось бы отметить, что характерным признаком социокультурной ситуации в наши дни является понимание того, как важно сохранить многообразие национальных культур и стимулировать возрастание интереса молодёжи к подлинным народным традициям, народному творчеству. Решение проблем этнокультурного воспитания детей и молодёжи, развитие в фольклорно-этнографической среде современной России возможно, благодаря подготовке высококвалифицированных специалистов, способных реализовать воспитание в специально

созданной этнопедагогической среде образовательного учреждения, независимо от его типа и ведомственной принадлежности.

К сфере фольклора относятся многообразные явления и факты вербальной духовной культуры. Эстетическая сущность фольклора определяется специфическими неэстетическими задачами, поэтому фольклор никогда не живёт как искусство в собственном смысле слова, т. е. как феномен, предназначенный для решения преимущественно художественных задач. Именно поэтому в настоящее время стали актуальными вопросы, связанные с проблемами сохранения его ценностей через формирование отношения к народной культуре как важнейшему условию существования культуры и общества. Каковы же пути сохранения и возрождения традиционного фольклора как части культурного наследия, или каким образом в эпоху тотальной компьютеризации, увлечённости телевидением, массовой популярной музыкой и сходными явлениями допустимо говорить о приобщении к истокам культуры? Сделать это возможно через повсеместное внедрение многовековой непрерывной системы образования, с ориентацией на лучшие достижения народной культуры, в основе которой лежит традиционный фольклор. Уместно было бы вспомнить слова великого классика М. Горького: «Изучайте фольклор, учитесь на нем. Без знания прошлого нет будущего!».

Литература

1. Андреев Ю. А. Абсолютное и сиюминутное (О действенном гуманизме героя) // Положительный герой в современной советской литературе. М. : Наука, 1988. С. 124–138.
2. Дзыба А. Х., Карабашева Л. Н. Роль фольклора в процессе воспитания подрастающего поколения // Табуловские чтения — 2021 : материалы науч.-практ. конфер. с междунар. участ. (Карачаевск, 09 декабря 2021 г.). Карачаевск : Карачаево-Черкесский гос. ун-т, 2021. С. 151–161.
3. Дзыба А. Х. Нартский эпос в аспекте современности // Адыгский эпос «Нарты» и мировое эпическое наследие : материалы междунар. науч. симпозиума, посвящ. 95-летию со дня рождения ученого-нартоведа А. М. Гадагатля (Майкоп, 20–23 сентября 2017 г.). Майкоп : АРИГИ, 2017. С. 238.
4. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

Aishat Kh. DZYBA,

Cand. Sci. (Russian Literature and Literatures of the Peoples of the Russian Federation), Assoc. Prof., Herd,
Department of Folklore of the Peoples of Karachay-Cherkessia,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies, Cherkessk,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, ms.dzyba@mail.ru.

Intangible Culture of the Abaza in the Context of the Artistic Life of the Country and Region

The paper is devoted to understanding the problems of the Abaza ethno cultural code, which is rooting in the ethno cultural heritage. The folklore heritage, legends, myths, and legends are considering on the ground of an appeal to the Nart's epic. The unique significance of the epic in the formation of the ethnonational consciousness of many Caucasian peoples of Southern Russia has been revealing. It is emphasizing that the unique and original folklore of the peoples of the Caucasus is the most important component of the world spiritual and musical culture. The intangible culture of the Abaza is one of the forms of reflection of the national mentality. The people selected the best in their content from the treasury of their cultural heritage and, preserving its oral existence, brought it to artistic perfection. In the epic works of Abaza, the best features and beauty of folk heroes are revealing, individual episodes of historical life are tracing.

Keywords: Abaza, intangible culture, Nart's epic, ethno mentality, cultural heritage, folklore of the peoples of the Caucasus.

Л. И. Цекова*

Народный танец «Кошара» в культуре абазин: традиция и современные формы бытования

В статье рассмотрена роль народного танца «Кошара» в традиционной культуре абазин и его современное состояние. Через раскрытие ментальной составляющей посредством исполнительской культуры показаны основы взаимодействия парня и девушки в танце абазин «Кошара». Это танец, имеющий важную роль в создании семьи у абазин. Кавказские народы традиционно как один из важных ритуалов формировали

* ЦЕКОВА Лейла Исмаиловна, старший научный сотрудник отдела культурологии и искусствоведения народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, leila-cekova@mail.ru.

круговой танец в рамках этнических групп. Кроме энергичного кругового танца народы Кавказа выработали хореографический язык объяснения молодых людей в любви, выбора спутницы жизни, выражения симпатии. «Кошара» является неотъемлемой частью любого большого торжества. Автор показывает изменения, которые связаны не столько с исполнительской культурой, сколько с музыкальным сопровождением и ментальностью исполнителей. Хореографическое искусство, как и другой любой вид искусства, подвержен влиянию времени. Для абазин сохранение национальной самобытности стало насущным и животрепещущим.

Ключевые слова: танцы Северного Кавказа; художественная культура абазин; традиции народной хореографии; «Кошара»; парный народный танец; свадебный хор; танцы знакомства молодёжи; трансформация народного танца; современные формы исполнения.

Исследование культуры народного танца абазин актуально в силу интереса к национальным истокам, трансформации традиционных ценностей народа в условиях глобализации, с одной стороны, и возврату к истокам народной культуры, с другой стороны. Культура абазин испытывает на себе не только позитивное, но и негативное влияние современных процессов глобализации. В связи с этим исследование танцевального искусства как одного из важнейших компонентов традиционной культуры приобретает особую значимость.

Абазины — это коренной народ Северного Кавказа, имеющий древнюю историю, традиционно проживающий на территории Карачаево-Черкесской Республики. Среди сорока семи малочисленных народов России, включённых в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утверждённый Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 г. № 255 (в ред. от 26 мая 2020 г.) [5], лишь два автохтонных народа Северного Кавказа, — абазины и шапсуги. Поэтому важным направлением деятельности государства является реализация целей, определённых в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период 2025 года [3]. Первоочередными из них являются этнокультурное развитие народов России, повышение эффективности межнациональных отношений, гарантии обеспечения прав человека и гражданина, свобода использования родного языка и изучение самобытной культуры народов Российской Федерации. В этой связи особую актуальность приобретает восстановление культурного потенциала национальных республик.

Для общества всегда существует необходимость полного раскрытия творческих возможностей и способностей человека, и в этом играет важную роль художественная культура. Она всемерно способствует фор-

мированию духовно богатой личности, носителя современных идеалов и ценностей, приносит эстетическое наслаждение, радость познания самого себя и окружающего мира. Важную роль в раскрытии творческих возможностей человека играет танец. А народный танец не только раскрепощает личность, но и приобщает человека к миропониманию, восходящему к истокам происхождения его этноса.

Танцы горцев Северного Кавказа для большинства народов России — это зажигательные танцы, в основном, мужской культуры исполнения, созданные с целью демонстрации быстроты реакции, выносливости, ловкости владения саблей или другим холодным оружием. Эти танцы имеют историю происхождения, сюжетно связанную с пафосом мужества, доблести, воинственности и храбрости [1]. Танцы народов Северного Кавказа, имея множество сходных черт, имеют огромное количество нюансов, которые известны лишь профессиональному исполнителю. Кроме особенностей каждый танец призван передать определённое эмоциональное и духовное состояние, которое свойственно носителям этнической общности, и, соответственно, культуры. Отметим, что в репертуаре ансамблей танцев Северного Кавказа присутствуют танцы всех горских народов. Исполняя танцы народов Северного Кавказа, необходимо не только представлять концепцию танца и точно выполнять характерные движения и позиции, но и разделять ментальное состояние, связанное с этническим психотипом. Только в этом случае танец будет принят представителями коренного этноса. Художественное сознание творчески перерабатывает все события окружающей жизни, оно всё переосмысливает и органично вносит в культурное пространство народа. Это есть норма художественного осмысления, возникающая в культурной среде народов Кавказа, когда удачные решения и творческие находки находят отражение в этнической культуре нации [9].

Важными особенностями пластических проявлений кавказских танцев в целом является подчеркнута ровная осанка, гордо поднятая голова, быстрая смена характерных движений рук, их позиции на высоте плеч, почти не опускаемых вдоль тела. Тело приподнято на носках ног. Танцы народов Северного Кавказа наполнены «летающими» прыжками, круговыми движениями, танцор двигается по определённому рисунку, передавая характер исполняемого танца.

Танцы народов Северного Кавказа содержат много незаметных, выработанных ментальностью и историей изобразительных средств, которых нет в других регионах России. Их исполнение связано с вирту-

озным владением своим телом во всей его полноте. В танце Северного Кавказа важно всё — от жеста и положения тела до мимики, взгляда, умения оценить окружающее пространство [6]. Духовная сила народов Северного Кавказа показывает их вольнолюбие, выносливость, широту души, большое мужество мужчин и очаровательную нежность женщин.

Абазинский традиционный танец «Кошара» — старинный хороводный парный танец. «Кошара» является завершённым, самостоятельным хореографическим произведением с особыми, только ему присущим танцевальными приёмами, ходами и рисунками. Танец состоит из двух частей: быстрой и медленной [8]. В каждой части танца как бы развиваются и углубляются взаимоотношения танцующих юноши и девушки. По восхождению на каждую ступень танца развивается логика последовательности исполнения танца. Если во многих народных танцах юноша не имеет права даже случайно прикоснуться к девушке, то здесь юноше позволено поддерживать девушку под руку.

Первая группа подвижных движений танца — это круговой ход юноши, который водит девушку, как бы рассказывая ей о своих чувствах. Жесты и позы призваны подчеркнуть весь спектр его внутренних переживаний. В быстром темпе он приближается к девушке, отходит от неё, исполняет повороты (акцентируем внимание на величавом положении плеч и корпуса), выполняя при этом сложные повороты, демонстрируя находчивость и удал. Он не просто демонстрирует свои качества, он показывает удовольствие от общения, радость и волнение. Ещё раз обратим внимание на сдержанную мимику танцев народов Кавказа. Все эмоции необходимо выразить лишь движением, ни одна мышца лица не должна дрогнуть. Сдержанность — лучшее украшение мужчины. Девушка проявляет сдержанность не только в мимических проявлениях, её лицо должно быть лишено резких эмоциональных проявлений [7]. Её движения плавны, но энергичны. Трудностью исполнения женской партии танца у абазин является поддержание высокого темпа исполнения при сохранении плавности поступи. Синхронизация движений девушки в танце с парнем символизирует согласованность намерений. В то же время в женской партии с помощью дополнительных выразительных средств (неуловимых движений плеч и кистей рук, не изменяющих общего рисунка танца) девушка показывает своё отношение к настойчивости партнёра. Её радуется такое отношение и его проявление. В танце используется приём многократного обхода партнёрами друг дру-

га. Этот элемент является откровенным проявлением симпатии к другу другу. Поэтому танец «Кошара» даёт возможность с помощью танцевальных движений высказать невысказанное словами в жизни. Обычно такая символика в танце народов Северного Кавказа свойственна танцам свадебной церемонии. Поэтому танец «Кошара» является неотъемлемой частью свадьбы.

Танцы абазин, сохранившиеся до настоящего времени, на примере танца «Кошара», несмотря на лиризм и проникновенность, диктуемые поводом исполнения, сохраняют соревновательную составляющую. Ментальной основой этого проявления является отношение абазин к танцу как ярчайшему проявлению жизни. Абазины (как и этнически родственные абхазы), исполняя танец, как бы говорят и себе, и зрителю: «Я танцую — я живу», — показывая в танце полноту проявлений жизни. Как свадебный танец «Кошара» имеет полное право на демонстрацию радости жизни, а соревновательность выступает её проявлением. Соревновательность «Кошары» проявляется в том, что пары в танце доказывают силу и выносливость, увеличивая его длительность.

У предков абазин аккомпанемент был неотъемлемой частью танца. Музыка выступала самостоятельной частью праздника. А доминирующим аккомпанементом была мелодия гармоники. Гармонисток наделяли выдающимися способностями «чтения» характеров танцующих. А в посёлках, где каждый знал друг друга, гармонистки, часто выступающие на праздниках, хорошо ориентировались в музыкальных наклонностях и желаниях танцоров, их предпочтениях и исполняли музыку в нужном ритме, темпе, соблюдая традиции народа. Они могли сами импровизировать и создавать новые авторские мелодии, но никто из танцующих не имел права прервать женщину, держащую в руках гармонь, выкриком или остановить исполнение мелодии, которая казалась слишком медленной или недостаточно быстрой. В танце «Кошара» музыкальное сопровождение могло быть как медленным, так и быстрым. Танец предполагал продолжение общения знакомых молодых людей, знакомство с особенностями характера друг друга. Продолжение танца, его медленная и активная части позволяли раскрыть характер танцующей пары перед зрителями, в числе которых были и близкие родственники исполнителей [8, с. 3].

В народной культуре исполнения традиционно выделяются три необходимых элемента танца: красивое приглашение юношей девушки

на танец, уважительное отношение к девушке во время танца, которое проявляется в максимальном внимании к партнёрше, и завершение — провожание девушки до занимаемого ею места на танцевальной площадке. Эти элементы связаны с ментальностью и символикой у народов Кавказа.

В современной практике исполнения танца «Кошара» доминирует сохранение традиционных национальных элементов. Однако нельзя не отметить, что общее раскрепощение положения женщины в обществе не могло не найти отражения в танце. В частности, современная концовка танца обыгрывает общий выход на сцену всего хореографического коллектива путём «вызова» девушкой коллектива исполнителей с целью разделить её радость [4]. В традиции народного исполнения девушка не могла позволить себе прямое обращение к коллективу танцюющих.

Слово «кошара» в переводе с абазинского языка означает «танцевать», уже по этому центральному, родовому понятию, применяемому к танцу «кошара», можно понять его роль в народной культуре абазин. Это главный, любимый танец, передаваемый из поколения в поколение. К танцам, исполняемым мужчинами во время охоты, для создания предпосылок к её удачному исходу или для демонстрации удали во время совместных «посиделок», необходимым добавлением является понятие «кІвашара».

Танец охотников носит название «ШварацыгІв кошара», то есть «охотничья плясовая», а «Айшва кІвашара» — «танец на столе». Танцевальное искусство абазин формировалось на протяжении долгого времени. Обряды проводились как во время праздников годового цикла, так и в бытовых или досуговых ситуациях. Например, «ШварацыгІв кошара» («Танец охотников»), который исполнялся перед охотой, настраивал на удачную охоту, объединял его участников, наполнял боевым духом [6, с. 3]. Он является танцем молодецкой удали, джигитской ловкости и служил завершающим этапом праздников в том случае, если было сложно выбрать победителя.

Элементы названных танцев встречаются в практике современных праздников, но не составляют единого танцевального действия. Таким образом, «Кошара» как один из популярных в Карачаево-Черкесии парных танцев представляет собой явление ранних танцевальных форм абазинского этноса, отличающихся идентичностью исходного пласта в культурном пространстве абазин и сохранившихся в настоящее время

в единстве музыкального сопровождения и исполнительской культуры. Одновременно нельзя не отметить современный разрыв с народными исходными традициями понимания единства хореографии и музыки в танцевальном искусстве. Частыми современными проявлениями являются выкрики аккомпаниаторам: «быстрее» или «медленнее», «хватит», «довольно» и так далее. Конечно, немало и тех, кто соблюдает народные традиции, понимая, что состязательность предполагает проявление своих исполнительских сил и что никто не должен «подстраиваться» под отдельных танцоров. Появление этого в первую очередь связано с утратой понимания роли музыки в танце и того, что уважение к партнёру в танце несовместимо с иным проявлением по отношению к женщине-гармонистке — и то, и другое в менталитете является неделимым целым.

В настоящее время возрос интерес к традиционным национальным танцам. В административном центре, городе Черкесске, и в районах Карачаево-Черкесской Республики открываются студии хореографического творчества, различные танцевальные школы. Индустрия по производству танцевальных видеоуроков получила широкое распространение с помощью сети Интернет, позволяя охватить большую аудиторию. Хореографическое искусство, как и другой любой вид искусства, подвержен влиянию времени [2]. Многообразие культур отражает восприятие мира в менталитете народа. Народное искусство — это мощный пласт культуры, который используя возможности современного искусства танца и музыки, перерабатывая и отбрасывая всё ненужное, сохраняет то, что может использоваться во благо развития народов Северного Кавказа.

Для абазин сохранение национальной самобытности стало животрепещущей проблемой. Осознание национальной самобытности в рамках единого культурного пространства — первостепенная задача, не терпящая отлагательства, и танец абазин, рассмотренный сквозь призму единой культурной хореографической парадигмы, является попыткой приближения к её решению.

Хореографическое искусство, как и другой любой вид искусства, подвержен влиянию времени. Многообразие культур отражает восприятие мира, менталитет народа, и каждая из этих культур выстраивает свой взгляд на этот мир, складывая свою уникальную картину мира, наличие которой необходимо для существования каждого человека. Современное профессиональное хореографическое искусство произрастает

из народного, а народное — из древних обрядовых ритуалов племён и народов. Важную роль в возрождении хореографического искусства народов Северного Кавказа имеет восстановление народных танцев горцев, которые веками позволяли сохранить и воспроизвести для новых поколений уникальный свободолобивый менталитет и характер.

Литература

1. *Борокова Л. А.* Сюжетный состав абазинских бытовых сказок // Всероссийские Миллеровские чтения. Вып. VI. Владикавказ : СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2018. С. 10–15.
2. *Кавеева А. И.* Народный танец и его трансформация во времени // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 4. С. 90–91.
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52. 24 декабря. Ст. 7477.
4. *Попова Л. А.* Трансформация народного танца на сценической площадке // Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования : материалы всерос. науч.-практ. конфер. (Чебоксары, 14 августа 2020 г.). Чебоксары : Новое время, 2020. С. 230–232.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 14. 3 апреля. Ст. 1493.
6. *Цекова Л. И.* Основные этапы формирования, становления и развития танцевального искусства абазин // Ключевские чтения — 2022 : материалы междунар. науч. конфер., к 90-летию абазинской письменности (Карачаевск, 21–22 апреля 2022 г.) Карачаевск : КЧГУ, 2022. С. 265–271.
7. *Цекова Л. И.* Типологическое своеобразие абазинской художественной культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 2. С. 163–169.
8. *Цекова Л. И.* Традиционный танец «Кошара» как элемент культуры абазин // Тридцать лет Республике Ингушетия: исторические вехи и перспективы развития : материалы междунар. науч.-практ. конфер. (Магас, 14–17 ноября 2022 г.) Магас : КЕП», 2022. С. 369–372.

Leila I. TSEKOVA,
Senior Researcher, Department
for Cultural Studies and Art History of the Peoples
of Karachay-Cherkessia, Karachay-Cherkess Institute
for Humanitarian Studies, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic,
Russia, leila-cekova@mail.ru.

**Folk Dance “Koshara” in the Culture of the Abaza:
Tradition and Modern Forms of Existence**

The paper examines the role of the folk dance “Koshara” in the traditional culture of the Abaza and its current state. Through the disclosure of the mental component through performing culture, the basics of the interaction of a person and a girl in the Abaza dance “Koshara” are shown. This dance has an important role in creating a family for Abaza. The Caucasian peoples traditionally, as one of the important rituals, formed a circular dance within the framework of ethnic groups. In addition to the energetic circular dance, the people of the Caucasus have developed a choreographic language for explaining young people in love, choosing a life partner, and expressing sympathy. “Koshara” is an integral part of any big celebration. The author shows the changes that related not so much to the performing culture as to the musical accompaniment and the mentality of the performers. Choreographic art is influenced like any other kind of art by time. For Abaza, the preservation of national identity has become urgent and vital.

Keywords: dances of the North Caucasus; Abaza art culture; traditions of folk choreography; «Koshara»; paired folk dance; wedding round dance; dances of youth acquaintance; transformation of folk dance; modern forms of performance.

РАЗДЕЛ 5

МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: ЯЗЫК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРЫ

*Р. З. Сагов**

Этногенетические связи и аналогии древних культур Кавказа и Средиземноморья

В настоящем исследовании проанализированы отдельные элементы культур Кавказа и Средиземноморья древнейшего периода с целью выявления аналогии. Отмечается, что единые культурные мотивы в указанных регионах, в частности, в культурах минойцев, фригийцев и ингушей, носящие ярко выраженный характер, могут свидетельствовать не просто о культурных контактах, а скорее об этногенетических связях. Проблема древних культур указанных регионов рассматривается с точки зрения изучения вопроса этнокультурных процессов. Статья опирается на авторитетные исследования и авторские наработки.

Ключевые слова: Кавказ, Передняя Азия, Средиземноморье, ингуши, минойцы, греки, цивилизация, культура, мифология, культ, бык, камень, традиции жертвоприношения, головной убор «курхарс».

Изобразительное искусство древних людей — одно из важнейших звеньев культуры. «Любое явление когда-то и где-то началось, зародилось, возникло — это кажется нам очевидным. Но, шаг за шагом

* САГОВ Руслан Закреевич, старший научный сотрудник отдела этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия, aroslan@mail.ru.

добираясь до его истоков, исследователь находит бесконечную цепь превращений, переходов из одного состояния в другое. Оказывается, что всякое начало относительно, оно само является следствием долгого предшествующего развития, звеном бесконечной эволюции» [2, с. 8].

Изобразительное искусство как вид человеческой деятельности, в отличие от некоторых других видов культуры, сохранилось лучше. Изображения в древних культурах могут рассказать о многом, в том числе и о тесных этнокультурных связях разных народов. В частности, в древнем изобразительном искусстве Средиземноморской цивилизации, в том числе минойской, встречаются изображения, имеющие много общего с культурой Кавказа древнего периода. Возможно, здесь можно говорить не просто о культурных контактах или взаимосвязях, а скорее об общих корнях.

В разных географических областях мира обнаружены рисунки древних людей, которые, как предполагают археологи, жили на нашей планете в промежутке от мезолита до конца доисторического времени. Однако встречаются рисунки, относящиеся к эпохе палеолита. Как правило, изображены животные, часто быки (бизоны, буйволы) и олени, особенно в пещерах горных мест. Животные изображены часто вместе со сценой охоты. Кроме того, встречаются рисунки и с отпечатками рук человека (оттиска кисти руки). Это позволяет предположить, что оно связано с основным видом деятельности людей того периода. «Зверь был источником жизни, средоточием помыслов, врагом и другом, жертвой и божеством» [2, с. 12]. Видимо, поэтому этим рисункам исследователи придают ритуальное значение, т. е. здесь усматривается связь с ритуальной частью охоты людей как обрядом инициации. В это время, как принято считать, происходит начало развития цивилизации и формирование религиозных представлений у людей.

Е. И. Крупнов считает, что скульптурные фигурки диких и домашних животных, мужские и женские статуэтки, изображающие материнство, рельефная и графическая орнаментика в виде змей, фантастических животных, мифологические сцены борьбы человека со змеями и др. отражают окружающий человека реальный мир и указывают на определённую зависимость прикладного искусства того времени от идеологических представлений людей [5, с. 368].

Различные изображения, скульптурные фигурки, статуэтки и т. п., в отличие от языка, наиболее устойчивы и сохраняются дольше во времени, несмотря на смену языка и условий жизни населения. Поэтому учёные

чаще находят изображения или какие-то другие предметы материальной культуры. Даже в мифологии, несмотря на определённые мировоззренческие изменения, сохраняются какие-то элементы, отражающие в той или иной степени представление народа об окружающей среде.

Существующие разнохарактерные сведения и научные изыскания позволяют прийти к заключению, что на заре бронзового века на Кавказе и в бассейне Средиземноморья сложилась единая древнейшая цивилизация со схожими культурами и языками. В числе этой цивилизации и древних культур есть минойская культура, существовавшая на острове Крит, и майкопская культура на Северном Кавказе. Эти культуры возникли и существовали с конца IV–III тыс. до н. э. Минойская культура названа в честь мифического царя Крита Миноса — владельца лабиринта, построенного, по легенде, Дедалом. Майкопская культура получила своё название от Большого Майкопского кургана возле одноимённого города Адыгеи.

По мнению учёных, минойская и майкопская культуры возникли под влиянием древних культур северной Месопотамии. На остров Крит и в Средиземноморье элементы раннеминойской культуры, как подтверждает археологический материал, привнесены из Анатолии. Свидетельством тому служит наличие аналогичных элементов культуры, в том числе и в изобразительном искусстве Передней Азии. Например, «характерные для минойской культуры культовые изображения быка и богини-«оранты» (с поднятыми руками) задолго до них встречаются на востоке Анатолии уже в эпоху керамического неолита. В IV тыс. до н. э. в Арслантепе появляются цилиндрические печати, позднее широко распространённые у минойцев, а в III тыс. до н. э. в Бейджесултане сооружают дворец, особенности архитектуры которого напоминают более поздние минойские дворцы».

Культовое изображение священного быка видно на бронзовом кубке майкопской культуры. Его образ переплетается с культом плодородия. Памятники III тыс. до н. э. донесли до нас свидетельства почитания быка, продолжавшего быть одним из главных культов религиозной обрядности. Следы этого культа очевидны в памятниках древности в виде переносных «рогатых» алтарей, встречающихся на Кавказе, в Передней Азии и Средиземноморье, в виде фигурок быков и т. п.

Бык в древних религиях Кавказа и Средиземноморья олицетворялся с культом солнечного божества, следовательно, он символизировал плодородие и жизнь. То же самое относится к оленю, бизону, буйволу.

Вероятно, потому в древности ингуши изображали оленя наряду с быком на предметах вооружения и т. д. Б. А. Рыбаков неслучайно связывал изображения оленя на поясных бляхах кобанской культуры с идеей плодородия [7, с. 60]. Также исследователи отмечают, что изображение оленьих рогов было излюбленным элементом ингушского народного орнамента [1, с. 3–25].

Возможно, культ быка с типологической точки зрения следует рассматривать как пережиток более ранних традиций, до бронзовой эпохи, связанных с тотемизмом. Изображения быка, как уже было сказано, интерпретируются как традиция искусства, связанная с ритуальным действием в соответствии с религиозными представлениями людей. Представляется, что бык определённо играл важную роль в духовной культуре с давних времён в мировоззрении людей, так сказать, Балкано-Кавказской цивилизации, как фигура значимая, имеющая сакральное значение. Об этом свидетельствуют наряду с изображениями быка и сюжеты древней ингушской мифологии.

Многое от минойской цивилизации унаследовано древними греками. В среднеминойский период влияние минойской культуры распространилось на Балканы. Древние греки заимствовали от древних минойцев многое, в том числе оружие, письменность, мифологию и т. д. [4]. Греки сохранили многое из древнеминойской цивилизации, что позволило ознакомиться с наследием древних жителей острова Крит.

Думается, что унаследованная от минойцев древними греками мифология позволяет сравнить образы древнегреческой мифологии и ингушских нартских сказаний и говорить об имеющихся аналогиях в древних культурах Кавказа и Средиземноморья, к примеру, сюжеты об одноглазых существах, хождениях героев в потусторонний мир и т. д. Возможно, что здесь речь идёт о единстве их истоков. Скорее, эти идентичные элементы древних культур Кавказа и Средиземноморья носят неслучайный характер.

Ингушская мифология, как и мифология древних народов Передней Азии и Средиземноморья, достаточно богатый мир различных представлений, куда входят наряду с мифами легенды, исторические предания, сказочные сюжеты, имеющие свои особенности и вариации на различные мифологические темы.

Вместе с тем следует отметить, что изображения быка не ограничиваются указанными регионами. Культ быка, скорее, имел более широкое распространение и поэтому встречается во многих регионах

мира. По крайней мере, обращает внимание география распространения этого культа — Кавказ, Европа, Передняя и Центральная Азия. Именно здесь, как по археологическим данным, так в мифологиях народов, чаще наблюдаются сюжеты, связанные с быком.

«Как и у других народов Старой Европы, у минойцев был распространен культ быка, связанный с религиозной традицией жертвоприношения быков» [4, с. 25]. Они приносили в жертву животных — быков, баранов и др., чтобы обеспечить мясом большое число семей. То же самое делали и ингуши, которые приносили в жертву животных — быков и баранов в определённые праздники, в жертвенные дни, например, в дни летнего солнцестояния 21–23 июня и зимнего солнцестояния 21–23 декабря. Эти жертвенные животные у ингушей назывались «синнел». Животные должны были строго соответствовать религиозным требованиям по возрасту, цвету и т. п. Если это бык, то он должен был быть белого цвета и трёхгодовалым, если баран, то тоже белого цвета, но с чёрной мордой и годовалого возраста.

Впрочем, традиция жертвоприношения у ингушей, можно сказать, продолжается до сих пор, так как это явление совпало с требованиями новой религиозной системы.

Однако ингуши в прошлом приносили животных в жертву не только в праздничные дни, но и по случаю какого-нибудь семейного или какого-нибудь общественного торжества, например, устраивали торжественные пиры по случаю рождения мальчика, по покойнику по истечении сорока дней или иного значимого случая. В этом случае к жертвенным животным не предъявлялись такие строгие требования, как в жертвенные дни во время религиозных праздников. Здесь допускалось использование в качестве жертвоприношения животное любого цвета, но соответствующего возраста.

Внутри древних и средневековых храмов горной Ингушетии археологами обнаружено большое количество рогов жертвенных животных (быков, туров, косуль, оленей, баранов). Также здесь часто встречаются железные наконечники стрел (вий) и фрагменты керамики [9, с. 55].

В связи с культовым значением священного быка интересно отметить, что его образ, как принято считать, переплетается с культом плодородия. Здесь явно прослеживается связь между культом быка как символом плодородия и ингушским «божеством» плодородия Тушоли.

Одним из важнейших атрибутов в религиозной системе ингушей и минойцев является культ Божества-матери, символизирующий культ

плодородия, рождающей природы, как особое почитание женщины-роженицы, символизирующей плодородную землю. В связи с этим в изобразительном искусстве минойцев часто можно видеть женскую фигуру как «божество», символизирующее женское начало, и змею, олицетворяющую мужское начало.

Таким образом, изображение женской фигуры, которая крепко держит в своих руках змею, символизирует единство бытия, дуальность мира. Следует отметить, что змея также фигурирует в ингушской мифологии, например, в сказании о МагЮ. О символическом отношении и почитании змеи ингушами говорит тот факт, что название змеи «лихь» было табуировано, как и наименования некоторых других животных. Его нельзя было произносить вслух, поэтому ингуши называли его нарицательным именем «текхарг» («ползучая»).

Считалось, что Тушоли — покровительница женщин, «божество» производительной силы и плодородия. Поэтому к Тушоли обращались женщины с просьбой о даровании им детей. Святилища, посвящённые этому божеству, находились по всей Ингушетии — Ког, Велах, Эрзи и т. д. Перед святилищем Тушоли у башенного комплекса Ког в прошлом стоял каменный памятник Къоабал кхера (Благодатный камень), где очевиден и культ камня. Тушоли называли дочерью Бога — Даьла йоI Тушоли // Даьла йохI Тушоли (Божья дочь Тушоли). Здесь надо отметить, что слово «йоI» («девушка») ранее произносилось более мягко «йохI», из-за чего данный термин иногда интерпретируют неверно.

Праздник «Тушоли» в ингушском обществе в прошлом занимал особое место. Отмечался он во время весеннего солнцестояния. Весной появлялась и птица удод, называемая ингушами «тушол-котам» (курочка тушоли). «Праздник в честь богини Тушоли был тот же весенний праздник возрождающейся природы, который известен нам во всей Передней Азии, как бы ни называлась отдельная богиня, предмет почтения: Кибела, Диндимена, Магна Матер, Ма и т. п.» [8, с. 207].

«Совершенно очевидно, что образы как Кибелы, так и Тушоли зародились в отдалённую эпоху матриархата. Они являются божеством плодородия, символизируют неиссякаемые силы природы. Особенно почитали обеих богинь женщины, к которым они являлись с мольбами о даровании им детей. Их чтили, вместе с тем и за мужество. Кибела укротила льва, он охраняет её у трона, он покорно несёт её на спине; пара львов везёт её в колеснице; лев — её постоянный атрибут, характерно, что и на маске богини Тушоли — изображение головы льва» [8, с. 209].

Вместе с тем А. А. Захаров сближал «богиню Тушоли не с Кибелой, фригийской богиней, а с сирийской богиней Герой, храм которой, описанный Лукианом, находился в Иерополе» [8, с. 207].

Круг схожих культурных элементов, так же как культ быка и др., о которых говорилось выше, не ограничивается только этими элементами. Здесь существуют и другие элементы культуры, такие как культ камня, культ предков, культ божества плодородия и т. д., которые также имеют аналогию, общие черты, как функциональные, так и символические.

Ингушский женский головной убор рогообразной формы «курхарс», о котором неоднократно писали многие учёные и путешественники, имеет, может быть, символическое и прямое отношение к культу быка и к кругу рассматриваемых вопросов вообще. Необходимо отметить, что мнения по поводу этимологии названия данного головного убора разнятся. Исходя из первой части названия этого головного убора (инг. «кур» — рог), очевидно, что речь идёт о рогах (имеется в виду рогообразная форма данного головного убора). Кстати сказать, в ингушском языке есть термин «уст», одновременно относящийся и к быку, и к женщине. Здесь наблюдается какая-то связь, возможно, также связанная с символом плодородия, рождающей природой.

Сведения об ингушском головном уборе «курхарс» встречаются в русских письменных источниках XVII в. «К числу интереснейших предметов старинного ингушского быта следует отнести женский головной убор своеобразной формы, о котором впервые упомянули члены русского посольства, посетившие в 1638 г. Ингушию, направляясь в Грузию». В их отчётах отмечается: ... «Домы в них каменные, выстроены в горах; мужчины одеты по-черкесски, а женщины носят на головах рога в поларшина» [6, с. 211]. Позднее про них сказано, что «эти оригинальные головные уборы составляют характерную черту ингушских женщин» [3, с. 341].

Ингушский женский головной убор «курхарс» имеет, как отмечают учёные, связь с головным убором древних фригийцев. Кроме того, данный головной убор напоминает и изображение Афины на древней амфоре. «Древнейшая панафинейская амфора (около 560 г. до н. э.) была чернофигурная с изображением на лицевой стороне богини Афины, грозно шагающей, подняв копьё, и защищаясь щитом» [4, с. 23]. Афина на амфоре изображена в головном уборе, похожем на ингушский головной убор «курхарс».

Археологи находили рогообразный головной убор «курхарс» в склепах башенных комплексов по всей горной Ингушетии, в средневековых городищах Горак, Мецхал, Морч, Кяхк, Хамхи, Цори и др. [8, с. 212–213]. Позднее «курхарсы» были найдены и в других поселениях горной Ингушетии. В башенном комплексе Пялинг, в башнеобразном наземном коллективном склепе с зубчатым завершением в 1980 г. были обнаружены различные женские принадлежности: «украшения (серьги, кольца, браслеты, ожерелья), поясные кисеты-мешочки, гребни (деревянные и роговые) и курхарсы» [9, с. 49]. Также «...женский головной убор в виде конька курхарс... находился... на мумифицированном черепе женщины, возраст которой достигал 25–30 лет... с вертикальными полосами и растительным орнаментом красного, черно-серого и желтого цветов. В свою очередь, сукно покрыто красной крашениной. По центру курхарс перехвачен широкой лентой с вышитыми серебряными нитями растительным орнаментом. Непосредственно под лентой, в центре убора, пришита тонкая серебряная бляха округлой формы (диаметр 5,0 см). С тыльной стороны курхарса укреплена широкая полоса шелковой материи с абровым узором (красного, желтого, зеленого и коричневого цветов)» [9, с. 51].

Древние мифы и предания — это древнейшие отголоски событий давно минувшего времени. Конечно, мифологическим сведениям до конца доверять нельзя. Но в нашем случае не столь важно, насколько соответствует исторической действительности информация, передаваемая через фольклор, сколько важно попытаться установить схожие культурные мотивы.

В настоящем исследовании мы хотели обратить внимание на схожие черты в древних культурах Кавказа и Средиземноморья. Произведённый анализ позволяет предположить, что между этими древними культурами имелись неслучайные, очень тесные этнокультурные связи. Здесь, на наш взгляд, возможно говорить об этногенетических связях. В пользу последнего говорят и данные ДНК-генеалогии.

Литература

1. Акиева Х. М. Прикладное искусство чеченцев и ингушей (XIX — начало XX вв.). Грозный : [Б. и.], 1984. 25 с.
2. Дмитриева Н. А., Виноградова Н. А. Искусство древнего мира. 2-е изд. М. : Детская литература, 1989. 207 с.

3. *Кларрот Ю.* Путешествие по горам Кавказа и Грузии в 1807 и 1808 гг. Нальчик : Эль-Фа, 2008. 320 с.
4. *Кобылина М. М.* Роль традиции в греческом искусстве // Проблемы античной культуры. М. : Наука, 1986. С. 23–31.
5. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М. : АН СССР, 1960. 520 с.
6. *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М. : Наука, 1971. 208 с.
7. *Рыбаков Б. А.* Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М. : Наука, 1976. С. 57–63.
8. *Семенов Л. П.* Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 1 : История. Грозный : [Б. и.], 1959. Т. 1. С. 197–219.
9. *Чакхчиев Д. Ю.* Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии : сб. стат. Нальчик : Эль-Фа, 1998. 98 с.

Ruslan Z. SAGOV,

Senior Researcher, Ingush Research Institute of the Humanities,
Magas, Republic of Ingushetia, Russia, aroslan@mail.ru.

Ethnogenetic Connections and Analogies of Ancient Cultures of the Caucasus and the Mediterranean

In this study, an attempt is made to analyze individual elements of the cultures of the Caucasus and the Mediterranean of the most ancient period, where an analogy is observed. It is noted that the common cultural motifs in these regions, in particular, in the cultures of the Minoans, Phrygians and Ingush, which are pronounced, may indicate not just cultural contacts, but rather ethnogenetic ties. The problem of ancient cultures of these regions is considered from the point of view of studying the issue of ethnocultural processes. The article is based on authoritative research and author's researches.

Keywords: *Caucasus, Central Asia, Mediterranean, Ingush, Minoans, Greeks, civilization, culture, mythology, cult, bull, stone, traditions of sacrifice, kurkhars headdress.*

В. Г. Кукуян (Тер-Даниэл)*

Взаимодействие религиозных конфессий в современной России как ресурс гармонизации социальной системы

Статья обращена к осмыслению духовных проблем современного мира. Рассмотрены характерные черты духовного облика актуального времени. Стремительное ускорение всего и вся в современном мире приводит к обмельчанию и, как следствие, искажению душевной и «усыханию» духовной жизни отдельных людей и человеческого сообщества в целом. Это происходит тогда, когда для решения практически всех встающих перед людьми задач на первый план выдвигаются духовные религиозные проблемы. Если XX в. в целом и особенно такое воинственно атеистическое государство, как СССР, мы вправе охарактеризовать как пик безбожия и волюнтаристской власти маленького человека, то XXI в. — это время сепарации, когда, с одной стороны, появляются отдельные люди, стремящиеся к своему духовному возрождению, а с другой стороны, плещется разлитое море адептов человеческого своеволия. Автор формулирует фундаментальные задачи современного общества по духовному возрождению людей: а) вне зависимости от их принадлежности к той или иной религиозной конфессии, б) созидание путей сближения и эффективного сотрудничества всех конфессий, вдохновляемых и объединяемых главным призывом Бога ко Вселенской Любви, а не бездушно обезличивающим многообразие существующих конфессий экуменизмом. Это потребует от представителей всех конфессий много терпения и много смирения — двух важнейших Ликов Любви. Автор приходит к выводу, что все религии одинаково ведут к Богу, если они привержены Любви.

Ключевые слова: ускорение, приоритет духовности, приятие всех конфессий, терпение, смирение, вселенская любовь, Э. Тоффлер, Р. Тагор, религия.

Каждая историческая эпоха, как и каждый день нашей жизни, уникальна. Однако уникальность нашей эпохи особенная. Дело в том, что ускорение исторического процесса, которое тщательно исследовал и описал номинант на Нобелевскую премию Элвин Тоффлер [4], породило совершенно иную парадигму взаимоотношений в мире по всем векторам и уровням. Наиболее актуальные из обсуждаемых сегодня — это климатические изменения, возрастающее социальное и экономическое неравенство как внутри отдельных стран, так и между различными регионами, что помимо всего прочего порождает лавинообразное увеличение неуправляемых миграционных процессов, обострившиеся гендерные проблемы, которые приводят к распаду традиционной семьи, появле-

* КУКУЯН Вардан Григорьевич (Тер-Даниэл), кандидат исторических наук, профессор, независимый исследователь, Краснодар, Россия, derder@list.ru.

нию нетрадиционных типов половых отношений. Благодаря развитию новейших методов исследований науку переполняют многочисленные наблюдаемые новые факты и явления, которые едва поддаются, а порой и не поддаются интерпретации той же наукой. Существующие уже и продолжающиеся нарастать проблемы в самых различных сферах бытия можно перечислять до бесконечности. Поэтому ограничимся лишь констатацией того, что когнитивные возможности мира в рамках существующей парадигмы познания и устройства мира уже не могут работать эффективно.

Стремительное ускорение всего и вся в современном мире приводит к обмельчанию и, как следствие, искажению душевной и «усыханию» духовной жизни как отдельных людей, так и человеческого сообщества в целом. В этих условиях на первый план выдвигаются духовно-религиозные проблемы. Однако это происходит в противоречивой, непростой форме. Если XX в. и прежде всего такое могучее тоталитарное атеистическое государство, как СССР, мы вправе охарактеризовать как пик безбожия и волюнтаристской власти маленького человека, то XXI в. — это время сепарации, когда, с одной стороны, появляются отдельные люди и различные сообщества, которые стремятся возродить в себе живого Бога (и их сравнительно немного и это «сливки общества»), а с другой, плещется разливанное море адептов человеческого своеволия («снятого молока»). Конечно, между теми и другими нет китайской стены, взаимоотношения их, как внутри каждого потока, сложные. Главным показателем различий является степень одухотворённости каждого индивида, избирающего тот или другой путь своего развития [2].

Обратим внимание, что характеристику потока определяет индивид, избирающий тот или иной путь развития, а не поток, поглощающий индивидуальность. Мир всё более и более индивидуализируется — это ещё одна важная характеристика современной эпохи.

В этих условиях главным ориентиром и стержнем развития современного общества становится религия — объективный фактор как для отдельного человека, так и всего человеческого общества. При этом, как это не покажется странным, этот фактор действует как в среде религиозно верующих людей, так и среди атеистов. Такое положение требует дать ясное определение столь важному и ёмкому понятию, как религия.

Автор предлагает принципиально новое определение религии, которое до сих пор нигде не формулировалось, а именно: «Религия — это диалог Бога с человеком и человека с Богом», или развёрнутый вариант: «Религия — это верования, обряды, ритуалы, писания, молитвы, с по-

мощью которых Бог разговаривает с человеком, а человек — с Богом». Из этого определения следует, что термин «религия» может употребляться только в единственном числе. Во множественном числе употребляются термины «конфессии», «религиозные учения», разнообразие которых порождены диалогичностью взаимоотношений Творца и творения. А воинствующая антагонистичность в отношениях между ними объясняется, с одной стороны, степенью Откровения Бога человеку в той или иной конфессии, с другой стороны, глубиной восприятия Откровения Божьего как отдельным человеком, так и различными культурами.

Исходя из того, что в основе межконфессиональных отношений лежит степень откровения Божия человеку, иерархия религиозных учений, прежде всего авраамических (христианство, ислам, иудаизм), выстраивается следующим образом: в христианстве одно из трёх лиц единой и нераздельной Святой Троицы (Отец, Сын, Святой Дух) — Бог Сын воплотился в Иисусе Христе, соединив в себе Совершенного Бога и Совершенного Человека. Тем самым дал людям зримый пример совершенной жизни на Земле. Как говорят святые отцы, «Бог воплотился, чтобы человек вобожился». Ислам признаёт Ису (Иисуса) предпоследним пророком. При этом обратим внимание, что по мусульманскому учению, во время Страшного (Последнего) Суда, людей к Богу будет подводить для окончательного решения места пребывания каждой конкретной человеческой души в Вечности не Магомет, а Иса. Таким образом, как бы материализуя полные духовного смысла слова Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа: «...Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» [1, Ин. 14 : 6].

Требование вобожения, предъявляемое христианством к человеку, идущему за Христом, оказывается очень большим испытанием для адептов этого великого вероучения, и тогда Бог Отец, любящий своё создание, даёт более простое, более человеческое, более понятное вероучение — ислам. Таким образом, мы вправе говорить, что ислам — проявление огромной любви Создателя к человеку, которого Он не наказал за отступничество, за Распятие Бога Сына, но попустил людям сделать шаг назад, чтобы по мере своего духовного возрастания вернуться ко Христу. Что касается иудаизма, то Господь не раз говорит о том, что спасутся только те, кто обратится к Богу, разумею, ко Христу, который прежде всего пришел к народу Израиля, но был им отвергнут [1, Ис. 10 : 20–22]. Так что возвращение к Богу для иудеев есть приятие Христа Иисуса.

Помимо авраамических религиозных учений скажем о буддизме, который является скорее религиозно-философским учением, в котором, как и в даосизме, конфуцианстве, отсутствует личный бог; но Дух Божий и эти учения озаряет религиозным светом и создаёт надежду на обращение их ко Христу. Здесь нужно отметить, что неавраамические конфессии неизмеримо менее конфликтны.

Мы будем в основном говорить о трёх конфессиях, берущих своё начало от праотца Авраама. Конфликтность между ними прослеживается на протяжении всей истории их существования. В современном мире градус конфликтности во всех проявлениях жизни, в том числе и религиозных, стремительно возрастает, с другой стороны, всё более проявляется особенно в христианстве стремление к преодолению конфликтности. После завершения II-ой мировой войны делались многочисленные попытки преодоления межконфессиональных противоречий. Возникло экуменическое движение. Однако оно оказалось малоэффективным и практически утратило своё влияние, не преодолев сильную и основательную критику ортодоксов различных конфессий. Главный вопрос заключается в том, как вступить в активный, творческий межконфессиональный контакт, не утрачивая своей вероучительной идентичности. Какими постулатами собственного вероучения можно поступить ради Всеобщего Единства?

Однако зададим вопрос: «Разве не встаёт между конфессиями камнем преткновения гордыня, которой и нужно поступиться?».

Вопрос не праздный, потому что на протяжении веков каждая конфессия стремится доказать приоритет своего учения на путях познания Бога. При этом все признают непознаваемость Бога в принципе. Бог познаётся уподоблением Ему. Однако, как можно уподобиться Всемогущему и Отделенному от всего и вся Аллаху или Яхве? Только через строгое выполнение Закона. Христианство открывает его адептам возможность усыновления человека Богом во Иисусе Христе. Но стоит ли христианам на этом настаивать, выстраивая свои взаимоотношения с другими вероучениями? Ведь именно гордыня в своём возвышении преобразуется из греха в постулат верности своему учению. Уберите гордыню («Ах, оставьте ненужные споры — я себе уже всё доказал»), пусть каждый идёт избранным путём, и тогда идущий сам упрётся в стену, необходимость преодоления которой приведёт его ко Христу. Великолепным руководством на путях межконфессионального сближения является 13-я глава 1-го Послания к Коринфянам Апостола Павла. Следование ей

с должным терпением даст возможность межконфессионального сближения. Вопрос здесь не в конкретной конфессиональной принадлежности текста, а в том, что это наиболее ярко выраженный Гимн Любви! Любви к Богу, а через Него людей друг к другу. Достаточно признать, что главным призывом Бога к людям является Любовь, так сразу проявляется единый центр для всех конфессий. Таким образом, задача состоит не в том, чтобы доказать превосходство пути своей конфессии к Богу, а в приятии Любви к Богу и через Него людей друг к другу как общей и единой цели для всех конфессий.

Каждое религиозное учение идёт к единой цели своим путём, не навязывая никому своего видения и не препятствуя другим в их особом движении к той же Высоте, оставляя Суд правильности избранного пути Богу.

При таком подходе возрастает роль светской власти, которая обязана обеспечить равные возможности для всех конфессий в осуществлении их духовной жизни, даже если сама эта власть ориентирована на то или иное религиозное учение и, строго говоря, светской не является. В особо сложном положении оказывается светская власть в поликонфессиональном государстве, таком как, например, Россия. Возникает целый ряд различных проблем в организации ритмичной и гармонично организованной жизни такого общества.

Приведём один пример: для христиан Святой день — воскресенье, его христианин посвящает пребыванию в церкви и в семье, духовной гармонии; для исповедующего иудаизм — это суббота; для мусульманина — пятница. Как совместить это весьма важное различие? И таких вопросов достаточно много. Некоторые из них можно решить изменением иерархических отношений в границах той или иной административной единицы (автономной республики, области). Например, в Краснодарском крае иерархические отношения выстраиваются следующим образом: Русская Православная Церковь, Армянская Апостольская Церковь, Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края, Местная религиозная организация ортодоксального иудаизма и далее. В Адыгее на первое место ставится Духовное управление мусульман Адыгеи, затем РПЦ, ААЦ и далее. При этом надо подчеркнуть, что, хотя в Адыгее численность коренного населения меньше, чем русских, но приоритет должен отдаваться адыгам. Здесь уместно сказать, что идея «резервации» и её осуществление в США и некоторых других странах, опороченная как буржуазная, унижающая коренные народы в реальной

жизни, гораздо более эффективна, чем «псевдоавтономии» советского периода. Это стало очевидно, как только в годы перестройки были отменены квоты на выборы в руководящие органы власти в национальных автономиях и многие коренные народы, в частности адыги, оказались в меньшинстве на своих исторических территориях. Сложность, однако, заключается в том, что внутри светской власти проходят те же процессы, что и внутри духовных движений. Более того, в светских руководящих структурах, как правило, душевный уровень превалирует над духовным, и это затрудняет понимание духовных проблем во взаимоотношениях религиозных организаций. Как пишет апостол Павел: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» [1, 1 Кор. 2 : 14].

Возникает патовая ситуация: без Веры невозможно решить уже существующие и стремительно возникающие новые проблемы, стоящие перед человеком, человечеством, а сердца большинства людей сегодня закрыты Вере. Но когда каждый истинно верующий человек воспримет себя как всё человечество? Адам был первым человеком, то есть всем человечеством. Он согрешил, и тем самым согрешило всё человечество. Второй Адам — воплотившийся Сын Божий, Сын Человеческий, как Он справедливо называет Себя, взошёл на Голгофу и принял мученическую смерть — распятие — и этим распял все грехи человечества, открыв всем дорогу к спасению. Теперь каждый из нас, осознав себя лично всем человечеством и мужественно поднимаясь на свою всечеловеческую голгофу, спасает человечество! «Спаси себя и спасешь тысячи!», — восклицает Серафим Саровский. И в этом Спасение Человечества, его малого остатка, вернувшегoся к Богу.

Интересно, что даже очень умные, прекрасно образованные люди, говоря о семье, образовании, медицине, вплотную подходят к таким основополагающим понятиям, как религия, церковь, но ни слова не говорят о них. Забавно, что такой интересный собеседник и учёный, как доктор биологических наук Мария Валерьевна Ведунова, используя такой термин, как храм, обозначает им библиотеки, высшие культурные и научные учреждения, но нигде не ассоциирует храм с церковью.

Между тем очевидно, что самое важное, нужное и большое, что мы можем дать подрастающему поколению — это религиозное воспитание! Самый мощный толчок к развитию и высший регулятор качества медицинской деятельности — это религиозное воспитание!

Самые большие скрепы в семье образует религиозное воспитание! Но именно эта область воспитания и образования остаётся за скобками даже весьма образованных и интеллектуально развитых людей. Как тут не обратиться к словам апостола Павла: «Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божьей, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. / Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; / а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, потому что немудрое Божье премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» [1, 1 Кор. 1 : 21–23, 25]. Однако тут надо оговориться, что, хотя мы, безусловно, берём за основу христианскую истину, но мы также обращаемся к опорным столпам и ислама, и иудаизма, и буддизма, и других вероучений. Всё, что даёт опору в продвижении к главной всеобъединяющей цели к Богу-Любви, мы кладём в основание нашего пути, если не для себя, то для наших братьев, которые ещё в пути. Потому что такая действенная Любовь укрепляет сердца верующих и подаёт пример окружающим.

Есть очень много практических приёмов и действий, укрепляющих наши сердца и души, дающих возможность неагрессивно, с должной терпеливостью проникать во внутренние пространства друг друга и всё глубже и шире осваивать просторы Божьего Откровения нам, людям. Один из таких сравнительно несложных, но, на мой взгляд, эффективных приёмов открылся мне в ходе работы над этим материалом. Я всегда говорю своим прихожанам: «Помните! Чужой грех должен быть не мишенью нашего «праведного осуждения», а зеркалом, глядя в которое, мы должны спросить себя: «А нет ли у меня такого греха?». Тогда мы можем сказать себе: «Спасибо Тебе, Боже, что не допускаешь во мне такого, и далее удерживай меня от подобного соблазна! А если есть, то дай мне, Боже, сил изжить этот грех в себе». И вот я вдруг осознал, что, постоянно созерцая этот мир, пропуская его через призму собственного «я», мы шаг за шагом с Божьей помощью продвигаемся по тернистому пути самосовершенствования. Если к этому добавить вполне воспитываемый навык притормаживать темп собственного бытия даже в ущерб некоторым псевдодостижениям, если постоянно учиться созерцательной жизни, к примеру, у Рабиндраната Тагора: «Не говори: “Вот и утро” — и не отпускай его, назвав вчерашним именем. Смотри на него в первый раз, как на новорожденное дитя, у которого ещё нет имени» [3, с. 402].

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Изд-во Московской Патриархии, 1992.
2. Генон Р. Царство количества и знамения времени / пер. с франц. М. : Беловодье, 1994. 304 с.
3. Тагор Р. Собрание сочинений : В 12-ти т. М. : Худож. лит-ра, 1965. Т. 12. 448 с.
4. Тoffлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2003. 558 с.

Vardan G. KUKUYAN (Ter-Daniel),

Cand. Sci. (General History), Prof., Independent Researcher,
Krasnodar, Russia, derder@list.ru.

Interaction of Religious Confessions in Modern Russia as a Resource for Harmonization of the Social System

The paper is addressed to understanding the spiritual problems of the modern world. The characteristic features of the spiritual image of the current time are considered. The rapid acceleration of everything and everyone in the modern world leads to shallowing and, as a consequence, distortion of the spiritual and “drying up” of the spiritual life of individuals and the human community as a whole. This happens when spiritual religious problems come to the forefront to solve almost all the problems facing people. The twentieth century as a whole and especially such a militantly atheistic state as the USSR, we have the right to characterize as the peak of godlessness and voluntarist power of the little man. The twenty-first century is a time of separation, when, on the one hand, individual people appear who strive for their spiritual revival, and on the other hand, a flooded sea of adepts of human self-will splashes. The author formulates the fundamental tasks of modern society for the spiritual revival of people: a) regardless of their belonging to a particular religious denomination, b) creating ways of rapprochement and effective cooperation of all faiths inspired and united by the main call of God to Universal Love, and not by ecumenism that soullessly depersonalizes the diversity of existing faiths. This will require a lot of patience and humility from representatives of all faiths — the two most important Faces of Love. The author concludes that all religions lead equally to God if they are committed to Love.

Keywords: acceleration, priority of spirituality, acceptance of all faiths, patience, humility, universal love, E. Toffler, R. Tagore, religion.

Н. Г. Соловьёва*

Православные традиции как фактор формирования этнокультурной специфики казачества (на примере Карачаево-Черкесии)

В статье исследуется православие как традиционная «народная» религия кубанских казаков. Она, являясь основным ресурсом казачьей культуры, традиционно служила и средством её сохранения. Иконопись, обрядово-ритуальный комплекс, устное народное творчество — пословицы и поговорки — указывают на значимое место и главную роль христианства в жизни кубанских казаков, определяют идентичность казачества Карачаево-Черкесии. Именно православие является тем ресурсом и средством сохранения казачьей культуры — культуры славянской, сублимированной и симбиотической, которая объединяет множество этнокультурных кодов многоликой, но не разобъединённой, а духовно единой страны. Комплексное изучение указанной проблемы, введение в научный оборот публикаций, содержащих сведения об эксклюзивных региональных традициях православия, традиционной культуры в целом — перспективные направления решения современных проблем регионоведения, способные не только обеспечить сохранение богатого этнокультурного наследия России, но и его дальнейшее существование в рамках многополярного мира.

Ключевые слова: православие, кубанское казачество, казачество Карачаево-Черкесии, традиционная духовная культура, казачья культура.

Православие, являясь основой жизни и сути казачества — консервативного и патриархального социального образования российской истории, занимало особое, значимое место в его культуре. Разные группы российского казачества, имеющие свои региональные черты, связанные, в основном, с этнокультурными особенностями своего формирования и развития, во многом ориентировались на основы православной веры. Изучение традиций православия в рамках регионалистики, на примере казаков Карачаево-Черкесии, актуальная и не лишённая научной новизны проблема. Выявление в рамках обозначенной тематики факторов, свидетельствующих о том, что православие является ресурсом и средством сохранения казачьей культуры — цель и задачи, требующие решения.

* СОЛОВЬЁВА Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологии народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсиорокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, soloviova_n31@mail.ru.

Традиционная духовная культура кубанского казачества была, по сути, продолжением православия. Декларация христианской приверженности не ограничивалась открытым всенародным провозглашением, а являлась, по сути, сигналом для практического воплощения догм православия во всех сферах жизни кубанских казаков, его региональных групп, в том числе казачества Карачаево-Черкесии. В связи с тем, что оно было территориально обособленно от большей части Кубанского казачьего войска и конфессионально отрезано от его религиозного разнообразия, отличающего и российское государство в целом, приоритет православия у казачества Карачаево-Черкесии выражался в его исключительной христианской религиозности. При этом православие имело ряд значимых вкраплений древнеславянской культуры, которые со временем трансформировались и лаконично вошли в него, стали своеобразными «глашатаями» принципов христианства в рамках традиционной духовной культуры казаков Карачаево-Черкесии. Так называемая «народная религия» — православие — выступила одним из главных маркеров кубанского казачества.

Почитание православных святых носило коллективный характер, выражающийся в особом мироощущении, эксклюзивном этнокультурном наполнении, в частности, в отнесении некоторых из них к «добрым», а других к «строгим» святым. В. А. Колесников отмечал, что «к последним относятся: 1) Св. Пантелеймон или, по-народному, Паликип, Палей, который сжигает копны в наказание у тех, кто в день его празднования работает; 2) Кирилл и Улита, также насылающие несчастье на работающих в день их празднования; 3) Марк Евангелист или, по-народному, Удушливый Марко, который удушает быков. Но святой пророк Илия, несмотря на то что поражает молнией людей, не принадлежит к числу строгих святых. Он поступает так потому, что преследует нечистую силу, которую и убивает своими стрелами или камнями вместе с людьми или животными, за которых старается спрятаться дьявол» [12, с. 262]. Народное адаптивное христианство, то есть приближение и практическое вхождение их в казачью жизнь, свидетельствовало как о ресурсной, так и преемственной составляющей православия.

Религиозно-ориентированный быт и обрядность укрепили позиции христианства в традиционной духовной культуре кубанских казаков. При этом в ней отчётливо проявлялись региональные особенности, связанные с выделением из общего списка церковных дат определённых христианских праздников, особо чтимых в каждой группе кубанско-

го казачества. Так, казаками Карачаево-Черкесии особо почитались следующие православные праздники, главными из которых являлись Рождество Иисуса Христа, Крещение Господне, Пасха Христова, а также праздники Покрова Пресвятой Богородицы, Святого Николая Чудотворца, Архистратига Божия Михаила, Георгия Победоносца [10, с. 222–223].

Типичным проявлением православия в культуре кубанских казаков была ориентация повседневной и праздничной жизни на правила христианской жизни, сконцентрированной в рамках станичной церкви. Станичное общество, отличающееся незыблемостью патриархальных устоев, переплетённых со сводом этикетных норм и правил, своё устройство и жизнеспособность обосновывало христианской верой. Целый комплекс запретов был ориентирован на православный церковный календарь — его значимые даты. Так, в Благовещенье — день, когда снизошла на Марию благая весть о том, что она станет матерью Спасителя мира, казакам запрещалось выполнять любой вид работы — разрешалось только молиться, обращаться к Богородице и Иисусу Христу. Считалось, что «кукушка не имеет своего гнезда, не умеет его строить и откладывает свои яйца в чужие гнезда потому, что она несёт божье наказание за то, что дерзнула в Благовещенье свить гнездо. А крота Бог ослепил за то, что он на Благовещенье копал землю» [2, с. 240]. Данная форма этнокультурного приближения христианского сюжета к простой мирской жизни была призвана указать на единственно верный путь — православный путь, ведущий Богу.

Традиционно свой день казаки начинали с православной молитвы, которая творилась перед домашним иконостасом, состоящим из 5 и более икон. «В углу святом висела икона с лампадой, покрытая рушником, над столом» [6]. При этом состав домашнего казачьего иконостаса был разнообразным. «Исусова икона, Божья Матерь, Николай Угодник у нас были» [4]. Часто внизу устанавливалась самодельная тумбочка или треножный столик, которые также использовались для малой домашней службы, религиозных нужд. «А на низу делали тумбочку. Там свечи стояли. На Рождество и на Пасху там стояла кутя» [4].

Старинные (родовые) иконы казаков Карачаево-Черкесии были выполнены в традициях православной иконописи, относящейся к кубанской школе. Она отличалась наивностью изображений святых образов, несовершенством техники исполнения, однотипностью использования цветового решения, а также симбиотическими моментами сюжетного христианского «действия» — объединения нескольких, чаще двух, свя-

тых образов — чаще Богородицы, в одной иконе. Создание таких икон казаками-иконописцами — «народными художниками», отнесение их в казачьей среде в разряд «старинных икон», особо почитаемых, связанных с родовой наполненностью — молитвами целых поколений кровных родственников — и передачей их из поколения в поколение является более чем достоверным источником православного духовного начала и естества кубанских казаков — казаков Карачаево-Черкесии. До сих пор хранятся в казачьих семьях и используются по назначению для молитв православные старинные иконы Николая Чудотворца, Святого Пантелеймона, разные списки Богородичных икон и др. А. М. Гусева сообщала: «Я очень дорожу иконой «Святая Троица» моей прабабушки, которую она принесла в дом своего мужа, когда «её отделяли». На тот момент икона стоила 3 рубля, а корова — 1,5 рубля» [3].

Наличие в обрядово-ритуальном комплексе жизненного цикла кубанских казаков молитвенного слова, а также упоминание христианских догм и самого Христа, часто выступало этнокультурным маркером их традиционной духовной культуры. Как ресурс её сохранения оно до сих пор бытует в среде казаков Карачаево-Черкесии. Содержание традиционной сопроводительной песни-плача, исполняемой участниками похорон по завершении поминальной трапезы после прочтения православных молитв, свидетельствует об этом:

*«Дети мои, не забудьте меня!
Всегда на молитве поминайте меня! (2 раза)
Братья мои, не забудьте меня!
Всегда на молитве поминайте меня! (2 раза)
Сестры мои, не забудьте меня!
Всегда на молитве поминайте меня!» (2 раза) [5].*

Поминальные песни кубанских казаков имели не только тематическую, но и персональную направленность. Так, традиционная поминальная песня казаков Отраденского района Краснодарского края и казаков Карачаево-Черкесской Республики была посвящена матери и содержала прямую отсылку к православию — содержала прямое обращение к Господу Иисусу Христу:

*«Спи, наша милая мама, в глубокой могиле сырой.
Теперь твоей жизни, родная, Господь будет Судьей. (2 раза)
Никто из земных не нарушит твой вечный покой, сохранит.
Только будут шуметь над могилой деревья зеленой листвой. (2 раза)*

*Куда мы теперь ни поедем, куда мы теперь ни пойдём,
Тебя, наша милая мама, нигде никогда не найдем. (2 раза)
Все свои отложила заботы, и нет их теперь впереди.
И сердце твое материнское остыло в холодной груди. (2 раза)
Не спала ты темные ночи, не знала покоя по дням.
И хлеба последнюю крошку делила ты нам пополам. (2 раза)
С тобой, наша милая мама, и солнышко грело тепло.
И радостно было на сердце, и в комнате было светло. (2 раза)
Никто нам теперь не заменит нашу родимую мать,
Никто нас теперь не приветит, никто нас не сможет ласкать. (2 раза)
Рано ли поздно, родная, прийдём мы к могиле сырой.
Посадим цветы на могиле, полем своей чистой слезой. (2 раза)
Окончилась жизнь земная, все силы угасли в труде.
Прощай, наша милая мама, и вечная память тебе!» (2 раза)*
[11, с. 93–94].

В похоронно-поминальном обряде получали воплощение и материальные символы, и смыслы православия. Так, на поминках кубанские казаки вкушали не только определённый перечень обязательных блюд, приготовленных в соответствии с церковным календарем — постные или и скоромные: борщ, картофельное пюре с гарниром (рыбным или мясным), лапшу, но и взвар (или «узвар» на «казачьей балачке» — кубанском говоре русского языка), с булочкой или ломтём поминального каравая. «Взвар (узвар) — компот из сухофруктов» [7, с. 66]. На поминальной трапезе у казаков Карачаево-Черкесии он опосредованно выступал в роли «крови Господней», хлебобулочное изделие — «тела Христова». Вкушение на казачьих поминках узвара и каравая символизировало особый чин «очищения» и одновременно «причащения» новопреставленного станичника через присутствующих лиц, то есть указывало на адаптированный казаками чин причащения в православном храме. Молитвенное слово в начале и конце поминального стола также свидетельствовало о яром соблюдении христианских догм, о глубоком почитании казаками Карачаево-Черкесии православия в целом.

Нельзя не указать и на то, что узвар, как и каравай, присутствовал во всем комплексе обрядово-ритуальной жизни казаков Карачаево-Черкесии. Поминальный каравай в отличие от свадебного каравая отличался почти полным отсутствием декора, что не только визуально указывало на вид мероприятия, но и вписывалось в рамки традиционной христианской похоронно-поминальной церемонии — строгой, лишённой изыска и вычурности.

О христианской сущности каравай кубанских казаков наглядней всего можно судить по свадебному караваю. «Круглый выпуклый высокий каравай олицетворял землю, мир людей и только мужчина — казак, представленный в виде солонки, был в центре него, выступал носителем, распространителем и хранителем казачьего мира, воплощенного в традициях, устоях и быте казачьей жизни. Казачий каравай как общий контент ментального восприятия всего духовного и материального сущего, при помощи символично-ритуальной составляющей четко определяя патриархальность и традиционность ролей в казачьем обществе, казачьей семье, которая была малой моделью земного воплощения православного бытия» [9, с. 38]. Таким образом, каравай с солонкой соли по центру нес в себе сразу несколько концептуальных смыслов, определяющих православие не только как ресурс и средство сохранения традиционной духовной культуры, но и как маркирующий контент этнокультурной идентичности кубанского казачества.

Не менее знаковыми ресурсами и средствами сохранения казачьей культуры являлись песни и куплеты христианской тематики, прославляющие рождение Христа, исполняемые в дни рождественских гуляний. Христианская основа казачьего бытия, ориентированная на православный церковный календарь в рамках общины, где коллективное отмечание праздников было главным поводом для сборов и общений — проведения так называемых «бесед», содействовала объединению на конфессиональной почве всех станичников, установлению прочного духовного единства. При этом рождественские куплеты имели и обязательную часть благопожеланий. Они опосредованно — через этикетные элементы уважения к домочадцам, которых посещали станичники в дни празднеств, были направлены на жизнь кубанских казаков. Тяжёлый труд не всегда приводил к изобилию, так необходимому для большой казачьей семьи, а рождественские пожелания не только дарили надежду на это, но и прогнозировали успешную жизнь, утверждали эти пожелания, так как были сказаны (пропеты) часто коллективно в минуты наивысшего духовного блага — Рождества Христова.

*«Во поле, во поле!
Сам Бог походе!
А Маты Мария
Христа просила:
Зароди нам Боже
Жито, пшеницу,*

*Горох, чечевицу!
А малы ребята
В ограде играли,
Христа дожидали.
Христос родился,
В ограду явился!
Сею, вею, посеваю!
С новым годом поздравляю!
Поздравляю хозяина с хозяйкой!
Здравия желаю!
Чтоб родилось и водилось,
Никогда не переводилось!» [5]*

Православие, являясь постоянно возобновляемым последующими поколениями казаков ресурсом, было неотъемлемой их этнокультурной чертой, наиглавнейшим идентификационным маркером. Именно поэтому в деле сохранения культурного наследия и как такового казачества Карачаево-Черкесии православие преобразовалось в рамках российского исторического развития из ресурсной составляющей в средства воплощения данной идеи. Особую роль в этом процессе играла станичная церковь. В рамках казачьего этикета священнослужитель приравнивался к старшему, многоопытному, безгранично уважаемому поколению казаков, что определяло и закрепляло его роль и место в традиционном казачьем обществе. В. А. Колесников отмечал: «Уважение к старшим выражается тем, что при встрече останавливаются, снимают шапку и здороваются, к духовенству (священнику) тем, что все, сколько бы ни сидело, поднимаются на ноги и стоят, пока не пройдет духовное лицо, к родственникам тем, что младшие считают долгом посещать их в праздники» [12, с. 257–258]. При этом станичные священники пользовались таким же уважением, как и рядовые казаки, приближённые к «Престолу Божьему», которые участвовали в церковной жизни и богослужениях — «прислуживали в церкви». Церковный хор традиционно состоял из особо «голосистых» казаков без учёта гендерной ориентации. На значимых событиях казачьей жизни, семейной и общевойсковой, присутствие священника было обязательным. Он являлся проводником и блюстителем христианских догм и правил, с ним советовались, то есть через него опосредованно — благоговейно, с духовным трепетом выражалось почтение православной религии в целом.

Устное народное творчество служило важной частью традиционной духовной культуры кубанских казаков, которая также содержала сведения об отношении к священнослужителям, вере в целом. Ментальные установки в половицах и поговорках соединяли обыденные наблюдения с духовным видением бытия, то есть шло своеобразное подтверждение того, что православие — это «народная» религия и один из главных его ресурсов, обеспечивающих и по ныне преемственность религиозно-ориентированных духовных ценностей. В них, в частности, говорилось: «Бог знает где; Дай Бог ноги пройти все дороги; Как у Бога за пазухой; Кто сам себя стережет, того и Бог бережет; Сам Бог велел; Каков поп, такой и приход; Не заглянув в святцы, забить в колокола; Отдать Богу душу» [8, с. 161, 164, 173, 175, 179, 180]. Казаки не только знали и умели применять в повседневной разговорной речи пословицы и поговорки, но и через глубокое осмысление содержания одновременно использовали их как ресурс и средство сохранения своей культуры. Происходила непосредственная практическая передача духовных ценностей через словестную форму народной мудрости — пословицы и поговорки, выражавшие православную суть жизни и сам генотип кубанского казака.

При этом особенность передачи информации посредством кубанского говора русского языка накладывала определённый этнокультурный отпечаток на передаваемую информацию, раскрывая не только процесс её формирования, но и указывая на смысловые акценты, свидетельствующие об идентичности кубанского казачества. В этом виделось его эксклюзивное восприятие мира — мира духовного и материального, часто переплетающегося, дополняемого друг другом. Так, русская поговорка «На Бога надейся, а сам не плошай» у казачества звучит следующим образом: «Бога бийся, а на сэбэ надийся» [1, с. 59]. Дословный перевод раскрывает суть казачьего менталитета — Бога бойся и одновременно надейся на себя, свои силы, то есть только с божьей поддержкой вкупе с желанием и возможностями человека возможно осилить все преграды. В русском варианте пословицы главенство человека над высшими силами налицо. Поговорка «Пока гром не грянет» в казачьем варианте «Грим не гряне, казак нэ пэрэхрэстэца» [1, с. 59] также по смыслу сильно отличается, несёт свою, этнокультурную нагрузку. В русском варианте говорится, что пока не произойдёт какое-либо происшествие, человек не предпринимает меры по её недопущению. В казачьем случае поговорка имеет повествовательное склонение утвердительной формы, что позволяет отнести её также в разряд пословиц. Гром не грянет, то есть ничего плохого не

произойдёт, и казак не перекрестится, то есть не обратится за помощью к Богу, так как обращение к нему по «суетным делам», незначительным поводам у христиан считалось «грехом». Таким образом, казачья поговорка имеет свой глубокий смысл, показывающий менталитет и образ жизни воцерковлённого человека — православного поборника веры.

Анализ типичных проявлений православия в рамках культурного формирования и развития составной части кубанского казачества — казачества Карачаево-Черкесии, указывает на их значимость, свидетельствует о необходимости обратить пристальное внимание на православие как главный ресурс культурного наследия, требующий глубокого научного исследования и сохранения. К тому же оно может и должно выступать как средство, способное стать панацеей для сохранения не только культуры кубанского казачества, но и всего российского общества, духовно и морально ориентированного. Многонациональность и неоднородность конфессионального состава при этом не может мешать данному процессу, так как основные постулаты православия согласуются с основополагающими позициями всех религиозных течений, исторически присутствующих в ареале российского государства. Именно через комплексное изучение, введение в научный оборот публикаций религиозной тематики, содержащих сведения об особенностях формирования и развития традиционной культуры, видится путь сохранения этнокультурного наследия России и его последующего существования в рамках многополярного мира.

Литература

1. *Гудимова О. А.* Из фольклорного наследия славянского населения Кубани / сост. О. А. Гудимова. Пятигорск : РИА-КМВ, 2020. 172 с.
2. *Колесников В. А.* Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И. Л. Дебу до отставного хорунжего П. Л. Юдина // Кубанский сборник : сб. науч. ст. по истории края. Краснодар : Книга, 2006. Т. 1. С. 32–57.
3. *Куракеева М. Ф.* Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. Черкесск : КЧИГИ, 1999. 278 с.
4. Полевые материалы автора. Гусева А. М., 1938 г. р. Полевые записи Медведевой (Гусевой) Л. А. (дочь), 2021 г., Россия, Карачаево-Черкесская Республика, Урупский район, станица Преградная, рукопись.
5. Полевые материалы автора. Мельникова К. М., 1938 г. р. Полевые записи Соловьевой Н. Г., 2021 г., Россия, Карачаево-Черкесская Республика, Усть-Джегутинский район, город Усть-Джегута, рукопись.

6. Полевые материалы автора. Россия, Карачаево-Черкесская Республика, Усть-Джегутинский район, город Усть-Джегута, рукопись.
7. Полевые материалы автора. Сорокин Н. М., 1943 г. р. Полевые записи Соловьевой Н. Г., 2021 г., Россия, Карачаево-Черкесская Республика, Усть-Джегутинский район, город Усть-Джегута, рукопись.
8. Словарь лексики и фразеологии верхнекубанских и зеленчукских казаков Карачаево-Черкесской Республики / авт.-сост. А. В. Шишканова. Черкесск : [Б. и.], 2018. 248 с.
9. Словарь отрядной речи (по материалам произведений И. Н. Бойко, Г. Л. Немченко, П. Е. Придиуса) / авт.-сост. В. М. Пелих; отв. ред. С. Г. Немченко. Отрядная ; Армавир: Шурыгин В. Е., 2019. 184 с.
10. Соловьева Н. Г. Обрядово-ритуальная пища казаков Карачаево-Черкесии: история и современность // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VII междунар. науч.-практ. конфер., посвящ. 95-летию д-ра филол. наук, проф. Л. М. Васильева (Уфа, 23 сентября 2021 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 32–40.
11. Соловьева Н. Г. Традиционная материальная культура казачества Карачаево-Черкесии. Историко-этнографический очерк. Черкесск : РГБУ КЧИГИ, 2022. 340 с.
12. Чанура Н. В. Казачество Баталпашинского отдела Кубанской области в конце XIX — начале XX в.: особенности социально-экономического и культурного развития : к 165-летию станицы Исправной. Армавир : Шурыгин В. Е., 2023. 162 с.

Natalia G. SOLOVYOVA,

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof., Leading Researcher,
Department for Ethnology of the Peoples of the Karachay-Cherkessia,
Karachay-Cherkess Institute for Humanitarian Studies, Cherkessk,
Karachay-Cherkess Republic, Russia, soloviova_n31@mail.ru.

**Orthodox Traditions as a Factor in the Formation
of the Ethnocultural Specificity of the Cossacks
(On the Example of Karachay-Cherkessia)**

The paper examines Orthodoxy as the traditional “folk” religion of the Kuban Cossacks. Being the main resource of Cossack culture, it has traditionally served as a means of its preservation. Iconography, ritual complex, oral folk art — proverbs and sayings — indicate the significant place and the main role of Christianity in the life of the Kuban Cossacks, determine the identity of the Cossacks of Karachay-Cherkessia.

It is Orthodoxy that is the resource and means of preserving the Cossack culture — the culture of Slavic, sublimated and symbiotic, which unites many ethno-cultural codes of a diverse, but not disunited, but spiritually united country. A comprehensive study of this problem, the introduction into scientific circulation of publications containing information about the exclusive regional traditions of Orthodoxy, traditional culture in general are promising directions for solving modern problems of regional studies that can not only ensure the preservation of Russia's rich ethno-cultural heritage, but also its continued existence within a multipolar world.

Keywords: *Orthodoxy, Kuban Cossacks, Cossacks of Karachay-Cherkessia, traditional spiritual culture, Cossack culture.*

А. А. Байрамкулова*

Государство и мусульманское духовенство Карачая в первые десятилетия советской власти: история взаимоотношений

В статье проанализированы основные направления антирелигиозной и репрессивной политики государства, процесс изменения государственно-религиозных отношений между мусульманским духовенством и советской властью. В период с середины 1920-х гг. до конца 1930-х гг. происходит существенное изменение в отношениях между государством и мусульманским духовенством. В этот период началось ужесточение государственной политики и сокращение сотрудничества между властью и мусульманским духовенством. Власть предпринимает ряд мер, чтобы изолировать мулл от общества и ограничить их влияние в традиционных сферах. Были предприняты шаги для ограничения влияния духовенства и унификации государственно-конфессиональной политики. Эти меры сопровождались репрессивными действиями, что привело к сокращению численности духовенства. Этот период оказал значительное влияние на мусульманское духовенство и его роль в обществе.

Ключевые слова: Советская власть, Карачай, антирелигиозная политика, государство, общество, мусульманское духовенство, раскулачивание, репрессии, религиозные обряды, обычаи.

Политическое и экономическое давление на мусульманское духовенство стало кульминацией политики советской власти на Северном Кавказе. Представители этой группы лишались гражданских

* БАЙРАМКУЛОВА Аминат Ахматовна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории народов КЧР Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований имени Х. Х. Хапсирокова, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия, bayramkulova_aminat@mail.ru.

прав, подвергались жёсткому налоговому прессингу, раскулачиванию и проведению прямых политических репрессий. Это было связано с тем, что именно имамы, как и священнослужители других конфессий, осуществляли все обряды жизненного цикла, занимались образованием подрастающего поколения. Духовный авторитет, который был у них в обществе, имел значительное влияние на представителей своей веры, в связи с этим государство их рассматривало как идеологических противников. Это привело к тому, что Советская власть проводила целенаправленную политику, целью которой было вытеснение мусульманского духовенства из всех сфер общественной жизни вплоть до прямого физического уничтожения.

С первых дней прихода к власти советская власть была настроена антирелигиозно. Хотя на первых порах новая власть демонстрировала на законодательном уровне лояльность и поддержку идеи свободы веры и наций, именно тогда (2 ноября (15 ноября) 1917 г. и 20 ноября (3 декабря) 1917 г.) и вышли «Декларации прав народов России». Также было оглашено обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное председателем Совета народных комиссаров В. И. Лениным и наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным. Согласно этому обращению верования и обычаи российских мусульман, их культурные учреждения объявлялись «свободными и неприкосновенными» [1, с. 12]. Оно также призывало поддержать революцию, большевиков и её полномочное правительство. Издавая эти обращения, советская власть пыталась завоевать доверие мусульман. Желая заручиться поддержкой местного населения, большевики в первые годы старались не затрагивать религиозные чувства местного населения. Отмечалось, что в послереволюционное десятилетие росло количество мечетей [4, с. 17].

Таким образом, первые годы советской власти принесли и некоторые положительные изменения для мусульман Карачая. Власти начали осуществлять образовательные и социально-экономические программы, направленные на поддержку и развитие местных мусульманских общин. Были открыты школы, мечети и другие религиозные учреждения, которые ранее были запрещены или подавлялись.

В начале XX в. духовенство Карачая представляло собой наиболее образованную часть населения. Это подтверждалось данными, полученными из анкет, собранных в 1928 г. Интересно отметить, что 94 % духовенства владели арабским языком, что свидетельствовало об их высоком уровне знаний в этой области.

Чтобы получить образование, духовенство Карачая обучалось в мектебе (51 %) и у муллы (29,5 %) [4, с. 15–16]. Они в основном получали образование на родине, но также многие отправлялись за пределы области, чтобы обрести более глубокие знания. Это свидетельствует о стремлении духовенства к постоянному обучению и развитию своих навыков.

Также стоит отметить, что духовенство играло важную роль в обществе Карачая. Они не только выполняли религиозные обязанности, но и были носителями культурных и образовательных ценностей. Благодаря своему образованию и знанию арабского языка, они могли проповедовать и распространять знания среди населения. Они стремились к постоянному обучению и развитию, что позволяло им выполнять свои религиозные и общественные обязанности на высоком уровне.

С начала 1920-х гг. начался новый этап в развитии государственно-религиозных отношений, где руководящие партийные органы стали активно вмешиваться в религиозные дела. Они приняли на вооружение «воинствующий» подход к религии и религиозным организациям. Для духовенства, верующих и религиозных обществ это означало, что их объявили единственно легально действующей контрреволюционной организацией.

Идеологические принципы ЦК ВКП(б) в отношении религии стали основой для множества нормативных актов, принятых советскими органами в конце 1920–1930-х гг. Эти акты, в первую очередь, отразились в постановлении Президиума ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [1, с. 28]. Они ограничивали религиозные свободы и преследовали цель ослабить влияние религии на общество.

Наступление на религию и её приверженцев продолжалось и в последующие годы. Трудности с заготовкой зерна и коллективизацией были переложены на «кулацкие элементы», в том числе и на служителей культа. Социально-политическое и экономическое положение служителей культа было настолько тяжёлым, что эта часть общества оказалась в серьёзном кризисе. Лишённые гражданских прав, облагаемые тяжёлыми налогами и повинностями, преследуемые по политическим мотивам служители культа вместе с другими гражданами (в основном сельскими жителями) подверглись первой крупной волне репрессий в конце 1920-х гг.

В ходе коллективизации и последовавшего за ней процесса и без того бесправное духовенство оказалось втянуто в волну борьбы

с «кулаками». Они становились «кулаками», лишались свободы или выслались, их имущество конфисковывалось, а семьи раскулачивались. Ситуация с другими религиозными активистами была менее тяжёлой. В Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) и государственные органы поступало много обращений от мусульманских священнослужителей и верующих с просьбой обратить внимание на их социально-экономическое положение, так как большинство из них не имели даже собственных хозяйств, но все облагались большими налогами. Особенно изнурительной была сложная система налогообложения для священнослужителей, совершающих богослужения.

Помимо налогов, к муллам применялись такие меры воздействия, как лишение избирательного права, привлечение к различным трудовым повинностям, выселение из жилого помещения только по факту поставки мяса, молока и картофеля. Материальное неблагополучие и гражданское бесправие вынуждали некоторых представителей духовенства отказываться от сана. Этот процесс начался в 1920-е гг. и продолжался до 1930-х гг. прошлого века. Как реакция на действия властей появились «лапотные» («безметные муллы»), избираемые простыми верующими мусульманами. Они поддерживали ислам на бытовом уровне и исповедовали только традиционные религиозные обряды. В этот период большинство обращений в ЦДУМ представляли собой заявления представителей мусульманских общин о незаконном закрытии мечетей. Идеологическая борьба часто подменялась борьбой с внешними проявлениями религии, её атрибутами. Многие партийные и советские деятели придерживались мнения, что закрытие культовых сооружений является важным показателем падения религиозности; в отношении ЦДУМ и центральных органов власти приводились сотни фактов, когда мечети закрывались силой без всякого решения, неуважительно относясь к чувствам верующих и нарушая их свободу совести.

В 1930-е гг. в регионе развернулось движение за закрытие мечетей: к 1 января 1935 г. в Карачаевской автономной области из 58 действовавших до революции религиозных учреждений без различия по религиозному признаку было закрыто 27 [3, л. 3]. Наряду с закрытием мечетей без согласия верующих было зафиксировано несколько случаев оскорбления их чувств. Судьба религиозного имущества была различной: мечети формально закрывались по одной и той же формулировке, но здания передавались под общественно-культурные цели.

Во многих случаях клубы и школы существовали только на бумаге. Большинство мечетей использовались для хозяйственных нужд или пустовали.

В целом антирелигиозная государственная политика конца 1920-х — начала 1930-х гг., как и другие антидемократические процессы в советском обществе, свидетельствовала о формировании в СССР тоталитарной политической системы. Что касается взаимоотношений между религией и властью, то в конце 1930-х гг. усилился и достиг своего апогея воинствующий атеизм. Первая по-настоящему массовая волна репрессий против духовенства началась в конце 20-х гг. В это время в СССР началась форсированная трансформация государства во всех сферах деятельности. Важным препятствием на этом пути была религия, носителями которой являлись духовенство и верующие миряне.

В этот период наибольшее количество дел было связано с лишением избирательных прав исламского духовенства. Статус «лишенцев», занимающихся религиозной деятельностью, регулировался инструкцией Народной комиссии юстиции от 24 августа 1918 г. [2, с. 187]. Статус «лишенца» сопровождался значительным сокращением гражданских прав, а также увеличением налогообложения и многочисленными ограничениями для семей «лишенцев». Можно говорить о том, что с конца 1920-х гг. в регионе усилилось постепенное вытеснение клерикального влияния из традиционной сферы и тенденция к изоляции мулл и эфенди от общества. На местном уровне этот сдвиг в государственно-конфессиональной политике проявился в создании государственной службы, специализирующейся на антирелигиозной деятельности.

Эта политика имела печальные последствия в сельской местности, где коллективизация и связанные с ней процессы были направлены на разрушение традиционного уклада жизни и крестьянского представления об общине, в том числе и религиозной идеологии. Существовавшее с начала 1920-х гг. отождествление мулл с духовенством, постоянно именовавшееся в партийных документах «клерикально-мульским элементом», было реализовано в качестве широкомасштабной репрессивной меры против значительного числа клерикальных хозяйств, вытесненных из района в процессе коллективизации. Восстания, которые часто проходили под религиозными лозунгами, использовались властями для развёртывания широких репрессий против духовенства. Организаторами восстаний выступали муллы и эфенди. В результате действий ОГПУ при

НКВД по изъятию «контрреволюционного элемента» пострадало значительное число представителей мусульманского духовенства [2, с. 205].

Репрессии против верующих мусульман были характерны для всех районов проживания мусульман на Северном Кавказе. Так, например, был арестован и умер в заключении Д. Хачиров, который долгое время был кадием Карачая. Его богатая библиотека была публично сожжена большевиками. Преследованию подверглись даже члены семей погибших священнослужителей. Религиозная жизнь была практически сведена к нулю, закрывались приходские школы и мечети, запрещались призывы к молитве и публичные проповеди, а в 1930-е гг. гонения на духовенство ещё более усилились, в результате чего оно стало физически уничтожаться.

Таким образом, в результате массовых репрессий конца 1920-х — начала 1930-х гг. было устранено или физически уничтожено значительное количество священнослужителей всех конфессий по всей стране. Исламское духовенство лишилось наиболее активной и образованной части своего религиозного руководства, а на смену ему пришли неквалифицированные служители культа, что способствовало значительной утрате исламского наследия в обществе. Некоторые муллы смогли вернуться на родину после концлагерей и ссылки, но многие не вернулись к своим прежним обязанностям. Однако в середине 1930-х гг. они стали жертвами ещё более жёстких репрессий.

1937 г. стал переломным в репрессивной политике советского государства. Серией партийных решений, постановлений правительства и приказов спецслужб она вышла на новый этап. Как и прежде, духовенство всех конфессий вновь было объявлено клерикальным классом и сильно пострадало. Оно обвинялось в коллективном выступлении против социалистического строительства и сельскохозяйственных кооперативов. Грабительский забой скота во время празднования Курбан-байрама, организация жертвенных обрядов вызывания дождя часто назывались действиями, направленными на то, чтобы «взорвать колхозы изнутри». В целях противодействия религиозности населения была развёрнута широкая кампания по преследованию соблюдения ритуалов и поста Ураза. Однако, несмотря на эти запреты, мусульмане старались по мере возможности выполнять нормы традиционной обрядовой жизни. По этому поводу нередко поступали доносы от «доброжелателей» в адрес партийных органов с просьбой принять соответствующие меры. Об этом свидетельствует содержание дел членов

коммунистической партии, рассмотренных партийной комиссией областной Контрольной комиссии ВКП(б) в январе 1938 г. Так, из партии был исключён 36-летний житель Хасаута (Мало-Карачаевский район) Ш. Т. Куртаев, после того как его обвинили в «исполнении религиозных обрядов». В частности, утверждалось, что он «неоднократно призывал граждан с минаретов к совершению религиозных обрядов» [5, л. 1] и «в своих показаниях не отрицает несения религиозных обрядов» [5, л. 1]. Такое же решение и такие же представления были вынесены в отношении коммуниста из аула Учкеек П. А. Бостанова [5, л. 1, 5]. В октябре того же года 26-летнему Л. А. Дотдаеву был объявлен строгий выговор. В его личном деле было указано, что он из «духовной семьи», и он также был признан виновным «в несении религиозных обрядов», но имел смягчающие обстоятельства [5, л. 27].

Наряду с рядовыми коммунистами наказанию подвергались и ключевые выдвиженцы. Например, в 1928 г. перед партколлективом предстал профсоюзный лидер Я. О. Кипкеев. Он обвинялся в том, что «выполнял религиозные обряды», а именно — дал за жену калым» и «по обычаям держал её в помещении целый месяц» [5, л. 19].

Преследование священнослужителей, закрытие мечетей и мектебов свели к минимуму влияние ислама на общественную жизнь. В условиях жёсткого идеологического давления религиозная жизнь функционировала исключительно на уровне семьи. Исключённый практически из всех сфер общественной жизни ислам в тот период был сведён к семейным ритуалам.

Результатом притеснений стало физическое уничтожение исламского духовенства как носителя религиозного мировоззрения, традиции и идеологии. Ликвидация духовенства значительно осложнила продолжение культурных и религиозных традиций у молодого поколения. Просветительские, агитационные и пропагандистские мероприятия и их репрессивное воздействие на массовое сознание мусульман были направлены на подавление религии и её институтов, вытеснение исламских ценностей из сознания. Однако, несмотря на жестокое атеистическое давление, ислам не был вытеснен из сознания карачаевцев и оставался важным фактором их национальной идентичности.

Литература

1. Аранов Д. Ю., Косач Г. Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М. ; Нижний Новгород : Медина, 2007. 130 с.
2. Василевский К. Ислам на службе контрреволюции. М. : Северный печатник, 1930. 76 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 161.
4. Кратов Е. В., Кратова Н. В. Ислам в Карачаево-Черкесской Республике. М. : Логос, 2008. 110 с.
5. Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики. Ф. П-45. П. 1. Д. 20.

Aminat A. BAYRAMKULOVA,

Cand. Sci. (National History),

Assoc. Prof., Leading Researcher, Department
for the History of the Peoples of Karachay-Cherkessia,
Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies,
Cherkessk, Karachay-Cherkessia Republic, Russia,
bayramkulova_aminat@mail.ru.

The State and Muslim Clergy of Karachay in the First Decades of Soviet Power: History of Relationships

The paper attempts to show the main directions of the anti-religious and repressive policy of the state, the process of changing the state-religious relations between the Muslim clergy and the Soviet government. In the period from the mid-1920s to the late 1930s, there was a significant change in the relationship between the state and the Muslim clergy. During this period, the tightening of state policy and the reduction of cooperation between the authorities and the Muslim clergy began. The authorities are taking a number of measures to isolate the mullahs from society and limit their influence in traditional spheres. Steps taken to limit the influence of the clergy and to unify state and confessional policy. These measures are accompanied by repressive actions, which led to a reduction in the number of clergy. This period has a significant impact on the Muslim clergy and their role in society.

Keywords: Soviet power, Karachai, anti-religious policy, state, society, Muslim clergy, dispossession, repression, religious rites, customs.

Б. А. Синанов*, Л. Т. Соловьёва**

Грузины Северного Кавказа: сохранение религиозных традиций

В статье рассматривается вопрос о сохранении этнических традиций в условиях диаспоры. Как свидетельствуют исследования традиционно-бытовой культуры разных народов, миграционные процессы нередко приводят к утрате или трансформации определённой её части. Причём в основном это касается той сферы материальной культуры, которая тесно связана с особенностями окружающей среды. Переселение в места с иными климатическими, природными, хозяйственно-экономическими условиями обуславливает появление других типов жилищ, сельскохозяйственных орудий, способов ведения хозяйства. В то же время семейная и праздничная обрядность народа, религиозные представления и традиции более устойчивы и более прочно сохраняются. На полевого материале анализируются сохраняемые представителями грузинской диаспоры Северной Осетии религиозные традиции, в том числе и те, которые были принесены ими при переселении с «малой родины». О сохранении православных традиций свидетельствует возведение грузинами православных храмов (в XIX в.) и возобновление этих храмов в конце XX — начале XXI в. Кроме того, приводятся данные об устойчивом бытовании вплоть до наших дней народных форм православной религиозности, возведение фамильных и общинных святынь, что является формой отправления христианского религиозного культа в народной/вернакулярной традиции. В частности, рассматриваются религиозные практики, связанные со святыней Георгия Ломисского в Грузии (Мтиулет, с. Млета), и традиции его почитания, существующие в Северной Осетии. С 1950-х гг. праздник Ломисоба отмечают и в североосетинском с. Балта; в последние десятилетия в нём принимают участие грузины, осетины, русские и христиане других национальностей; праздник стал большим событием для всей республики.

Ключевые слова: Грузия, Северный Кавказ, Северная Осетия, грузинская диаспора, духовная культура, религиозные традиции, праздник Ломисоба, межэтнические отношения.

Как свидетельствуют исследования традиционно-бытовой культуры разных народов, миграционные процессы нередко приводят к утрате или трансформации определённой её части. Причём в основном это

* СИНАНОВ Борис Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия, etnosovet@bk.ru.

** СОЛОВЬЁВА Любовь Тимофеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия, lubsolov@gmail.com.

касается тех сфер материальной культуры, которые тесно связаны со спецификой окружающей среды. Переселение в места с иными климатическими и хозяйственными условиями приводит к появлению других типов жилищ, сельскохозяйственных орудий, способов ведения хозяйства. В то же время семейная и праздничная обрядность народа, религиозные представления и традиции более стабильны.

В статье рассматривается вопрос о сохранении религиозных традиций и представлений у грузин в условиях диаспоры на примере Северной Осетии.

В Российской Федерации одна из наиболее многочисленных грузинских диаспор сформировалась на территории Республики Северная Осетия — Алания. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., в республике проживает 6756 грузин. Всего грузин в России — 112 765 чел., в том числе в Москве — 26 222 чел., в Краснодарском крае — 12 451 чел., в Московской обл. — 9 298 чел. [9].

В целом на Северном Кавказе начало активного формирования грузинской диаспоры и появление центров компактного расселения грузин относятся к XVIII в., когда грузины в основном селились в Прикаспии и Притеречье (приграничная русская крепость Святого Креста, города Дербент, Кизляр, Моздок, сельские местности возле Терека — станицы Сасоплинская, Шелковская/Сарапани/Сарафанниково, Новогладковская, Червленая и др.) (см: [6, с. 143] [11, с. 12–13]).

Многие грузины, переселившись на Северный Кавказ, становились казаками; в станицах длительное время сохранялась память об их грузинском происхождении; в быту таких семей довольно долго использовался в качестве домашнего грузинский язык. Так, старожилы станицы Александро-Невской (Дагестан) даже в 1970-е гг. помнили, что среди местных казаков было немало грузин (фамилии Минадзе, Хизановы, Ломидзе, Кикнидзе, Зедгинидзе, Герасимовы) [19, с. 94–98].

Не останавливаясь подробно на причинах миграций грузин на Северный Кавказ, укажем, что основной можно считать бедственное положение населения Грузии того времени из-за вражеских нашествий со стороны Ирана и Турции, из-за постоянных набегов горцев Дагестана, сопровождавшихся захватом грузин в плен и в рабство (этот период именовался в Грузии «лекианоба», от груз. «леки» — лезгин, дагестанец) [7, с. 93].

Расширение территории Российской империи на юг, присоединение Грузии стало причиной заинтересованности государства

в привлечении на новоприобретённые земли «благонадёжного» населения, исповедующего христианскую религию — в основном грузин и армян.

Грузины стали селиться также в районах Центрального Кавказа — в городах и крепостях Владикавказ, Грозный, Моздок, Нальчик, в слободе Алагир.

Во Владикавказе грузины селились с самого его основания. В бытность его крепостью здесь насчитывалось 99 грузин и армян [10, с. 140], когда же он стал городом, численность грузин стала расти. Как следует из отчётов начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска, в 1894 г. во Владикавказе проживало 950 грузин, в 1897 г. — 1612, в 1903 г. — 830, в 1910 г. — 3070 [14, с. 258].

Грузины-переселенцы обосновывались в разных частях Владикавказ в соответствии со своим материальным положением и земляческими связями. Богатые грузины — торговцы и предприниматели — селились в центре города. Переселенцы из Хеви с начала XX в. компактно жили в «моховской» части города; грузины из Душетского уезда с 1890-х гг. селились в Осетинской слободке; основная часть грузин населяли Владимирскую, Молоканскую слободки и часть города, называемую Шалдон. В затеречной части Владикавказ в 1911 г. грузинское население насчитывало 1 373 человека.

Владикавказское грузинское сообщество к концу 1880-х гг. получило разрешение на создание грузинской школы; в 1888 г. состоялось её торжественное открытие [16, с. 191]. В течение нескольких лет под школу, основанную по инициативе грузинского просветителя и общественного деятеля, управляющего межевой частью Терской области М. З. Кипиани (1833–1891), помещение арендовали, но вскоре для неё было построено специальное (существующее по сей день) здание. Школа славилась своим актовым залом, где помимо грузин проводили мероприятия многие этнические общины города (осетинские, армянские и др.).

Большое внимание грузинская община обращала на поддержание православных традиций, в том числе у подрастающего поколения, что было особенно актуально на рубеже XX в. В 1898 г., после длительных усилий в этом направлении, при грузинской школе был освящён храм св. Равноапостольной Нины, просветительницы Грузии. Это был приходской храм «с причтом из священника и псаломщика»; первыми его клириками стали священник Георгий Григорьевич Натадзе и диакон Георгий Александрович Таблиев. В приход храма входило также население

хутора Камбилеевский. В целом численность грузин среди прихожан в начале XX в. составляла 2068 чел. (см.: [18] [3, с. 308]).

Для послереволюционного периода в области взаимоотношений государства и верующих были характерны две противоборствующие тенденции: стремление местных властей закрывать церкви (особенно те, которые они считали домовыми, как церковь св. Нины), и попытки грузинской православной общины сохранить храмы, что выражалось в активных действиях прихожан, в многочисленных прошениях и жалобах, направляемых во ВЦИК СССР [8, л. 134–190]. В августе 1928 г. власти попытались закрыть храм св. Нины. Уже 7 сентября 1928 г. грузинская община обратилась с просьбой об «оказании заступничества» к высшим церковным властям. В письме к Католикосу-Патриарху всея Грузии Христофору III Совет грузинской религиозной общины г. Владикавказ просил «Предстоятеля Союзного Центрального Исполнительного Комитета и Священный Синод Российской Православной Церкви о возвращении храма и спасении грузин от религиозного и национального обезличения». Храм св. Нины не состоял в юрисдикции Грузинской Православной Церкви, поэтому Католикос-Патриарх Христофор III направил телеграмму и письма в Священный Синод Православных Церквей в СССР (обновленческой Церкви).

Видимо, активные действия прихожан на некоторое время приостановили репрессии властей, поскольку храм действовал ещё пять лет. Но в октябре 1933 г. в помещении церкви всё же разместили библиотеку артиллерийского полка, а с 1935 г. стали использовать для нужд грузинской школы. Примечательно, что накануне закрытия в этом храме был крещён будущий Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II, уроженец Владикавказа. В 1997 г., когда Илия II совершал визит во Владикавказ, он посетил грузинскую школу и помещение бывшей церкви [16, с. 192].

Как уже отмечалось, на территорию современной Северной Осетии переселялись главным образом представители этнолокальных общностей грузин, расположенных в соседних, в основном горных, регионах Грузии на северных (Хеви) и южных (Мтиулет, Рача, Имерети) склонах Главного Кавказского хребта. Плодородной земли в горных районах было мало, а рождаемость довольно высокой. Это были трудоизбыточные регионы, жители которых издавна занимались отходничеством, уходили в соседние регионы в поисках заработка, нанимались на сельскохозяйственные и иные виды работ. Например, грузины-рачинцы славились как умелые строители (каменщики, пильщики, столяры, специалисты по

обжигу извести), а также как повара и хлебопеки. Переселению грузин из Рачи способствовала Военно-Осетинская дорога, которая вела из Верхней Рачи через Мамисонский перевал на Северный Кавказ. В Алагирское ущелье, в слободу Алагир грузины-рачинцы переселялись в надежде найти спасение от голода и бедствий, поскольку в течение нескольких лет на их родине случались неурожаи [20, с. 165]. Строительство в Алагире серебро-свинцового завода ещё более увеличило поток переселенцев.

По сохранившимся сведениям, первым грузином, поселившимся в слободе Алагир, был Шио Джапаридзе, происходивший из с. Они Рачинского уезда Кутаисской губернии [11, с. 19]. Особенно интенсивными были миграции из Рачи в Алагирское ущелье в конце 1870-х — начале 1880-х гг. По разным данным, за несколько лет сюда переселилось от 120 до 200 семей [10, с. 134].

В конце XIX в. в Алагире насчитывалось около 800 грузин, многие из них занимались строительством и ремёслами. В 1899 г. было получено разрешение открыть здесь грузинскую церковно-приходскую школу. Сначала она располагалась в частном доме, а с 1911 г. — в специально возведённом здании; средства на строительство — добровольные пожертвования — собирали по всему Кавказу. Историки выявили имена грузинских священнослужителей (Габриел Бочоришвили, Филипп Унгиадзе, И. Елиосидзе, Ш. Двашвили), которые несли церковную службу в Алагирском соборе и работали учителями в местной церковно-приходской школе [20, с. 165].

В Северной Осетии в нескольких сельских поселениях — Нижний Ларс, Балта, Чми — имеется грузинское население; все они располагаются неподалеку от Военно-Грузинской дороги. Предки грузин селения Балта — мтиулы — переселились из Мтиулети и Ксанского ущелья. В селениях Нижний Ларс и Чми живут в основном потомки выходцев из Хеви. По рассказам информантов, когда их предки заселяли эти места, эти лесистые места были малонаселёнными. Грузины селились довольно компактно, видимо, благодаря этому до настоящего времени здесь отчасти сохраняются некоторые особенности говоров: мохевского (Нижний Ларс, Чми) и мтиульского (Балта).

В советское время жители этих сёл работали в швейном цеху, занимались изготовлением предметов народных промыслов: вязали традиционные шерстяные узорные носки, изготавливали ковры; такое производство имелось в Ларсе и во Владикавказе, но была также возможность работать на дому. Многие мужчины трудились в дорожно-строительном

управлении, которое обслуживало Военно-Грузинскую дорогу. Сейчас местные жители работают в основном во Владикавказе.

У местных грузин до настоящего времени сохраняются традиции, связанные с семейной (детская, свадебная, похоронно-поминальная) и календарной обрядностью. Так, большим поминальным днём считается «хорциели шабати» («мясная суббота») на масленичной неделе. Информанты вспоминают, что ещё в конце XX в. дети на Масленицу одевались в разные забавные наряды (цыганами и т. д.), ходили по селу, пели, и их одаривали сладостями и деньгами.

В Нижнем Ларсе на Крещение, в ночь с 18 на 19 января, сохраняется обычай устраивать на берегу Терека большой косёр — один на всё село. Мужчины разжигают костёр, а женщины готовят дома поминальное угощение — хинкали и пироги (*хабизгины*) с сыром и картошкой. Всё это, а также вино и водку несут к костру. Блюда должны быть горячими — «чтобы от них пар шёл». Все угощаются и поминают умерших, произнося их имена; поминают также и тех давно умерших родственников, имена которых уже забыты. После угощения набирают воду из Терека и выливают на землю, также поминая умерших. Жители Нижнего Ларса, переселившиеся во Владикавказ, тоже по возможности выполняют в ночь Крещения этот обряд, но уже в семейном кругу.

Первый православный храм в Нижнем Ларсе был построен в 1839 г. — в честь Святителя Николая Чудотворца; в 1895 г. его перестроили и вновь освятили. Его прихожанами были также православные жители соседних сел (Балта, Чми). В начале XX в. численность прихожан этого храма составляла 400 чел. При советской власти храм в Нижнем Ларсе был закрыт; некоторое время перестроенное здание использовалось под жилые помещения.

Возрождение церковной жизни, в том числе возобновление храмов, исторически связанных с грузинской общиной Северной Осетии, относится к постсоветскому времени.

В храме св. Нины первое богослужение состоялось в 2011 г., в Неделю Торжества Православия, при собрании большого числа молящихся. С этого времени молебны в храме совершаются регулярно; богослужения идут на церковнославянском, грузинском и осетинском языках.

27 января 2016 г., в день св. Нины, в храме состоялась первая в новейшей истории храма Божественная литургия. Богослужение совершил протоиерей Константин Джгоев: он учился в Мцхетской духовной семинарии, владеет грузинским языком и имеет опыт служения на гру-

зинском языке. С 2015 г. силами прихода в храме проводятся рождественские праздники, интерьер церкви пополняется иконами, которые преподносят в дар прихожане.

В небольшом селе Нижний Ларс, в 6 км от границы с Грузией, в последние десятилетия также происходит возрождение церковно-приходской жизни. Здесь насчитывается всего 40 домов (около 150 человек — в большинстве грузины-мохевцы). К началу 2000-х гг. от старого храма Святителя Николая Чудотворца остались только полуразрушенные стены. В 2011 г. местные жители решили возвести новый храм на месте старого, частично использовав камни от старой постройки.

В сентябре 2017 г., когда строительство храма в Нижнем Ларсе уже началось, его посетил архиепископ Владикавказский и Аланский Леонид (возглавлял Владикавказскую кафедру в 2016–2021 гг.) и обсудил с его настоятелем священником Георгием Болотаевым и представителями местной православной общины проблемы приходской жизни. 19 декабря 2019 г., в день памяти Николая Чудотворца, в храме прошли престольные торжества; на первую литургию собрались десятки верующих — местных жителей, а также паломников из Владикавказа и ближайших сёл [16, с. 192–193].

Наши полевые материалы свидетельствуют, что у грузин Северной Осетии, исповедующих православие, до настоящего времени сохраняются и народные формы православной религиозности, в частности почитание фамильных и общинных святылец, что можно считать формой отправления христианского религиозного культа в народной/вернакулярной традиции.

В горных районах Восточной и Западной Грузии, выходцы из которых в основном и создали грузинскую общину Северной Осетии, и сейчас сохраняется традиция почитания святылец (груз. *хати*, *джвари*). Их названия свидетельствуют, что они посвящены главным образом христианским святым, но их происхождение связывают также и с древнейшими, дохристианскими верованиями грузин. Переселенцы никогда не прерывали связей с теми местами, откуда они были родом. Причинами этого были родственные связи, которые, согласно обычаю, необходимо было поддерживать «в радостные и горестные дни» (свадьбы, рождение детей, похороны, поминки). В дни традиционных праздников также считалось обязательным посещать с соответствующими приношениями фамильные, сельские, региональные святылища, которые остались «на малой родине», поскольку от их покровительства зависело,

по народным представлениям, благополучие семейного и общинного коллектива. Наиболее значимыми и почитаемыми в этих местах были святилище св. Георгия Ломисского (Ломисас хати) [2, с. 22]. в с. Млета в Мтиулети и Гергетис Самеба (Гергетская Троица) в Хеви. Отметим также, что паломничества к этим святыням совершали не только грузины, но и осетины, причём проживавшие как на территории Грузии, так и на территории Северной Осетии.

Жители грузинских селений Северной Осетии вспоминают, как в советское время их старшие родственники, несмотря на отрицательное отношение к этому властей, ходили на богомолье в Грузию, посещали по обету или в связи с иными причинами свои родовые и региональные святилища. Так, один из жителей с. Балта рассказал нам, как его отец вел в Ломисас хати трёхлетнего бычка, чтобы принести его в жертву св. Георгию Ломисскому. Крещение детей также обычно происходило в дни больших церковных праздников в храмах и монастырях на территории Грузии. Так, по словам жителей Нижнего Ларса, многие посещали Казбеги (Степанцминда) и крестили детей в сентябре, когда там отмечали «детский» праздник Иваноба, поскольку Иоанна Крестителя в Хеви почитали как покровителя детей. Крещение могли приурочить также к празднику Атенгеноба (начало августа).

С течением времени потомки грузин-переселенцев, родившиеся уже в новых местах и считавшие своей родиной Северную Осетию, хотя и продолжали совершать паломничества в Грузию, стали возводить в окрестностях своих сёл традиционные по облику святилища в честь тех святых-покровителей, которых почитали их предки на «малой родине». Таким образом, постепенно на новых местах обитания ими воссоздавался прежний сакральный ландшафт.

Подобная традиция издавна бытовала у грузин-горцев, которые при переселении старались со временем территориально «приблизить» к себе божественного покровителя. По свидетельству В. В. Бардавелидзе, «по древнему обычаю грузины во время переселений брали с собой какую-нибудь реликвию своего святилища — горсть земли, небольшой обломок с ниши, либо камушек, священную чашу или что-либо другое и помещали его на культовую “башню”, которую выстраивали во имя своего исконного покровителя на новом месте жительства» [2, с. 26].

Именно с этой давней традицией связано и возведение грузинами на новом месте жительства, в Северной Осетии, «филиалов» их родовых святилищ, поскольку те стали появляться ещё при СССР, когда

между Северной Осетией и Грузией не было государственной границы, и они могли без затруднений посещать территорию Грузинской ССР. Подобным образом осуществлялось стремление грузин-переселенцев сакрально «освоить» территорию в окрестностях селения, «приблизить» своего традиционного «покровителя» — святилище к месту их нового обитания.

Например, в настоящее время многие фамилии грузин из с. Балта (Бутхузи, Карелидзе, Миделашвили, Павлиашвили, Тиникашвили, Элошвили, Циптаури и др.) имеют свои святилища. Если фамилии считаются родственными (происходящими от нескольких братьев), у них может быть общее святилище. Святилища расположены в окрестностях Балты, в лесу, и представляют собой *ниши* — небольшие каменные постройки с нишей для установки свечей и каменным крестом наверху, традиционные для горной Восточной Грузии. Иногда рядом со святилищем имеются рельефные изображения на камне (например, Богородица с младенцем на святилище Мариоба/Мариамоба). Служителями святилищ (*деканози*) избирают обычно достойных представителей той или иной фамилии.

В селении Балта известны следующие праздники, которые устраивают в основном около традиционных святилищ: Ломисоба, Эртабрдзанебоба, Мариоба/Мариамоба, Гандзи, Кашветоба, Цихисмтавармоцме, Тиникаант сахмто, Груисис цминда Гиорги. Большинство этих праздников приходится на весеннее время, на Пасху (груз. *Агдгома*), Красную Горку (груз. *Квирацховлоба*), Вознесение (груз. *Амаглеба*). Аналогичная ситуация наблюдается и в других грузинских селениях Северной Осетии. Так, в с. Нижний Ларс имеются святилища, где устраиваются праздники Иваноба, Гиоргоба, Атенгеноба и др.

Как уже отмечалось выше, в этом регионе особенно «сильным» и всемогущим святым считался, по народным представлениям, св. Георгий Ломисский, святилище которого именовалось *Ломисас хати*. В народе и сейчас верят, что тем, кто к нему обращается, он помогает в их бедах: дарует плодородие земле и плодовитость людям и скоту, помогает бездетным и тяжелобольным, обеспечивает благополучие семьям и общинам, излечивает болезни глаз и иные недуги.

На том месте, где располагается *Ломисас хати*, в Средневековье был богатый монастырь св. Георгия Ломисского, которому покровительствовали грузинские цари и правители; об этом монастыре, его происхождении, судьбе его реликвий имеется немало как исторических, так и этнографических данных, народных преданий, фольклор-

ных произведений и иных свидетельств. Сохранившийся до настоящего времени храм (его в народе именуют святилищем — *Ломисас хати*) возведён в IX–X вв., хотя предание связывает его с событиями начала XIII в. Монастырь не был действующим уже к началу XIX в., но традиция почитания святилища и проведения праздника Ломисоба никогда не прерывалась.

В постсоветское время, особенно в последние десятилетия, праздник Ломисоба стал одним из наиболее популярных не только в этом регионе, но практически по всей Грузии. Тысячи паломников посещают его, надеясь на помощь могущественного святого Георгия Ломисского, совершая нелёгкое восхождение в горы, на вершину водораздельного хребта. Объём статьи не позволяет детально останавливаться на богатых и разнообразных традициях Ломисоба, свойственных ему народных религиозных практиках, связанных с его возникновением и имеющих немало вариантов преданиях, на описании его многочисленных чудотворных святынь и реликвий (тяжёлая железная цепь; обитая железом дверь, знамя, кресты и т. д.), на современных трансформациях и традиционных моментах проведения этого праздника. В литературе подробные описания этого святилища и праздника Ломисоба, как в прежние века, так и в настоящее время, содержатся в работах историков, этнографов, фольклористов (см.: [2, с. 22] [13, с. 166] [17] [1, с. 201–203]).

До 1950-х гг. местные грузины могли участвовать в празднике в честь этого святого (Ломисоба приходится на первую среду после Троицы), только добравшись до селения Млета (ныне регион Мцхета-Мтианети, Душетский муниципалитет Грузии). Но в начале 1950-х гг. один из жителей селения Балта, Симона Павлиашвили, перенёс несколько камней из святыни, расположенной в Грузии, и в окрестностях Балты возвёл небольшую каменную постройку — святилище во имя святого Георгия Ломисского (илл. 1). Симона Павлиашвили, судя по рассказам местных жителей, был очень интересным, необычным человеком. Его предки переселились в эти места из Ксанского ущелья, которое расположено недалеко от Млета, от *Ломисас хати*, и в его родных местах всегда посещали праздник Ломисоба. Сам Симона славился в народе как человек, способный общаться с высшими силами, предвидеть будущее, поэтому его называли по-грузински «мона» (букв. «раб», «невольник», «слуга» — подразумевается «раб/слуга божества», также — «ясновидец»; так у горцев называли тех, кто имел способность предсказывать будущее; в некоторых местах таких людей именовали «кадаги»).

*Илл. 1. Северная Осетия, с. Балта. Святилище св. Георгия Ломисского.
Фото Л. Т. Соловьёвой, 2018 г.*

Недалеко от Балты, в лесу, Симона начал возводить ещё несколько святилищ, они называются Эртабрдзанеблоба (здесь на второй день после Ломисоба проводят ночное моление — «гамистева»; при этом из принесённого на Ломисоба мяса берут семь бараньих лопаток и варят их около святилища) и Мариоба/Мариамоба (праздник бывает 28 августа), но не завершил их строительство, поскольку в эти годы местные власти не только старались закрывать христианские храмы, но и препятствовали почитанию традиционных святых мест, святых родников и тому подобных сакральных объектов. Как рассказывают местные жители, Симона даже пострадал от властей [16, с. 188–198]. Из Грузии он принёс и серебряный крест, на котором имеются некоторые изображения и посвятельная надпись: «Крест пожертвовал Павлиашвили Симона во славу Великого Ломиса. 1950 г.» (илл. 2).

Несмотря на существование святилища около с. Балта, в советское время на праздник Ломисоба жители Северной Осетии отправлялись в основном в Грузию. Число верующих, которые обращались к св. Георгию, приходя к святилищу возле с. Балта, было невелико.

Следует отметить, что это характерно и для других подобных сельских праздников: к местным сельским святилищам приходят обычно несколько десятков человек, в основном жители этого села. К примеру, подобную картину мы видели в день праздника Мариоба/Мариамоба (Успение Пресвятой Богородицы, 28 августа) в с. Балта в 2019 г.: здесь на небольшом расстоянии друг от друга, прямо на земле, были организованы две трапезы: мужская (возле святилища) и женская (при участии детей) — поодаль от святилища; в каждой участвовали по 15–20 человек.

Значительный рост числа тех, кто приходит на праздник Ломисоба, проводимый в окрестностях с. Балта, происходит в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Конечно, одной из причин этого можно считать наличие государственной границы между Грузией и Российской Федерацией и связанные с этим препятствия к посещению Ломисоба в Грузии. Но сыграли свою роль и меры местных властей, их стремление привлечь к участию в празднике более широкие круги населения Северной Осетии и сопредельных регионов. Некоторую роль в проведении Ломисоба стали играть грузинские национально-культурные общества: общереспубликанское «Эртоба»/«Единство» и «Иверия» Моздокского района.

После того как в 1998 г. рядом со святилищем на народные деньги и благодаря помощи спонсоров были возведены часовня во имя св. Георгия Победоносца и небольшая звонница, в праздничные дни священнослужители стали проводить богослужения, совершать таинство крещения (илл. 3). Таким образом, к народным формам почитания св. Георгия, которые здесь практиковались, добавилась возможность окрестить ребёнка. Всё это также способствовало увеличению числа верующих христиан, приходящих сюда в день Ломисоба. Таким образом, сценарий праздника значительно расширился: важными действующими

Илл. 2. Северная Осетия, с. Балта. Крест св. Георгия Ломисского, принесённый из Грузии Симоном Павлиашвили, серебро, чеканка, 1950 г.; датировка по надписи. Фото Б. А. Синанова, 2019 г.

Илл. 3. Северная Осетия, с. Балта. Часовня и звонница св. Георгия Победоносца; возведены в 1998 г. Фото Л. Т. Соловьёвой, 2018 г.

лицами в этот день стали также священники. В 2011 г. на официальном сайте Владикавказской и Аланской епархии сообщалось: «В этот день праздничный молебен в часовне совершил настоятель храма Архангела Михаила селения Кадгарон иерей Георгий Кучиев (илл. 4). После молебна состоялось Таинство Крещения, которое традиционно проводится в этот день и привлекает десятки желающих присоединиться к Православной Церкви» [12].

Отметим, что сейчас крест Симона Павлиашвили и ещё три металлических креста других святилищ, которые ранее хранились у деканозов разных фамилий, находятся в часовне св. Георгия Победоносца.

В день праздника это святое место посещают в основном христиане — грузины, осетины, русские, армяне и представители других народов, но в качестве гостей могут быть и те, кто исповедуют иную религиозную веру.

Роберт Цинделиани, председатель грузинского национально-культурного общества «Эртоба», так характеризует день Ломисоба: «Это многонациональный праздник, который можно сравнить с великим осетин-

ским праздником — Днем Хетага. Количество людей примерно такое же. Каждая семья совершает жертвоприношение. И молятся Богу, чтобы до следующего года было пополнение в семье, здоровье, мир» [16, с. 62].

Республиканские власти оценивают Ломисоба как важное событие не только для грузинской диаспоры Северной Осетии и соседних регионов, но и для всей республики. Это значительное для общественной жизни республики событие находит широкое отражение в СМИ и социальных сетях.

Именно участие в празднике Ломисоба представителей разных народов особо подчёркивается в публикациях на эту тему: «Ломисоба — праздник единения народов, которые связаны друг с другом вековой дружбой и общими традициями»; «На осетинской земле его отмечают уже на протяжении шести десятков лет. За это время праздник стал многонациональным. Празднуют Ломисоба вместе с грузинами представители самых разных национальностей» [5]. Представители правительства республики дают празднику следующую оценку: это «еще одно доказа-

Илл. 4. Северная Осетия, с. Балта. Таинство Крещения во время праздника Ломисоба; на фото иерей Георгий Кучиев. Фото Б. А. Синанова, 15 июня 2011 г.

тельство единения всех наций, живущих в республике», «национальные культурные центры сегодня отмечают ... праздник, который объединяет все нации, которые здесь проживают. Сегодня мы радуемся, поздравляем друг друга — это говорит о сплоченности народов, которые проживают в РСО — Алания» [4].

Ежегодно после праздника Ломисоба в различных интернет-изданиях, соцсетях можно увидеть множество откликов тех, кто посетил этот праздник или по официальному приглашению республиканских властей (например, в 2009 г. на празднике была делегация Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации), или по приглашению знакомых и родственников. Например: «Праздник служит удивительным примером единения народов. <...> Говорили на грузинском, осетинском, русском, кабардинском языках. <...> В этом году на торжества по случаю праздника съехались этнические грузины со всех уголков Осетии, осетины, кумыки, кабардинцы, русские. Также гостями на празднике были министр по делам национальностей республики Т. Касаев, благочинный православных церквей РСО — Алания протоиерей Владимир Самойленко, штатный клирик владикавказского храма Покрова Пресвятой Богородицы протоиерей Николай Жуков и алтарник того же храма Георгий Тиникашвили» [15].

До строительства часовни праздник Ломисоба в Балте происходил по традиционному сценарию, при соблюдении определённых правил: с территории святилища нельзя было ничего брать; мясо жертвенных животных полагалось варить; сюда следовало нести только вино или пиво. Неподобающее поведение в святилище и поблизости от него, по народным представлениям, приводило к неприятным последствиям, их воспринимали как наказание высших сил за проступок. В жертву приносили баранов (белого или «красного»), пиво или вино, пироги «*гулиани када*» (с начинкой из сыра и пережаренной на топлёном масле муки), возжигали восковые свечи. В отличие от Ломисоба в Млета, здесь не бывало принесения в жертву домашней птицы в форме «*гапрена*» (*груз.* «улететь», «полет»), когда кур или голубей подбрасывали в воздух, отпуская возле храма или святого места.

В настоящее время одновременно с богослужением в часовне возле ниши св. Георгия Ломисского традиционные служители святилища — деканозы — выполняют традиционный ритуал. Серебряным крестом, который Симона Павлиашвили пожертвовал святилищу в 1950 г., деканоз благословляет паломников и принесённые ими жертвования: пироги,

напитки, животных, — окропляет их святой водой (илл. 5). Соответствующую молитву и благословение деканоз произносит, в зависимости от этнической принадлежности паломника, на грузинском, осетинском или русском языке.

Около святилища растёт старое дерево, к ветвям которого привязывают ленточки и загадывают желания, об исполнении которых просят св. Георгия. Свечи возжигают и в часовне, и возле святилища, прилепляя их к каменной постройке (илл. 6).

После заклания жертвенных животных готовят угощение. За совместной праздничной трапезой

Илл. 5. Северная Осетия, с. Балта. Праздник Ломисоба, деканозы благословляют жертвенных животных и подношения. Фото Б. А. Синанова, 18 июня 2008 г.

Илл. 3. Северная Осетия, с. Балта. Святилище во время праздника Ломисоба. Фото Б. А. Синанова, 18 июня 2018 г.

собираются целыми семьями; здесь встречаются родственники и друзья, приглашают близких знакомых. Ломисоба сопровождается музыкой и танцами. Хотя число посещающих Ломисоба и число приносимых в жертву животных в последние годы стало значительным, в Осетии, в отличие от Грузии, нет выступлений против этого обычая.

* * *

Анализ материалов о проведении праздника Ломисоба в Северной Осетии (селение Балта), а также данных о сельских праздниках, связанных с почитанием фамильных и общесельских святилищ, свидетельствует о стойком сохранении традиционных религиозных представлений у грузин Северной Осетии, о длительном сохранении многочисленных практик почитания местных/региональных святилищ и св. Георгия Победоносца — самого популярного среди христиан Грузии и Осетии.

В настоящее время Ломисоба стал заметным явлением общественной жизни не только для указанных регионов (Грузии и Северной Осетии — Алании), но и более широкого круга населения. Во многом этот праздник основан на традиционных представлениях (формы паломничества, виды жертвоприношений, правила поведения в святилище, почитание реликвий и т. д.). Вместе с тем происходят и определённые изменения в сценариях рассматриваемых праздников, современные реалии вносят новые элементы в его проведение; следует отметить в этом влияние государства. В Северной Осетии на государственном уровне этот праздник позиционируется, прежде всего, как свидетельство дружеских межэтнических отношений народов республики, в связи с чем в нём появилась «официальная часть» — участие в празднике не только паломников, но и представителей правительства и национально-культурных организаций республики. Праздники в полиэтничных регионах Кавказа, как правило, всегда создавали благоприятные условия для общения представителей не только разных народов, но и разных конфессий. Собранные материалы свидетельствуют: эту особенность традиционной праздничной культуры сохраняет и Ломисоба.

Что же касается главной причины столь длительного существования и функционирования этого праздника и его дальнейшего развития — это, прежде всего, сохранение в народе традиционных религиоз-

ных представлений и практик, глубиной веры в могущество св. Георгия Ломисского, уверенность, что он оказывает покровительство тем, кто обращается к нему в сложных обстоятельствах, вера в действенность различных форм поклонения ему.

Следует отметить также вполне гармоничные взаимоотношения между священнослужителями православной церкви и традиционными служителями святилищ — деканозами, между официальными церковными православными практиками и народными формами христианской религиозной жизни сельских/региональных сообществ. Даже по такому вопросу, как жертвоприношения животных, представители грузинской церкви высказываются очень толерантно, что же касается Северной Осетии, то там этот вопрос даже не поднимается.

Литература

1. Андреси рода Бурдули // Грузинские народные предания и легенды / сост., пер., предисл. и примеч. Е. Б. Вирсаладзе. М. : Наука, 1973. С. 201–203.
2. Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. М. : Наука ; Восточная литература, 2015. 445 с.
3. Беляев Иоанн, протоиерей. Русские миссии на окраинах. Историко-этнографический очерк. (Исторический очерк распространения и восстановления христианства среди осетин). Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821–1890). Историко-биографический очерк жизни и деятельности «апостола Осетии» и первого архипастыря Владикавказской епархии (Составил священник Иоанн Попов) / сост., ред. А. А. Горобец. Владикавказ : Олимп, 2008. 416 с.
4. Бутаев К. В селении Балта отметили грузинский религиозный праздник Ломисоба // ГТРК «Алания» : [сайт]. URL : <http://alaniatv.ru/vesti/?id=14196> (дата обращения: 28.03.2023).
5. В Балте отметили праздник Ломисоба // Без формата : [сайт]. URL : <http://vladikavkaz.bezformata.ru/listnews/balte-otmetili-prazdnik-lomisoba/12493455/> (дата обращения: 28.07. 2024).
6. Волкова Н. Г. Грузины // Народы России : энциклопедия. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. С. 140–144.
7. Гамрекели В. Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси : [Б. и.], 1968. 335 с.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 64. Д. 441.

9. Итоги ВПН–2020. Т. 5 : Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL : https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 15.05.2024).
10. *Канукова З. В., Федосова Е. В.* Этнокультурное пространство Северной Осетии. Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. 296 с.
11. *Кобахидзе Е. И., Дзидзишвили В. З.* Очерки истории грузинской диаспоры в Осетии. Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2022. 260 с.
12. Ломисоба // Православная Осетия : [сайт]. URL : <http://old.blagos.ru/home/item/388-lomisoba> (дата обращения: 28.03.2024).
13. *Макалатиа С. И.* Мтиулет. Тбилиси : Сахелгами, 1930. 192 с. [на груз. яз.].
14. Многонациональные и поликонфессиональные традиции Осетии. Исторический ракурс : сб. докум. / сост. Н. Чиплакова, Л. Засеева, Л. Ленник. Владикавказ : [Б. и.], 2012. 332 с.
15. *Семедов С.* Ломисоба — праздник мира. В Северной Осетии издревле почитают грузинские традиции // Беларусь сегодня : [сайт]. URL : <https://www.sb.by/articles/lomisoba-prazdnik-mira-v-severnoy-osetii-izdrevle-pochitayut-gruzinskie-traditsii.html> (дата обращения: 28.03.2024).
16. *Синанов Б. А., Соловьева Л. Т.* Грузинская диаспора на Северном Кавказе: некоторые аспекты духовной культуры // Вестник антропологии. 2020. № 4. С. 188–198.
17. *Синанов Б. А., Соловьева Л. Т.* Моление святому Георгию Ломисскому — сакральный локус в горах Центрального Кавказа // Этнокультурное пространство Кавказа в системе межэтнических и межконфессиональных коммуникаций : сб. науч. ст. М. : МАКС Пресс, 2022. С. 46–68.
18. Терские ведомости. 1898. № 144. 6 дек.
19. *Соловьева Л. Т.* Некоторые стороны традиционно-бытовой культуры русского старожильского населения Северного Кавказа (по полевым материалам 1976 г.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 5. С. 94–98.
20. *Цориева И. Т.* Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII — XIX в. Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. 253 с.

Boris A. SINANOV,
Cand. Sci. (National History), Senior Researcher,
Department for Social and Political Research,
North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research,
Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, Russia,
etnosovet@bk.ru.

Lyubov T. SOLOVYOVA,
Cand. Sci. (Ethnology, Anthropology and Ethnography),
Senior Researcher, Department of Caucasus Studies,
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, lubsolov@gmail.com.

**Georgians of the North Caucasus:
Preservation of Religious Traditions**

The paper discusses the issue of preserving ethnic traditions in the diaspora. As evidenced by studies of the traditional everyday culture of different peoples, migration processes often lead to the loss or transformation of a certain part of it. Moreover, this mainly concerns that part of material culture that closely related to the characteristics of the environment. Relocation to places with different climatic, natural, economic conditions determines the emergence of other types of housing, agricultural tools, and methods of farming. At the same time, the family and holiday rituals of the people, religious ideas and traditions are more stable and more firmly are preserved. Based on field material, religious traditions preserved by representatives of the Georgian diaspora of North Ossetia, including those that brought by them when resettling from their “small homeland” are analyzed. The preservation of Orthodox traditions is evidenced by the construction of Orthodox churches by Georgians (in the 19th century) and the restoration of these churches at the end of the 20th — beginning of the 21st centuries. In addition, data is provided on the sustainable existence to this day of folk forms of Orthodox religiosity, the construction of family and community sanctuaries, which is a form of Christian religious worship in the folk/vernacular tradition. In particular, the religious practices associated with the sanctuary of George Lomiscky in Georgia (Mtiuleti, Mleta village) and the traditions of his veneration that exist in North Ossetia are considered. Since the 1950s, the Lomisoba holiday has celebrated in the North Ossetian village Balta; in recent decades, Georgians, Ossetians, Russians and Christians of other nationalities have taken part in it. The holiday became a big event for the entire republic.

Keywords: Georgia, North Caucasus, North Ossetia, the Georgian diaspora, spiritual culture, religious traditions, the Lomisoba holiday, interethnic relations.

Г. А. Гриченко*

Православная культурная традиция и советское общество второй половины XX века (Культурологическая рефлексия мультимедийной выставки «Летопись Кубанской митрополии»)

В статье рассматривается процесс изменения отношения к христианской культуре и искусству в СССР во второй половине XX в. на примере мультимедийной выставки «Летопись Кубанской митрополии», экспонировавшейся в Историческом парке «Россия — моя история» в Краснодаре. Изучаются причины более мягкого отношения к религиозному искусству по сравнению с ситуацией в первой половине XX в., делаются выводы о развитии процесса и изменении места христианской культуры (в частности, культурного наследия средневековой Руси) в общественном сознании.

Ключевые слова: Русская православная церковь, христианство, история России, культура, искусство, музей, выставка.

Для двух событий, имеющих большое значение для православия как в масштабах России, так и Кубани, 2023 г. стал юбилейным. Исполнилось 10 лет Кубанской митрополии, которая была образована 12 марта 2013 г. в административных границах Краснодарского края [1]. 80 лет назад, в сентябре 1943 г., состоялось два судьбоносных события для Русской православной церкви. Это была встреча её трёх правящих архиереев с высшим государственным руководством СССР в ночь с 4 на 5 сентября, на которой стороны договорились о сотрудничестве в годы Великой Отечественной войны [5, с. 204]. 8 сентября того же года прошёл Поместный Собор Русской православной церкви, на котором был избран Патриарх Московский и всея Руси, а также восстановлен Священный Синод. Таким образом, был осуществлён поворот во внутренней политике СССР от ярко выраженной антирелигиозной направленности к попытке сосуществования и использования ресурсов церкви как в России, так и за рубежом, на благо победы в Великой Отечественной войне.

К этим двум крупным юбилеям в Историческом парке «Россия — моя история» в Краснодаре была создана мультимедийная выставка «Летопись Кубанской митрополии», которая описывала историю православия

* ГРИЧЕНКО Георгий Артёмович, магистр истории, научный сотрудник отдела экскурсионно-просветительской деятельности исторического парка «Россия — моя история», Краснодар, Россия, joro@bk.ru.

вия с 1943 г. до наших дней как в России, так и на Кубани. Неоценимую помощь при подготовке выставки оказала Екатеринодарская духовная семинария, предоставившая консультации по истории церкви, а также экспонаты из коллекции церковно-исторического кабинета.

Данная статья является научной рефлексией над выставкой «Летопись Кубанской митрополии» с попыткой сделать выводы о культурологическом аспекте проблемы популяризации православия на излёте советской эпохи, а также в молодой Российской Федерации.

В процессе работы над выставкой нас интересовали многие моменты: и политические, и экономические, и социальные. Однако особую важность для нас имел вопрос культурный. Для нас было важно показать, как в СССР во второй половине XX в. функционировала христианская культура, как обострялся к ней интерес у советских граждан в разные периоды существования Советского Союза и какое место в системе культуры России занимали храмы, фрески, иконы в указанные хронологические рамки.

Выставка подробно описывала насыщенные исторические подробности, в том числе сталинский послевоенный период 1945–1953 гг., новый виток антирелигиозной кампании 1958–1964 гг., наступление периода «застоя». С точки зрения анализа культуры, нас интересует именно период 1964–1985 гг., когда в советском обществе обостряется интерес к русской истории и культуре, которые невозможно представить без христианства.

Причин тому много: это и положительная характеристика деятельности церкви по время Великой Отечественной войны, и успехи советской археологии, сделавшей множество находок под Новгородом и в средней полосе России. Храмы в общественном сознании перестают восприниматься чем-то враждебным и становятся культурным наследием. Достижения науки становились общественным достоянием: книги по истории и культуре Древней Руси были излюбленной покупкой советских читателей. А поскольку историю Руси невозможно представить без православия, постольку христианским сюжетам и образам снова нашлось место в массовой культуре.

Расцветает внутренний советский туризм. Особенно популярным становится маршрут «Золотое кольцо России» по городам средней полосы страны, в основном, по территории Владимиро-Суздальского княжества. Появление маршрута обычно датируют 1967 г., связывая его с одноименной серией статей журналиста, искусствоведа Юрия Бычкова

в газете «Советская культура», публиковавшихся с ноября по декабрь [4]. В контексте нашего исследования «Золотое кольцо» примечательно двумя моментами: во-первых, его появление свидетельствует о том, что в обществе появилась потребность в культурном туризме. Природный же туризм был развит и ранее, особой популярностью ещё в 1950-е гг. пользовались маршруты в горы Кавказа, Урала, Алтая.

Во-вторых, основной массив объектов туристического показа «Золотого кольца» — это архитектурные ансамбли кремлей (Суздальского, Ростовского, Владимирского, Угличского и других), обязательным компонентом которых были храмы. В случае Сергиева Посада туристы и вовсе видели один из крупнейших православных монастырей Русской православной церкви — Троице-Сергиеву Лавру. В храмах зачастую сохранялись средневековые фрески, мозаики и иконы (к примеру, фрески Андрея Рублева в Успенском соборе Владимира). На наш взгляд, созерцание шедевров храмовой архитектуры Руси, а также нахождение внутри церковного пространства способствовало повышению интереса советских граждан к христианской культуре.

Таким образом, во второй половине XX в. храмы в общественном сознании перестают восприниматься как нечто враждебное. Они становятся символом культурной преемственности, осязаемым свидетельством древних времён. Прекрасной иллюстрацией изменения восприятия храма в общественном сознании указанных временных рамок является Свято-Троицкий собор в Краснодаре. Построенный в 1909 г. екатеринодарским архитектором И. К. Мальгербом, храм стал выдающимся образцом неорусского стиля. В 1937 г. храм был закрыт, впрочем, в 1943 г. на фоне потепления отношений между советской властью и церковью храм открыли. Но в 1961 г. собор был закрыт вновь, став складом для овощей и солений, а в 1971 г. на его территории расположилась артель скульпторов-монументалистов, работавшая над памятником «Человек-созидатель» [3, с. 123].

Ситуация резко меняется в 1979 г.: храм был взят под охрану государства как памятник архитектуры, в 1988 г. — определён как объект музейного показа, а 31 августа 1989 г. Троицкий храм был передан православной общине для восстановления за собственный счёт и последующего использования в религиозных целях.

Одним из наиболее интересных экспонатов в контексте исследуемой нами темы стали граммофонные пластинки. Они также были предоставлены Екатеринодарской духовной семинарией. На одной из

экспонируемых пластинок, выпущенной Всесоюзной фирмой грампластинок «Мелодия», в 1978 г. были записаны колокольные звоны из звоницы Псковско-Печерского монастыря. Интерес представляет и время выпуска. Это произошло ещё до перестройки, которая характеризуется резкой сменой курса советской политики во многих сферах, в том числе и в вопросе религии. Были представлены и другие пластинки, например, с пасхальными звонами Москвы.

Одним из самых показательных предметов, представленных на выставке, стала книга «Искусство древней Руси» искусствоведа Льва Любимова, изданная в 1974 г. в издательстве «Просвещение» [2]. Её тираж составил 250 тысяч экземпляров, а тираж второго издания — 400 тысяч. Для оформления обложек книги художник Екатерина Смирнова выполнила два портрета: юноши и девушки. Оба портрета выполнены в манере подражания древнерусской иконописи. Девушка в платке напоминает стилизованный образ Богородицы, одной из наиболее почитаемых в России святых. Портрет юноши явно отсылает к традиционной иконографии Георгия Победоносца, покровителя русского воинства, прежде (и ныне) покровителя Москвы. Этими рисунками Смирнова хотела намекнуть на молодость российского государства, что соответствовало хронологическим рамкам книги. Для данного исследования, конечно, более важен факт подражания традициям русской иконописи. Работы Смирновой можно назвать псевдоиконописью, где приставка «псевдо» применена без негативной коннотации. Таким образом, советский читатель уже с обложки воспринимал нормы и каноны иконописи. Обложка, по сути, транслировала эстетику русской иконы.

Таких парадоксов была полна вся эпоха «застоя». В 1980 г. было отменено дискриминационное налогообложение заработной платы духовенства, однако уже в следующем году было принято постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания». Впрочем, в 1980-х гг. антирелигиозная пропаганда уже не вызывала у людей живого интереса, а подготовка к надвигающемуся празднованию 1000-летия Крещения Руси позволяла Церкви получать всё новые и новые послабления. Празднование 1000-летия Крещения Руси показало, что процесс возрождения православия в России набрал силу, и остановить его едва ли возможно.

Таким образом, с научной точки зрения, выставка «Летопись Кубанской митрополии» позволила осуществить комплексный взгляд на проблему возрождения христианства в России в конце XX — начале XXI в. Нисколько не преуменьшая влияющие на процесс объективные

факторы — экономические, политические, — мы считаем, что именно устойчивый рост интереса к христианской культуре в позднем СССР обусловил сохранение ряда церковных структур, повлиял на формирование паствы в 1991 г. Историки и искусствоведы изучали образцы древнерусской истории, культуры и искусства, которые были неразрывно связаны с православием, и передавали полученные знания в общественное пользование. Становясь частью массовой культуры, это знание получало форму кино, книг, туристических маршрутов, почтовых открыток, продающихся на этих маршрутах. И, наконец, через них эстетика православного искусства прочно закреплялась в общественном сознании. На выставке нам важно было показать именно этот процесс.

Делая более широкие выводы, выходящие за грань обсуждения мультимедийной выставки «Летопись Кубанской митрополии», необходимо отметить следующее. На культуру современной России оказывают влияние множество факторов. Один из них — православная культурная традиция, без которой невозможно представить русскую культуру. В этом контексте особенно интересным представляется опыт функционирования христианства (в нашем случае — христианской культуры) в советский период.

Советская эпоха закончилась немногим более тридцати лет назад. С исторической точки зрения это крайне маленький срок. Нынешнее положение христианства во многом обусловлено процессами, происходившими во второй половине XX в., поэтому важность изучения особенностей существования христианских компонентов культуры России представляется нам особенно высокой.

Литература

1. Журналы заседания Священного Синода от 12 марта 2013 г. // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата : [сайт]. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/2842953.html> (дата обращения: 09.03.2024)
2. *Любимов Л. Д.* Искусство Древней Руси. М. : Просвещение, 1974. 333 с.
3. *Селиверстов А. В.* Все храмы города. Краснодар : Традиция, 2014. 331 с.
4. Советская культура. 1967. // Газета «Культура» : [сайт]. URL : <https://portal-kultura.ru/archive/year/1967/> (дата обращения: 09.03.2024).
5. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР 1939–1964 гг.). М. : Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 1999. 399 с.

Georgy A. GRICHENKO,
M. A. (History), Researcher,
Department of Excursion and Enlightenment,
Historical Park «Russia — My History», Krasnodar, Russia,
joro@bk.ru.

**Orthodox Cultural Tradition and Soviet Society
of the Second Half of the 20th Century
(Cultural Reflection of the Multimedia Exhibition
“Chronicle of the Kuban Metropolitanate”)**

The paper examines the process of changing attitudes towards Christian culture and art in the USSR in the second half of the 20th century using the example of the multimedia exhibition “Chronicle of the Kuban Metropolis”. This one is exhibited in the Historical Park “Russia — My History” in Krasnodar. The reasons for a softer attitude towards religious art compared to the situation in the first half of the 20th century are studied. Conclusions are drawn about the development of the process and the change in the place of Christian culture (in particular, the cultural heritage of medieval Rus) in the public consciousness.

Keyword: *Russian Orthodox Church, Christianity, Russian history, culture, art, museum, exhibition.*

РАЗДЕЛ 6

ГОД ПЕДАГОГА И НАСТАВНИКА В РОССИИ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

*Г. В. Бакуменко**

Функции научной школы в культуре научной коммуникации как самоорганизующемся сегменте социальной реальности

Статья посвящена уточнению функций научной школы как социального института в современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации и концептуализации культуры научной коммуникации как самоорганизующегося сегмента социальной реальности. Объектом исследования является культура научной коммуникации как самоорганизующийся сегмент социальной реальности. Автор акцентирует внимание на совокупности базовых функций научной школы, позволяющих ей проявлять себя в качестве субъекта социально-экономического развития России или конкретного региона в современных условиях. Анализ специальной литературы и иллюстративного эмпирического материала позволил обозначить комплекс внутренних и внешних функ-

* БАКУМЕНКО Геннадий Владимирович, кандидат культурологии, ассоциированный научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Армавир, Россия, genn-1@mail.ru.

ций: а) внутренние: производство научного знания, создание и критика теоретических традиций, трансляция и распространение научного знания, самовоспроизводство, сохранение научного знания; б) внешние: управляющая, просветительско-образовательная, мониторинговая, экспертная, экономическая. Комплексная оценка реализации научной школой всех своих функций позволяет контролировать качество формируемой культуры научной коммуникации и управлять ею, выстраивая иерархии ценностных приоритетов деятельности.

Ключевые слова: культура научной коммуникации, культурология науки, системный подход, управление наукой, социально-экономическая политика, научно-техническая политика, мониторинг качества, управление качеством, научная школа, функции научной школы.

Необходимость уточнения функций научной школы в культуре научной коммуникации обусловлена усилением роли науки в современном обществе, что ведёт к существенному расширению и трансформации понятия «культура научной коммуникации». С одной стороны, сохраняется роль формализованных языковых профессионализмов, определявших до последнего времени область культуры научной коммуникации исключительно в рамках обмена научно-технической информацией между учёными, формируя научные школы и традиции, прежде всего, в эпистемологическом смысле. С другой — глубокое проникновение современных технологий во все сферы жизнедеятельности общества обостряет проблемные вопросы в отношениях науки и общества, науки и власти, науки и бизнеса и т. д., что указывает на необходимость проблематизации области культуры научной коммуникации в качестве системного элемента некоторой совокупности исторически сложившихся надбиологических программ жизнедеятельности общества [16, с. 524], в которой научная школа выступает важнейшим субъектом производства, хранения, распространения и освоения научного знания.

Сегодня жизнеспособность научной школы в России зависит от качества реализации ею своих базовых функций, восполняющих и усиливающих ресурс культуры научной коммуникации в плане саморегуляции и стимулирования социально-экономического развития¹.

¹ Согласно ФЗ от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (со всеми изменениями и дополнениями на текущий момент см. Ст. 2. «Основные понятия...»: «Государственная научно-техническая политика — составная часть социально-экономической политики» [12]. В полном соответствии с ФЗ подобная формулировка содержится в Законе Краснодарского края от 30.07.1997 № 93-КЗ (со всеми изменениями и дополнениями на текущий момент см. Ст. 1. «Основные понятия...» [13].

Современное общество перед научной школой ставит не только задачи кумулятивного накопления научного знания, но и доведения его до уровня конкретного продукта, обеспечивающего социально-экономический эффект. Причём в сфере социально-гуманитарных наук и само постиндустриальное общество становится таким продуктом в результате интенсивного совершенствования и применения гуманитарных технологий.

Проблему составляет, таким образом, необходимость уточнения функций научной школы как социального института в современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации и концептуализации культуры научной коммуникации как самоорганизующегося сегмента социальной реальности.

Объектом исследования, в нашем случае, является культура научной коммуникации как самоорганизующийся сегмент социальной реальности, а предметом — совокупность базовых функций научной школы, позволяющих научной школе проявлять себя в качестве субъекта социально-экономического развития России в современных условиях.

Прежде чем перейти непосредственно к результатам исследования, необходимо уточнить ряд опорных понятий, характеризующих его программу, и, конечно же, упомянуть, что разработка понятия культуры научной коммуникации является вкладом в развитие концепции социокультурного процесса символизации успеха, над которой последовательно работает автор с 2014 г. (см.: [1] [3]) с опорой на социокультурный подход [15, с. 9–68]. Под *социокультурным процессом символизации успеха* следует понимать объективный исторический процесс выработки и отбора обществом символов, создающих преимущества при решении сложных задач, требующих коллективных усилий. Ложные символы успеха (симулякры) усложняют достижение целей стратегического развития общества, а истинные — облегчают, значительно снижая ресурсные затраты на их достижение. В этом реализуется прагматика культуры: определённым образом организованные вокруг общих символов успеха социальные отношения создают условия достижения общих стратегических целей с наименьшими ресурсными затратами. Здесь важно отметить, что культура, в системном понимании В. С. Стёпина, как система надбиологических программ, не является естественной данностью, но процессуально формируется обществом. Поэтому любая анализируемая лакуна культуры (отдельный набор программ) изначально может представлять собой как разновидность *ризомы* (см.: [4] [5]), так и иерархически организованную часть символической реальности [19],

которая в свою очередь может представлять собой лишь одно из многочисленных временных образований в рамках сложной *сети* отношений в рамках *пересборки социальности* [8]. Наибольшей эффективностью, что представляется вполне очевидным, обладают иерархически организованные структуры, ценностной доминантой которых выступает некоторая общая цель. Однако достижение цели или, напротив, безрезультатно затраченные на её достижение значительные ресурсы, девальвируют подобный символ успеха, следствием чего становятся либо многомодусные сетевые структуры [8], либо слабоуправляемые ризомные соотношения [5].

Что же касается программы текущего исследования, во-первых, — это *современные условия социально-экономического развития России*, которые определяют актуальность темы исследования. Они характеризуются совокупностью задач, стоящих перед российским государством и обществом в краткосрочной (до 2035 г.), среднесрочной (до 2050 г.) и долгосрочной (с размахом планирования более чем на 50 лет вперед) перспективе.

Государственные документы стратегического планирования в плане социально-экономического и научно-технического развития позволяют выделить специфику краткосрочных задач (связанных с достижением политического, экономического и научно-технического суверенитета России) и среднесрочных (связанных с достижением политического, экономического и научно-технического лидерства России в мире). А специфика долгосрочных задач вытекает из логики достижения запланированных результатов на предшествующих этапах: вполне логично определить специфику долгосрочных задач как необходимость сохранения лидерства России в трёх основных областях развития: политической, экономической и научно-технической.

Во-вторых, — это существенное расширение и трансформация понятия *«культура научной коммуникации»*, которое обусловлено, с одной стороны, лидерством и метатеоретическим потенциалом российской культурологии в совокупности наук о культуре, а с другой — обозначенной выше парадигмой социально-экономического развития России. Оно определяется по отношению к узкому исключительно филологическому пониманию культуры научной коммуникации, сводящемуся к разработке и соблюдению совокупности норм особого стиля речи, что не исчерпывает в целом социальный феномен, о котором идёт речь. Интересующий нас феномен предстаёт социальной средой филологически

определённого понятия, т. е. имеет институциональную (субъектную) и процессуальную (коммуникативные отношения) стороны.

Расхожей установкой, являющейся следствием узко филологического понимания области культуры научной коммуникации, исключительно учёный или научное сообщество позиционируются в качестве субъектов (создателей и потребителей) научной и научно-технической информации, которая и кодируется определённым набором профессионализмов (специальным научным тезаурусом, включая понятийно-категориальный аппарат отдельных научных направлений, теорий и школ). Так действительно было в минувшее время, начиная с упоминания Франческо Барбаро (1390–1454) *Respublica literaria*, вплоть до становления в большинстве европейских стран, включая Россию, национальных академий наук, т. е. на протяжении порядка четырёхсот лет с XV в. по XIX в. включительно¹. К концу XIX в. наука в целом в странах, чьё влияние на мировые экономические и социальные процессы становится решающим, обретает статус социального института, вплетённого во все сферы жизнедеятельности общества, эффективно соперничающего с доминированием религии и церкви. Тезис Ф. Бэкона *Scientia potentia est* обретает реальное воплощение. Явными свидетельствами того являются, к примеру, образование частного Фонда Нобеля (1897) и изобретение кинематографа (1878–1895): первый вплоть до наших дней является свидетельством экономической рентабельности научно-технического творчества, а второй — примером объединения усилий научного сообщества с целью создания технологии подвижной фиксации динамичной реальности, совокупный экономический эффект которой сопоставим с совокупной стоимостью инженерных ноу-хау Альфреда Нобеля и всех признанных Нобелевским комитетом научных достижений вместе взятых.

Эти факты позволяют утверждать, что с конца XIX в. в той или иной степени все социальные институты без исключения (в том числе и церкви) становятся субъектами научной коммуникации, т. е. участвуют в производстве, трансляции и освоении результатов научного

¹ Тот факт, что научная коммуникация формируется в Европе на столетие ранее коперниканской революции (XVI в.), с которой историки связывают появление европейской науки, не противоречит принципу историзма, а лишь свидетельствует о фундаментальном значении социально-коммуникативных процессов в развитии культуры.

творчества. Более того, для многих государств, вне зависимости от специфики их политического устройства, и крупных корпораций, вне зависимости от форм собственности, результаты научного творчества становятся источниками политического и экономического могущества наравне с человеческими и энергетическими ресурсами. Причём роль этой ресурсной базы с течением времени лишь усиливается, что, в частности, подчёркивает уровень социальной значимости *научной школы*, понятие которой включает в себя социальный институт, производящий научное знание, и конкретных людей, представителей как минимум трёх поколений, объединённых научным творчеством в некоторой общей области научного знания.

Рассмотрим в вышеизложенном контексте базовые функции научной школы, позволяющие ей проявлять себя в качестве субъекта социально-экономического развития в современных условиях.

Функция производства научного знания, закреплённая за научной школой, в настоящее время не нуждается в обосновании, чего нельзя сказать о самом понятии научной школы. Представленное выше определение опирается на анализ весьма продуктивной эпистемологической дискуссии XX в. между представителями евроатлантической аналитической школы (И. Лакатос (см.: [7] [21] [22]), П. Фейерабенд (см.: [17] [18] [20] [21] [22]), Т. Кун [6]). Результатом этих дискуссий является признание фундаментальной роли теоретической традиции в производстве нового знания, а традиция, хоть и может иметь вполне определяемый источник, формируется как минимум тремя поколениями [9, с. 112]. Учитывая, что и демократический релятивизм, несмотря на утверждение приоритета эпистемологического плюрализма над методологическим монизмом или дуализмом, не исключает традицию, но опирается на неё в определении качества научного знания [20], научная школа остаётся источником формирования и развития теоретических традиций.

Поэтому *создание и критика теоретических традиций*, как и следование им, наряду с производством научного знания, составляет одну из функций научной школы в культуре научной коммуникации. Этот перманентный социокультурный процесс развивается в рамках теоретических дискуссий, формируя условия прибавления и апробации научного знания. Он непосредственно связан с производством и *трансляцией (распространением)* научного знания.

Следует указать на особый характер трёх вышеперечисленных функций научной школы, обусловленный циркуляцией научного знания

внутри научного сообщества. И хотя трансляция (распространение), чаще всего связанная с университетской культурой и системой образования в целом, включает в себя влияние на иные субъекты культуры научной коммуникации, прагматика этой функции определяется в большей степени *воспроизводством* научной школы и *сохранением научного знания* (ещё две внутренние функции), нежели практической реализацией знания во внешней среде производственных и потребительских отношений социально-экономического развития. Система образования в данном случае выступает ресурсом воспроизводства научной школы.

Внешний уровень функций научной школы связан с переходом фундаментального знания в технологическую область производственных и потребительских отношений социально-экономического развития. Он определяется симбиозом научной школы с иными субъектами культуры научной коммуникации, которые, в силу симбиотических связей, оказываются в зависимости от технологического потенциала научной школы. Симбиоз состоит в получении социально-значимого продукта, обеспечивающего не только приращение научного знания и воспроизводство научной школы, но и социально-экономическое развитие общества в целом — конкретный социальный или экономический эффект.

Эту область культуры научной коммуникации (внешнюю по отношению к научной школе) наглядно можно рассмотреть на примере обнародованной модели комплексного анализа соответствия тематики научных исследований стратегическим целям социально-экономического развития, применённой к опыту Кубанского научного фонда [1].

В целях оценки эффективности поддержанных в 2020–2022 гг. Кубанским научным фондом научных исследований с помощью семантического контент-анализа изучено соответствие их тематики стратегическим целям социально-экономического развития Краснодарского края (далее — СЭРКК) [14], поскольку Законом Краснодарского края «О науке (научной деятельности) и научно-технической политике Краснодарского края» [13] установлено, что «научно-техническая политика Краснодарского края — составная часть социально-экономической политики Краснодарского края, которая определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти Краснодарского края в области науки, техники и реализации достижений науки и техники» (см. ст. 1. п. 5).

Унитарная некоммерческая организация «Кубанский научный фонд» создана в соответствии с распоряжением главы администрации

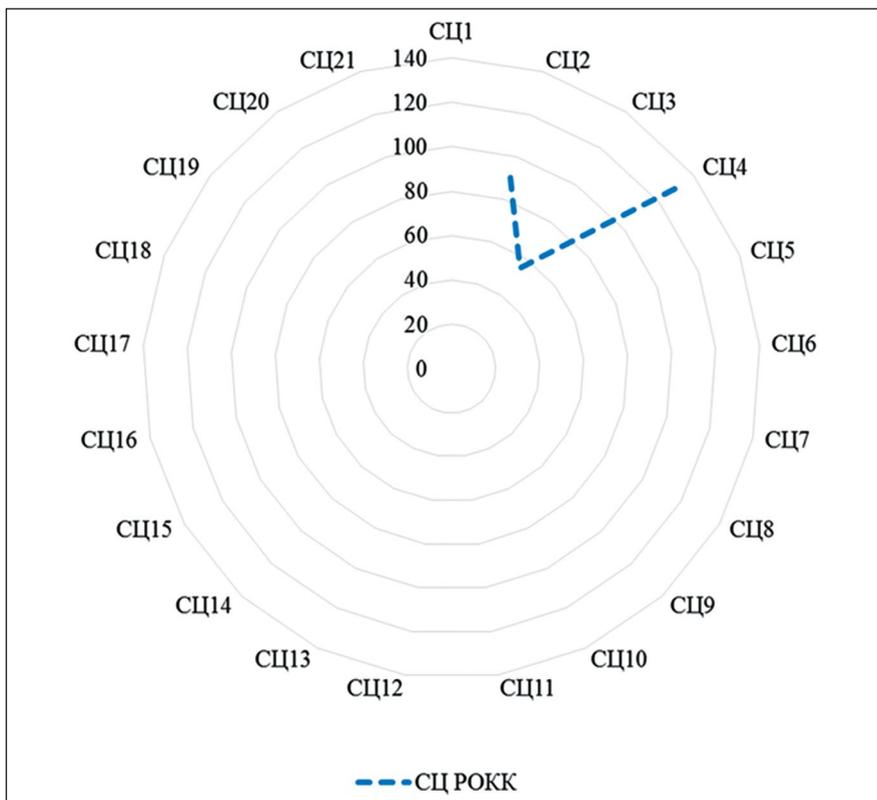

Рис. 1. Сегмент стратегических целей (СЦ) социально-экономического развития Краснодарского края в программе «Развитие образования» (РОКК)

(губернатора) Краснодарского края [11] и финансируется в рамках государственной программы Краснодарского края «Развитие образования» [10]. Программа ориентирована на достижение двадцати одной стратегической цели¹ СЭРКК, определённых законом Краснодарского края от 21.12.2018 № 3930-КЗ (ред. от 08.06.2022) «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года» (принят Законодательным собранием Краснодарского края 11.12.2018) [14].

¹ См.: Паспорт государственной программы Краснодарского края «Развитие образования»: Увязка со стратегическими целями Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края: СЦ-2, СЦ-3, СЦ-4, СЦ-14 [10].

На рисунке 1 в форме лепестковой диаграммы, каждая из двадцати одной вершины которой соответствует одной из стратегических целей Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года, обозначен сегмент учитываемых программой Краснодарского края «Развитие образования» показателей эффективности деятельности фонда. Всего проанализирован 131 проект, поддержанный фондом, что учтено на числовой шкале диаграммы от «0» до «140».

Учитываемые Министерством образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края показатели эффективности деятельности фонда, исходя из сегмента обслуживаемых программой «Развитие образования» стратегических целей (СЦ-2. «Край предпринимательства» (на уровне крупного, среднего и малого бизнеса)), конкурентоспособных кластеров и эффективного государственного управления на основе сбалансированной системы государственных, частных, государственно-частных и общественных институтов; СЦ-3. Регион-лидер в накоплении человеческого капитала как ключевого актива — основы долгосрочной конкурентоспособности; созданы лучшие условия для жителей края — открытых, мотивированных, ценящих здоровье, семью и дружеское общение, наслаждающихся долголетием и умеющих находить баланс консервативного и прогрессивного; СЦ-4. Территория умной экономики, ориентированной на реализацию потенциала молодых талантов и предпринимателей, обеспечивающих глобальное технологическое лидерство России; СЦ-14 (КСИУ). Российский регион-лидер развития социальных и креативных индустрий на базе умной экономики и культуры — научно-образовательный, медицинский и инновационный центр южного полюса роста, привлекающий широким спектром услуг и обеспечивающий высокое качество жизни в соответствии с мировыми стандартами), достаточно велики по сравнению с максимально возможным значением (131) (см. табл. 1), хотя и слабо сбалансированы.

Таблица 1

Соответствие поддержанных Кубанским научным фондом проектов стратегическим целям программы «Развитие образования» Краснодарского края

Стратегические цели	2		3	4	14
Количество поддержанных проектов	89		55	131	44

Максимальный показатель (СЦ-4=131) соответствует общему числу поддержанных проектов, поскольку обязательным условием конкурсных отборов фонда является участие в научных коллективах молодых учёных в возрасте до 35 лет. Этим организационным условием обеспечивается приоритет воспроизводства научной школы, которое непосредственно зависит от практической связи поколений учёных в рамках конкретного научного творчества.

Между тем учитываемые в рамках программы Краснодарского края «Развитие образования» для отчётности показатели эффективности

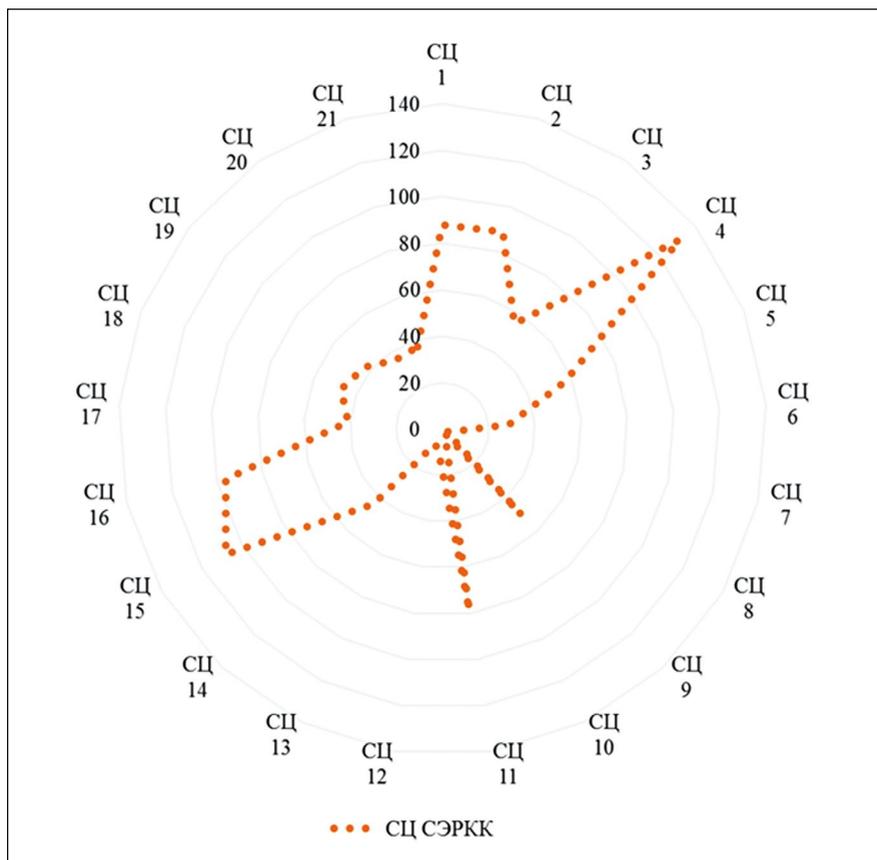

Рис. 2. Результат атрибуции тем поддержанных фондом исследований в общей совокупности стратегических целей социально-экономического развития Краснодарского края

фонда совершенно не отражают эффективность научных школ в плане их вклада в достижение стратегических целей социально-экономического развития региона.

Это становится очевидным при установлении соответствия тематики поддержанных фондом проектов в совокупности всех стратегических целей социально-экономического развития Краснодарского края (см. рис. 2).

Как видно из таблицы 2 и на рисунке 2, научные школы Краснодарского края стремятся внести свой вклад в социально-экономическое развитие региона: исследования, поддержанные фондом за 2 года, касаются в различной степени практически всех СЦ СЭРКК, но количество проектов по различным СЦ слабо сбалансировано.

Таблица 2

**Соответствие поддержанных фондом проектов
стратегическим целям социально-экономического развития
Краснодарского края**

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
88	89	55	131	57	29	4	2	50	2	79	10	7	44	108	96	41	47	43	36	37

Следует обратить внимание, что наивысший показатель соответствия (СЦ-4=131) принадлежит к реализации внутренних функций научной школы. Иными словами, финансирование научных проектов посредством Кубанского научного фонда хорошо обеспечивает самовоспроизводство научных школ, но слабо рассчитано на получение и практическую реализацию научного знания в технологиях таких, к примеру, стратегических направлений развития региона, как СЦ-8 (ТТЛК) (Регион-лидер южного экспортно-импортного хаба — один из ключевых евразийских транспортно-логистических узлов) и СЦ-10 (СКТК). (Глобально конкурентоспособный всесезонный инновационный санаторно-курортный и туристский центр, играющий ключевую роль в обеспечении устойчивого воспроизводства человеческого потенциала России, лидер российского туристического рынка.) По этим направлениям развития за 2 года поддержано по 2 проекта. Хотя эти направления не только экономически рентабельны (т. е. среди прочих являются донорами развития региональной науки), но и перспективны в плане совершенствования их технологической составляющей.

Такая ситуация создаёт уязвимость технологического суверенитета региона. Южный экспортно-импортный хаб, как и санаторно-курортный комплекс Краснодарского края, вынуждены импортировать технологии и, по существу, находятся в зависимости от технологического развития иных регионов России или научного потенциала зарубежных стран.

Центр же управления научно-техническим развитием региона (Министерство образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края) не видит ситуацию в целом, ориентируясь на узкий сегмент показателей эффективности (см. *рис. 1*).

Представленные выше диаграммы отражают коммуникативный профиль культуры научной коммуникации Кубанского научного фонда во взаимодействии с министерством как управляющим центром (см. *рис. 1*) и управляемой периферией — научными школами (см. *рис. 2*). На наш взгляд, вполне очевидно, что потенциал региональных научных школ (внешний их функционал) фондом не задействован в полном объёме, хотя социально-экономический эффект от его деятельности пятикратно превышает ожидания управляющего центра ($21 \text{ (ЦЦ)} : 4 \text{ (ЦС)} = 5,25$).

Проиллюстрированная ситуация к пяти выделенным выше внутренним функциям научной школы позволяет добавить комплекс внешних функций, которые явно не реализованы в полной мере Кубанским научным фондом:

1) *управляющая функция* позволяет внедрять в систему управления научно-технической политикой передовые технологии управления;

2) *просветительско-образовательная функция* позволяет постоянно повышать квалификацию специалистов управления научно-технической политикой с целью овладения ими передовых технологий управления;

3) *мониторинговая функция* позволяет контролировать эффективность культуры научной коммуникации, включая гибкое реагирование на отставание в каком-либо из направлений социально-экономического развития;

4) *экспертная функция* позволяет оценивать эффективность культуры научной коммуникации в плане реализации потенциала как научных школ, так и других субъектов коммуникации;

5) *экономическая функция* позволяет рассчитать рентабельность финансовых и организационных затрат на реализацию потенциала на-

учных школ и повышение эффективности культуры научной коммуникации в целом.

Таким образом, от научной школы в современной ситуации требуется реализация комплекса внутренних и внешних функций: а) *внутренние*: производство научного знания, создание и критика теоретических традиций, трансляция и распространение научного знания, самовоспроизводство, сохранение научного знания; б) *внешние*: управляющая, просветительско-образовательная, мониторинговая, экспертная, экономическая.

Следует обратить внимание, что рациональное распределение функционала научной школы может включать в себя делегирование внешних функций смежным субъектам научной коммуникации при условии соблюдения паритета общих интересов, в то время как «делегирование» внутренних функций девальвирует сам институт научной школы. Между тем комплексная оценка реализации научной школой всех своих функций позволяет контролировать качество формируемой культуры научной коммуникации и управлять ею, выстраивая иерархии ценностных приоритетов деятельности.

Литература

1. Бакуменко Г. В. Концепт социокультурного процесса символизации успеха // Человек и культура. 2014. № 5. С. 59–66. DOI : 10.7256/2409-8744.2014.5.14491.
2. Бакуменко Г. В. Социология культуры научной коммуникации // Отечественная социология на современном этапе: достижения, проблемы, перспективы: сб. науч. тр. Краснодар : КубГУ, 2023. С. 23–36.
3. Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М. : Сам Полиграфист», 2021. 276 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. Д. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. Я. И. Свирского. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. 896 с.
6. Кун Т. Структура научных революций / пер. И. З. Налетова. М. : АСТ; АСТ-Москва, 2009. 320 с.
7. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / пер. В. Поруса. М. : Медиум, 1995. 236 с.

8. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. И. Полонской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
9. *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
10. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 05.10.2015 № 939 (ред. от 01.08.2022) «Об утверждении государственной программы Краснодарского края “Развитие образования” // Министерство образования, науки и молодёжной политики Краснодарского края : [сайт]. URL : <https://minobr.krasnodar.ru/upload/iblock/6ed/uy7ac1lv1tbhpl2i7qmxс68udqqv1m31/939-svezhee.pdf> (дата обращения: 23.06.2024).
11. Распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30.10.2019 № 366-р «О Кубанском научном фонде» // Кубанский научный фонд : [сайт]. URL : http://kubsf.ru/osnovnye_dokumenty_fonda (дата обращения: 07.07.2024).
12. О науке и государственной научно-технической политике. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Президент России : [сайт]. URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9973> (дата обращения: 20.01.2024).
13. О науке (научной деятельности) и научно-технической политике Краснодарского края. Закон Краснодарского края от 30 июня 1997 № 93-КЗ // Электронный фонд нормативно-правовых и технических документов : [сайт]. URL : <https://docs.cntd.ru/document/461608386> (дата обращения: 20.01.2024).
14. О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года. Закон Краснодарского края от 21.12.2018 № 3930-КЗ (ред. от 08.06.2022) // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL : <https://www.economy.gov.ru/material/file/e4e8b9ddede078a93f60f5e7a08fce28/krasnodar.pdf> (дата обращения: 12.06.2024).
15. *Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.* Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск : НГТУ, 2020. 256 с.
16. *Стёпин В. С.* Культура // Всемирная энциклопедия. Философия. М. : АСТ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524–526.
17. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / пер. А. Л. Никифорова. М. : АСТ, 2010. 378 с.
18. *Фейерабенд П.* Против метода: Очерк анархистской теории познания / пер. А. Л. Никифорова. М. : АСТ ; АСТ-Москва ; Хранитель, 2007. 416 с.

19. Bakumenko G. V., Biryukov I. L., Scherbak N. F., Luginina A. G. Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. T. 5. № 2. P. 15–45. DOI : 10.46539/gmd.v5i2.298.
20. Feyerabend P. Democracy, Elitism, and Scientific Method // *Inquiry*. 1980. Vol. 23. No. 1. P. 3-18.
21. For and Against Method / ed. by I. Lakatos, P. Feyerabend, M. Motterlini/ Chicago, IL : The University of Chicago Press, 1999. 459 p.
22. Lakatos I., Feyerabend P. For and Against Method: Including Lakatos' Lectures on Scientific Method and the Lakatos-Feyerabend Correspondence. Chicago : University of Chicago Press, 1999. 463 p.

Gennady V. BAKUMENKO,

Cand. Sci. (Theory and History of Cultura and Art),

Associated Researcher, Southern Branch,

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,

Armavir, Russia, genn-1@mail.ru.

Functions of the Scientific School in the Culture of Scientific Communication as a Self-Organizing Segment of Social Reality

The paper is devoted to clarifying the functions of a scientific school as a social institution in modern conditions of socio-economic development of the Russian Federation and to conceptualizing the culture of scientific communication as a self-organizing segment of social reality. The object of the study is the culture of scientific communication as a self-organizing segment of social reality. The author focuses on the set of basic functions of a scientific school, allowing it to manifest itself as a subject of socio-economic development of Russia or a specific region in modern conditions. Analysis of specialized literature and illustrative empirical material made it possible to identify a complex of internal and external functions: a) internal: production of scientific knowledge, creation and criticism of theoretical traditions, transmission and dissemination of scientific knowledge, self-reproduction, preservation of scientific knowledge; b) external: management, educational, monitoring, expert, economic. A comprehensive assessment of the implementation by a scientific school of all its functions makes it possible to control the quality of the emerging culture of scientific communication and manage it, building a hierarchy of value priorities for activities.

Keywords: culture of scientific communication, cultural studies of science, systems approach, science management, socio-economic policy, scientific and technical policy, quality monitoring, quality management, scientific school, functions of a scientific school.

*Н. В. Ламосова**

**Традиции научно-педагогической школы
Санкт-Петербургского (Ленинградского) горного
института в деятельности его выпускников
М. М. Фёдорова и С. К. Филиппова**

Статья посвящена освещению судеб двух кубанцев, окончивших Горный институт в дореволюционное и советское время. Один из них, Михаил Михайлович Фёдоров, стал горным механиком, выдающимся учёным, заслуженным деятелем науки РСФСР, академиком АН Украинской ССР. Другой, Станислав Кириллович Филиппов, стал известным на Кубани журналистом, писателем и краеведом. Статья приурочена к юбилейной дате — 250-летию со дня основания первого высшего технического учебного заведения России — Санкт-Петербургского государственного горного университета, ведущим своё начало со времени создания в 1773 г. Горного училища. Работа опирается на многочисленные архивные данные, научные исследования XX–XXI вв.

Ключевые слова: Михаил Михайлович Фёдоров, Станислав Кириллович Филиппов, Санкт-Петербургский государственный горный университет, научно-исследовательский институт горной механики имени М. М. Фёдорова, Институт горной механики и технической кибернетики, Всесоюзный научно-исследовательский институт горной механики, Гайри Леонтьевич Немченко, Отраденский историко-краеведческий музей.

В 2023 г. исполнилось 250 лет со дня основания Санкт-Петербургского государственного горного университета — первого высшего технического учебного заведения России. На протяжении своей истории он несколько раз менял своё название: был Горным училищем (1773–1804), Горным кадетским корпусом (1804–1833), Горным институтом (1833–1834), Институтом корпуса горных инженеров (1834–1866), снова Горным институтом (с 1866 г.) и т. д. и, наконец, университетом (с 2011 г.), а с 2023 г. — имени императрицы Екатерины II. Главное, что всегда оставалось неизменным, — высокий уровень технического образования и всестороннее развитие, которое получали его выпускники. Среди его руководителей, преподавателей и выпускников были блестящие государственные деятели, учёные-первооткрыватели, горные инже-

* ЛАМОСОВА Наталья Вячеславовна, кандидат педагогических наук, специалист по культурно-просветительской деятельности Музейного научного совета Санкт-Петербургского горного университета имени императрицы Екатерины II, Краснодар, Россия, nata.lamosova@mail.ru.

неры, прославившие русскую науку, заслужившие мировое признание в геологии, минералогии, кристаллографии, горном деле, химии, металлургии, создатели всемирно известных научных школ. Примечательно, что в его стенах в XIX–XX вв. учились и те, кто впоследствии стали литераторами, журналистами, артистами, оставившими заметный след в культуре России.

Настоящая статья посвящена судьбам двух кубанцев, окончивших Горный институт в дореволюционное и советское время, один из которых стал академиком АН Украинской ССР, заслуженным деятелем науки РСФСР, другой — известным на Кубани журналистом, писателем и краеведом.

Как известно, студентами Санкт-Петербургского горного института становились выходцы из разных мест нашей страны, в том числе и Черномории, впоследствии Кубанской области и Краснодарского края. Черноморское казачье войско, испытывая острую нужду в горных инженерах, направляло на учебу за войсковой счёт в Санкт-Петербургский горный институт юношей, способных к точным наукам, окончивших Екатеринодарское уездное, позже реальное училище. Среди первых войсковых стипендиатов, выпускников Института корпуса горных инженеров 1847 г., был Гавриил Литевский. О его вкладе в изучение Кубанской области писал в 1912 г. в своей работе известный библиограф Б. М. Городецкий [2]. В 2006 г. А. И. Федина выпустила монографию, где посвятила раздел кубанцам, учившимся в Горном институте (на тот момент Институте корпуса горных инженеров): К. Порохне, Г. Литевскому, С. Короленко и Д. Кучерову [5]. Отметим, что только два из них (Гавриил Литевский и Степан Короленко) получили диплом горного инженера, да и то карьера последнего в Черномории не была удачной, остальные же из перечисленных оставили учёбу и возвратились домой.

Имя уроженца Кубанской области, ставшего горным механиком и выдающимся учёным, Михаила Михайловича Фёдорова, сегодня известно на Кубани лишь узкому кругу специалистов и любителей истории. Первым, кто посвятил очерк его жизни и вкладу в науку, была его дочь Фёдорова Зоя Михайловна, которая продолжила дело своего отца, став, как и он, горным механиком, кандидатом технических наук, профессором. К 100-летию со дня рождения М. М. Фёдорова она выпустила книгу [6], рассказав в ней о его инженерной деятельности, создании теории рудничного транспорта и других научных достижениях и приложив спи-

сок научных трудов. Далее очерк об академике Фёдорове опубликовал в своей книге кубанский краевед, писатель В. П. Бардадым [1, с. 217–221]. Отрадно, что через двадцать лет составители юбилейного издания, посвящённого 225-летию Екатеринодара — Краснодара, включили имя М. М. Фёдорова в число 225 выдающихся кубанцев [12, с. 76–77]. Ещё одно напоминание нашим землякам об этом человеке — скромная мемориальная доска на фасаде дома по улице Мира, д. 22, Краснодар, установленная в советское время (время её появления точно установить не удалось, возможно, к 100-летию со дня рождения учёного), о которой мало кто знает даже из местных жителей-краснодарцев и которую заметит лишь редкий внимательный прохожий.

О жизни М. М. Фёдорова известно следующее. Родился 20 августа (2 сентября) 1867 г. в Екатеринодаре в многодетной семье преподавателя математики Екатеринодарского уездного училища Михаила Гавриловича Фёдорова, потомственного казака из станицы Должанской, участвовавшего в Кавказской войне и дослужившегося до чина войскового старшины, а после ухода с преподавательской работы ставшего казначеем войскового штаба Кубанского казачьего войска. В 1881 г. мальчик, отличавшийся математическими способностями, поступил сразу во 2-й класс Кубанского Александровского реального училища, во время учёбы жил при нём в пансионе и был войсковым стипендиатом. В характеристике, данной для поступления в Санкт-Петербургский горный институт за подписью директора Кубанского реального училища, отмечалось: «Во всё время пребывания своего в училище и пансионе вел себя примерно и отличался любовью к занятиям и ревностным исполнением своих обязанностей, всегда служил примером для своих товарищей...» [9, л. 113–113 об]. В 1888 г. Михаил Фёдоров, окончив 7-летний курс реального училища и выдержав приёмные испытания, был принят в Санкт-Петербургский горный институт, но поскольку отец не имел возможности помогать сыну, он просил Совет Горного института назначить ему пособие для уплаты за право слушать лекции ввиду несостоятельности, так как до поступления состоял Кавказским стипендиатом [10, л. 1]. Позже стипендия была ему возобновлена, кроме того, во время учёбы Михаил подрабатывал репетиторством и чертёжными работами. На каникулы приезжал к родителям в Екатеринодар, встречался с ними в Одессе, в Херсонской губернии и Варшаве, о чём свидетельствуют проездные документы из его архивного дела [11, л. 7]. Обладая слабым здоровьем, заболел туберкулёзом, но поборол болезнь

и в 1895 г., завершив полный курс образования, получил диплом горного инженера.

Во время учёбы М. Фёдоров познакомился и сблизился с Иваном Августовичем Тиме, также выпускником Санкт-Петербургского Корпуса горных инженеров, а потом ставшего профессором, возглавлявшим в Горном институте кафедру горнозаводской механики, основоположником этой отрасли науки. Практику Михаил Михайлович проходил на Мотовилихинских пушечных заводах (в Перми), а по окончании учёбы, по рекомендации одного из товарищей, поехал на работу на шахту в Горловку (Донбасс). Вскоре вместе рабочими попал под завал, но, проявив мужество и не упав духом, организовал встречную разборку в шахте и был спасён вместе с другими. Тогда же он начал задумываться о безопасности рабочих под землёй, об улучшении условий их жизни и облегчении тяжёлого труда шахтёров.

Энергичный инженер вскоре был назначен заведующим шахтой, а потом и директором Каменской и Орловской каменноугольных копей. Наряду с инженерной работой тогда же начал заниматься педагогической деятельностью, преподавал арифметику и основы механики в вечерней школе для шахтёров, директором которой была его жена Александра Ивановна, а также маркшейдерское искусство в Горловском горном училище.

В это же время произошла его встреча с преподавателем Екатеринбургского горного училища Александром Митрофановичем Терпигоревым, как и он, окончившим Санкт-Петербургский горный институт, будущим академиком АН СССР, крупнейшим учёным в области горного дела.

В мае 1903 г., получив заграничную командировку от Министерства земледелия и государственных имуществ, Михаил Михайлович вместе с женой отправился в Париж и поступил в Высшую школу электричества — учебное заведение, созданное для повышения квалификации специалистов с высшим техническим образованием. В 1905 г., окончив её, возвратился в Санкт-Петербург и, приняв предложение заведующего кафедрой горнозаводской механики Горного института И. А. Тиме, занял должность ассистента кафедры. Через год ему представилась возможность начать самостоятельную преподавательскую работу в Екатеринбургском высшем горном училище, где работал и А. М. Терпигорев. М. М. Фёдоров стал вести там различные курсы горной и заводской механики, учебники по которым ещё не были написаны, разрабатывал

методику преподавания, занимался организацией и оснащением учебных кабинетов. Учёный создал новый курс, дав ему название «Турбины-генераторы депрессии». Его часть — «Рудничные вентиляторные и водоотливные установки» — читалась впоследствии во всех горных вузах страны. Теория этих машин была изложена им в труде «Сравнение наиболее распространенных систем рудничных вентиляторов на основании их характеристик» и в выступлении на I-м Всероссийском съезде деятелей по горному делу, а затем в опубликованных трудах съезда.

Таким образом, он первым из русских учёных исследовал рудничные турбомашин, что затем было продолжено в работах его учеников и последователей. В 1915 г. Михаил Михайлович защитил диссертацию на тему «Теория и расчёт гармонического рудничного подъёма», за которую ему была присуждена учёная степень адъюнкта горнозаводской и прикладной механики. Екатеринославский горный институт, где он работал до 1919 г., избрал его профессором. При этом он никогда не отрывался от практической работы, после революции занимался восстановлением шахт Донбасса, созданием для них новых машин, механизацией процессов угледобычи.

С 1919 по 1923 гг. учёный жил и работал в Каменец-Подольске, где вёл курсы и руководил кафедрой высшей математики и теоретической механики во вновь открытом университете, а затем перешёл в Московскую горную академию, став во главе созданной им кафедры горной механики и электромеханики и укомплектовав её своими учениками. Читал лекции по нескольким курсам, создавал и совершенствовал учебные планы и программы, оборудовал кабинет и лабораторию горной механики.

С 1 сентября 1923 г. М. М. Фёдоров состоял сотрудником, затем членом Совета горного надзора при ВСНХ СССР, в 1925 г. был избран в состав Технического совета «Донугля» и председателем его электромеханической секции. Он оказывал помощь и консультировал по вопросам горной механики вновь созданные проектные и шахтостроительные организации «Гипрошахт», затем «Шахтстрой» и «Гидроцветмет». Приказом ВСНХ СССР от 17 октября 1927 г. был назначен членом Президиума Научно-технического совета каменноугольной промышленности, в 1929 г. избран действительным членом Академии наук Украины и переехал в Киев, в 1932 г. перешёл на постоянную работу в АН УССР, чтобы организовать и возглавить Научно-исследовательский институт горной механики.

В 1932 г. академик М. М. Фёдоров был удостоен почётного звания заслуженного деятеля науки РСФСР. В 1935–1940-х гг. под его руководством в Институте разрабатывались вопросы прочности шахтных подъёмных машин, велась работа по созданию советской шахтной подъёмной машины и других механизмов, применяемых в горном деле.

Учёный не прервал связь с высшей школой и не оставил преподавательскую деятельность. В Киевском горно-геологическом институте он также возглавил созданную им кафедру горной механики, читал новый курс «Шахтного подъема» для шахтостроителей, консультировал проектные организации. В 1938 г. Институт горной механики АН УССР переехал в Днепропетровск, и Михаил Михайлович, будучи уже в пожилом возрасте, часто выезжал туда из Киева.

Начало Великой Отечественной войны застало его в украинской столице, откуда он вместе с другими был эвакуирован в Уфу, где продолжил работать в Институте горной механики. В 1942 г., когда отмечался его 75-летний юбилей, отделение технических наук АН Украины возбудило ходатайство о присвоении Институту горной механики имени М. М. Фёдорова, что и было сделано при его жизни, в 1943 г.

После освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков учёный вернулся туда уже тяжелобольным, и 1 октября 1944 г. орден Ленина, которого он был удостоен, вручался ему, прикованному к постели, в квартире. До Дня Победы он не дожил — скончался 29 марта 1945 г.

В 1956 г. научно-исследовательский институт горной механики имени М. М. Фёдорова был переведён в Донецк, в 1963 г. — реорганизован в Институт горной механики и технической кибернетики, в 1977 г. — во Всесоюзный научно-исследовательский институт горной механики, но, несмотря на все преобразования, имя его основателя не было забыто, так как научная школа горной механики, созданная академиком Фёдоровым, воспитавшим тысячи специалистов, служила горной промышленности Украины и всей страны.

Мы не знаем точно, бывал ли выдающийся учёный в Краснодаре в советские годы, но известно, что его многочисленные родственники продолжали жить по улице Мира и, возможно, он навещал их. Имя нашего знаменитого земляка, выпускника Санкт-Петербургского горного института М. М. Фёдорова, внёсшего значительный вклад в горное дело, несомненно, достойно уважения, памяти потомков и должного увековечения на его малой родине.

Ещё один кубанец — тоже выпускник Горного института (но уже не Санкт-Петербургского, а Ленинградского), инженер-металлург, ставший впоследствии журналистом, краеведом, писателем, общественным деятелем, — Станислав Кириллович Филиппов. Этого человека хорошо знали и уважали в Краснодарском крае, но особенно гордятся своим земляком жители и уроженцы Отраденского района.

Станислав Филиппов родился 26 сентября 1945 г. в станице Надёжной, в живописном Отраденском предгорье, известном своими природными красотами и талантливыми людьми, прославившими не только свою малую родину, но и всю страну, артистами, писателями, доблестными военными! В раннем возрасте Станислав вместе с родителями переехал из Надёжной в посёлок городского типа Надвоицы Сегежского района Карело-Финской АССР. Его отец — родом с Кубани, мать же — из Карелии.

Окончив в Надвоицах школу, молодой человек выбрал для продолжения образования Ленинградский горный институт. Может, на выбор его будущей профессии повлияло то, что в посёлке с 1954 г. начал работать алюминиевый завод, обеспечивавший местных жителей работой, а также оказали воздействие и настояния родителей, ведь профессия инженера была в то время очень престижной. Но юноша был творческим человеком и имел явно гуманитарные, а не технические наклонности, что и проявилось в недалеком будущем.

Металлургический факультет Ленинградского горного института по специальности «Автоматизация и комплексная механизация металлургического производства» с присвоением квалификации «инженер-металлург по автоматизации» С. Филиппов окончил в 1969 г. Оценки «отлично» в дипломе он получил по начертательной геометрии и машиностроительному черчению, физической химии и учению о горных породах, остальные зачёты и экзамены сдал на «хорошо» и «удовлетворительно».

В свободное время он играл на гитаре, пробовал рисовать и что-то писать, возможно, это были заметки и сатирические стихи в факультетскую стенгазету «Металлург». Ещё в школьные годы Станиславу нравилось участвовать в школьных спектаклях и самодеятельности, выпускать стенгазеты. Отметим, что стенная печать была в то время была очень популярна, и практически в каждом учебном заведении и предприятии были свои стенгазеты. Авторы большей частью писали под псевдонимами.

Станислав Филиппов, по словам его супруги Натальи Ивановны, подписывался как «Кириллов» и «Филиппок», а в более позднее время — «Ивушкин». В Горном институте кроме факультетских самодельных газет на протяжении более 60-ти лет издавалась и многотиражная газета «Горняцкая правда», которая устраивала конкурсы на лучшую факультетскую стенгазету, публикуя их результаты на своих страницах, победители же награждались денежными премиями и турпоездками.

Примечательно, что многие из студентов-горняков в то время пробовали свои силы в литературе, в 1960-е гг. ещё гремела слава литературного объединения, самого заметного и признанного у ленинградской молодёжи, существовавшего в Горном институте с осени 1953 по январь 1958 г. под руководством поэта Глеба Сергеевича Семёнова (1918–1982). Через Горняцкое лито прошли признанные в будущем профессиональные литераторы А. Битов, А. Городницкий, В. Британишский, Г. Горбовский, Л. Гладкая, А. Кушнер, Л. Агеев, Е. Кумпан, О. Тарутин и др. Наш герой через время пополнил ряды горняков, ставших писателями, однако на страницах «Горняцкой правды» 1964–1969 гг. публикаций под его фамилией нами обнаружено не было.

Вместе со своими иногородними сокурсниками С. Филиппов жил в общежитии Горного на Шкиперском протоке («Шкиперке») Васильевского острова. Студенческие годы, как и у многих в то время, были безденежными и зачастую голодными, поэтому постоянно приходилось думать о заработках. Приезжая домой на каникулы, он шёл работать на алюминиевый завод слесарем, фрезеровщиком-строгальщиком, электролизником, чтобы купить себе одежду и помочь родным. Был и рабочим полеводческой бригады в подсобном хозяйстве, активно участвовал в стройотрядовском движении.

По окончании института поехал по распределению старшим инженером в Петрозаводский филиал проектной организации «Оргтехстром», в отдел энергетики, КИПа и автоматики, но, проработав год, был переведён в Карельский обком ВЛКСМ командиром районного штаба Пряжинского областного студенческого строительного отряда, за активную работу в котором был награждён почётной грамотой, памятным подарком и медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Потом работал инженером на кафедре физиологии человека и животных Петрозаводского государственного университета, параллельно сотрудничая с Карельским республиканским радио и телевидением, тяга

к журналистике всё больше брала верх над всем остальным. Заметки и статьи Станислава Филиппова стали появляться на страницах молодёжной газеты «Комсомолец»: наверняка в Карелии он достиг бы сот на этом поприще, но молодой человек мечтал вернуться на тёплую, благодатную Кубань и в 1972 г. приехал в Отрадную, откуда больше уже не уезжал до конца жизни. Здесь началась его журналистская карьера. С. К. Филиппова приняли заведующим отделом писем в районную газету «Сельская жизнь», где он проработал 14 лет. В 1976 г. был принят в Союз журналистов СССР и в этом же году женился на Наталье Михайленко, с которой познакомился в Отрадной и прожил до конца жизни.

Инженерная специальность, полученная С. К. Филипповым в Горном институте, пригодилась ему в освещении технических тем, на которые молодому журналисту приходилось много писать. Он никогда не ограничивался тем, что поднимал на страницах газеты какую-то острую проблему, но старался идти дальше и добиться её разрешения. Так, он занимался исследованием скважин с минеральной водой, существующими в большом количестве в Отрадненском районе. И тут его публикации на эту тему в печати, приглашение специалистов, а потом и доказывание властям необходимости строительства водолечебницы привели к тому, что водолечебница была построена, успешно развивается и принимает жителей района и всех желающих.

Нужно сказать и о строительстве аэропорта, и об открытии высшего учебного заведения в Отрадной — это и многое другое было сделано в районном центре благодаря стараниям неутомимого, энергичного журналиста. Достаточно познакомиться с библиографией его работ, составленной С. Г. Немченко, где под 1-м номером стоит статья «Машины на приколе», опубликованная в «Сельской жизни» 19 сентября 1972 г., а всего за годы работы только в районной газете их было 346 [4], не считая статей в краевых «Кубанских новостях», с которыми он тесно сотрудничал с момента основания до последних дней, литературных журналах «Москва» и «Кубань», сборниках «Кубани славные сыны», «Подвиг» (издательство «Молодая гвардия»), нескольких выпусках «Отрадненских историко-краеведческих чтений», «Вестнике архивиста Кубани» и других изданиях.

Но главной в его жизни стала книга о танкисте Дмитрие Лавриненко, уроженце станицы Бесстрашной, уничтожившем единолично 52 немецких танка и погибшем под Москвой в декабре 1941 г. Почти сразу же, как Станислав Кириллович вернулся на Кубань, он начал со-

бирать материалы о своём легендарном земляке, ездил в Подольск, работал в Центральном архиве Министерства обороны, разыскивал его однополчан, переписывался с преподавателями Ульяновского танкового училища, которое ускоренно окончил Лавриненко, краеведами из Подмосковья, Орла, Воронежа, журналистами, которые писали о танкисте. Два десятка лет кропотливой работы и упорства потребовалось С. К. Филиппову, чтобы написать документальную повесть и не только опубликовать её, но и восстановить историческую справедливость и добиться посмертного присвоения Д. Лавриненко звания Героя Советского Союза. Сколько писем он отправил в различные инстанции — от Краснодарского крайкома партии до Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева!

После выхода книги, когда к многолетним усилиям автора, а также его друга, писателя-земляка из Москвы Гария Леонтьевича Немченко, главного редактора «Кубанских новостей», бесстрашненца Петра Ефимовича Придиуса, подключились генералы, именитые боевые соратники танкового аса и руководство Краснодарского края, Дмитрию Фёдоровичу Лавриненко в 1990 г., накануне 45-й годовщины Победы, посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (указ уже был подписан М. С. Горбачёвым). Благодаря Станиславу Кирилловичу в память о Д. Ф. Лавриненко на его родине, в ст. Бесстрашной, через год после присвоения звания был установлен танк, вокруг которого собирались на праздники местные жители. А в 1995 г. на его могиле, в Подмосковье, сооружен бюст, на открытие которого С. Филиппов приехал вместе со своими дочерьми, привезя герою горсть родной кубанской земли. Имя легендарного танкиста было увековечено в названиях улиц в Бесстрашной, Армавире, Краснодаре и других местах, присвоено станичной и краснодарской школам. И всё это было сделано во многом благодаря настойчивости С. К. Филиппова — неравнодушного человека и замечательного журналиста, привыкшего доводить до конца все свои начинания.

Восстановлению фронтовых биографий земляков он отдавал много своего времени и сил. Ряд написанных им очерков о земляках — Героях Советского Союза вошли в подготовленную брошюру «Герои земли Отраденской». В 1970–1980-е гг. по Всесоюзному радио не раз звучал его рассказ об одном из героев известной песни «Огромное небо» — капитане Б. Капустине, тоже уроженце Отраденского района, которому Станислав Кириллович посвятил документальную повесть «За 30 секунд до бессмертия».

Его неразрывная связь с городом своей студенческой юности Ленинградом привела к поиску и восстановлению одной из страниц истории Великой Отечественной войны, связанной со спасением детей, привезённых из блокадного города в детские дома Отраденского района. Собранные им в течение многих лет материалы (воспоминания, письма, дневники, архивные документы) легли в основу документальных произведений «Прошедшие через ад», «Память, память, не зови нас в детство» и «Спасённые», опубликованных в книгах «Не померкнет никогда» [7] и «Дорога домой» [3, с. 480–547].

В соавторстве со своим другом-писателем из Москвы Г. Л. Немченко Станислав Кириллович принял участие и в создании документальных фильмов «Хранитель», «Где Ложкин прячет золото», «Казачий круг» Северо-Осетинской студии телевидения, художественного фильма «Брат, найди брата» (по одноимённой повести Г. Немченко), доля со съёмочной группой и все тяготы кинопроцесса.

Журналист поднял из небытия и вернул своим землякам множество имён, ставших теперь известными всей стране. Его творческие работы, опубликованные в районной, краевой и центральной печати, были дважды отмечены краевой журналистской премией «Золотое перо Кубани», званием «Заслуженный работник культуры Кубани» (1999 г.). В 2005 г. С. К. Филиппов был принят в Союз российских писателей, в 2006 г. за творческие успехи награждён памятной медалью «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», а в 2014 г. за сборник документальных рассказов «Память, память, не зови нас в детство» удостоен журналистской премии Артёма Боровика.

Помимо журналистской работы Станислав Кириллович почти сразу же после возвращения на родину увлёкся краеведением и археологией, вместе с учителем истории, известным на Северном Кавказе краеведом, организатором музейного дела в Отраденском районе Михаилом Николаевичем Ложкиным (1910–1999) принимал участие в раскопках Ильичёвского городища — уникального памятника археологии, самого древнего на территории России христианского храмового комплекса. Это место, ставшее впоследствии известным археологам и историкам по научным публикациям, сегодня, к сожалению, заброшено, но по-прежнему является местом паломничества для многих туристов.

Музейщики Кубани знают С. К. Филиппова как своего коллегу — в 1986 г. он стал директором Отраденского музея (вначале бывшего народным, потом отдела Армавирского краеведческого музея, а в 1996 г.

ставшего муниципальным). Его создатель М. Н. Ложкин был уже в преклонном возрасте, и Станислав Кириллович стал продолжателем его дела и хранителем древнего городища. Во многом благодаря его усилиям были восстановлены и законсервированы цоколи храмов — каменные абсиды, поставлен памятный крест, а о своём учителе в археологии и его вкладе в открытие Ильичёвского городища он написал статью, опубликованную в сборнике научных статей [9].

В последние годы жизни в Отрадной Станислав Кириллович был помощником главы района по вопросам новаций, использованию природных ресурсов и связям со СМИ, совмещая эту работу с постом главного редактора газеты «Сельская жизнь». В 2011 г., уйдя на пенсию, он переехал с женой в Краснодар, но не отошёл от дел и, будучи человеком неравнодушным, имевшим активную жизненную позицию, участвовал в Отрадненских чтениях и других городских и краевых историко-культурных мероприятиях, в том числе и в Литературном музее Кубани, оставался внештатным корреспондентом газеты «Кубанские новости», членом Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя преподобного Нестора Летописца.

10 декабря 2020 г. известного кубанского журналиста, писателя, краеведа С. К. Филиппова не стало. Его супруга Наталья Ивановна бережно хранит память о нём и все материалы, она же передала его книгу «Не померкнет никогда» в библиотеку Санкт-Петербургского горного университета, выпускником которого он являлся.

Литература

1. *Бардадым В. П.* Кубанские портреты. 2-е изд, доп. Краснодар : Советская Кубань, 1999. 272 с.
2. *Городецкий Б. М.* Кто и как изучал Кубанскую область // Известия ОЛИКО. Вып. V. Екатеринодар : Тип. кубанского областного правления, 1912. С. 7.
3. *Дорога домой* : сб. рассказов северокавказских писателей / сост. Г. Л. Немченко. М. : Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, 2011. 679 с.
4. *Немченко С. Г., Марченко Е. В.* Материалы к библиографии Станислава Кирилловича Филиппова // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. VIII : материалы межрегион. науч. конфер. Армавир : Шурыгин В. Е., 2020. С. 259–272.

5. Федина А. И. Петербург в судьбах выдающихся кубанцев XIX в.: опыт историко-биографического исследования. Краснодар : [Б. и.], 2006. 159 с.
6. Фёдорова З. М. Михаил Михайлович Фёдоров (1867–1945): К 100-летию со дня рождения. Донецк : Донбасс, 1967. 48 с.
7. Филиппов С. К. М. Н. Ложкин и Н. В. Анфимов — первооткрыватели и исследователи Ильичёвского городища // Вопросы истории Поурупья. Вып. 1 : Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры : материалы краевой науч. конфер., посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища (ст. Оградная, 9–10 августа 2012 г.). Армавир : Изд. Шурыгин В. Е., 2012. С. 10–18.
8. Филиппов С. К. Не померкнет никогда: повести и рассказы. Краснодар : Периодика Кубани, 2004. 320 с.
9. Центральный государственный исторический архив. Ф. 963. Оп. 1. Д. 5444.
10. Центральный государственный исторический архив. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10158.
11. Центральный государственный исторический архив. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10159.
12. 225 имен. Екатеринодар–Краснодар / сост. Ю. В. Лучинский, И. Т. Краев. Краснодар : Традиция, 2018. С. 76–77.

Natalia V. LAMOSOVA,

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Specialist in Cultural and Educational Activities,
Museum Scientific Council, Petersburg Mining University Empress
Catherine II, Saint Petersburg, Russia, nata.lamosova@mail.ru.

**Traditions of the Scientific and Pedagogical School
of the St. Petersburg (Leningrad) Mining Institute in the Activities
of its Graduates Mikhail M. Fedorov and Stanislav K. Filippov**

The paper is dedicated to highlighting the fates of two Kuban residents who graduated from the Mining Institute in pre-revolutionary and Soviet times. One of them, Mikhail Mikhailovich Fedorov, became a mining mechanic, an outstanding scientist, an honored scientist of the RSFSR, an academician of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. The other, Stanislav Kirillovich Filippov, became a well-known journalist, writer and local historian in Kuban. The paper is dedicated to the anniversary date — the 250th anniversary of the foundation of the first higher technical educational institution of

Russia, the St. Petersburg State Mining University, which dates back to the establishment of the Mining School in 1773th. The work is based on numerous archival data, scientific research of the 20th–21st centuries.

Keywords: Mikhail Mikhailovich Fedorov, Stanislav Kirillovich Filippov, Saint Petersburg State Mining University, M. M. Fedorov Research Institute of Mining Mechanics, Institute of Mining Mechanics and Technical Cybernetics, All-Union Research Institute of Mining Mechanics, Gary Leontyevich Nemchenko, Otradnoye Museum of History and Local Lore.

*Л. М. Гарсаев**, *А. Х. Муцураев***

Образовательные и воспитательные традиции династии педагогов Магомадовых

Статья посвящена общественно-политической, педагогической деятельности династии учителей Магомадовых: супружеской четы Веры Михайловны (Данильченко) и Асланбека Ахьядовича, их дочери Мадины Асламбековны. Представлена их студенческая, семейная жизнь, выявлены ценностные основания их педагогической и воспитательной деятельности, раскрыты основные вехи их профессиональной работы. Более подробно показана трудовая деятельность Веры Михайловны: от получения ею профессионального образования, переезда в Чечено-Ингушскую АССР до преподавательской деятельности в Чеченской Республике новой России. Статья опирается на полевые исследования авторов.

Ключевые слова: династия педагогов, Вера Михайловна Магомадова (Данильченко), Асланбек Ахьядович Магомадов, Мадина Асламбековна Магомадова, Шалинская СОШ № 8, Сержен-Юртовская СОШ № 1, Чечено-Ингушская АССР, Чеченская Республика, станция Копанская Ейского района Краснодарского края.

В мире профессий специальность учителя занимает особое место. Труд школьного учителя заслуживает всенародной благодарности. Избрав одну из самых почётных профессий, которая издавна считается одной из самых сложных, учитель становится творцом новой жизни. Поэтому обучением и воспитанием подрастающего поколения во все времена назначались самые знающие, самые способные к этому люди.

* ГАРСАЕВ Лейчий Магамедович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, профессор кафедры истории и культуры народов Чечни Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова, Грозный, Чеченская Республика, Россия, garsaev52@mail.ru.

** МУЦУРАЕВ Алхазур Хамидович, независимый исследователь, Грозный, Чеченская Республика, Россия, matzhuraev@mail.ru.

Рис. 1. Семья Магомадовых из города Шали (Чеченская Республика), фото из семейного архива

Учёные, психологи и педагоги приходят к выводам, что качества личности в большей мере зависят от правильного процесса воспитания. С помощью учителя формируется человек, дети приобщаются к тем богатствам, которые выработало человечество, учатся постигать себя, готовятся к будущему. Хороший учитель может выявить у ученика даже такие таланты, о которых он сам и его родители не знали.

Мировые опросы показывают, что учителя в рейтинге профессий, от которых зависит благосостояние людей, уступают только военным и врачам. Современные учителя сегодня в школе всё чаще сталкиваются с тем, что дети приходят всё с большими проблемами. Поэтому современный учитель должен обладать и знанием психологии.

Вера Михайловна Магомадова, в девичестве Данильченко, родилась в 1940 г. и выросла в станице Копанская Ейского района Краснодарского края. Вера Михайловна рассказывает: «На мой выбор учительской профессии повлияло общение в начальной школе с замечательной, добрейшей женщиной Ольгой Александровной Кулик — моей первой учительницей. Она была также учительницей и у моей мамы. Мы с двоюродной сестрой учились на «отлично» и, часто бывая у нее дома, помогали ей готовить наглядные материалы, исправляли ошибки в работах

наших одноклассников. И вот это общение с ней вызвало стремление стать учительницей».

— Окончив среднюю школу успешно, — рассказывала Вера Михайловна, — я поступила в Условинское (Краснодарский край) педагогическое училище, где получила хорошую подготовку (там был сильный кадровый состав), как учитель начальных классов. Предшествующий выпуск в училище был распределен в ЧИАССР. Нам тоже предстояло распределиться туда же. В училище была вывешена карта республики, и вот мы с сестренкой, выбирая место своей будущей работы (а может, и судьбы), остановились на Шалинском районе. Почему? Во-первых, район предгорный, рядом железная дорога (Аргун), шоссейная трасса из Грозного. И мы выбрали Шали. Вот так мы в 1960 г. оказались в Чечено-Ингушетии. Нас было 7 девушек. Молодых, красивых кубанских девчат (смеётся). Заведующий районо четырёх девушек направил в Мескер-Юрт, а троих — в Шалинскую восьмилетнюю школу. Эта школа располагалась за речкой Басс, в нескольких приспособленных помещениях. Директором школы была Элима Якубовна Езиева. Я преподавала во 2-м классе. Родители детей просили: «Девочка, если надо, ставь в угол, но учи хорошо». Так и старалась учить детей всю жизнь. Через год работы в школе была избрана вторым секретарем райкома комсомола. Работа была мне не по душе — не видно результатов. Через год вернулась в школу.

В 1962 г. В. М. Данильченко поступила на исторический факультет ЧИГПИ (заочное отделение). Там и познакомилась она с будущим мужем. Он учился очно на том же факультете. Многие годы Вера Михайловна была председателем профкома школы. Помогала коллегам с путёвками, льготами и всегда в спорных моментах между учителями и дирекцией школы вставала на сторону работников и отстаивала их права.

В 1963 г. Вера Михайловна уехала домой, на Кубань. Вакансий учителя для неё не нашлось. Ей предложили быть директором вечерней школы сельской молодёжи. Через год опять вернулась в ЧИАССР. И в 1964 г. вышла замуж за своего коллегу Асламбека Ахьядовича Магомадова. Он как раз окончил пединститут, и молодая чета решила брать для работы Сержень-Юртовскую среднюю школу.

В школе, да и в самом Шалинском районе Чечено-Ингушетии, её встретили с распростёртыми объятиями. Молодые учителя русской национальности в республике очень ценились и пользовались большим уважением. Ведь такие учителя давали детям знания не только по опре-

делённому предмету, но и по русскому языку, общение непосредственно с носителями этого языка, которым им придётся пользоваться в дальнейшей жизни: учёбе, работе и т. д. [1].

Поэтому породниться и создать семью с молодой красивой русской девушкой не было зазорно, хотя чеченскими адатами, значит и стариками, не очень-то поощрялось. Вера Михайловна преподавала историю и обществоведение и была классным руководителем 9 класса. Это был самый старший класс, так как только с этого года восьмилетняя школа была преобразована в среднюю. Асламбек Ахьядович преподавал русский язык, литературу и был заместителем директора школы по воспитательной части.

С 1977 по 1989 гг. работала в этой школе директором и одновременно преподавала историю и обществознание, с 1989 по 1994 гг. — инспектором Шалинского района, с 1995 г. — заместителем директора по учебно-воспитательной работе (завучем по начальным классам) Шалинской СОШ № 8. В 2016 г. ушла на заслуженный отдых. Общий педагогический стаж Веры Михайловны — 56 лет.

На любом участке, куда бы не направляли её, работу она выполняла добросовестно. Имеет многочисленные почётные грамоты, благодарности от руководства разных инстанций, начиная от администрации школы, города Шали и заведующего районо. В. М. Магомадова нынче имеет звание «Почетный работник образования Российской Федерации» (2002). Принимала активное участие в общественной жизни школы (много лет работала председателем профкома школы), села, района. Избиралась депутатом сельского совета с. Сержень-Юрт Шалинского районного совета депутатов. Имеет множество благодарственных писем от родителей школьников, выпускников, которые уже давно окончили школу и нашли достойное место. Они до сих пор приезжают, навещают свою любимую учительницу.

В 2009 г. умер Асламбек Ахьядович: сказались годы военного лихолетья в Чечне. «Скромный, добрый, отзывчивый, трудолюбивый, заботливый отец, хороший муж», — так отзываются о нём родные и близкие люди...

В 1969 г. в Сержень-Юрте была построена средняя школа № 1 и рядом с ней и учительский дом. В этом доме хлебосольной, интернациональной семье Магомадовых выделили трёхкомнатную благоустроенную квартиру и земельный участок при ней. Вера Михайловна, будучи сельской жительницей, очень любит природу, землю. Она всегда содержала

огород в Сержень-Юрте. После переезда семьи в Шали Вера Михайловна на своём подворье начала выращивать различные овощи: лук, чеснок, картофель, огурцы, баклажаны, капусту, морковь, тыкву и другие.

В последнее время 83-летняя Вера Михайловна частенько жалуется на состояние здоровья, но на новом месте жительства вместе с внуками заложила сад. Абрикосы, сливы, вишня в этом году уже дали обильный урожай. Имеются кустарники ягод: малина, ежевика, смородина и т. д.

— Считаю, что жизнь я прожила недаром, — говорит Вера Михайловна. — Я прожила её в честном, благородном труде, делая людям добро. Никогда не жалела, что переехала в этот благодатный край, где живут порядочные и добрые люди, которые растят очень умных, любознательных детей. Именно здесь, по зову собственного сердца, пришла я к исламу, о котором, не живи я здесь, ничего не узнала бы. Именно в нем я нашла внутреннее успокоение и покой. Так что я благодарна Аллаху, что Он дал мне возможность связать свою судьбу с нашей уже республикой. Горжусь, что Чеченская Республика во главе с талантливым молодым руководителем, Героем России Рамзаном Ахматовичем Кадыровым делает такие грандиозные успехи в социально-экономическом развитии [2].

Дело Асламбека Ахьядовича и Веры Михайловны продолжила их дочь Мадина Асламбековна Цутиева, став учителем математики Шалинской СОШ № 8. Тот отрадный факт, что она родилась и выросла в учительской семье, повлиял на выбор ею профессии.

Окончив в 1982 г. Сержень-Юртовскую среднюю школу № 1 с медалью, Мадина Асламбековна в 1984 г. поступила в Чеченский государственный педагогический институт и окончила его с отличием. Получив специальность «Общие технические дисциплины», она пришла в Шалинскую СОШ № 8 учителем математики и уже 36 лет работает в данной школе. Будем надеяться, что и внуки Веры Михайловны, в которых она души не чаёт, пойдут по стопам матери, бабушки и дедушки, продолжат их дело.

Литература

1. *Гарсаев Л. М., Гарсаев А. М., Шаипова Т. С., Гарсаева М. М.* Шали: история и современность // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 4. С. 60–67.

2. Гарсаев Л. М., Шаипова Т. С., Гарасаев А. М., Гарсаева М. М. Из истории возникновения, этимологии тайповом составе города Шали // Северо-Кавказский город в региональном историческом процессе : материалы всерос. науч.-практ. конфер., посвященной 150-летию Буйнак-ска (Буйнакск, 16 ноября 2016 г.). Буйнакск ; Махачкала : АЛЕФ, 2017. С. 185–195.

Leychiy M. GARSAEV,

Dr. Sci. (Ethnology, Anthropology and Ethnography),
Prof., Head, Department for Ethnology,
Institute for Humanitarian Studies, Academy of Sciences
of the Chechen Republic, Department of History
and Culture of the Peoples of Chechnya,
Kadyrov Chechen State University, Grozny,
Chechen Republic, Russia,
garsaev52@mail.ru.

Alkhazur Kh. MUTSURAEV,

Independent Researcher, Grozny, Chechen Republic,
Russia, matzhuraev@mail.ru.

**Educational and Upbringing Traditions
of the Magomadov Dynasty of Teachers**

The article is devoted to the socio-political and pedagogical activities of the Magomadov dynasty of teachers: the married couple Vera Mikhailovna (Danilchenko) and Aslanbek Akhyadovich, their daughter Madina Aslambekovna. Their student and family life is presented, the value foundations of their pedagogical and educational activities are revealed, the main stages of their professional work are disclosed. The work activity of Vera Mikhailovna is shown in more detail: from receiving her professional education, moving to the Chechen-Ingush ASSR to teaching in the Chechen Republic of the new Russia. The article is based on the authors' field research.

Keywords: *Dynasty of teachers, Vera M. Magomadova (Danilchenko), Aslanbek A. Magomadov, Madina A. Magomadova, Shali Secondary School No. 8, Sergen-Yurt Secondary School No. 1, Chechen-Ingush ASSR, Chechen Republic, Kopanskaya village, Yeisk district, Krasnodar Territory.*

Е. М. Багаева*

Первый учитель маршала Жукова (Роль С. Н. Ремизова в формировании личности будущего полководца)

За каждым великим человеком стоит учитель с большой буквы этого слова, который не только смог выявить и раскрыть творческий и научный потенциал ученика, но и всячески способствовал его всестороннему развитию. Деятельность педагога-наставника направлена на мотивацию своего подопечного и формирование у него высоких морально-нравственных качеств и идеалов, оказывающих в дальнейшем существенное влияние на определение жизненных ценностей и выбор профессии. В «Воспоминаниях и размышлениях» Г. К. Жуков, рассказывая о своём нищем, но счастливым детстве, с особой теплотой пишет о С. Н. Ремизове. Вспоминая своего первого учителя, великий полководец тем самым выражал ему свою благодарность и проявлял глубокое уважение к профессии педагога. Уроки Ремизова, беседы с ним способствовали формированию личностных качеств будущего военачальника, который сыграл свою выдающуюся роль в истории Великой Отечественной войны. Статья посвящена описанию основных вех жизни и деятельности С. Н. Ремизова, его взаимоотношений с учениками, современных мероприятий, направленных на актуализацию памяти об этом наставнике.

Ключевые слова: педагог, наставник, ученик, полководец, «Воспоминания и размышления», Г. К. Жуков, С. Н. Ремизов, Год педагога и наставника, Музей Жукова, Музей Победы.

*«Вся гордость учителя — в учениках,
в росте посеянных им семян».*

Д. И. Менделеев

Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина (от 27.06.2022 г. № 401) 2023 год был объявлен Годом педагога и наставника, что означает признание особого статуса педагогических работников, в том числе выполняющих наставническую деятельность. В связи с этим организационным комитетом был разработан и утверждён план мероприятий, направленных на повышение престижа профессии учителя [3].

За каждым великим человеком стоит учитель с большой буквы этого слова, который не только смог выявить и раскрыть творческий

* БАГАЕВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С. М. Штеменко, Краснодар, Россия, briz1999@mail.ru.

и научный потенциал ученика, но и способствовал его всестороннему развитию. Деятельность педагога-наставника направлена на мотивацию своего подопечного и формирование у него высоких морально-нравственных качеств и идеалов, оказывающих в дальнейшем существенное влияние на определение жизненных ценностей и выбор профессии [6].

Наставническая роль педагога велика и заключается, прежде всего, в прививании уважительного отношения к нашей истории и культуре через беседы, знакомство с книгами, которые помогают учащимся найти ответы на интересующие их вопросы. Все мы помним фамилию, имя и отчество нашего первого учителя, который ввёл нас в класс и открыл нам удивительный мир радости познания, творчества и мечты.

В 1964 г. выдающийся советский полководец и государственный деятель Г. К. Жуков посетил свою малую родину, деревню Стрелковка (ныне Жуковский район Калужской области), расположенную в живописном месте на берегу реки Угодка. Во время этого визита он захотел почтить память своего первого учителя С. Н. Ремизова. Не найдя его могилу, маршал с грустью сказал своим спутникам: «Есть у меня в жизни долг неоплаченный. Долг памяти первому учителю — Сергею Николаевичу Ремизову. Прекрасный был педагог. А главное — человек светлый, порядочный» [2, с. 5].

В «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков, рассказывая о своём нищем, но счастливом детстве, с особой теплотой пишет о Ремизове: «...опытный педагог и хороший человек. Он зря никого не наказывал и никогда не повышал голоса на ребят. Ученики его уважали и слушались» [1, с. 15].

Сергей Николаевич Ремизов родился 29 июня 1863 г. в Угодском Заводе (сейчас город Жуков) в семье священника и принадлежал к роду русских подвижников. После окончания Калужского духовного училища его сразу же направили в только что построенную церковно-приходскую школу в Величково, где учились ребята из окрестных деревень — Лыково, Стрелковки и Огуби. Именно сюда 1 сентября 1903 г. маленький Егор (Георгий) Жуков с холщовой сумкой через плечо в сопровождении своей старшей сестры второклассницы Маши пошёл в первый класс. На тот момент Ремизову исполнилось 40 лет, и его педагогический стаж составлял уже 22 года. Его отец, Николай Ремизов, «тихий и добрый старичок», к тому времени уже был заштатным священником местной церкви. Он преподавал в той же школе предмет «Закон Божий», который

в первый год обучения включал Священную историю от Сотворения мира до Вознесения Христова и знание шестнадцати молитв. В два последующих года под его руководством дети постигали Катехизис, Символ веры, посещали храм и принимали участие в богослужении.

В своих мемуарах Жуков отмечает, что «Сергей Николаевич Ремизов, как и его брат Николай Николаевич — врач, был безбожник и в церковь ходил только ради приличия. Оба брата пели в церковном хоре» [1, с. 16].

Сергей Николаевич был прекрасным педагогом, и его не раз поощряли по ведомству Малоярославецкого уездного училищного совета «за усердное отношение к школьному делу». А Синод вручил Ремизову наградную Библию «за ревность в наставлении детей в вере». Позже Сергей Николаевич окончил в Калуге ещё и педагогические курсы. Это была незаурядная, цельная личность. С уверенностью можно сказать, что общение с ним оказало огромное влияние на формирование личностных качеств будущего полковника. Первый учитель Г. К. Жукова и сам любил читать, и детей приучал к этому увлекательному занятию, регулярно устраивая литературно-музыкальные вечера. Кроме того, каждый ученик самостоятельно должен был прочитать сверх программы 200 книг: произведения русских писателей, рекомендованные Министерством народного просвещения.

Безусловно, это большая удача и счастье для человека, которому в детстве попадает такой педагог и наставник. С. Н. Ремизов пристрастил маленького Егора к чтению, время от времени давая ему что-нибудь из своей библиотеки. Когда ученик Жуков перечитал всё возможное и посильное для своего возраста, учитель сказал ему: «Вот окончишь школу, подрастешь и поедешь в Москву. Там устроишься учеником в типографию. Станешь мастером-печатником. Вот уж где книги вольные будут!» [2, с. 6]. Начиная со школьных лет, книги стали неотъемлемой частью жизни Георгия Константиновича, воспитателями и ангелами-хранителями его души.

Помимо этого, Ремизов смог раскрыть в юном Жукове и вокальный талант. Позже Маршал Победы вспоминал: «...У меня и у Леши Колотырного были хорошие голоса, и нас обоих включили в школьный хор» [1, с. 16].

В 1906 г. Егор Жуков окончил полный курс трёхклассной церковно-приходской школы. Учитель С. Н. Ремизов лично вручил выпускнику похвальный лист с отличием и напутствовал самыми добрыми словами.

По этому случаю мать подарила будущему полководцу новую рубаху, а отец сам сшил сапоги.

Те знания, которые приобрёл Г. К. Жуков в начальной школе, в дальнейшем помогли ему преодолеть все трудности и успешно окончить в 1911 г. Московское городское училище.

В последние годы жизни Сергей Николаевич Ремизов обратился к Богу. Уже в советское время в заброшенной часовне в Угодском Заводе он часто собирал деревенских детей и беседовал с ними на духовно-нравственные темы. Учитель и наставник ушёл из жизни в 1926 г., никем не преследуемый, но и всеми забытый.

В 1960 г. в Жукове Калужской области на основе личных вещей и печатных работ Г. К. Жукова, памятных подарков и коллекций фотографий Александром Дмитриевичем Терешиним был открыт «Музей Г. К. Жукова», который в январе 2000 г. получил статус федерального и стал филиалом Музея Победы.

31 марта 2023 г. музейные сотрудники организовали памятное мероприятие «Ремизовы — семья подвижников», которое началось с литии и возложения цветов к памятнику угодчанам-подвижникам в сквере у здания Жуковской районной администрации. Далее гости отправились в музей, где их ожидало открытие выставки «Первый наставник», посвящённой С. Н. Ремизову. На 16 планшетах представлено более 50 фотографий и документов, при этом некоторые из них опубликованы впервые. Часть экспозиции рассказывает о семье Сергея Николаевича Ремизова: родном брате Никифоре Николаевиче и его жене Марии Никитичне, которые также работали сельскими учителями. Особый интерес вызывают материалы, посвящённые дружбе Ремизовых с выдающимся советским педагогом-экспериментатором и основателем школы-колонии «Бодрая жизнь» Станиславом Теофиловичем Шацким, чья деятельность также тесно связана с Угодским (ныне Жуковским) краем [4].

Данный проект был подготовлен в рамках Года педагога и приурочен к 160-летию со дня рождения Сергея Николаевича Ремизова. Он призван подчеркнуть важность и уникальность профессии учителя, которая по сей день остаётся нужной и востребованной. Известный русский писатель А. П. Чехов однажды сказал: «Учитель должен быть артист, художник, горячо влюблённый в своё дело» [4]. Эти слова в полной мере описывают С. Н. Ремизова как человека неординарного, интересного, понимающего, любящего своё дело и умеющего найти подход к каждому ученику.

Таким образом, уникальность профессии педагога заключается в том, что результаты его деятельности проявляются в мыслях, поступках и делах учеников. Именно от него во многом зависит, что прорастёт и созреет из маленького зёрнышка, которое он когда-то посеял. Нелёгкое дело — учить детей. И огромная ответственность лежит, прежде всего, на плечах первого учителя, человека, оставляющего самый глубокий след в душах и судьбах своих учеников. С ним дети отважно открывают дорогу в мир знаний, который начинается с азбуки и букваря.

Г. К. Жуков, вспоминая своего первого учителя, тем самым выразил ему свою благодарность и проявлял глубокое уважение к профессии педагога. Уроки Ремизова, беседы с ним способствовали формированию личностных качеств будущего полководца, который уже в детстве отличался оригинальностью суждений, незаурядными умственными и аналитическими способностями, что в дальнейшем и предопределило выбор профессии. Главные уроки, которые он извлёк из общения со своим педагогом и наставником — действовать решительно и смело, мужественно и стойко встречать все жизненные испытания, уметь нести личную ответственность за те решения, которые принимаешь: «Полководческое решение — это сложный результат деятельности ума и воли полководцев, плод их размышлений, поисков, догадок, основанных на глубоких научных познаниях, предвидении, большом опыте и интуиции, на точных расчётах сил и средств» [5, с. 449].

Литература

1. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления : В 2-х т. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. Т. 1. 415 с.
2. Михеенков С. Е. Жуков. Маршал на белом коне. М. : Молодая гвардия, 2018. 640 с.
3. О проведении в Российской Федерации Года педагога и наставника. Указ Президента Российской Федерации от 27.06.2022 № 401. Текст: электронный // Официальное опубликование правовых документов. URL : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206270003> (дата обращения: 12.11.2023).
4. Филиал музея Победы «Музей Жукова» : [сайт]. URL : <https://www.zhukovmuseum.ru>. (дата обращения: 20.12.2023).
5. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М. : Воениздат, 1981. Кн. 2. 503 с.

6. Ламосова Н. В., Леусян О. А. Учитель, ученики, эпоха: жизнь и педагогическая деятельность Федора Васильевича Андерсона // Наследие веков. 2024. № 2. С. 89–110. DOI : 10.36343/SB.2024.38.2.006.

Yelena M. BAGAYEVA,

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Departments of Military-Political Work in the Troops (Forces),
Krasnodar Higher Military School, Krasnodar, Russia,
briz1999@mail.ru.

**The First Teacher of Marshal Zhukov
(The Role of Sergey N. Remizov in the Formation
of the Personality of the Future Commander)**

Every great person has a teacher with a capital letter of the word, who was not only able to identify and unlock the creative and scientific potential of the school student, but also contributed in every possible way to his comprehensive development. The activity of a teacher-mentor is aimed at motivating his ward and forming high moral qualities and ideals in him, which in the future have a significant impact on determining life values and choosing a profession.

Georgy K. Zhukov, talking in his “Memoirs and Reflections” about his poor but happy childhood, writes with special warmth about his first teacher Sergey N. Remizov. By this remembering the great commander thereby is expressed his gratitude to him and showed deep respect for the profession of a teacher. Remizov’s lessons and conversations with him contributed to the formation of the personal qualities of the future great military commander, who played an outstanding role in the history of the Great Patriotic War. The article is devoted to the description of the main milestones of Remizov’s life and work, his relationships with students, modern events aimed at updating the memory of this mentor.

Keywords: teacher, mentor, student, commander, “Memories and reflections”, Georgy K. Zhukov, Sergey N. Remizov, The Year of the teacher and mentor, Zhukov Museum, Victory Museum.

М. А. Сущенко*

Особенности формирования глобальных компетенций российских студентов в рамках преподавания истории

В статье представлены результаты изучения процесса формирования глобальных компетенций студентов вузов неисторических специальностей в условиях глобальной геополитической нестабильности в современном мире. Развитие глобальных компетенций студентов рассмотрено в контексте процесса формирования личности профессионала. Дисциплина «История» в вузе содержит глубокий потенциал для развития компонента функциональной грамотности студентов. Раскрыт дидактический подход к формированию глобальных компетенций учащихся вузов на практических занятиях. Установлено, что развитие глобально компетентной личности происходит согласно траектории образовательного пути «школа — вуз». В ходе исследования выявлено, что особенностью формирования глобальных компетенций учащихся российской высшей школы является развитие у них средствами учебного предмета «История» традиционных ценностей общества — гражданственности и чувства патриотизма. Определена номенклатура специальных умений студентов, складывающихся на практических занятиях.

Ключевые слова: глобальные компетенции, функциональная грамотность, история, студенты, межэтнические отношения, федеральные государственные образовательные стандарты основного общего образования, федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования.

Современный мир вступил в эпоху глобальной и региональной нестабильности. Из-за стремления ряда стран коллективного Запада ограничить и сдерживать Россию проблема продуктивного и равного взаимодействия между народами особенно актуальна. Обучающиеся в вузах — будущие компетентные профессионалы, от эффективности деятельности которых будет зависеть успешность и благополучие России.

Глобальные компетенции являются ценностным, интегративным компонентом функциональной грамотности учащихся. Под функциональной грамотностью студентов вуза мы понимаем важнейший компонент процесса профессионального образования и повышения профессиональной квалификации специалистов, общность предметных, метапредметных и межпредметных, интегративных результатов обуче-

* СУЩЕНКО Максим Алексеевич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, spacemirror@mail.ru.

ния и воспитания личности. Она включает в себя совокупность методов разрешения бытовых и специальных проблем.

Формирование глобальных компетенций происходит в школьном возрасте. Неслучайно, что отечественные учёные пишут о том, что требования федеральных государственных образовательных стандартов основного общего образования (ФГОС ООО) к метапредметным результатам обучения школьников могут пониматься в качестве одного из оснований формирования их глобальных компетенций [4, с. 549]. Отечественные педагоги-исследователи под глобальными компетенциями на основе подхода к исследованию PISA понимают интегральную цель обучения в течение всей жизни человека. Глобально компетентные люди способны воспринимать различные аспекты диалога культур в современном мире. Они высказывают мнение по отношению к мировоззренческим проблемам и вопросам на местную и международную тематику, взаимодействуют с другими членами общества и совершают ответственные поступки во имя общего блага и торжества глобальной справедливости [5, с. 45].

Они стремятся к изучению окружающего мира, быть осведомлёнными в его глобальной организации. Для них открыты возможности в использовании универсальных методов и инструментов коммуникации между людьми во всём мире, используя при этом ресурсы общемировой цивилизации в области искусства, литературы, истории, естественных наук и математики. Глобально компетентные люди применяют и развивают данный опыт по мере решения социальных и профессиональных проблем, признавая множество точек зрения, эффективно представляют свои взгляды и принимают меры по улучшению условий коллективного существования [8, р. 13].

Развитие глобальных компетенций продолжается на уровне высшего образования. Поэтому федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) определяют универсальную компетенцию (УК-5) в числе обязательных требований к результатам подготовки специалиста. В соответствии с ней выпускник вуза способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия.

Отечественные исследователи отмечают, что в контексте преподавания истории в вузе образовательный процесс ориентирован на развитие личности, осознающей и принимающей значение своих профессиональных и социальных функций, обладающей положительным

отношением к ним, направленной на совершенствование общества [1, с. 69].

Российские учёные отмечают, что в структуру глобальных компетенций входят ценности и отношения, навыки и активности, к ним относятся человеческое самосознание, история, культура. Они помогают организовывать наиболее полное взаимодействие индивидов в вопросах принятия и поиска оптимальных решений в разрешении проблем. Компонент функциональной грамотности помогает принятию идентичности и самобытности своей культуры с уважительным отношением к представителям других культур, социальных групп и общностей [6, с. 54–55].

Дисциплина «История» в вузе содержит глубокий потенциал для развития глобальных компетенций студентов, она позволяет через изучение истории России понимать культурную идентичность многонационального российского народа, принимать правила взаимно уважительного отношения между этнокультурными общностями.

Западные исследователи отмечают, что структуру компонента функциональной грамотности также дополняет и глобальное мышление. За счёт него глобально компетентные люди могут проявлять инициативу, критически воспринимать действительность и жить достойно в условиях культурного разнообразия [7, р. 28].

Зарубежные авторы, учитывая цивилизационную, глобалистскую специфику обучения студентов в Европе и Северной Америке, отмечают различные способы формирования и развития глобальных компетенций студентов вузов:

- использовать междисциплинарный подход в рамках учебных программ и за их пределами и устанавливать связи с мультикультурным образованием;
- применять преимущества информационных технологий, включая Интернет и электронную почту;
- использовать первоисточники из других стран, такие как конституции, национальная литература или артефакты;
- для обучения студентов чаще привлекать лиц с международным опытом;
- уделять особое внимание интерактивной методологии, такой как кросс-культурное моделирование и ролевые игры;
- решать глобальные проблемы с помощью подхода, способствующего развитию многообразия точек зрения;

— поощрять новые направления исследований на международной арене [9].

Российские студенты вузов, обучаясь в поликультурной и многонациональной среде, часто сталкиваются с ситуацией межнационального диалога. Образовательный процесс в российском вузе содержит колоссальный ресурс для развития глобальных компетенций студентов. Изучение истории на базовом уровне является частью обязательной программы высшего образования подавляющего большинства студентов. Отечественные авторы пишут, что изучение каждым новым поколением российской молодёжи истории Отечества, её наиболее значительных деятелей, принятие культурных и духовных ценностей общества несёт в себе серьёзный воспитательный потенциал [3, с. 55].

Поэтому основной особенностью процесса формирования глобальных компетенций учащихся в рамках российского образовательного процесса является развитие у них средствами учебного предмета «История» традиционных ценностей общества — гражданственности и чувства патриотизма.

В контексте обучения истории в вузе можно определить следующие направления формирования глобальных компетенций студентов. В рамках практических занятий студенты приобретают навыки индивидуальной и групповой деятельности изучения истории. В ходе практических занятий учащиеся приобретают опыт ведения дискуссии, отстаивания своей точки зрения, развивают коммуникативные компетенции. Учащиеся могут работать с различными учебными текстами и историческими документами. Преподаватели на практических занятиях могут использовать метод анализа сюжетных линий на основе бинарных тематических оппозиций [2, с. 310]. Посредством данного метода возможно сравнивать положительные и отражательные аспекты явлений, процессов, роли исторических деятелей или точки зрения одноклассников и преподавателей. Конечный результат формулируется в виде связного текста, имеющего смысловую и логическую значимость в структуре семинарского занятия.

В контексте практических занятий по истории в вузе у студентов формируются следующие умения, которые помогают развитию глобальных компетенций:

а) осознание ценности межнационального объединения русского народа во время угрозы российской государственности. Данное умение можно развить в аспекте практических занятий студентов. Например,

учащиеся могут разобрать два текстовых фрагмента, описывающих конкретные исторические ситуации. В ходе работы с фрагментами исторических источников обучающиеся узнают о героизме русского народа во время обороны Пскова в ходе Ливонской войны и подлинной значимости общенародной консолидации в борьбе с иностранной интервенцией 1612 г.;

б) осознание значимости эффективного диалога между народами России как многонациональной страны. Изучив учебный материал, для формирования данной способности можно сравнить межнациональное взаимодействие в ходе разных периодов советской государственности. При этом, с одной стороны, можно отметить высокий уровень сплочённости всех народов СССР для достижения цели национального развития — модернизации советского государства и общества и, с другой — национальные противоречия и разобщённость советского общества в период Перестройки как факторы его дезинтеграции. У обучающихся должны сложиться представления о взаимно уважительных отношениях между народами в качестве условия устойчивости и целостности российского общества. Например, обучающиеся могут сравнить два учебных текста о роли дружбы народов в Победе в Великой Отечественной войне и межнациональных конфликтах СССР второй половины 1980-х гг. и сделать вывод о характере и последствиях межэтнических отношений в нашей стране на разных этапах её развития;

в) осознание значимости всех народов России в истории страны. Для того чтобы эффективно развивать данное умение, педагоги могут использовать различные темы истории страны, например, учащиеся могут познакомиться с учебными текстами о роли коренных народов России на разных этапах её истории, сформулировать вывод о важности вклада народов России в её развитие.

Научно-исследовательская деятельность студентов также является важным направлением развития их глобальных компетенций, но, вероятно, должна стать темой отдельного исследования. В то же время урочная деятельность составляет большую часть образовательного процесса в вузе, когда педагоги-историки, используя учебный потенциал предмета, в группах неисторической специальности могут серьёзно способствовать развитию глобальных компетенций учащихся. Тем самым у студентов развиваются аспекты функционально грамотной личности, готовность к профессиональному взаимодействию в разнообразной культурной и этнической среде, способность осущест-

влять профилактику и предотвращать межнациональные конфликты в обществе.

Литература

1. *Габриель Н. Л.* Формирование компетенций дисциплины «История» в рамках деятельностной парадигмы // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3 : Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2. С. 66–74.
2. *Ганпаниурова О. Б.* Коммуникативные компетенции и их развитие у студентов в процессе профессионализации // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–2. С. 307–310.
3. *Грачев А. Б.* Проблемы формирования чувства патриотизма студентов вуза при изучении курса отечественной истории // Вестник федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет имени В. П. Горячкина». 2009. № 5. С. 55–56.
4. *Коваль Т. В., Дюкова С. Е.* «Глобальные компетенции» в контексте требований ФГОС основного общего образования // Горизонты и риски развития образования в условиях системных изменений и цифровизации : сб. науч. тр. XII междунар. науч.-практ. конфер. (Москва, 25 января 2020 г.) : В 2-х ч. М. : Международная академия наук педагогического образования, 2020. Ч. 1. С. 548–552.
5. *Коваль Т. В., Дюкова С. Е.* «Глобальные компетенции»: опыт разработки национальных учебно-диагностических материалов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 2. № 2. С. 42–57.
6. *Лесев В. Н., Валеева Р. А.* Содержательная характеристика понятия «глобальные компетенции» // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 2. С. 52–56.
7. *Karanikola Z.* Measuring Global Competence of Undergraduate and Postgraduate Students // International Journal of Education, Learning and Development. 2022. No. 10. P. 27–39.
8. *Mansilla V. B., Jackson A.* Educating for Global Competence, Preparing our Youth to Engage the World. N. Y. : Council of Chief State School Officers. 2012. 119 p.
9. *McJimsey M., Ross B., Yooung S.* What Are Global and International Education? // National Council for the Social Studies : [сайт]. URL : <http://www.socialstudies.org/positions/global/whatisglobaled> (Accessed Date: 12.09.2023).

Maxim A. SUSHCHENKO,

Cand. Sci. (Political Institutions, Processes, Technologies),
Senior Lecturer, Department of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia,
spacemirror@mail.ru.

Features of the Formation of Global Competencies of Russian Students in the Context of Teaching History

The paper presents the results of studying the process of formation of global competencies of university students of non-historical specialties in the context of global geopolitical instability in the modern world. The development of students' global competencies is considered in the context of the process of professional personality formation. The discipline "History" at the university contains a deep potential for the development of the component of functional literacy of students. The didactic approach to the formation of global competencies of university students in practical classes is revealed. It is established that the development of a globally competent personality occurs according to the trajectory of the educational path "school — university". The study is revealed that the peculiarity of the formation of global competencies of Russian higher school students is the development of traditional values of society — citizenship and a sense of patriotism - by means of the educational subject "History". The nomenclature of students' special skills, which formed in practical classes, is defined.

Keywords: *global competencies, functional literacy, history, students, interethnic relations, Federal State educational standards of basic general education, Federal State Educational standards of higher education.*

РАЗДЕЛ 7

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ОПЫТ АКТУАЛИЗАЦИИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

*Е. Ю. Третьякова**

Пушкинская традиция как классика отечественной образованности**

В статье дано философско-культурологическое и историко-культурное обоснование комплекса задач, способствующего моделированию информационных процессов на основе первичного (древнейшего) баланса бесписьменных / письменных составляющих тысячелетней традиции — не только русского, но всех народов, проживающих на территории нашей огромной страны. Как известно, почти 100 народностей обре-

* ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Россия, Краснодар, drevo_rechi@mail.ru.

** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

ли письменность, зафиксировали сокровища своего национального эпоса благодаря общекультурным установкам, которые оформились и действовали в русской школе гуманитарной мысли XIX столетия. Эти установки задала карамзинско-пушкинская реформа литературного языка, позволившая не оторвать отечественное пространство образованности от матрицы естественных (неиндивидуалистских, народных) начал культуры. Обращая внимание на это обстоятельство, автор предлагает разработанную им интерпретационную формулу подхода к изучению феномена золотого века русской словесности Нового времени и системный взгляд на диспозицию ключевых проблем, при разрешении которых содружество народов России благополучно преодолееет постмодернистскую разруху и выйдет к созидательным достижениям. Уделено внимание аспектам оптимизации информационного пространства (электронные и иные СМИ) и алгоритмам проективного структурирования нашего сегодняшнего пространства образованности как такового.

Ключевые слова: индивидуализм, соборность, российская цивилизация, золотой век отечественной культуры, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, концепция палингенесии, реформа отечественного пространства образованности.

Глобализационные процессы вывели на поверхность кардинальное несходство индивидуалистского *западного* типа цивилизаций с типом *незападным* (неиндивидуалистским), который более древен и по самой природе своей надёжно защищён от деструктивных процессов, именуемых закатом культуры.

В философском плане можно считать толчком к отделению западного цивилизационного пути от путей незападных средневековый спор реалистов и номиналистов. Но в плане культурно-языковом источник различий возник гораздо ранее и был обусловлен несходством между латинским типом образованности и классическим древнегреческим. Об этом мы говорили в ряде своих работ, публиковавшихся с начала 2000-х гг. (см.: [5] [6] [7]), и далее скажем подробнее в связи с формулой соответствующих различий.

Европейские мыслители эпохи Просвещения с 1770-х гг. вели бурную полемику о том, как остановить действие этих деструктивных процессов. В истории эстетической мысли эта полемика зафиксирована как спор «классиков» и «романтиков». За полвека разногласий между европейскими журналами наиболее зрело мыслившие участники культурной действительности пришли к общему выводу о том, что пространство образованности деградирует из-за *безнародности* литературы. Однако продуктивный синтез идей классицизма, сентиментализма и романтизма осуществился не в Европе, а в России. Карамзинско-пушкинская реформа литературного языка (языка печатной словесности, которая,

формируя текущий информационный поток, тем самым влияет на специфику типа образованности) позволила не оторвать отечественное культурное пространство от матрицы естественных (неиндивидуалистских, народных) начал бытия.

В 2024 г. мы празднуем 225-летие Пушкина. Актуальным и наиболее достойным ответом на этот юбилей должно стать изучение особенностей карамзинско-пушкинской реформы литературного языка с целью вернуть в действие модель (формулу) этого исторического образца, культурного прецедента и универсального прототипа действий, которые понадобятся нам для выхода из постмодернистского кризиса.

Конечно, Александр Пушкин начал писать стихи не младенцем и с детства видел пример своего отца и дядюшки, отдававших много сил занятиям литературой. Отец Сергей Львович собрал богатую библиотеку и увлечённо переводил с французского; дядюшка Василий Львович был в 1810-х гг. авторитетнейшим членом «Общества любителей российской словесности» и старостой «Арзамаса». Принятый в это дружеское литературное общество 15-летним лицеистом, Александр Пушкин был воспитан как поэт и мыслитель «Арзамасом» и понимал законы общенародных судеб, как понимали их карамзинисты — в первую очередь, Василий Андреевич Жуковский и Василий Львович Пушкин (к слову сказать, ровесник Николая Михайловича Карамзина, оба они рождены в 1766 г.).

Для целостного принятия веры ум Александра Пушкина созрел примерно к 23 годам. В Южной ссылке им написаны стихотворения «Птичка», «Свободы сеятель пустынный...». Из уединённого Михайловского попросил прислать ему перевод Корана, чтобы прочесть священную книгу мусульман и сопоставить с учением христианской веры.

Литературоведы при составлении комментариев к написанным в 1824 г. «Подражаниям Корану» сначала искали источник этого цикла среди французских переводов (Н. О. Лернер назвал источником перевод Савари). Затем было учтено, что в библиотеке Пушкина томик этого французского перевода «Корана» сохранился только в издании 1828 г., причём с неразрезанными страницами [3]. В 1930 г. К. С. Кашталева [2] на основе разбора образности и фразеологии пушкинских подражаний показала, что из существовавших ранее 1824 г. переводов цикл «Подражания Корану» на пятую часть совпадает с текстом изданного в 1790 г. перевода М. И. Веревкина [1].

Из девяти частей этого боговдохновенного цикла применительно к рассматриваемой нами теме уместно вспомнить стих третий, рисующий панораму глобального бедствия:

*На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побегит,
И сын от матери отпрянет.
И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.*

В стихе 4-м причиной катаклизма названа безумная гордыня тех, кто уверен, что может творить с землёй всё, что ему захочется. Господь смирит пустую самонадеянность:

*С тобою древле, о Всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!*

Напомним и два четверостишия 6-й части «Подражаний Корану», где есть слова, которые скоро пригодятся победителям глобалистской напасти:

*Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаянье своём
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.*

Прочтя всё это свежими глазами, видим, сколь много важного и остро актуального даёт вдумчивое прочтение пушкинских произведений.

Современники Пушкина были свидетелями первого из трёх ближайших к нам закатов западной культуры — краха идей европейской эпохи Просвещения. Первая мировая война явила следующий «фин де сёкль» — закат эпохи буржуазности. И вот теперь, в начале XXI в. мы наблюдаем закат идей финансового глобализма. Исчерпание возможностей цивилизации Запада обращает мир к типам цивилизаций более древних, самой своей природой защищённых от деструктивных процессов и вырождения.

Фронтир многовекового онтологического противостояния Западу, Россия имеет опыт успешной защиты своих духовных ценностей и выработанного за тысячелетие цивилизационного пути. Благородная задача вернуть полноценный пульс жизни родной культуре была успешно решена в XIX в. И как сказал Александр Блок в речи «О назначении поэта» (1921), это было дело не внешним, а внутренне связанным с культурой, как пульс жизни организма. В мифе отечественной культуры зафиксировано, что Пушкин — пульс, пушкинское начало — эпицентр *дела внутреннего*, а именно — возврата к полноценной матрице развития национальных языков и народного бытия.

Издревле закономерности *устной трансляции* культурного достояния сохраняло эпическое наследие народов; формуле $У > П$ следовала *классическая древнегреческая школа*. Формулу $П > У$, при которой образованность есть результат знания норм письменной речи и усвоения дискурсивных практик, распространила *римская риторическая традиция*. Цицероновская (назовём её так) школа стала причиной неизбежных кризисов заката культуры.

В стихотворении «Цицерон» Ф. И. Тютчева читаем:

*Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды её кровавый!..*

Древнегреческое красноречие (условно скажем, школа Пифагора и Сократа) воспитывало, как и устное эпическое предание, способность понимать и воспринимать смысл не по вербальным компонентам речи (апофатически, молчаливо).

Панораму перемен, происходивших с античности до наших дней, можно разбить на следующие участки (рис. 1).

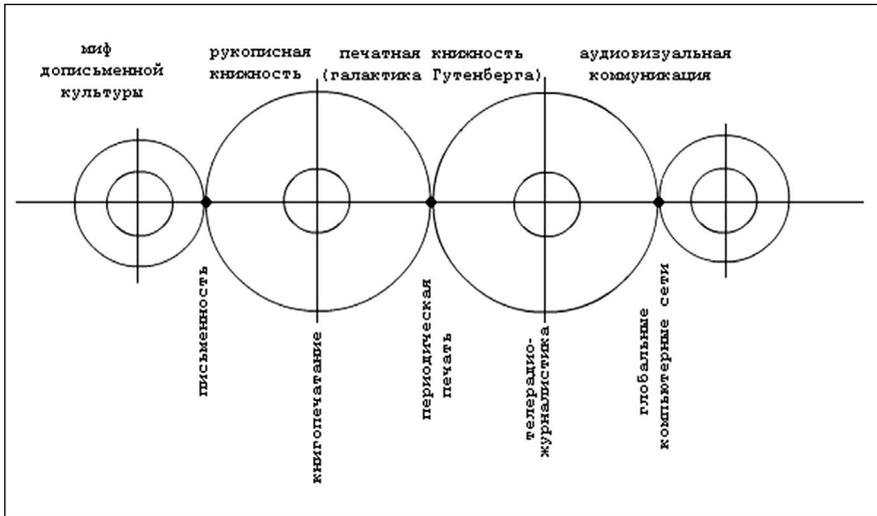

Рис. 1. Динамика перемен пространства европейской культуры

Почему изобретение типографской печати сделало заметной быструю деградацию качеств европейского культурного дискурса? Почему, вопреки нескольким волнам полемики о задачах Просвещения, индивидуализм и позитивизм восторжествовали в европейской культуре XIX столетия? Почему на православно-христианской почве в XIX столетии всё сложилось не так, как в Европе, и миф русской культуры обогатился феноменом золотого века?

Иную судьбу отечественного Просвещения обусловили жизненные установки и общественная деятельность писателей карамзинского круга и их дальнейших преемников (почвенники, славянофилы). Это показало прозорливость Иоганна Готфрида Гердера, предложившего в труде «Идеи к философии истории человечества» вернуть в действие платоновскую концепцию палингенесии (или палингенезии, в латинском произношении слова).

На рис. 2 мы покажем, как работает соответствующий комплекс представлений (по формулировке И. Гердера, Р. Шатобриана — пульсация гения христианства).

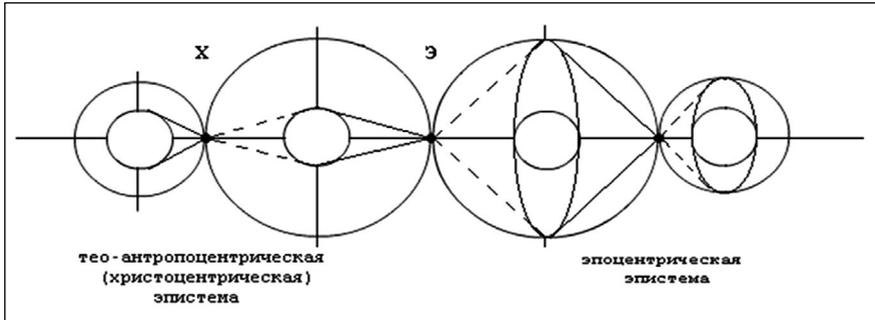

Рис. 2. Пульсация начал христианского просвещения

Сравним эту картину с картиной перехода к индивидуализму через антропоцентризм, вменённый европейской культуре мыслителями Нового времени (рис. 3).

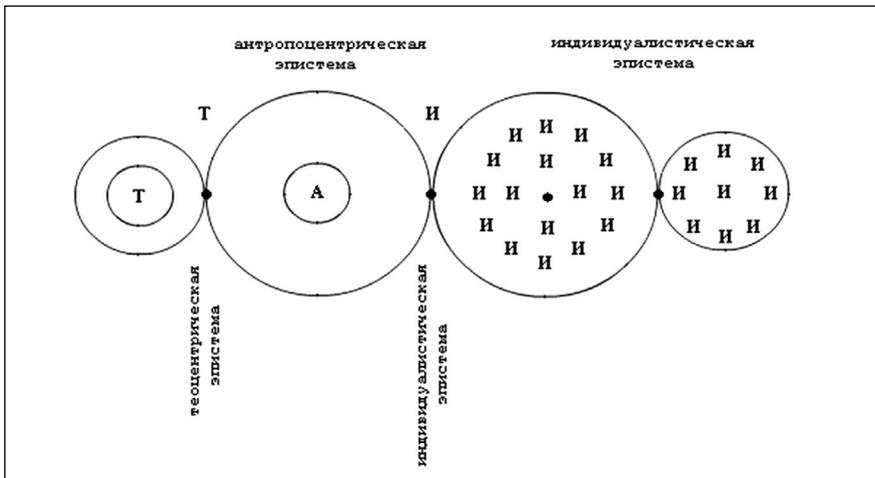

Рис. 3. Переход от геоцентризма к антропоцентризму и индивидуализму

Бескорыстный подвиг Н. М. Карамзина во имя Отечества, капитальный труд «История государства Российского» верен началам православно-христианского просвещения. Пушкин говорил: «Историю русскую

должно будет преподавать по Карамзину. История государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честно-го человека» [4, т. 7, с. 360]. Карамзин вступил в должность придворного историографа в 1804 г., умер в апреле 1826 г. в своём рабочем кабинете с пером в руке над 12-м томом «Истории». Последняя им написанная фраза: «Орешек не сдавался»... Не идеологический, как у европейских историографов Гизо, Тьерри, а онтологический взгляд на прошлое и будущее народа дал этот первый наш историк и последний летописец.

Пушкин и его друзья пошли тем же путём в начатой ими реформе журналистики: Иван Петрович Белкин — образец смиренно-личностной авторской позиции. Благодаря многим поддержавшим такой тип мировосприятия и общения в отечественном пространстве образованности, XIX столетие стало золотым веком нашей национальной культуры, развёрнутой и полноценно воспроизведя матрицу (подоснову) начал этнической, народной культуры как таковой.

Итак, карамзинско-пушкинская модель реформ национальной словесности упрочивает позиции устного народно-поэтического предания: формула $У > П$ требует «Писать, как говорят, и говорить, как пишут». Именно эта модель нужна для предстоящего нам преодоления постмодернистского кризиса.

Стратегическая задача — гарантировать возврат к опоре на целостную матрицу органично развитой традиции в единстве четырёх её ипостасей:

- *ипостась историко-государственная* (в онтологической проекции время не течёт, а удерживает равновесие желаемых достижений будущего с лучшими достижениями народов в прошлом);
- *ипостась семейно-родовая* (нерушимая преемственность поколений, уважение к родителям, чадолюбие, нравственная чистота как основа семейного согласия);
- *ипостась информационная*. Тут два важных момента. Первый — избавить литературный язык от экспансии нововведений. Слава богу, в школьных учебниках русского языка пока что примеры взяты из классики (менять не надо, это верный эталон). Второе — обеспечить не индивидуалистическую переработку сведений; делать ставку не на идеологические схватки в интересах отдельных групп, а на гармонизацию общественных отношений;

-
- *ипостась образовательная*. Надо строить пространство образованности в опоре на живую этническую почву и наследие многонациональной (мировой) классики искусства. Это позволит доращивать психофизические особенности обучаемых до уровня, на котором возможно богатырство. Самые талантливые от природы станут богатырями, но при этом все усвоят краски фольклорной мудрости, будут знать национальные эпосы, осознанно чтить высоту классических образцов.

Эти установки должны быть реализованы на всех уровнях, начиная со школьной программы, и иметь качественную поддержку в пространстве СМИ. Тогда исключим подмену двух вещей, о первой говорили Карамзин и Пушкин: «Только аристократия может действовать народно» (такую аристократию не подменишь нуворищами и самовлюбленной элитой). Второй важный момент заключается в том, что при такой подготовке граждан демократию не подменишь охлократией (властью бездумной и безнравственной толпы).

Пушкинская традиция даёт исторический образец проективного моделирования культурных процессов, на котором гармонично сбалансированы бесписьменные / письменные составляющие тысячелетнего наследия не только русского, но всех народов на территории нашей огромной страны. Академии Российской исполнилось 300 лет, близится и 270-летие Московского университета. Почти 100 народностей за эти два с половиной века обрели письменность и зафиксировали сокровища своего национального эпоса. Так, адыгейский алфавит создан в 1830-х, коми-зырянский — в 1937 г., абазинский — в 1938 г., удинский — в 1974 г., рутульский — в 1990 г.

Письменность на кириллице особенно важна тем, что создала уникальный по широте и богатству ареал обмена культурными достижениями добрососедства и братского взаимодействия народов. Такой переводческой школы, какая сложилась у нас в прошедшие 200 лет, нет ни на одной из территорий планеты Земля. В павильоне «Слово» на ВДНХ в Москве есть выразительное панно — древо родства и взаимодействия языков с кириллическим алфавитом. Там в виде листвы представлены 45 языков братских народов. На самом деле алфавит на кириллице есть у 80 этносов мира.

С учётом изложенного сформулируем три основных тезиса наших выводов.

Первый тезис: пушкинская традиция — государственное культурное достояние, которому сегодня актуально дать всенародное применение. Многоязыкий отклик на это пройдёт «по всей Руси великой», если у нашего научного сообщества хватит прозорливости и гражданской ответственности, чтобы приступить к сплочённой работе по качественно-му преобразованию пространства образованности и активности СМИ.

Тезис второй: надо вдумчиво изучать феномен золотого века русской словесности Нового времени и выработать системный подход к диспозиции ключевых проблем, при разрешении которых содружество народов России благополучно преодолеет постмодернистскую разруху и в прогнозируемом алгоритме выйдет на плато устойчивых созидательных достижений.

Тезис третий: алгоритм возврата к матрице органического развития национальной культуры нам по результатам изучения культурных процессов XIX в. видится следующим [8]. Ментальное десятилетие переходит в витальное тридцатилетие ($10 \times 3 = 30$ лет) и затем в золотой век ($30 \times 3 = 90$). Поддержавшие такой алгоритм представители русской школы в искусстве и общественном сознании единодушно отдавали дань Пушкину как культурному герою мифа отечественной культуры.

Иначе и нельзя действовать в момент, когда кровавая звезда заката опять у наших границ. Идёт сражение. Ментальная, духовная победа нужна не на десятилетие. От нас зависит, войдёт ли наша сегодняшняя молодёжь в светлое витальное тридцатилетие. И победа духа нужна, чтобы внуки — те, что сейчас ещё в пелёнках, могли прожить золотой век.

Литература

1. *Веревкин М. И.* Книга Аль-Коран. СПб.: 1790. Ч. 1–2 // Александр Пушкин: Электронное академическое издание : [сайт]. URL : <https://pushkin-digital.ru/node/1173> (дата обращения: 10.03.2024).
2. *Кашталева К. С.* «Подражания Корану» и их источник // Записки коллегии востоковедов. 1930. Вып. 5. С. 243–270.
3. *Модзалевский Б. Л.* Библиотека Пушкина. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 212 с.
4. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 томах. М. : ГИХЛ, 1959–1962.
5. *Третьякова Е. Ю.* Коммуникативное пространство печати: пушкинская модель. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2002. 227 с.

6. Третьякова Е. Ю. Национальная идентичность и воссоединение культурной истории народов // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 4. С. 42–45.
7. Третьякова Е. Ю. Тактико-стратегические задачи просвещенных реформ печати и модель «журнала русского»: к 175-летию пушкинского «Современника» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4. С. 115–119.
8. Третьякова Е. Ю. Универсальная матрица рода — основа эпической репродукции культурного наследия // Миф и историко-психологические корни социогуманитарного знания : материалы конф. СПбГУ и Междунар. ассоциации историч. психологии СПб. отд-я Филос. о-ва РАН (Санкт-Петербург, 28 февраля 2004 г.). СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. С. 155–163.

Elena Yu. TRET'YAKOVA,

Dr. Sci. (Journalism), Assoc. Prof., Leading Researcher, Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, drevo_rechi@mail.ru.

The Pushkin Tradition as the Classic of Russian Education

The paper provides the philosophical, historical and cultural justifications for a set of tasks that contribute to modeling information processes based on the primary (ancient) balance of non-written/written components of a thousand-year-old tradition not only of the Russian, but of the all peoples living on the our country. Almost 100 nationalities have acquired writing, recorded the treasures of their national epic, thanks to the common cultural attitudes that developed and operated in the Russian school of humanitarian thought of the 19th century. These guidelines were set by the reform of the literary language of Nicolay M. Karamzin and Alexander S. Pushkin, which made it possible not to separate the domestic space of education from the matrix of natural (non-individualistic, folk) principles of culture. Drawing attention to this circumstance, the author offers an interpretative formula for the approach he developed to the study of the phenomenon of the golden age of Russian literature of Modern times and a systematic view of the disposition of the key problems, in solving of which the commonwealth of the peoples of Russia can achieve creative achievements and successfully overcome postmodern devastation. The paper is paid attention to the aspects of optimizing the information space (electronic and other mass media) and algorithms for the projective structuring of our modern education space as such.

Keywords: individualism, conciliarity, Russian civilization, the golden age of national culture, Nicolay M. Karamzin, Alexander S. Pushkin, the concept of palingenesis, reform of the national education space.

*Е. К. Барановская**

Муниципальный музей как актер формирования культурной самоидентификации местного сообщества

В современных условиях формирование картины мира в небольших, удалённых от крупных городов населённых пунктах происходит под значительным влиянием глобалистской культуры. На сегодняшний день культурная жизнь местного сообщества разделена на два полюса: традиционная культура, которая транслируется местными организациями культуры, и массовая культура, медиаконтент которой поступает через глобальную сеть в любой, даже самый отдалённый населённый пункт. Саморегуляция культурной среды не работает при жёстком лобби со стороны производителя массового контента. При потреблении медиаконтента происходит постепенное изменение мировоззрения человека и общества в целом. При сохранении исторически сложившихся духовно-нравственных традиций восприятие контента смещено в сторону форм, ставших популярными в последние десятилетия. Приоритет визуального клипового восприятия информации требует изменения способов подачи материала и экспериментов в области эстетических образов.

Ключевые слова: коммуникация, музей, традиции, народное творчество, целевая аудитория, социальная сеть, медиаконтент.

Изменения в современном российском обществе происходят с огромной скоростью на фоне политических и социальных событий. Ещё недавно трансляция образов западной культуры в рамках глобальной экспансии происходила без ограничений. В последнее время появились ограничения на законодательном уровне для появления и распространения в российском медиапространстве глобалистского контента. В первую очередь это касается учреждений культуры, которые контролируются государством в рамках культурной политики. Однако интернет-ресурсы в меньшей степени зависимы от государственных ограничений.

В населённых пунктах с большим количеством жителей и доступностью разнообразных культурных объектов жители имеют возможность выбирать культурный контент. При этом у образовательных учреждений (школы, колледжи, институты и пр.) есть возможность корректировать интересы учащихся за счёт коллективного посещения учреждений культуры.

* БАРАНОВСКАЯ Евгения Константиновна, кандидат культурологии, заместитель директора Апшеронского историко-краеведческого музея, Апшеронск, Краснодарский край, Россия, baranovskaya.ek@yandex.ru.

Значительно сложнее происходит формирование картины мира в небольших удалённых населённых пунктах. Именно таким регионом является Апшеронский район Краснодарского края, который расположен в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Удалённость от основных транспортных артерий и центров культурной жизни создаёт определённые сложности для различного рода коммуникаций, в том числе культурных. Кроме того, хочется отметить наличие в районе поселений в труднодоступной местности, что связано с горным ландшафтом и имеющимися на сегодняшний день дорожными условиями.

В районе имеется один муниципальный музей (Апшеронский историко-краеведческий музей), несколько небольших школьных музеев, один кинотеатр, парки, скверы и спортивные сооружения. Музей находится в городском подчинении, является единственным музеем района. Население Апшеронского района по данным 2023 г. составило 99 834 человека, при этом 43 % — в возрасте 30–60 лет, 24 % — 7–29 лет. Высшее образование имеют 23,3 %, неполное высшее — 2,5 %, среднее профессиональное — 35,8 %, 11 классов — 18,0 %, 9 классов — 8,7 %. В демографическом аспекте район можно назвать вполне благополучным. Население распределено примерно поровну между городскими поселениями и сельскими.

Что касается этнического состава, большую часть составляют русские — 81 %, вторым этносом по численности являются армяне (включая субэтнос хемшилы) — около 12 %, из значимых по количеству этносов можно назвать следующие: курды (езиды) 1 %, грузины 0,9 %, греки 0,5 % и турки-месхитинцы 1,5 %, переселившиеся в район в 1980–1990-х гг. и в настоящее время компактно проживающие в сельской местности.

Данные имеют некоторую погрешность, так как много смешанных семей, которые заявляют о себе как о русских. На территории района проживают представители около 80 народов в полном согласии и взаимоуважении. Таким образом, локальный социум можно назвать сложным этнокультурным сообществом.

На сегодняшний день культурная жизнь населения разделена на два полюса: традиционная культура, которая транслируется местными организациями, и массовая культура, медиаконтент которой поступает через глобальную сеть в любой, даже самый отдалённый населённый пункт. Небольшой процент жителей периодически посещают культур-

ные объекты и события в больших городах и других странах, но этот процент крайне невелик.

Прежде всего, хотелось бы уделить внимание контенту, который транслируется в сети, поскольку именно эта информация является наиболее доступной для жителей и касается отдалённых поселений благодаря тому, что интернет сегодня доступен даже в горных посёлках. При агрессивном лоббировании интересов производителей такого контента со стороны глобальных компаний продвигать собственные этические, эстетические и культурные традиции крайне сложно. В таких условиях эстетические образы и этические установки формируются под воздействием как западной культуры (ранее Голливуд и Дисней, сейчас «Нетфликс»), так и японской (аниме). Несомненно, что в западном сегменте существует политическое лобби для продвижения данных установок. Но существует лоббирование и аниме-контента тем же «Нетфликсом», который скупал ранее манги (комиксы) для реализации на своей стриминг-платформе. Из всего сказанного выше важно то, что лоббированием этих произведений, насаждая в обществе соответствующие этические и эстетические установки, которые в последнее время стали ограничивать уже законодательно, занимается вовсе не Министерство культуры Российской Федерации.

Саморегуляция культурной среды не работает при столь жёстком лобби со стороны производителя массового контента. При потреблении медиаконтента происходит постепенное изменение мировоззрения человека и общества в целом. Результатом может оказаться ситуация, которая сейчас происходит в японском обществе, когда традиции и местная самобытная культура проигрывают культуре глобалистской. На новый уровень выходят нравственные и социальные противоречия, например, стремительно усиливающиеся разногласия между поколениями по базовым этическим установкам.

Прямого и быстрого решения этой проблемы нет. Конечно, необходимо внедрять регулирующие документы, разработкой которых уже занимаются государственные органы. Но наряду с запретами необходимо выстраивать систему традиционного воспитания и прививание эстетических идеалов, сформированных в российском обществе в течение всего культурно-исторического развития. При этом музей может выступать «как посредник, необходимое звено между индивидом и культурной средой; он доносит своими средствами до каждого отдельного человека комплекс духовных ценностей, идей, эмоций и, тем самым, включает его в культурно-исторический процесс» [1].

Решение этой проблемы в каждом регионе требует индивидуальный подход, связанный с учётом социально-культурной структуры местного сообщества. И в этом, в первую очередь, могут помочь формы деятельности, относящиеся к другому полюсу культурной жизни — направлениям традиционной культуры. В Апшеронском районе такая работа ведётся давно и продуктивно: три детские школы искусств, многочисленные кружки и студии.

В 2002 г. открылась очень популярная в районе школа искусств традиционных ремёсел Кубани в посёлке Мезмай. Совсем недавно это был труднодоступный горный посёлок, но сейчас к нему проложена хорошая дорога, а рядом с Апшеронском в хуторе Николаенко открыт её филиал. Школа пользуется огромной популярностью. Окончив школу, большинство выпускников впоследствии продолжают совершенствовать своё мастерство, независимо от выбранной в дальнейшем профессии. Ежегодно на базе школы проходит кузнечный фестиваль, на который съезжаются кузнецы со всей страны.

Определённым толчком для развития декоративно-прикладного искусства и народного творчества стала миграция в регион творческих людей из больших городов, которые искали уединение, красивую природу, спокойную и размеренную жизнь. Нужно заметить, что местные жители не сразу приняли новых земляков. Но многовековой опыт межкультурного взаимодействия на этих землях способствовал безболезненной адаптации новых жителей.

Традиционная культура не ограничивается развитием декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремёсел. Традиции и этические нормы создают основу для формирования повседневной культуры, культуры быта. В данном направлении огромную роль начинает играть казачество. Особый акцент в данном утверждении на слове «начинает», хотя казачьи общества были созданы уже давно. Но именно сейчас казаки начали принимать деятельное участие не только в жизни местного сообщества, но и в воспитании молодёжи.

В качестве примера приведу «Казачий кордон» Апшеронска, который проводит большую работу, прежде всего, с детьми и молодёжью. Особо следует отметить, что казачьи сообщества являются полиэтническими организациями.

Музей сотрудничает со всеми жителями и организациями, которые развивают и популяризируют традиционную культуру. Местное сообщество, которое является основной целевой аудиторией муници-

пального музея, характеризуется существованием в рамках исторически сложившихся духовно-нравственных традиций. При этом восприятие контента смещено в сторону форм, ставших популярными в последние десятилетия.

Уже в начальной школе возникает устойчивая привычка к исключительно визуальному восприятию информации, причём представленной в иных эстетических традициях и способах подачи материала. Инерционной и неповоротливой системе государственных учреждений культуры, в которой работают в большинстве люди «старой закалки», невероятно сложно донести до посетителей информацию. Зачастую формы представления информации не соответствуют привычному восприятию людей возрастной категории до 30 лет, вся жизнь которых пришлась на потребление медиаконтента, который отличается не только эстетикой и формой подачи, но содержит пропаганду и целеустановки глобалистской идеологии и ценностной системы.

Справедливости ради следует заметить, что, вероятно, именно такая инерция и позволила сохранить то, что сейчас мы вновь можем назвать очагами культуры. Однако это не снимает главную задачу — донести информацию до посетителей современным языком.

Особенно это актуально именно для отдалённых местностей. Жители крупных населённых пунктов могут посетить несколько музеев, театров, выставок и сформировать для себя эстетические и этические идеалы. Основная аудитория муниципального музея, получая информацию из сети, подвергается воздействию сетевых технологий. Мы понимаем, что в этом случае немаловажную роль играет агрессивное продвижение продукта благодаря лоббированию производителя медиаконтента, контекстная реклама и прочие удобства сетевого поиска. В результате мы получаем аудиторию, для которой сложными являются мультипликационные фильмы режиссёра Хитрука, они размерены и логичны, рассчитаны на осмысление сюжета, наслаждение визуальным рядом и текстом. Детям сложно воспринимать такой видеоряд. То же самое можно сказать о более старшем возрасте применительно к кино. Долгие диалоги, панорамные масштабные кадры, в которых нет явной динамики, таким зрителем не воспринимаются.

В сложившейся ситуации интересным является то, что в сознании молодых людей совершенно органично сочетается эстетика традиционной культуры и массовой. Человек, развиваясь и взрослея, неизбежно вступает в диалогические, а порой и полемические отношения

с окружающей, породившей его культурой. Он является частью этой культуры, но творчески осмысляя действительность, пытается так или иначе выйти за рамки этой культуры, способствуя её изменению. «Такого рода гибкость, пластичность человеческой психики, способность к сочетанию жестких нормативных установок культурной традиции с их вариативно-творческим исполнением, видимо, является необходимым свойством психологического выживания человека в мире» [2, с. 20]. Однако этические установки постоянно подвергаются сомнению. Особенно это характерно для подросткового возраста, что крайне опасно.

Исходя из оценки свойств локального социума, необходимо ретранслировать лучшие образцы культурного наследия, учитывая изменившиеся способы и формы подачи информации. Прежде всего, следует уделить внимание цифровым технологиям и интерактивным формам для обеспечения наиболее продуктивной социальной коммуникации.

Следует признать, что работа в соцсетях, страницы в которых ведут преимущественно сотрудники музеев (Апшеронский музей не исключение), не приносит должного результата, так как создать интересный контент для молодых подписчиков в современной сложно. Искать специалиста СММ не имеет смысла, потому что продвижение в соцсетях нельзя назвать адресной работой с местным населением. Тем более что продвижение рассчитано на очень большой охват. А население района менее 100 тыс. человек. Далеко не всегда контент местного учреждения культуры интересен и нужен широкой аудитории. Иногда целевая аудитории учреждения культуры (например, сельского дома культуры) может составлять менее 1000 человек. Тем не менее одним из направлений является работа в соцсетях и на сайте.

Основной упор в формировании контента необходимо делать на сформировавшиеся эстетические предпочтения. Конечно, для создания такого контента необходим взгляд изнутри молодёжной аудитории. Для этого музей планирует привлечь молодёжную аудиторию из числа учащихся школ искусств, которые способны в эстетике комиксов создать персонажей для истории на музейную тематику.

Обязательным условием данной работы станет использование местных реалий в характерах персонажей и сюжетной линии, чтобы истории стали узнаваемыми и эмоционально близкими местным жителям. Есть возможность подключить к работе студентов-программистов и студентов-дизайнеров для создания простых анимационных роликов для публикации на страницах музея.

Работа только началась. Заинтересованность молодых творческих ребят внушает оптимизм. В данном случае важен не только результат, но и процесс, который позволит использовать эстетику, понятную новому поколению для продвижения традиционной культуры и ценностей.

При этом для создания системы трансляции традиционных для российского общества ценностей с использованием новых форм подачи контента учреждению культуры необходимо учитывать этнокультурную палитру местного сообщества, транспортную доступность поселений муниципального образования и возрастную стратификацию региона.

Литература

1. Березутская А. Ю. Современный музей и его роль в культурном развитии студенческой молодёжи // Молодой учёный. 2020. № 26.1. С. 52–54.
2. Флиер А. Я. Культура как основа национальной идеологии России: Очерки. М. : МГУК, 2000. 162 с.

Evgenia K. BARANOVSKAYA,

Cand. Sci. (Theory and History of Culture and Art),
Deputy Director, Apsheronsk Museum of History and Local Lore,
Apsheronsk, Krasnodar Region, Russia,
baranovskaya.ek@yandex.ru.

Municipal Museum as an Actor in the Formation of Cultural Self-Identification of the Local Community

In modern conditions, the formation of a picture of the world in small settlements remote from large cities occurs under the significant influence of globalist culture. Today, the cultural life of the local community is divided into two poles: traditional culture, which broadcast by local cultural organizations, and mass culture, the media content of which transmitted via a global network to any, even the most remote locality. Self-regulation of the cultural environment does not work with a tough lobby from the producer of a mass content. When consuming media content, there is a gradual change in the worldview of a person and society as a whole. While preserving historically established spiritual and moral traditions, the perception of content shifted towards the forms that have become popular in recent decades. The priority of visual clip perception of information requires a change in the way the material and experiments in the field of aesthetic images.

Keywords: communication, museum, traditions, folk art, target audience, social network, media content.

Н. Б. Зиновьева*, Е. Г. Саркисова**

Проблема иностранных заимствований и сохранение духовных ценностей современного российского общества***

Проблематика статьи обращена к вопросу засорения русского литературного языка иноязычными заимствованиями. Рассмотрены задачи, касающиеся нормативных требований к русскому литературному языку, нацеленные на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Проблема иноязычных заимствований рассмотрена в двух аспектах: как непосредственное использование англицизмов в русской речи и как латинизация кириллического письма. Выделены критерии правомерности использования иноязычных заимствований. Приведены примеры неправомερных иноязычных заимствований. Показано, что активное использование букв латинского алфавита служит инструментом идеологического влияния. Сформулированы предложения: об установлении адекватной правовой ответственности за необоснованное использование иноязычных заимствований в публичной сфере, латиницы в наименованиях российских фирм, информационных ресурсов, электронных библиотек; о возрождении института профессиональных литературных редакторов и критиков; о разработке инструкций, содержащих нормативные требования к использованию русского литературного языка.

Ключевые слова: русский литературный язык, иноязычные заимствования, критерии правомерности иноязычных заимствований, латинизация русского письма, традиционные российские ценности.

Стремительная динамика современного социума оказывает влияние на используемые языковые средства. Усиление информационных потоков, появление глобальной компьютерной системы, развитие ми-

* ЗИНОВЬЕВА Нонна Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, nonna.zinoveva.56@list.ru.

** САРКИСОВА Елена Геннадьевна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия, gorlik93@mail.ru.

*** Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования», номер государственной регистрации: 124012800529–8.

рового рынка, информационных технологий, участие в международных научных и культурных проектах — всё это не могло не привести к появлению в русском языке большого количества новых слов, которые зачастую имеют англоязычное происхождение. С одной стороны, эта тенденция объективна, соответствует общемировым тенденциям, но, с другой стороны, засилье англицизмов угрожает единству и целостности русского литературного языка, расшатывает его нормы, разрушает культурные традиции, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы.

В советский период следование нормам русского литературного языка жёстко отслеживалось в публичном пространстве литературными редакциями. В постсоветский период в результате снижения контроля сначала в песенном творчестве, затем в сценических искусствах стала царить языковая вакханалия. Площадной язык переместился на экраны, в произведениях современных писателей, драматургов и кинорежиссёров появилась обценная лексика, а речь профессиональных дикторов и корреспондентов стала изобиловать американизмами и жаргонизмами. Не отставали от них политики, государственные и общественные деятели, представители массовой и элитарной культуры, спортсмены и артисты. Из средств массовой информации это явление плавно перетекло в социум, в публичное пространство, в язык науки, культуры и искусства. Таким образом, современный язык стал стремительно загрязняться иноязычными заимствованиями, захватившими не только молодёжную аудиторию, но и профессиональную сферу, научную среду и образование.

Эта проблема давно требует своего научного осмысления и разработки конкретных предложений. Сегодня на государственном уровне поставлены задачи восстановления значимости русского литературного языка как духовной ценности российского общества. Особенно это важно в свете принятых с 2020 по 2023 г. ряда нормативных документов, нацеленных на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в частности, положений федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»» [10], указа Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» [9], указа Президента Российской Федерации от

9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8], а также утверждённой Президентом России 31 марта 2023 г. «Концепции внешней политики Российской Федерации» [5].

Концепция представляет собой не только систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, но и определяет положение нашей страны в мировом пространстве. Констатируется, что в условиях появления на мировой арене новых центров экономического роста и геополитического влияния, со стороны недружественных нам государств наблюдается активное манипулирование сознанием отдельных социальных групп, навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям, происходит навязывание правил, стандартов и норм, в том числе и в научной среде, в сфере навязываемой нам языковой политики.

При этом, как сказано в тексте концепции: «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него» [5], а также не сносит памятники иностранным писателям и политическим деятелям, не отменяет театральные постановки и музыкальные произведения западных авторов только потому, что они западные, не изымает из фондов библиотек труды западных учёных. Россия открыта миру, но должна защищать свою культурную идентичность.

Значение русского литературного языка как условия сохранения традиционных российских ценностей подчёркивается в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В разделе III. «Цели и задачи государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» в п. 24. «Реализация стратегического национального приоритета “Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти”» перечисляются задачи государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. И одна из них сформулирована следующим образом: «защита и поддержка русского языка как языка государствообразующего народа, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение использования нецензурной лексики), противодействие излишнему использованию иностранной лексики» [8].

Для решения этой задачи были внесены поправки в федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Текст части 6 изложен в следующей редакции: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях» [10]. Таким образом, в настоящее время ведётся большая работа, нацеленная на признание русского литературного языка традиционной духовной ценностью россиян. Это сопряжено с требованием соблюдать нормы современного русского литературного языка и не допускать его засорения, в том числе необоснованными иноязычными заимствованиями.

Но простых решений в сложившейся ситуации нет. Мир значительно изменился. Кроме того, языковая среда — крайне чувствительная сфера, развивающаяся по своим законам, а любой язык — развивающийся феномен, живой организм, внутренне очень сложно организованный. В его развитии прослеживаются противоречивые, сменяющие друг друга тенденции: интеграции и дифференциации, унификации и специализации, глобализации и локализации. Они объективны, каждая проявляет себя в своё историческое время и представляет собой реакцию на изменяющиеся социальные условия.

Как известно, иноязычные заимствования — это процесс переноса элементов одного языка в другой. По большому счёту — это естественный процесс, в результате которого знания развиваются и обогащаются новыми понятиями. А понятия, в свою очередь, закрепляются в терминах, которые выступают компактной языковой формой, экономной в своих средствах.

Проблема появления в государственном языке иноязычных заимствований может быть рассмотрена с разных позиций — политической, идеологической, экономической, с точки зрения исторических традиций, академических свобод в науке и т. д. В многочисленных дискуссиях на тему чистоты языка принимают участие представители разных наук. Но главное слово в данном вопросе принадлежит филологам. Благодаря их разработкам сформировалось целое научное направление, занимающееся проблематикой развития национальных языков в многоязычной среде, вопросами динамики языков и правомерности инкорпорирования

в них иноязычных заимствований (см.: [1] [6] [7] [11]). Причём исследование иноязычных заимствований — одно из интенсивно разрабатываемых направлений современной лингвистики, в рамках которого давно и успешно работают несколько научных школ. Учёные стремятся постичь причины наблюдаемой языковой дифференциации.

Часть из них считает, что небольшое количество новых заимствований, обоснованность в большинстве случаев их использования, точность и органичность образов, создаваемых посредством заимствованных слов, говорят о том, что живому русскому языку не грозит «экспансия», засорение. Поэтому не стоит оценивать многочисленные англо-американские заимствования как полностью отрицательное явление. А в условиях глобализации национальные языки неизбежно будут унифицированы, что облегчит взаимопонимание между народами, обмен товарами и технологиями. Поэтому не надо сопротивляться объективным тенденциям, а следует быть открытыми новым веяниям, в том числе и в вопросах видоизменения национальных языков.

Их противники считают, что наоборот, именно языковая дифференциация стала тем противовесом, который существенно замедляет связанную с глобализацией интеграцию в сфере языка. Возрождая и сохраняя этноязыковую самобытность «малой родины», люди защищают своё «право на различие», видя в нём убежище от нарастающей стандартизации и глобализма.

Проблема иноязычных заимствований в русском языке проявляет себя по-разному. Прежде всего, это непосредственное использование англицизмов в русской речи. К примеру, предметное поле технических и гуманитарных наук в настоящее время захлёстывает волна иностранных заимствований, связанных с активным проникновением из-за рубежа новых видов деятельности, реализуемых с помощью компьютерных технологий. К примеру, медиально виртуально-дигитальная среда, смарт-реальность, фьючекультура, мейнстрим, мувимейкер, трейлер, хэппенинг, хоррор, саспенс, экшн, перформанс и т. д. В газетных и журнальных текстах часто встречаются вкрапления среди русских слов — VIP, CD, PR, IBM как самостоятельные единицы текста, так и в комбинированном варианте PR-акция, VIP-клиент, WEB-страница [4].

Особую активность в применении англоязычных терминов демонстрируют разработчики электронных образовательных ресурсов. Собирая образовательный контент на русском языке для русскоговорящей аудитории, тем не менее они используют в названии иностранные слова

на латинице. А иногда ещё сложнее — латинизированную аббревиатуру. Так, например, студентам предлагается использовать ЭБС IPRbooks, ЭБС IQlib, электронный журнал RELGA, базу данных RePEc, архив переводов TarraNova, электронную библиотеку TheLib.RU и ряд других [2]. В магазинах в качестве информации для покупателей можно часто видеть англоязычные open, sale, coffee и пр.

Несмотря на имеющиеся разногласия, в научном дискурсе по вопросам иноязычных заимствований есть некоторые давно сформировавшиеся базовые положения, которые разделяются представителями всех научных школ. В качестве разделительной черты, отделяющей правомерное заимствование от неправомерного, сформулирована целая совокупность критериев. Так, первое место из них по праву занимает время заимствования иноязычных слов в родном языке. Имеет значение, насколько давно введён тот или иной термин, насколько он укоренён в международной лексике и привычен в использовании.

Как известно, долгие века языком науки была латынь. Затем доминировал французский, об отношении к заимствованиям из которого можно судить по следующей цитате: «Почти два века русской истории прошли под доминирующим влиянием французского языка, которое граничило с галломанией» [3]. На рубеже XIX — начала XX вв. такая роль была отведена немецкому языку. Сегодня это место занимает английский. Таким образом, в современном русском языке содержится большое число терминов предшествующих эпох. И это прошлое постоянно повторяется и воспроизводит себя в настоящем.

Причины доминирования того или иного национального языка в языках разных народов могут быть разными. На первом месте, прежде всего, экономическое и военно-техническое превосходство, колониализм и территориальные завоевания, агрессивное навязывание своего образа жизни, стиля и моделей общения, заполнение рынка своими товарами, брендами и модными новинками. Не последнюю роль играют и первенство в разработке технологий, научный авторитет выдающихся авторов, вводящих в оборот новые термины.

Важен и характер заимствования. В частности, в лингвистике с этой точки зрения заимствования подразделяют:

- на исторически сложившиеся базовые термины, многие из которых носят наднациональный характер;
- на кальки, переносящие слова одного языка в другой вместе с их значением, но с использованием морфем родного языка;

- выделяют семантические заимствования, т. е. в результате переноса слова обретают новое значение;
- неологизмы, созданные для заполнения лакун в языке перевода и т. д.

Но следует различать и сферу употребления заимствованных слов. Наиболее подвижна и открыта заимствованиям разговорно-бытовая сфера — живой язык общения, трудно поддающийся нормированию и кодификации. Профессиональная и научная сферы активно пополняются новыми терминами в результате появления новых открытий, конструирования и внедрения новых технологий. Учёные-первооткрыватели самостоятельно придумывают термины в рамках предоставленных им академических свобод, впоследствии получают поддержку со стороны научного сообщества, производственных и рыночных структур, а научные коммуникации, средства массовой информации обеспечивают более широкое их распространение.

Наиболее консервативна в этом плане официальная среда, в которой используется преимущественно нормированная лексика. Но и она подвержена изменениям.

Одним из главных принципов правомерного отбора иностранных заимствований выступает так называемое правило экономии. Если для пояснения термина нужно оперировать несколькими другими терминами, то с точки зрения экономии языковых средств использование иноязычного термина правомерно. Также правомерно введение вместо развёрнутого словосочетания аббревиатуры и дальнейшее оперирование ею.

И далее учитывается ещё ряд условий:

- усложняет иноязычное заимствование или упрощает понимание смысла? Требуется ли термин, сформированный на основе иноязычного заимствования, дополнительного пояснения границ его смысла?
- имеются ли у него русскоязычные аналоги? Если между русским термином и иностранным заимствованием можно поставить знак равенства, то, на первый взгляд, он не нужен. Но гуманитарные науки оперируют смыслами, включая тончайшие смысловые оттенки и нюансы, отражающие разные уровни глубины погружения в проблему, которые нередко трудно вербализовать. И если есть уже введённые в научный оборот иноязычные термины, то в этой ситуации их использование правомерно;

- можно ли охарактеризовать заимствование с точки зрения развитой стилистической дифференциации. То есть имеются ли и активно ли используются производные от данного термина?
- насколько иноязычные заимствования гармонично инкорпорируются в русский контекст? Если заимствованная терминосистема сформирована, сообразуясь с требованиями русского языка, со сложившимися понятиями в своей области, местом в семантическом ядре науки, с учётом гармоничного соотношения текстовой информации с действительностью, то это заимствование считается оптимальным.

Таким образом, относительно разных наук, в том числе гуманитарных, безусловно, есть необходимость в сопоставительном анализе терминов русскоязычных и иноязычных. Но он должен быть произведён с учётом оптимальности русского перевода, наличия производных слов, степени укоренённости термина в научных текстах, длительности его использования и других критериев.

Ещё одним аспектом введения в русский язык иноязычных заимствований, во многом стимулирующим это процесс, выступает так называемая «ползучая латинизация» — вкрапление в кириллическое письмо элементов латиницы. Во многом это объективное явление, которое обусловлено глобализацией экономики, углублением кооперации в производстве товаров, мировой торговлей, внедрением сетевых информационных технологий, международных стандартов и т. д. Оно иллюстрирует определённую зависимость стран-импортёров от ведущих западных транснациональных корпораций, осуществляющих товарную и технологическую экспансию.

Как следствие становления глобального рынка, процессы латинизации письменной графики имеют место во многих странах, в том числе Японии, Китае, странах арабского Востока. Некоторые государства официально отказались от собственной системы письма и перешли на латинский алфавит — Турция, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан. Сложные процессы происходят в Казахстане, в котором в настоящее время параллельно используется кириллическая и латинская графика, а после 2025 г. планируется полный переход на латиницу. Несмотря на то, что там официальными языками одновременно являются казахский и русский, последний также в планах властных структур транслитерировать на латиницу. Подобные идеи зреют в Киргизстане. Даже были

попытки подобных действий в субъектах Российской Федерации, например, в Татарстане.

Латинизация выступает не только следствием глобализации, но и инструментом идеологического влияния, который действует медленно, осторожно, но таким образом исподволь навязывается общественному сознанию чуждый алфавит. Во многих странах постсоветского пространства именно латинизация стала одним из первых шагов по переформатированию сознания молодёжи.

Приверженцы перехода на латиницу апеллируют к некоторым положительным моментам. В частности, предполагается в результате более лёгкое изучение детьми иностранных языков, оптимальное вхождение ими в полиязыковое сообщество, лучшая ориентация в информационном пространстве. Лоббирующие эту идею лингвисты считают латиницу некой унифицированной системой письма, выступающей в глобальном мире перспективным инструментом прогрессивного языкового развития.

Но это не так. Письменные системы многих народов уникальны, выкристаллизованы многовековым историческим опытом, апеллируют к глубинным архетипам, могут содержать фонемы, отсутствующие в других языках, что при транслитерации создаёт грубые искажения. А поскольку люди осуществляют мыслительную деятельность с помощью языковых конструкций, то переход на иную систему письма неизбежно приведёт к деформации сознания.

Можно констатировать, что в России уже достаточно давно наблюдается бесконтрольная латинизация кириллического письма, которая уже глубоко проникла в социально-коммуникативный обиход определённых групп населения, особенно жителей высокоурбанизированных территорий. Но в отличие от постсоветских стран, она имеет форму медленного «переползания», что особенно вызывает опасения. Начиналось всё с дублирующих надписей в наименованиях поселений, названиях железнодорожных станций, остановках городского транспорта. В связи с распространением Интернета к этому процессу присоединились компании сотовой связи, сайты и порталы, другие автоматизированные информационно-интерактивные устройства и поисковые системы, а развитие мобильной телефонии дало ему дополнительный мощный импульс. Англоязычные слова, аббревиатура на основе латиницы, безобидные, на первый взгляд, вкрапления букв латинского алфавита в кириллицу повсеместно присутствуют в наименованиях коммерческих организаций, что подаётся как престижное, модное, броское, связанное с пред-

ставлением о достатке и прогрессе. Тревожная тенденция сложилась в орфографии — использование слов и словосочетаний без пробелов, по аналогии с хэштегами.

Отсутствие внимания к «ползучей» латинизации в итоге может привести к языковой ассимиляции, что равноценно недружественному языковому поглощению. Властным структурам в этом вопросе необходимо занять реалистичную и конструктивную позицию. Не поддаваясь на демагогические спекуляции, следует поставить преграду на её пути в виде адекватных правовых норм.

В решении определения правомерности использования в научной лексике этих и подобных им терминов могла бы помочь разработка современного научного словаря гуманитарной лексики. В нашей стране уже есть положительный опыт разработки подобных нормативных документов — это терминологические стандарты, которые используются и в гуманитарной сфере, например, в библиотечной и архивной. В них наряду с приветствуемыми и поясняемыми терминами присутствуют и другие, с пометкой «Ндп» — недопустимо использовать. К таким отнесены либо устаревшие, потерявшие своё значение термины, либо изначально некорректные. Они предназначены, прежде всего, для официальных документов и учебной литературы. В современных условиях подобные разработки необходимы молодым учёным, аспирантам, студентам, которые не всегда могут адекватно оценить ситуацию, склонны к оригинальности и хотят сказать своё слово в науке. Нормализация языка — необходимое условие для разработки эффективной стратегии распространения научной информации.

Но и нормализации языка в бытовой среде также следует уделять не меньшее внимание, для чего нужно устанавливать адекватную правовую ответственность за необоснованное использование иноязычных заимствований в публичной сфере. Необходимо обращать внимание на наименования фирм, информационных ресурсов, электронных библиотек, где зачастую используются иностранные аббревиатуры. Назрело решение о возрождении института профессиональных литературных редакторов, профессиональных критиков, которые бы обращали внимание на стилистику выставляемых в публичное пространство текстов. Властным структурам, учреждениям культуры и образования было бы полезно разработать инструкции, в которых бы были изложены нормативные требования к русскому литературному языку и рекомендации, направленные на противодействие засилью неправомερных иноязычных заимствований.

Литература

1. Березовская О. М., Кирьянова Л. Г. Тенденции этноязыковых процессов в условиях глобализации современного общества // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 315. № 6. С. 149–150.
2. Васькова Н. И., Зиновьева Н. Б. О проблемах организации работы с удалёнными образовательными ресурсами // Научно-технические библиотеки. 2021. № 11. С. 105–114.
3. Китанина Э. А., Божинская Т. Л. Проблема неоднородности общества и социальная дифференциация языка на рубеже XX–XXI вв. // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. С. 233–234.
4. Кокина И. А., Мамыркина А. О проблеме заимствований в русском языке // Молодой учёный. 2016. № 7.4. С. 9–11.
5. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/1301132723> (дата обращения: 23.02.2024).
6. Крылова М. Н. Интеграция и дифференциация как процессы развития языка: история, современное состояние, перспективы // Филология и литературоведение. 2014. № 2. URL : <https://philology.snauka.ru/2014/02/665> (дата обращения: 24.02.2023).
7. Крысин Л. П. Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/352246667> (дата обращения: 16.02.2024).
9. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в «Основы государственной культурной политики», утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/1300673190> (дата обращения: 16.02.2024).
10. Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/1300888179> (дата обращения: 23.02.2024).

11. Рацибурская Л. В., Тимофеева А. А. Специфика «глобализации» в дери-
вационных процессах русского и чешского языка // Вестник Нижегород-
ского университета имени Н. И. Лобачевского. 2010. № 4–2. С. 687–689.

Nonna B. ZINOVIEVA,

Dr. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems
of Cultural Studies, Southern Branch, Likhachev Russian Institute
for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia,
nonna.zinoveva.56@list.ru.

Elena G. SARKISOVA,

Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration
of Historical and Cultural Objects, Leading Researcher,
Department of Cultural Heritage Studies and Expert Activities,
Southern Branch, Likhachev Russian Institute of Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia, gorlik93@mail.ru.

**The Problem of Foreign Borrowings
and the Preservation of Spiritual Values in Modern Russian Society**

The problem of the paper is addressed to the issue of clogging the Russian literary language with foreign borrowings. The tasks concerning the regulatory requirements for the Russian literary language aimed at preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values are considered. The problem of foreign language borrowings is considered in two aspects: as the direct use of Anglicism in Russian speech and as the Romanization of Cyrillic writing. The criteria for the legality of the use of foreign language borrowings are highlighted. Examples of illegal foreign language borrowings are given. It is shown that the active use of the letters of the Latin alphabet serves as an instrument of ideological influence. It is formulated the next proposals: on establishing adequate legal liability for the unjustified use of foreign language borrowings in the public sphere, Latin letters in the names of Russian companies, information resources, and electronic libraries; on the revival of the institute of professional literary editors and critics; on the development of instructions containing regulatory requirements for the use of the Russian literary language.

Keywords: *Russian literary language, foreign language borrowings, criteria for the legality of foreign language borrowings, romanization of Russian writing, traditional Russian values.*

К. Р. Коровяков*

Консолидирующий потенциал песен Великой Отечественной войны в современной России

В данной статье автор акцентирует внимание на массовых патриотических песнях, созданных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которые во многом способствовали формированию боевого духа советского народа на фронте и в тылу. С позиций современности песни войны рассматриваются как носители исторической памяти и духовных идеалов россиян, а также как мощный фактор, способствующий консолидации современного российского многонационального культурного пространства.

Ключевые слова: массовая патриотическая песня, патриотизм, культура, духовные идеалы, традиционные ценности, консолидация.

В настоящее время в российской культуре наблюдается ряд кризисных явлений, к которым добавились серьёзные внешнеполитические вызовы. Неоднозначная международная ситуация, выражающаяся в политической, экономической и культурной изоляции России со стороны ряда индустриально развитых держав мира, волна русофобии, набирающая силу день ото дня, требуют безотлагательной консолидации российского многонационального культурного пространства.

О необходимости духовной консолидации общества неоднократно заявлял Президент Российской Федерации В. В. Путин. Это нашло своё отражение в ряде государственных указов. В них говорится о необходимости патриотического воспитания молодёжи. Отдельное внимание отводится задачам по сохранению традиционных российских ценностей. Они определяются как нравственные ориентиры, образующие мировоззрение граждан России, передающиеся из поколения в поколение. К подобным традиционным ценностям можно смело отнести песни, написанные в период Великой Отечественной войны.

Песня является одной из самых распространённых и простых по построению видов вокальной музыки, состоящей из мелодического сопровождения и поэтического текста. Данный малый музыкальный жанр существует у всех народов. Она может быть исполнена как одним

* КОРОВЯКОВ Кирилл Рауфович, доцент кафедры эстрадно-джазового искусства Московского государственного института культуры, ведущий педагог Международной академии музыки Николая Агутина, Москва, Россия, verdeli@yandex.ru.

человеком (сольно), так и группой людей, иначе говоря, хором. Песня может прозвучать в инструментальном сопровождении или без него, то есть а capella.

В контексте данной работы центральным объектом рассмотрения стали массовые патриотические песни, созданные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., во многом поспособствовавшие духовному единению советского народа в борьбе против серьёзного врага и имеющие сегодня не менее важное значение для культурного пространства России.

Массовая патриотическая песня тех лет была одним из самых востребованных видов музыки. Она создавалась для восприятия широкими массами слушателей. Поэтому при создании подобных произведений авторам было необходимо достигать идейной ясности, целостности и лаконичности при их написании. Даже после войны массовая песня продолжила формировать особый, не имеющий аналогов в мире отечественный стиль музыки.

Великая Отечественная война стала тем сложным, но важным периодом в истории советской массовой песни, когда появились на свет её лучшие музыкальные примеры. Во многом этот этап развития стал кульминационным и знаковым в истории отечественной музыкальной культуры.

Важно понимать, что Великая Отечественная война 1941–1945 гг. являлась самым жестоким этапом Второй мировой войны, повлиявшим на неизбежную глобализацию мирового сообщества, что нашло своё отражение во всех сферах жизни. Самое главное, эти события способствовали процессам взаимовлияния культур. Всё это нашло своё отражение в песнях тех лет.

Эта война носила всенародный отечественный характер. В ней приняли участие представители практически всех народов, входивших на тот момент в состав СССР. Люди, являвшиеся носителями различных культур и вероисповеданий, объединились с одной лишь целью — дать решительный отпор войскам фашистской Германии, грозившей полным уничтожением страны, её общества и культуры.

Советское общество, несмотря на негативные проявления тоталитарного режима, было глубоко консолидированным вокруг идеи построения справедливого государства. Веру в Бога, запрещённую на законодательном уровне, заменяла искренняя вера в своё Отечество, в защиту оного от любого врага, угрожающего его целостности, его идеа-

лам. Поэтому, думается, изначально война Германии против СССР была обречена на провал.

Война началась внезапно, принесла с собой особую суровую культуру, полностью вытеснившую всё то, к чему привыкли люди в мирное время. Страна полностью перешла на «военные рельсы» во всех сферах жизни, в том числе и в искусстве.

Новая культура стала проникать в жизни людей через многочисленные агитационные плакаты, призывающие защищать Родину, через боевые кинохроники, повествующие о тяготах войны, через газеты, в которых ежедневно сообщалось о последних событиях с фронта, а также через репродукторы радиоточек, транслировавших не только последние военные сводки, но выступления известных артистов, детские передачи и т. д.

С первых дней войны советская власть начала активную агитационную политику, основной целью которой было поднятие боевого духа каждого члена общества. «Победа будет за нами!», «Родина-Мать зовет!», «Все для фронта, все для победы!» — так призывно гласили плакаты, появившиеся в большом количестве на улицах страны. И добровольцы шли защищать Отечество, гибли, а на смену им вставали новые защитники, в то время как в тылу трудились, не щадя себя, женщины, старики и даже дети. Общая вера в неизбежную победу помогала не бояться поражения. Поэтому люди гибли от снарядов и пуль, от голода и тяжелейшего труда на заводах, но духовно уничтожить их было невозможно.

И всё же первым и значительным проявлением военной культуры стали массовые патриотические песни, которые стали появляться сразу с началом войны. Особенно в самом начале было необходимо поддерживать боевой дух армии и мирного населения в противостоянии суровой угрозе. С этой задачей лучше всего справилась песня. Любая песня включает в себе принцип двойного воздействия на человека. Музыкальная составляющая заставляет его испытывать сильное эмоциональное переживание. Рациональная часть, заключающаяся в тексте, воздействует на сознание слушателя, помогая ему увязать услышанное с действительностью. В случае с патриотическим песенным произведением этот двойной эффект влияния усиливается во много раз, благодаря особой тематической специфике поэтики, посвящённой теме любви к Родине или своему народу.

Одним из первых знаковых произведений стала песня-марш «Священная война», написанная А. В. Александровым на стихи В. И. Лебедева-

Кумача. Её можно назвать песней, подарившей с первых дней войны веру в победу. Во многом этому способствовала оперативность, с которой она была создана. 24 июня, на третий день войны, Александров прочитал в газете «Известия» стихотворение Лебедева-Кумача «Священная война». Он был сильно впечатлён его искренностью и лаконичностью. Поэтому в кратчайшие сроки им была написана музыка. Уже 26 июня в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии песня прозвучала на Белорусском вокзале, где под неё провожали на фронт составы с солдатами.

Важно, что в этой песне Лебедев-Кумач сравнил немецкие войска с «проклятою ордой». Здесь определённо усматривается связь с периодом татаро-монгольского ига в истории Российского государства. Тогда русским князьям пришлось объединиться, чтобы победить в борьбе с этим нашествием и сохранить русские земли от влияния иноземцев. Автор текста «Священной войны», проводя прямую аналогию между этим событием и нападением на СССР немецко-фашистских войск, обращался ко всем и каждому с призывом встать на защиту Отечества. Эта песня сильно способствовала подъёму боевого духа, помогала понять, что только совместными сверхчеловеческими усилиями можно добиться победы над врагом.

Такие песни были крайне нужны, особенно в начале войны. Поэтому со стороны государства существовал запрос на подобные произведения. Требовались эти песни и тем, кто воевал на фронте и трудился в тылу. Композиторы и поэты не заставили себя ждать.

За время войны появилось огромное количество песен, которые стали прямым и искренним отображением происходивших событий. Если их выстроить в хронологическом порядке, по ним можно проследить всю историю той жестокой войны. Они являются музыкально-художественной летописью тех лет. Это и «В землянке» К. Я. Листова и А. А. Суркова, повествующая о тяжёлом начальном периоде войны; и «Катюша» М. И. Блантера и М. В. Исаковского, ставшая неформальным гимном Великой Отечественной войны (эта песня впоследствии была переведена на многие языки: итальянский, французский, финский и др.). Наконец, не стоит забывать песню «Казачи в Берлине» братьев Покрасс на слова Цезаря Солодаря, ставшую своеобразным ознаменованием окончания войны.

Эти песни слушали и исполняли и на фронте, и в тылу: «...никогда ещё песни не получали такого быстрого и универсального распростра-

нения, как в эти годы, когда их пели абсолютно все — независимо от характера и вкусов, происхождения и положения, возраста и культурного уровня. Особенно велико было значение песни на фронте, где она стала важным средством воспитания боевого духа воинов», — отмечал в своё время известный исследователь советской массовой песни А. Н. Сохор [5, с. 240].

Песни войны пробуждали в людях чувство истинной любви к своему Отечеству, способствовали единению многонационального советского общества в годы суровых испытаний. Они подпитывали безусловный патриотизм русского человека, как бы уберегая его от казённого, искусственного патриотизма.

В своё время известный русский философ И. А. Ильин, рассуждая о природе патриотизма, сказал следующее: «Патриотизм есть чувство любви к родине, и потому он, как и всякое чувство, а особенно чувство любви, уходит корнями в глубину человеческого бессознательного, в жилище инстинкта и страстей... Так называемый казенный, внешне принудительный, официальный патриотизм далеко не всегда пробуждает и воспитывает в душе чувство родины, нередко даже повреждает его» [3, с. 178–179].

Именно эти идеи безоговорочной, безусловной любви к своему Отечеству, народу, ко всему, что было дорого каждому, вкладывались поэтами и композиторами в создаваемые ими музыкальные произведения. Темп и ритм музыки и размер стиха позволял эти песни напевать как во время боя или временного затишья, так и стоя у станка на заводе. Поэтому получалось так, что с этими песнями не расставались ни на минуту. Они жили в сознании каждого советского человека, помогая в достижении победы над врагом, способствовали осознанию того, что только общими усилиями смогут достичь её. Эти песни воспевали одну из главных духовностей человечества — жизнь, которую, к сожалению, порой можно было сохранить только ценой колоссальных жертв. Они были пронизаны верой в необходимость сохранения жизни любой ценой ради последующих поколений.

Например, в знаковом музыкальном произведении периода Великой Отечественной войны «Синий платочек», появившемся на свет в окончательной редакции в 1942 г., идёт прямое указание на то, за что сражались люди в то время: «... Строчит пулеметчик за синий платочек, / Что был на плечах дорогих». А в песне «Темная ночь», написанной в 1943 г., когда произошёл коренной перелом в ходе войны, есть такие

строки: «... Ты меня ждёшь и у детской кроватки не спишь, / И поэтому, знаю, со мной ничего не случится».

Приведённые примеры хорошо свидетельствуют о главных чертах, присущих советским людям, — удивительной воле к жизни, свободоловбии и доброте. Это подтверждает и высказывание известного русского философа Н. О. Лосского: «К числу первичных свойств русского народа, вместе с религиозностью, исканием абсолютного добра и силою воли, принадлежит любовь к свободе и высшее выражение её — свобода духа. Это свойство тесно связано с исканием абсолютного добра» [4, с. 49].

Вообще изучение текстов массовых патриотических песен, созданных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., позволяют сделать вывод о том, что в этих произведениях искусства объединились идеи и чувства светского, социально-политического и глубоко духовного характера. Становится ясным, что искусство даже во время той жестокой войны было неотделимо от остальных сфер жизни, более того, помогало формировать новый тип военной культуры. Человек всегда изучал мир и одновременно с этим создавал его, исходя из тех нравственных идеалов и общественных норм, которые были характерны для того или иного периода истории.

Как верно отметил в своё время профессор А. И. Арнольдов: «Мир культуры — это мир, сотворённый человеком. Творя культуру, реализуя себя в ней, он определяет свой жизненный путь и свою судьбу» [1, с. 6].

Новый век серьёзно поменял масштабы жизни. В настоящее время российское общество находится на новом витке межэтнических, общественных и культурных отношений. В культуре с начала XXI в. наметились две основные тенденции. С одной стороны, произошла переориентация на ультрамодные, скоротечные, поверхностные процессы. Особенно это проявляется в молодёжной среде, где происходит постепенная утрата значения культурного опыта предыдущих поколений. С другой стороны, существует консервативная тенденция, игнорирующая многие отклонения в естественной динамике культуры [1, с. 7].

В подобной ситуации слишком велика вероятность потерять опыт, накопленный в прошлом, и проигнорировать то новое и важное, что позволит духовной культуре России как многоплановому явлению органично развиваться дальше.

Период перестройки, последующий распад СССР, глобальные изменения во всех сферах жизни нашей страны на рубеже XX и XXI вв. повлекли за собой появление неизбежных негативных процессов в куль-

туре. Произошёл распад единого социокультурного пространства России. Прежние духовные и нравственные идеалы потеряли своё значение. Тотальная коммерциализация искусства, приоритет частного блага над общественным — вот итог неуправляемого, вольного развития культуры, которая во многом превратилась в «служанку» небольшой общественной прослойки, обладающей серьёзными финансовыми возможностями и использующей её в своих интересах.

Очевидно, что в данный момент Россия переживает глобальный кризис в культурной и духовной жизни. Но, как верно отмечает исследователь данного вопроса профессор Л. С. Зорилова, «...кризис культуры становится не только её тормозом, способствующим разрушению сложившихся стереотипов и отживших традиций. В нем также проявляются стабилизирующие, прогрессивные факторы, которые способствуют возрождению культуры; и в центре возрождения, как правило, находятся ментальные качества народа и личность конкретного человека» [2, с. 13]. Именно эти факторы, по мнению учёного, являются основными движущими силами в кризисный, переходный период существования культуры и помогают ей выйти на качественно новый этап дальнейшего развития и процветания.

В подобной кризисной ситуации изучение и распространение массовых песен периода Великой Отечественной войны приобретают особо важное, стратегическое значение. Эти музыкальные произведения знакомят с поступками и судьбами людей тех лет, с их идеями и представлениями о жизни. В них заложены главные духовные и нравственные константы, характерные для российского многонационального общества. По сути, эти песни являются носителями исторической памяти нашего народа. Они прошли проверку временем и коренным образом отличаются от многих современных образцов подобной музыки, создающихся порой в угоду модным аранжировкам, не имеющих в своей основе серьёзного идейного замысла и являющихся во многом искусством ради искусства, или, иначе говоря, тупиковой ветвью развития музыкальной культуры.

Отражение таких традиционных российских ценностей, как жизнь, достоинство свобода человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокая духовность, приоритет духовного над материальным и др., изначально заложены в основе песен, созданных в период Великой Отечественной войны. Учитывая тот факт, что любящая песня является самым действенным и надёжным видом сохранения

информации, так как в первую очередь она передаётся из уст в уста, возрождение интереса к массовым песням войны 1941–1945 гг. в обществе послужит залогом сохранения исторической памяти российского народа и станет одним из значимых факторов в вопросе консолидации многонационального культурного пространства России.

Литература

1. Арнольдов А. И. Мир культуры: современные коллизии // Мир культуры — культура мира. М. : Издательский дом МГУКИ, 2005. С. 3–8.
2. Зорилова Л. С. Духовный кризис современной культуры: трансформация ценностей // Философия и искусство : материалы VII междунар. науч. конфер. (Москва, 22 апреля 2021 г.). М. : Рос. акад. музыки имени Гнесиных, 2023. С. 12–19.
3. Ильин И. А. Путь духовного обновления / сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
4. Лосский Н. О. Характер русского народа. Франфурт-на-Майне : Посев, 1957. 151 с.
5. Сохор А. Н. Русская советская песня. Ленинград : Сов. композитор, 1959. 506 с.

Kirill R. KOROVYAKOV,

Assoc. Prof., Department of Pop and Jazz Art,
Moscow State Institute of Culture, Leading Teacher,
Nikolai Agutin International Academy of Music,
Moscow, Russia, verdeli@yandex.ru.

The Consolidating Potential of Songs of the Great Patriotic War in Modern Russia

The author focuses in this paper on the mass, patriotic songs created during the Great Patriotic War of the 1941–1945, which largely contributed to the formation of the fighting spirit of the Soviet people at the front and in the rear. From the standpoint of modernity, the war songs are considering as carriers of historical memory and spiritual ideals of Russians, as well as a powerful factor contributing to the consolidation of the modern Russian multinational cultural space.

Keywords: mass patriotic song, patriotism, culture, spiritual ideals, traditional values, consolidation.

А. А. Михайлова*

Казачьи традиции в системе научно-творческих приоритетов кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова

Статья представляет собой краткий обзор деятельности кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова. Целью её было представить основные вехи в её развитии: от создания и до сегодняшних дней. Показана определяющая роль её создателя профессора Л. Л. Христиансена. Основное внимание уделено деятельности его преемника, профессора, доктора искусствоведения, лауреата премии имени Д. С. Лихачёва А. С. Ярешко, который возглавлял кафедру на протяжении более 40 лет (до 2018 г.). Показаны разнообразные творческие нововведения в реализации концертных программ, освещена научно-исследовательская работа кафедры, работа на различных отделениях. Особое внимание уделено особому вкладу А. С. Ярешко в возрождение основ православной культуры — русских православных колокольных звонов. Работа опирается на архивные материалы автора.

Ключевые слова: Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, кафедра народного пения и этномузыкологии, Лев Львович Христиансен, А. С. Ярешко, Е. А. Сапогова, «Звучит гармонь саратовская...», Ассоциация колокольного искусства России, звонница, Уральский русский народный хор.

Казачьи традиции как яркая составная часть русской народной культуры, безусловно, пересекаются с работой кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, с её творческими и научными интересами. Нашей деятельностью мы вносим свою лепту в сохранение, изучение и современную актуализацию на сцене уникального материала — казачьего песенного фольклора.

В 1960-е гг. русское народно-певческое исполнительство становится одним из самостоятельных направлений и начинает развиваться в профессиональной, самодеятельной и учебной формах. История нашей кафедры начинается с открытия в 1966 г. одним из основателей народно-певческого образования в России профессором Львом Львовичем Хри-

* МИХАЙЛОВА Алевтина Анатольевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, Саратов, Россия, jareshko@mail.ru.

стиансеном отделения и образования новой специальности — руководитель народного хора.

Его имя известно в связи с деятельностью Уральского русского народного хора, основателем (в 1943 г.) и художественным руководителем которого в тяжёлые годы Великой Отечественной войны он был. Весь свой практический опыт работы с Уральским хором, с народными голосами, подбором репертуара он реализовал в программах курсов на вновь открывшейся специальности — руководитель народного хора. Это произошло одновременно с ведущим музыкальным вузом в России — музыкально-педагогическим институтом имени Гнесиных (ныне Российская академия музыки).

На протяжении более 40 последних лет работа кафедры связана с именем другого выдающегося деятеля народного искусства России — профессора, доктора искусствоведения, лауреата премии имени Д. С. Лихачёва А. С. Ярешко, которому в своё время Лев Львович передал всю работу по воспитанию студентов, личную библиотеку для использования в учебных целях [1]. Преемственность и дальнейшее развитие идей и начинаний Льва Львовича мы продолжаем и в настоящее время. Интерес к народному искусству, а также необходимость сохранения лучшего из этих сокровищниц в современных условиях в период возрастающей урбанизации, нивелировки и стандартизации культурной идентичности этносов, глобального наступления «массовой культуры» стали необычайно актуальными.

Наша кафедра уникальная, так как задачи, которые были поставлены изначально при подготовке специалистов, совмещают два направления: практическое освоение традиционного народного пения и концертное воплощение и научно-исследовательская работа. На кафедре обучаются студенты практически всех регионов страны. Как правило, студенты традиционных казачьих областей имеют яркие вокальные данные. Функционируют пять учебных фольклорных ансамблей, народный хор, открыто отделение сольного народного пения, которое возглавляет народная артистка России Е. А. Сапогова. Символично, что она является первой выпускницей кафедры. В процессе освоения учебных программ по пению осваиваются и различные региональные казачьи песенные традиции и репертуар: кубанская, терская — гребенская, уральская, яицкая, традиции казаков Саратовской области — прихоперского Балашовского и приуральского Озинского районов. Здесь особенно важны глубокие знания, ориентиры понимания естественной среды бытования.

Для этого под руководством педагогов студенты выезжают в фольклорные экспедиции для записей песенного и этнографического материала.

На основе расшифровок и анализа традиционного фольклора создаются тематические концертные программы, отражающие стилистику и быт казаков. Ещё в 1980-е гг. А. С. Ярешко на основе своей практической деятельности выдвинул идею создания «театра народной песни», которая, по сути, «вitala» в творческих умах.

В ней ставилась проблема не «номерной» исполнительской концепции, как предписывала идеологическая доктрина тех времён (сначала — песня о партии или о родине, затем песня советского композитора в народном стиле и т. д.), а возрождение тех традиций, которые были свойственны исконному народному искусству, что воплотилось в сценическом воплощении обрядовых форм и сцен жизненного быта. Российская история в песне, Мать-Земля, казачья свадьба, Троица, молодёжные посиделки, проводы казака в армию, встреча казака с войны — вот далеко не полный перечень сюжетно-образных тем, получивших своё воплощение на сцене в концертных программах (художественный руководитель хора доцент Г. Н. Бурданова). Концертные программы в основном состоят из эксклюзивных фольклорных записей или ярких в семантическом плане произведений народной музыки других регионов. При этом музыкально-этнографический материал, выносимый на эстраду, может полностью раскрыть свой художественный потенциал в сценическом воплощении помимо вокального искусства через несколько дополняющих реализующих аспектов: танец, народные музыкальные инструменты, костюм, народный обряд как драматургическое действие.

Опыт кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, стоявшей более 50 лет назад у истоков профессионального народно-певческого образования в России, позволяет успешно работать в русле концептуальной идеи «театра народной песни» и обозначить приоритеты воплощения хоровым и ансамблевыми коллективами фольклорных традиций России. Пройдя такую «школу» подготовки, наши выпускники в дальнейшем готовы работать руководителями и артистами фольклорных коллективов, возглавляют ансамбли казачьей песенной традиции в различных регионах страны.

Большое значение придаётся на кафедре научно-исследовательской работе. Это и экспедиционная собирательская работа, нотация

песенных записей, музыкальный анализ фольклорных образцов, подготовка сборников песенного и инструментального фольклора, научных работ и выпускных квалификационных работ дипломников. Показатель уровня научной работы кафедры — диссертационные исследования. Под руководством безвременно ушедшего из земной жизни профессора, доктора искусствоведения А. С. Ярешко защищено более десяти диссертаций по фольклорной тематике, что свидетельствует о сложившейся Саратовской научной школе этномузыкологии.

Казачья песенная традиция регулярно становится предметом изучения: в архивах кафедры уникальные песенные сборники по Балашовскому району с нотированным песенным материалом, фотографиями исполнителей 1960–1970 гг., уральской, кубанской и сибирской казачьей традиции. В настоящее время ведётся работа по оцифровке фондов, приведению архива к современным техническим требованиям, подготовке материалов к изданию в виде сборников и дисков, созданию доступа к нему для научной работы и исполнительской практики.

М. В. Бондаренко и Д. А. Кузнецовой уже издан сборник песен терских казаков «Свадебные песни терских казаков» (2018) [2], готовится к изданию материал по традиции казаков Волгоградской области. За последние пять лет под руководством автора статьи защищены две кандидатских диссертации по научному осмыслению региональных казачьих традиций: из Краснодара П. В. Ярешко «Воинский фольклор казаков Кубани: история, функциональность, музыкальная стилистика» (2016) [4] и из Волгограда О. Г. Никитенко «Песенная традиция казаков Верхнего Дона: фольклорное интонирование и речевой диалект» (2018) [5].

Обращения к нам специалистов из казачьих регионов России свидетельствуют о значении и авторитете кафедры в уровне ведения научной и практической работы. Просветительская работа — это отдельное направление, включающее подготовку и проведение серии ежегодных фестивалей народного искусства, конкурсов, просветительских проектов и открытых лекций и т. д. Это и фестивали казачьей песни «Разгуляй», «Песни Волги и Дона», включающие выступления на открытых площадках, мастер-классы ведущих ансамблей Волгограда, Москвы, других городов. Ежегодно проходит конкурс-фестиваль народной патриотической песни «Песни, рожденные в боях», основанный А. С. Ярешко на материале его уникального фольклорного сборника «Народные песни Великой Отечественной войны», который

в полной мере отражает казачью тематику. С 2018 г. конкурс носит имя А. С. Ярешко.

Проведено шесть всероссийских фестивалей народного творчества «Звучит гармонь саратовская...», представляющих символ Поволжья — саратовскую гармонь, и в которых принимали участие казачьи коллективы различных регионов.

Отдельно нужно сказать о деятельности А. С. Ярешко (1943–2018) по возрождению основ православной культуры — русских православных колокольных звонов. Его деятельность в области колокольного искусства начиналась в 1970-х гг., когда несколько учёных-энтузиастов независимо друг от друга стали заниматься изучением колокольного искусства. Не только любознательность была тому причиной, но и желание рассказать правду об этом удивительном искусстве, постараться возродить его. Это было время, когда по всей России с бесконечным укором смотрели пустые глазницы колоколен, искусство звонов почти исчезло. В дальнейшем Александр Сергеевич стоял у истоков создания Ассоциации колокольного искусства России (1989) и на протяжении 25 лет был её бессменным президентом.

Общественная и педагогическая деятельность Александра Сергеевича с 1990-х гг. связана оказанием методической и практической помощи епархиям, музеям, администрациям городов и сёл, музыкальным коллективам различных регионов России в возрождении колокольного искусства, организации производств по изготовлению колоколов, осуществлении различных форм обучения: краткосрочные курсы и школы звонарей, мастер-классы, консультации по строительству и оснащение звонниц колоколами, проведении всероссийских и международных фестивалей колокольной музыки, научно-практических конференций и других мероприятий.

Из необъятной работы, которая включала множество направлений, на протяжении более 30 лет он с огромным энтузиазмом занимался профессиональной подготовкой звонарей на организованном на кафедре в консерватории факультативе «Колокольное исполнительство». В этом была насущная необходимость, так как в 1990-е гг. в период начавшегося возрождения православных традиций звонарей просто не было.

Как вспоминал А. С. Ярешко свои поездки по Краснодарскому и Ставропольскому краю, Волгоградской, Астраханской области, «где в 1990-х годах восстанавливалось и строилось заново до тысячи церквей, при этом на весь край не было ни одного (!) звонаря. Пришлось откры-

вать в университете культуры Краснодара школу звонарей, проводить фестиваль колокольных звонов в Краснодаре, по просьбе народного артиста России В. Г. Захарченко выделять для концертных поездок Кубанского хора несколько звонарей, которые сопровождали ряд песенных номеров звоном» [3].

Весь свой опыт, полученный в экспедициях от потомственных звонарей, с которыми ему удалось общаться в 1970-х гг. в монастырях, которые не были закрыты при советской власти, а также опыт звонарей небольших кладбищенских церквей он положил в основу практического факультативного курса «Колокольное исполнительство». Этот курс с присвоением слушателям квалификации «мастер колокольного звона» призван содействовать возрождению наследия национальной культуры — колокольной музыки.

Профессиональные музыканты-звонари нужны для работы в историко-этнографических музеях, музеях-заповедниках, учреждениях культуры, имеющих в своём распоряжении звонницы, а также в церковных храмах, количество которых в настоящее время постоянно возрастает. Александр Сергеевич всегда подчёркивал значимость колокольного звона как важнейшего, уникального, художественно своеобразного вида искусства, который занимает своё достойное место в национальном наследии отечественной культуры.

При обучении особое внимание обращалось на вопросы жанровых разновидностей звонов как особой формы русской православной музыки, знания региональных традиций, вопросы импровизации, которые реализовались в праздничных красных звонах, которые менее всего ограничены стилевыми исполнительскими канонами и в большей степени выражают творческую индивидуальность звонаря. Работа факультатива предполагает обязательное наличие учебной базы-звонницы, где учащиеся получают полноценные практические навыки. Кроме этого, рекомендуется оборудование «малой» звонницы, которая может быть расположена в помещении учебного заведения. Именно такую звонницу Александр Сергеевич с любовью подбирал по отдельным колоколам, созвучным между собой.

Православная вера, традиционные праздники — неотъемлемая часть быта казаков. Православные звоны как стилистически яркий элемент православной культуры были восприняты в казачьей культуре очень воодушевлённо как возвращение и обретение вновь исконно утраченного. Особенно эффективно школы звонарей были открыты и рабо-

тали при храмах и епархиях, которые взаимодействовали с казачьими объединениями, с атаманами станиц, заинтересованными в возрождении православного искусства.

Казачьему менталитету созвучна идеологическая установка и жизненная позиция А. С. Ярешко, по своему происхождению также потомственного кубанского казака. Её можно передать словами из одной его лекций: «По всей России высятся колокольни — монументальные музыкальные инструменты, роль которых в истории общества трудно переоценить. Именно колокольни как важнейший знаковый элемент храмового комплекса охватывали своей архитектурой и, главное, звуковой энергией все великое пространство страны, выполняя важную коммуникативную функцию, объединяя и сплачивая народ в его помыслах, верности абсолютным ценностям Православия, Родины, духовности, а в целом — священной Соборности. Поэтому социальная роль колоколов и звонов в России в этом аспекте представляется важной и особо значимой» [3].

Таков краткий обзор деятельности кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории. Заложенные традиции продолжают следующие поколения педагогов и студентов. Коллектив, сохраняя и воплощая лучшие традиции народной культуры, открыт к творческому сотрудничеству в совместных патриотических проектах.

Литература

1. Кафедра народного пения и этномузыкологии // Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова : [сайт]. URL : <https://sarcons.ru/education/faculties/departments/kafedra-narodnogo-peniya-i-etnomuzykologii/> (дата обращения: 12.08.2024).
2. Кузнецова Д. А., Бондаренко М. В. Свадебные песни терских казаков : науч.-метод. пособ. для народного ансамбля без сопровождения : [Ноты]. Саратов : Саратовская гос. консерватория, 2018. 126 с.
3. Рукописи А. С. Ярешко // Личный архив Михайловой А. А.
4. Ярешко П. В. Воинский фольклор казаков Кубани: история, функциональность, музыкальная стилистика : дисс. ... канд. искусствоведения. Саратов, 2016. 234 с.
5. Никитенко О. Г. Песенная традиция казаков Верхнего Дона: фольклорное интонирование и речевой диалект : дисс. канд. искусствоведения. Саратов, 2018. 313 с.

Alevtina A. MIKHAILOVA,

Dr. Sci. (Music Art), Prof., Herd, Department of Folk Singing
and Ethnomusicology, L. V. Sobinov Saratov State Conservatory,
Saratov, Russia, jareshko@mail.ru.

**Cossack Traditions in the System of Scientific
and Creative Priorities of the Department of Folk Singing
and Ethnomusicology of the L. V. Sobinov Saratov State Conservatory**

The paper is a brief overview of the activities of the Department of Folk Singing and Ethnomusicology of the L. V. Sobinov Saratov State Conservatory. Its purpose is to present the main milestones in its development: from its creation to the present day. The defining role of its creator, Prof. L. L. Christiansen, is shown. The main attention is paid to the activities of his successor, Prof., Dr. Sci., D. S. Likhachev Prize laureate A. S. Yareshko, who headed the department for more than 40 years (until 2018). Various creative innovations in the implementation of concert programs are shown, the research work of the department, work in various departments are highlighted. Special attention is paid to the special contribution by A. S. Yareshko to the revival of the foundations of Orthodox culture — Russian Orthodox bells. The work is based on archival materials of the author.

Keywords: L. V. Sobinov Saratov State Conservatory, Department of Folk Singing and Ethnomusicology, Lev L. Christiansen, Alexander S. Yareshko, Elena A. Sapogova, The Saratov Accordion Sounds, the Association of Bell Art of Russia, belfry, Ural Russian Folk Choir.

С. Н. Орлов*

**Цифровая среда как социальный феномен
и её культурологический потенциал**

В статье рассмотрены разные варианты понятия «цифровая среда», его структура и качественные особенности. Проанализировано содержательное наполнение цифровой среды, динамика потоков, массивов и сервисов. Сделаны выводы о значительном росте объёма, структурном усложнении. Определён состав субъектов цифровой среды и охарактеризована их цифровая активность, которая рассмотрена с двух сторон: как активность в выставлении собственного контента и как активность в запросах, поиске

* ОРЛОВ Сергей Николаевич, аспирант Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Москва, Россия, orlovsn_99@mail.ru.

и потреблении цифрового контента. Показана роль цифрового профиля пользователя, который становится инструментом адресного продвижения контента. Дана оценка степени влияния всех составных элементов цифровой среды на отдельные направления цифровой трансформации современного общества, выявлен культурологический потенциал цифровой среды и цифровой активности её субъектов.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровизация, цифровая трансформация общества, цифровой профиль, цифровая зрелость, цифровая активность, цифровой контент, цифровые объекты.

Широкое использование цифровых технологий радикально изменило современное общество. Социальная жизнь подавляющего числа активных субъектов, в качестве которых выступают как управленческие, производственные и коммерческие структуры, так и отдельные граждане, во всех видах своих взаимодействий постепенно перетекает в цифровую среду, которая привлекает множеством новых возможностей в плане динамики и простоты решения проблем. В цифровой среде многие ранее труднореализуемые действия стали выполняться значительно эффективнее, как с точки зрения необходимости приложения физических, организационных усилий, так и финансовых затрат. Она становится влиятельной силой, способной решить множество задач. В ней вращается большой объём финансовых средств, делающих её привлекательной для самых разнообразных коммерческих операций.

И хотя разработать единую правовую базу для цифровой среды пока не удаётся, постепенно складываются правила сетевого поведения отдельных субъектов в процессах их делового взаимодействия. Поэтому цифровая среда, наполняемая самым разнообразным контентом и организующими его сервисами, стремительно растёт в своих объёмах, усложняется содержательно и в типо-видовом (жанровом) отношении. Формируются системообразующие связи между структурными элементами, которые выстраиваются в оригинальную конфигурацию — структуру. Основные компоненты этой структуры уже сформированы, определены центры, контролирующие её языковые сегменты, успешно работают функционально-ориентированные сектора, а множество производителей контента содержательно наполняют её в ежедневном режиме.

Понятие цифровой среды используется в достаточно большом числе публикаций. Прежде всего, этим термином активно оперируют разработчики государственных стратегических документов, в которых он позиционируется как современный тренд, определяющий перспективное направление глубокой трансформации общества [8].

Активно и многоаспектно ведутся также научные исследования этого феномена. Прежде всего, проблематика цифровой среды, с точки зрения её технологических возможностей и перспектив внедрения новых программ и сервисов, разрабатывается в компьютерных науках (см.: [4] [6]). Специалисты в области компьютерной безопасности исследуют риски, возникающие из-за появившейся возможности анонимно вести противоправную деятельность в цифровой среде. Правоведы с целью поиска адекватных способов предотвращения компьютерных преступлений ищут возможность выстроить соответствующую систему законодательных норм.

Социальные и гуманитарные науки также не остаются в стороне от исследования последствий внедрения новых технологий. Наибольшей уклон в эту проблематику, безусловно, демонстрируют исследования в области цифровой экономики (см.: [6] [7]). Но влияние цифровизации на отдельного индивида, социальные группы и в целом всё общество не менее активно исследуется в социологии, культурологии, педагогике, психологии, теории массовых коммуникаций (см. [2] [10]). Складывается новая ветвь «цифровой» философии, ведущей поиск смысла и роли философской рефлексии в меняющемся мире (см.: [1] [3] [5]).

Но исследования ведутся внутри каждой ветви обособленно, в рамках своих чётко очерченных задач. Теоретических исследований, в которых бы комплексно рассматривались все аспекты цифровой среды как целостного социального феномена, включая терминологические вопросы, характеристику сущности, границ, структуры и составляющих её элементов, анализ качественных особенностей с оценкой степени их влияния на отдельные стороны современного общества, пока недостаточно. Это обстоятельство и предопределяет актуальность данной работы.

Объектом данной работы является цифровая среда, рассматриваемая как целостный социальный феномен, возникший объективно на определённом технологическом уровне развития общества. Предметом рассмотрения выступает её культурологический потенциал, выявляемый с помощью анализа влияния качественных особенностей цифровой среды на отдельные стороны современного общества.

Цель работы — на основе системного подхода к феномену «цифровая среда» выявить его культурологический потенциал, оказывающий существенное влияние на глубокую цифровую трансформацию современного общества. Цель реализуется посредством рассмотрения следующих задач:

- проанализировать содержательное наполнение термина «цифровая среда» и связанных с ним родственных терминов;
- охарактеризовать структуру, границы и качественные особенности цифровой среды;
- определить состав субъектов цифровой среды и охарактеризовать их цифровую активность;
- оценить культурологический потенциал цифровой среды и цифровой активности её субъектов.

Теоретическое исследование сущности исследуемого феномена предполагает первоначальное погружение в его семантику. Это означает необходимость определения его содержательного наполнения, нахождения наиболее пригодной дефиниции, разграничения с группой родственных терминов и выявления их взаимосвязей.

На вопрос: «Что же такое — цифровая среда?», — «Википедия» даёт следующий ответ: «Цифровая среда — это интегрированная коммуникационная среда, в которой цифровые устройства обмениваются контентом и действиями в нем и управляют ими».

Принять за основу эту дефиницию было бы неверным решением, поскольку в ней грубо нарушена логика. Во-первых, цифровая среда определяется как разновидность интегрированной коммуникационной среды, по правилам логики, которая должна быть более широким понятием. Но что это такое — справочный ресурс никак не поясняет. Можно сделать вывод, что это, возможно, попытка определить объект через синоним, но попытка неудачная, поскольку используемый синоним не относится к общепринятым и это никак не проясняет ситуацию, а ещё более её запутывает.

Во-вторых, из этого определения можно сделать вывод, что цифровая среда наполнена цифровыми объектами и это её основная характеристика. Это также можно рассматривать как логическую ошибку, поскольку, по правилам, определять объект посредством его составных частей нельзя.

В-третьих, в дефиниции отсутствует субъект — лицо активное, усилиями которого эта среда создаётся и в которой он функционирует.

В методическом пособии «Цифровая образовательная среда электронного обучения» авторы сформулировали собственное определение цифровой среды: «Цифровая среда — система условий и возможностей, подразумевающая наличие информационно-коммуникационной инфраструктуры и предоставляющая человеку набор цифровых технологий

и ресурсов для самореализации, лично-профессионального развития, решения различных бытовых и профессиональных задач» [10, с. 48].

Несмотря на то, что всех строгих логических правил это определение не выдерживает, но, исходя из задач гуманитарных наук, оно выглядит наиболее приемлемо.

Близкое к этому определение представлено в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [8]. Но оно сделано применительно не к цифровой среде, а к информационному пространству: «информационное пространство — совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры» [8]. Этот факт выступает свидетельством того, что терминсистема в информационной сфере динамично меняется и ещё окончательно не сложилась. Но уже в группе терминов этой направленности произошёл поворот от прилагательного «информационный» к прилагательному «цифровой». В частности, речь идёт о таких терминах, как:

- цифровизация, которая трактуется как «улучшение существующих процессов путем внедрения информационных технологий, оптимизации и реинжиниринга, а также анализа данных для принятия решений» [9, с. 22];
- цифровая трансформация общества — глубокое преобразование с помощью цифровых инструментов всех его сфер, что способствует обретению им качеств принципиально нового уровня. Цифровизация и цифровая трансформация общества рассматриваются как определённые этапы в развитии общества, следующие один за другим. Предполагается, что этап цифровизации нами уже практически пройден, а на повестке дня сегодня стоит задача цифровой трансформации, базирующейся на соединении возможностей технологий и традиционной сферы деятельности организаций, что приводит к появлению новых продуктов и процессов с принципиально иными качествами;
- цифровая зрелость — показатель, актуальность которого возрастает в условиях перехода к цифровой трансформации общества, характеризующий отдельные регионы, отрасли или предприятия с точки зрения достижения ими современного

уровня цифровизации в процессах управления и деловой деятельности;

- цифровой след — факт, свидетельствующий об активном или пассивном присутствии пользователя в сети: это информация, оставлённая в результате просмотра пользователем веб-страниц и сохранённая в виде куки (cookie), а также любая информация о гражданине или организации, содержащаяся в различных базах данных и попавшая в цифровую среду разными путями;
- цифровой профиль пользователя и профессионала, который формируется автоматически посредством агрегации оставленных ими в сети цифровых следов.

Таким образом, анализ терминосистемы, сопровождающей становление цифровой среды, выявивший появление принципиально новых терминов и понятий, свидетельствует об уровне её сформированности и о внутренней специфике.

Сущность и особенности цифровой среды особенно чётко просматриваются в сравнении с естественной средой проживания человека. В естественной среде любой рукотворный объект, нужный для решения возникших на данном этапе развития задач, создаётся интеллектуальными и физическими усилиями человека. Благодаря этим усилиям она технологически и социально постоянно усложняется.

Цифровая среда, являясь её продолжением, также выстроена человеком в ответ на значительно возросшие потребности. Сформировавшись внутри естественной среды обитания человека, она территориально располагается в пределах пространства сетевого покрытия стационарной и мобильной связи. Сегодня основные компоненты цифровой среды включают веб-сайты, облачные серверы, поисковые системы, социальные сети, мобильные приложения, аудио- и видеоматериалы и другие веб-ресурсы.

Но как бы она ни была высокотехнологичной, она неизбежно должна быть ориентирована на особенности человеческой физиологии и психики: на его органы чувств, мелкую моторику рук, возможности восприятия, особенности мышления и т. д. В результате эта цифровая среда неизбежно несёт в себе некий отпечаток человеческой сущности — человеческий характер.

На первых этапах её создания она виделась аналогом некоего собрания текстов, наподобие библиотеки, но с новыми технологическими

возможностями их загрузки, систематизации, поиска, распространения и других манипуляций с ними. Поэтому первоначально базовыми элементами цифровой среды были текстовые редакторы, поисковые машины, форматы и метаданные электронных публикаций. Благодаря им цифровая среда быстро наполнилась разным контентом. Она пошла на встречу вековым чаяниям рядового человека: позволяла копировать, пересылать, заимствовать текстовые куски, снимая ограничения по объёму, минуя сложные вопросы оформления, также создавать свои текстовые сообщения, выводить их во всеобщее пользование не только адресно, но и эмиссионно — в некое общее хранилище.

Таким образом, цифровая среда наполнилась цифровым контентом, каждая единица которого состоит не только из текста, но и из метаданных, используемых поисковыми машинами.

Цифровой контент организован в потоки, которые характеризуются динамикой, измеряемой количеством появляющегося нового контента в единицу времени, и внутренней структурой. Некоторые потоки организационно оформлены, структурно упорядочены и регулярно пополняются благодаря сайтам, порталам, новостным агрегаторам, каналам, зарегистрированным в качестве СМИ.

Льющиеся из них информационные потоки наполняют массивы, представляющие системно упорядоченные базы данных. В составе массивов первоначально были просто печатные издания, переведённые в электронную форму, оцифрованные копии исторических источников и редких изданий, фотографии, аудиозаписи и фильмы. Вскоре появился контент, изначально создаваемый в электронной форме. Его производили новостные агрегаторы, сетевые издания, электронные средства обучения и т. д. К ним добавились многочисленные публикации на официальных сайтах учреждений и организаций в разных жанрах и форматах. Таким образом, в цифровой среде сформировались функционально-ориентированные сектора: в сфере государственного управления; в банковской сфере и коммерции; в сфере медиакоммуникации; в сфере образования и т. д.

В условиях привлечения широких масс пользователей сети различные мессенджеры позволяют формировать самодетельный контент. В результате их количественный объём значительно увеличился, а число разновидностей существенно обогатилось. В рамках новой электронной культуры зародился новый феномен — «сетевое» искусство, основанное на использовании цифровых технологий в качестве инструмента, кото-

рые объединяются в четыре основных вида: компьютерную графику, интерактивный компьютерный перформанс, компьютерную музыку, компьютерную анимацию.

Большую популярность обрели аудио- и видеоресурсы. Интернет содержит в себе огромный массив кинофильмов, записей спектаклей, видеоклипов и видеороликов, реконструкций в виртуальной и расширенной реальности, новые интерактивные произведения, произведения сетевой литературы. И сегодня они уже представляют ценность как объекты цифровой культуры. Значительная их часть в интернете производится, распространяется и хранится вне государственных и рыночных каналов, прежде всего, частными лицами, общественными организациями и неформальными коллективами.

В настоящее время процесс наполнения цифровой среды стабилизировался. Уже определены основные потоки вводимой информации, организационно оформились источники производства информации, стабилизировались точки хранения — массивы, усовершенствовались поисковые системы. Цифровая среда живёт полноценной жизнью. Миллионы пользователей ежедневно проводят в ней значительную часть своего свободного и рабочего времени.

Но следует отметить особое качество цифровой среды. Пребывание каждого пользователя в ней фиксируются. На основании оставленных им цифровых следов формируется его цифровой профиль, по которому алгоритм позволяет отследить его цифровую активность.

Цифровая активность может быть охарактеризована двояко: как активность в выставлении собственного контента, а также как активность в запросах, поиске и потреблении. Это разные виды цифровой активности. Первую разновидность можно охарактеризовать с точки зрения количественных параметров. Цифровой профиль позволяет отследить, какое количество контента в единицу времени выставляет субъект. Можно просчитать выставляемый контент по его текстовому объёму, жанровой разновидности и интенсивности, установить, сколько текстовых сообщений, законченных произведений, фото, видеороликов и других разновидностей выставляет производитель контента в единицу времени. Это характеризует его активность с точки зрения интенсивности предпринимаемых усилий и отражается в его цифровом профиле.

Пользовательская цифровая активность несколько другая. У пользователей сегодня широкий ассортимент инструментов для оценки выставляемого контента. Его интерес к тому или иному контенту может

быть просчитан с точки зрения интереса к определённой тематике: алгоритмы цифровой среды фиксируют факты запросов по тому или иному адресу, время, затраченное на прочтение/просмотр/прослушивание того или материала. В качестве инструмента оценки использованного контента выступают лайки, комментарии, скачивания, репосты. И чем это интенсивнее действия пользователя, тем большую цифровую активность он демонстрирует.

Пользовательский цифровой профиль стал неким активно используемым инструментом в условиях необходимости адресного продвижения контента. Он используется для управляемого воздействия на потребителя в разных целях: рекламных, идеологических, воспитательных, для решения производственных задач и т. д.

Таким образом, формирующееся цифровое пространство сложное, изменчивое и крайне разнообразное. Несмотря на ряд принципиально новых технологических решений, его параметры не всегда объективно отражают реальное положение дел. Как и в реальности, в цифровой среде противостоят положительные, позитивные силы и мошеннические, провокационные технологии. Цифровая среда стала питательной почвой различных противоправных действий. Ведь алгоритм можно обмануть, данные по подсчётам цифровой активности можно «накручивать», просмотры и лайки можно повышать, создавать поддельные сайты, содержание фейковые и дипфейковые сообщения. На кону стоят интеллектуальные права, бизнес-интересы, вопросы морали и т. д.

Перечисленные нами качества цифровой среды формируют новую реальность. Но и застарелые болезни общества никуда не уходят. Упрощая одни задачи, стоящие перед человечеством, цифровая трансформация ставит новые, в итоге оказывающиеся более сложными для разрешения, несущие в себе массу негативных черт, что заставляет человеческую мысль ещё более активно работать над их преодолением.

Литература

1. *Елькина Е. Е.* Автотрофный проект — ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2020. № 22. С. 57–70.
2. *Жижина М. В.* Медиапсихология: исторический экскурс в становление научной дисциплины // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. № 4. С. 10–19.

3. Макулин А. В. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. : Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 76–86. DOI : 10.17238/issn2227-6564.2016.2.76.
4. Панов В. И., Патраков Э. В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М. : Университетская книга, 2020. 199 с.
5. Соловьева Л. Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12. С. 40–43. DOI : 10.24158/fik.2018.12.6.
6. Сорочайкин И. А. Человек в эпоху цифровой реальности // Эксперт: теория и практика. 2021. № 4. С. 42–45. DOI : 10.51608/26867818_2021_4_42.
7. Сорочайкин И. А. Цифровая реальность: от Homo Economicus к Homo Digital // Экономика, управление и право в современных условиях. Вып. 41 : сб. ст. Тольятти : ИССТЭ, 2021. С. 59–62. DOI : 10.51608/23104392_2021_41_59.
8. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL : <https://docs.cntd.ru/document/420397755> (дата обращения: 01.02.2024).
9. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е. Г. Потаповой, П. М. Потеева, М. С. Шклярук. М. : РАНХиГС, 2021. 184 с.
10. Цифровая образовательная среда электронного обучения : метод. пособ. / Е. Е. Дурноглазов [и др.]. Курск : Курский ин-т развития образования, 2019. 64 с.

Sergey N. ORLOV,

Postgraduate Student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia, orlovsn_99@mail.ru.

Digital Environment as a Social Phenomenon and its Cultural Potential

The paper examines the content of the concept of “digital environment”, its structure and qualitative features. The content of the digital environment, the dynamics of flows, arrays and services analyzed. Conclusions drawn about a significant increase in volume and structural complexity of this one. The composition of the subjects of the digital environment determined and their digital activity characterized, which considered

from two sides: as an activity in exposing your own content, and as an activity in querying, searching, and consuming digital content. The role of the user's digital profile, which becomes a tool for targeted content promotion, shown. The assessment of the degree of influence of all the constituent elements of the digital environment on certain areas of digital transformation of modern society given, the cultural potential of the digital environment and the digital activity of its subjects revealed.

Keywords: *digital environment, digitalization, digital transformation of society, digital profile, digital maturity, digital activity, digital content, digital objects.*

Научное издание

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КAVKAZA
КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

Сборник научных статей
по итогам IX международного научного форума

*Ответственный редактор
Горлова Ирина Ивановна*

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*
Корректор: *И. А. Птицын*
Компьютерная вёрстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru

Это и другие издания вы можете бесплатно скачать
на сайте Института Наследия —
www.heritage-institute.ru, раздел «Издания»